

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»

Р. П. Попова, С. А. Сажина

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ КОМИ ДИАЛЕКТОВ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Монография

Сыктывкар
Издательство СыктГУ
2014

УДК 81-2
ББК 81.2-2
П 58

*Печатается по постановлению научно-технического совета
ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»*

Рецензенты:

Е.Н. Федосеева, канд. филол. наук, науч. сотр. сектора языка
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН;

М.С. Федина, начальник Центра инновационных языковых технологий,
доцент кафедры социально-политических процессов
и регионоведения КРАГСИУ, канд. филол. наук

Попова, Р.П., Сажина, С.А.

П 58 Фонетические и морфологические особенности коми диалектов
(сравнительный аспект исследования) : монография / Р. П. Попова,
С. А. Сажина. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.

ISBN 978-5-87237-973-7

В монографии детально проанализированы фонетика и морфология коми-зырянских диалектов в сравнительном аспекте: последовательно рассмотрены системы вокализма и консонантизма, специфика грамматических категорий, выявлены тенденции распространения диалектных фонетических и морфологических явлений.

Может быть использована студентами-филологами высших и средних специальных учебных заведений при изучении курса «Коми диалектология», а также исследователями в области коми и финно-угорского языкознания, интересующимися диалектными особенностями коми языка.

**УДК 81-2
ББК 81.2-2**

ISBN 978-5-87237-973-7

© Попова Р.П., Сажина С.А., 2014
© ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Введение	8
Коми-зырянское диалектное пространство	8
Краткая история изучения коми-зырянских диалектов	11
Глава 1. ФОНЕТИКА	18
1.1. Вокализм	18
1.1.1. Качество гласных в коми диалектах	18
1.1.2. Долгие гласные	26
1.1.3. Фонетические явления в области гласных	29
1.1.3.1. Ассимиляция гласных звуков	29
1.1.3.2. Выпадение гласных	32
1.1.3.3. Вставка неэтимологических гласных	35
1.1.3.4. Междиалектная корреспонденция гласных	36
1.1.4. Словесное ударение в диалектах коми языка	45
1.2. Консонантизм	48
1.2.1. Артикуляционная характеристика согласных и их дистрибуция ..	49
1.2.2. Фонетические явления в области согласных	61
1.2.2.1. Функционирование согласных [л] и [в]	61
1.2.2.2. Аффрикаты в коми диалектах	67
1.2.2.3. Вставочные согласные звуки	73
1.2.2.4. Ассимиляция согласных звуков	79
1.2.2.4.1. Прогрессивная ассимиляция	79
1.2.2.4.2. Регрессивно-прогрессивная ассимиляция	81
1.2.2.4.3. Регрессивная ассимиляция	82
1.2.2.5. Варьирование [к] ~ [т'], [г] ~ [д'] в начале слова	86
1.2.2.6. Употребление палатальных согласных [т'] и [д'] в конце корневой морфемы	88
1.2.2.7. Метатеза	89
Глава 2. МОРФОЛОГИЯ	91
2.1. Существительное	91
2.1.1. Категория числа	91
2.1.1.1. Вариативный ряд -йас ~ -С'ас ~ -йа ~ -С'а	92
2.1.1.2. Вариативный ряд -йэс ~ -С'эс ~ -эс	94
2.1.1.3. Вариативный ряд -йöс ~ -С'öс	94
2.1.1.4. Вариативный ряд -йан ~ -ан	94
2.1.2. Категория притяжательности	95
2.1.3. Категория падежа	99

2.1.3.1. Основное склонение	100
2.1.3.2. Притяжательное (смешанное) склонение	125
2.1.4. Суффиксы субъективной оценки существительных	130
2.1.4.1. Суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением	130
2.1.4.2. Суффиксы с пренебрежительным оттенком	132
2.2. Прилагательное	133
2.2.1. Множественное число прилагательных	133
2.2.2. Категория степеней сравнения	134
2.2.2.1. Позитив (основная форма)	134
2.2.2.2. Компаратив (сравнительная степень)	135
2.2.2.3. Суперлатив (превосходная степень)	136
2.2.3. Категория степеней качества	138
2.2.3.1. Степень полноты качества	138
2.2.3.2. Степень неполноты качества	139
2.2.3.3. Степень усиления качества	143
2.3. Числительное	150
2.3.1. Структурные типы числительных	150
2.3.2. Лексико-грамматические разряды числительных	152
2.3.3. Грамматические категории числительного	153
2.3.3.1. Категория порядковости	153
2.3.3.2. Категория собирательности	155
2.3.4. Транспозиция числительных	156
2.3.5. Заимствование русских числительных	157
2.4. Местоимение	158
2.4.1. Субстантивные местоимения	159
2.4.1.1. Личные местоимения	159
2.4.1.2. Усилительно-личные местоимения	165
2.4.1.3. Указательные местоимения	170
2.4.1.4. Обобщенно-определятельные местоимения	173
2.4.1.5. Вопросительно-относительные местоимения	175
2.4.1.6. Отрицательные местоимения	177
2.4.1.7. Неопределенные местоимения	178
2.4.2. Адъективные местоимения	179
2.4.2.1. Усилительно-притяжательные местоимения	179
2.4.2.2. Вопросительно-относительные местоимения	180
2.4.2.3. Неопределенные местоимения	181
2.4.2.4. Отрицательные местоимения	182
2.4.2.5. Обобщительно-определятельные местоимения	183
2.4.2.6. Указательные местоимения	184
2.4.3. Квантитативные местоимения	185
2.4.3.1. Вопросительные местоимения	185
2.4.3.2. Указательные местоимения	186

2.4.3.3. Неопределенные местоимения	187
2.4.3.4. Отрицательные местоимения	188
2.4.4. Адвербиальные местоимения	188
2.4.4.1. Вопросительные местоимения	190
2.4.4.2. Указательные местоимения	191
2.5. Глагол.....	193
2.5.1. Категория наклонения	193
2.5.1.1. Изъявительное наклонение.....	193
2.5.1.2. Повелительное наклонение	194
2.5.2. Категория лица-числа.....	197
2.5.2.1. Показатели 1 лица единственного числа	197
2.5.2.2. Показатели 1 лица множественного числа	198
2.5.2.3. Показатели 2 лица единственного числа	201
2.5.2.4. Показатели 2 лица множественного числа	202
2.5.2.5. Показатели 3 лица единственного числа	206
2.5.2.6. Показатели 3 лица множественного числа	208
2.5.3. Категория времени	211
2.5.3.1. Настоящее время	211
2.5.3.2. Будущее время	212
2.5.3.3. Прошедшее время	213
2.5.4. Инфинитивные формы глаголов.....	216
2.5.4.1. Инфинитив	216
2.5.4.2. Причастие	220
2.5.4.3. Деепричастие.....	223
2.6. Наречие	227
2.6.1. Степени сравнения наречий.....	227
2.6.2. Степени качества наречий.....	228
 Заключение.....	 230
 Библиографический список	 234
 Сокращения	 244
 Приложения.....	 246

ПРЕДИСЛОВИЕ

Территориальные диалекты коми языка составляют важный пласт его существования как языка коми народа, основу образования национального языка. Актуальность диалектологических исследований обусловлена тем, что диалекты представляют собой особый уникальный тип разговорной речи, отражающий многовековой опыт духовной и материальной культуры коми народа. Территориальные разновидности коми языка – основной источник обогащения и развития литературного языка; они имеют важное значение в разработке проблем истории коми народа. Необходимость всестороннего исследования и описания диалектов диктуется также современной лингвистической ситуацией, при которой усиливается влияние литературного языка и сужается сфера функционирования коми диалектов.

Настоящее исследование представляет собой опыт обобщающего сравнительного изучения коми-зырянских диалектов, предметом которого являются фонетические и морфологические особенности коми-зырянских диалектов.

Актуальность проблематики исследования связана с необходимостью систематизации и обобщения обширного материала, собранного учеными за всю историю изучения коми диалектов. Значительные успехи коми диалектологии в деле изучения и описания территориальных разновидностей языка создают основу для изучения диалектов в сравнительном аспекте, для описания в сравнительно-сопоставительном плане отдельных грамматических классов слов с целью создания обобщающих работ.

Монография состоит из двух глав. Первая глава посвящена описанию звукового строя коми диалектов: характеристике вокалической и

консонантной систем и рассмотрению отдельных фонетических явлений, связанных с особенностями употребления гласных и согласных звуков (автор – Р.П. Попова). Во второй главе проведено детальное сравнительное исследование диалектной морфологии знаменательных частей речи (автор разделов ‘Существительное’, ‘Прилагательное’, ‘Числительное’, ‘Местоимение’ – С.А. Сажина; автор разделов ‘Глагол’, ‘Наречие’ – Р.П. Попова). В работе в качестве основного материала по диалектам были использованы монографии по отдельным диалектам, ‘Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов’, ‘Образцы коми-зырянской речи’, сборники диалектных текстов ‘Zyrtjan Texts’ К. Редери и ‘Sytjänische Texte’ Т. Уотилы, а также авторский полевой диалектный материал.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования найдут применение в вузовской практике преподавания диалектологии и исторической грамматики Сыктывкарского государственного университета, на филологическом факультете Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Основные результаты работы могут быть использованы при создании учебных и методических пособий, разработке основных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по коми диалектологии. Кроме того, полученные данные могут быть применимы в решении некоторых важнейших теоретических проблем исторической диалектологии коми языка.

Работа предназначена для научных работников, преподавателей коми языка, аспирантов, магистрантов, бакалавров и всех тех, кто интересуется языком и культурой коми народа.

ВВЕДЕНИЕ

Коми-зырянское диалектное пространство

Современные диалекты коми языка занимают обширную территорию Предуралья. *Коми-зырянские диалекты* – территориальные разновидности коми языка, являющиеся средством коммуникации различных групп коми-зырян. Традиционно в коми диалектологии по территориальному признаку принято выделять десять зырянских диалектов, названных по наименованию рек, в бассейнах которых они распространены.

По наличию общих и отличительных признаков коми-зырянские диалекты разделяются на *северную* (вымский, ижемский, удорский, нижневычегодский) и *южную* (среднесысольский, верхнесысольский, лузско-летский) группы. Верхневычегодский и печорский диалекты являются диалектами позднего образования, сформировавшимися в последние два-три столетия за счет внутренних миграций представителей разных диалектов. Присыктывкарский диалект, положенный в основу коми литературного языка, является переходным диалектом от среднесысольского к нижневычегодскому (ОКЗР: 5).

Лузско-летский диалект, имеющий много общих черт с коми-пермяцкими диалектами, распространен в бассейне р. Лузы и в верховьях р. Летки. *Верхнесысольский* диалект распространен в верховьях рр. Сысола и Кобра (притока р. Вятки). От всех других коми-зырянских диалектов верхнесысольский диалект отличается наличием особой фонемы – закрытого *ô* (например, *пон* ‘конец’ – *пôn* ‘собака’; *корс'а* ‘ищу’ – *кôрс'а* ‘веник’; *кос* ‘промежуток’ – *кôс* ‘сухой’) (Лыткин 1930: 32). Современный верхнесысольский диалект

обнаруживает сходство с коми-пермяцкими диалектами и языком Кировских пермяков. Территория *среднесысольского* диалекта охватывает бассейн среднего течения р. Сысолы от с. Пажга до с. Палауз включительно. На юге он граничит с верхнесысольским и лузско-летским диалектами, на севере – с присыктивкарским, на востоке – с верхневычегодским диалектом. *Присыктивкарский* диалект распространен в г. Сыктывкаре и прилегающих к нему населенных пунктах по р. Сыsole до с. Шошка и по р. Вычегде до дд. Парчег и Красная включительно. Являясь географически центральным, данный диалект связывает три крупных диалекта: среднесысольский, верхневычегодский и нижневычегодский. *Нижневычегодский* диалект занимает территорию среднего течения р. Вычегды с ее притоком р. Пожег. На севере данный диалект граничит с удорским и вымским диалектами, на западе – с русскими говорами Архангельской области, на юго-востоке – с присыктивкарским диалектом. Носители *вымского* диалекта проживают в Княжпогостском районе РК, на территории верхнего и среднего течения р. Вымь, а также вблизи о. Синдор. По своему составу диалект неоднороден, в нем выделяют верхневымские, средневымские и переходные говоры (Ляшев 1975: 14). *Удорский* диалект расположен на территории верхнего и среднего течения р. Вашки и верхнего течения р. Мезени. Многочисленные специфические особенности удорского диалекта свидетельствуют о его связях с другими северными коми-зырянскими диалектами, а также с коми говорами Прикамья. По языковым особенностям в удорском диалекте выделяют пять говоров: верхневашкинский, нижневашкинский, верхнемезенский, среднемезенский и нижнемезенский (УД: 9). *Ижемский* диалект распространен в бассейнах рр. Ижма, Печора, Уса. На севере ижемский диалект граничит с русскими и ненецкими говорами, на западе – с русскими и вымскими, на юге – с верхневычегодским диалектом и на востоке – с печорским диалектом. Большое количество ижемских коми проживает вне пределов РК: в Тюменской, Архангельской и Мурманской областях. Много общего данный диалект обнаруживает с вымскими говорами. *Верхневычегодский* диалектный ареал охватывает бассейн верхней Вычегды с ее притоками рр. Локчим,

Вишера, Вочь и др. Верхневычегодский диалект по количеству говорящих на нем является самым крупным из всех коми-зырянских диалектов. О формировании диалекта на базе других диалектов говорит его неоднородный характер. К примеру, по признаку чередования *л-в* верхневычегодский диалект характеризуется наличием четырех типов говоров: эловых, вэ-эловых, нуль-эловых и смешанных. Большая часть носителей данного диалекта говорит на вэ-эловом диалекте, население Керчомского, Пожегодского и Вочевского сельсоветов – на эловом. Носители нуль-эловых говоров проживают по р. Вишере и в Усть-Куломском, Усть-Немском, Мыелдинском сельсоветах. Смешанные (переходные от элового к вэ-эловому) говоры распространены в верховьях р. Вычегды (ВВД: 7). *Печорский* диалект распространен в верховьях р. Печоры. На севере диалект граничит с ижемским диалектом, на юго-западе – с верхневычегодским, на юге – с одним из русских говоров. Печорский диалект, сформировавшийся на базе среднесыольского и верхневычегодского, обнаруживает с ними ряд общих черт.

Каждый из десяти зырянских диалектов обладает специфическими чертами на всех уровнях языка. К наиболее общим дифференцирующим признакам коми-зырянских диалектов, лежащим в основе традиционной классификации, относятся следующие: 1) варьирование [л] ~ [в]; 2) корреспонденция гласных [ö] // [э] в первом слове; 3) корреспонденция [ы] // [и] в первом слове; 4) корреспонденция конечных слогов [ɔ'] ~ [йɔ] // [m'] ~ [йт]. Помимо указанных дифференцирующих признаков фонетического характера, коми-зырянские диалекты имеют определенные различия на уровне морфологии, словообразования, лексики. Однако в целом они характеризуются единством языковой системы, которое исходит из общности их происхождения.

Краткая история изучения коми-зырянских диалектов

Период зарождения коми диалектологии характеризуется преобладанием текстовых и лексических публикаций. Первые образцы коми-зырянской речи в виде отдельных слов и предложений были зафиксированы в полевых записях путешественников XVII–XVIII вв. Н. Витзена, Д.Г. Мессершмидта, Ф. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа и др. Диалектные различия нашли свое отражение в переводах церковной и учебной литературы, издаваемой в XIX – нач. XX вв. Диалектная лексика была зафиксирована в словарях XIX в. П.И. Савваитова, Г.С. Лыткина, Ф. Видемана, Н.П. Попова, И.А. Куратова и др. В начальный период развития коми диалектологии большой вклад в дело собирания и изучения коми диалектов внесли зарубежные ученые А.М. Шёгрэн (1827), М. Кастрен (1843), Ю. Вихман (1901–1902), Д.Р. Фокош-Фукс (1911, 1913), Т. Уотила (1930, 1942–1943).

Большой интерес к изучению коми языка проявлял академик А.М. Шёгрэн. В 1827 г. он побывал на Коми земле, посетил Усть-Вымь, Серегово, Часово, Усть-Сысольск, Ньючим, Вотчу, Ужгу. В ходе экспедиции ученый исследовал местные говоры, собирал народные песни, предания. Во время поездки в Коми край А.М. Шёгрэн собрал материал для грамматики коми языка, для составления словарей, но смог опубликовать лишь одну работу «Ueber den grammatischen Bau der sūrjänischen Sprache mit Rücksicht auf das Finnische» (О грамматическом строе зырянского языка в сопоставлении с финским) (Sjögren 1832). После смерти А.М. Шёгрена была опубликована еще одна работа, составленная по материалам, собранным им во время экспедиции по Вологодской и Пермской губерниям, под названием «Die Sytjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch» (Зыряне, историко-статистическо-филологический опыт) (КЯ: 563).

Начало изучению коми диалектов в полевых условиях было положено финскими учеными М. Кастреном, Ю. Вихманом и венгерским языковедом Д.Р. Фокош-Фуксом.

В 1843 г. М. Кастрен побывал в низовьях Печоры, в Усть-Цильме, Ижме и Колве, где изучал коми и ненецкий языки. В 1844 г. в

Хельсинки была издана его грамматика «Elementa grammatices Syrgjaenae» (Первоначальные сведения о грамматике зырянского языка), составленная на материале ижемского диалекта (Castrén 1844).

Ощутимых результатов в деле собирания и изучения коми диалектов достиг финский ученый Ю.Вихман. Собранные им диалектные тексты дают исключительно хороший материал для сравнительного изучения диалектов коми языка. Во время поездки в Коми край Ю. Вихман посетил Усть-Сысольск, Визингу, Ношуль, Объячево, Летку, а также коми-пермяцкое село Юсьва. С 1901 г. по 1902 г. он исследовал 9 из 10 коми-зырянских диалектов и один из коми-пермяцких – юсьвинский (современный кудымкарско-иньвенский), часть с помощью информантов – уроженцев сел диалектных регионов (иж., печ., уд., вым., нв., вв.), часть аудитивным методом (скр., сс., лл., юсьв.). Впервые исследователь выделил *летский* диалект, который до этого в научной литературе не фигурировал. Собранные Ю.Вихманом диалектные тексты – образцы коми народной поэзии – были изданы в 1916 г. отдельным сборником под названием «Syrjänische Volksdichtung» (Коми-зырянская народная поэзия) (Wichmann 1916). Все диалектные тексты записаны в финно-угорской транскрипции и переведены на немецкий язык. Лексический материал с основными грамматическими сведениями вошел в словарь «Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre» (Словарный запас коми-зырянского языка вместе с основными чертами морфологии) (около 10000 слов), подготовленный и изданный его учеником Т. Уотилой в 1942 г. (Wichmann 1942).

Две научные поездки в Коми край совершил венгерский ученый Д.Р. Фокош-Фукс (1911, 1913 гг.). Во время первой поездки ученый изучил присыктивкарский и среднесысольский диалекты, во время второй экспедиции исследовал нижневычегодский и удорский диалекты. По собранным во время поездки в Коми край материалам им были изданы следующие работы: «Zürjén népköltészeti mutatóanyagok» (Образцы коми народной поэзии), «Zürjén szövegek» (Зырянские тексты). Во время Первой мировой войны (1916–17 гг.) Д.Р. Фокош-Фукс продолжал изучать коми диалекты, беседуя с коми военнопленными в лагерях на территории Венгрии. Диалектные тексты, записанные от военнопленных, были опубликованы им в

труде «Volksdichtung der Komi (Syrjänen)» (Фольклор народа коми (зырян) (Fokos-Fucks 1951). Самой известной фундаментальной его работой является «Syrjänisches Wörterbuch» (Коми-зырянский словарь), в двух томах которого содержится свыше 20000 словарных статей (Fokos-Fuchs 1959). В словаре представлены вычегодский, верхневычегодский, нижневычегодский, вымский, лузский, летский, печорский, сысольский, удорский диалекты.

Изучение коми диалектов вышеупомянутыми учеными – *подготовительный этап в развитии коми диалектологии*. Территориально-структурные единицы языка интересовали данных ученых прежде всего как источник изучения современного состояния и истории языка во всех его аспектах. Поэтому не случайно в начальный период истории коми диалектологии преобладали текстовые и лексические публикации по диалектам.

Начало планомерного фронтального изучения коми диалектов и возникновение научной коми диалектологии (начало *первого этапа в развитии коми диалектологии*) связано с деятельностью Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, созданной в 1928 г. при Московском отделении Общества изучения Коми края по инициативе В.И. Лыткина. Основной задачей Комиссии было всестороннее исследование диалектов и издание академического словаря коми языка. Необходимость широкого исследования диалектов требовалась для установления лексических и грамматических норм коми литературного языка, выработки орфоэпических правил, разработки графики и орфографии. С этой целью в 1928–1930 гг. ее членами (В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, Г.А. Нечаев, С.А. Попов, Е.А. Чеусов) были организованы экспедиции по изучению основных коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов. Материалы и результаты экспедиций были опубликованы в двух сборниках (1930, 1931).

Работа Комиссии, несмотря на короткий срок существования, положила начало целенаправленному научному изучению коми диалектов (*второму этапу в развитии коми диалектологии*), продолженному в 40–70-х гг. XX в. в первых научно-исследовательских организациях Республики Коми: НИИ при Коми облисполкоме (1934–1944), Коми Базе АН СССР (1944–1948) и Коми

филиале АН СССР (с 1949). В связи с необходимостью накопления диалектного материала и создания норм литературного языка в этот период исследование диалектов являлось приоритетным направлением коми языкознания. В период с 1939 по 1974 гг. коми лингвистами (А.С. Сидоров, Т.И. Жилина, В.А. Сорвачева, Д.А. Тимушев, Е.С. Гуляев, Н.Н. Сельков, М.А. Сахарова, Н.А. Колегова, Э.К. Павлова, Н.И. Лоскутова, Р.Н. Коснырева) по «Программе собирания сведений о диалектах коми языка» (Программа 1952) были обследованы территории распространения всех коми-зырянских диалектов, собран обширный полевой материал, вошедший впоследствии в «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (ССКЗД 1961), «Образцы коми-зырянской речи» (ОКЗР 1971) и серии монографических работ по всем диалектам.

«Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» составлен в 1954–1955 гг. научными сотрудниками Т.И. Жилиной, М.А. Сахаровой, В.А. Сорвачевой. Данный лексикографический труд был первым опытом в составлении полного сравнительного словаря коми-зырянских диалектов (около 25000 лексем). Словарь включает в себя «Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка», составленный В.А. Сорвачевой. Этот небольшой по объему справочник, в котором изложены наблюдения по распространению отдельных языковых явлений, является своего рода обобщающей работой по коми-зырянским диалектам и служит основой для дальнейшего их изучения.

Кроме составления словаря коми диалектологами были опубликованы статьи, защищены диссертации по фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям некоторых диалектов (Сорвачева 1950; Фролова 1951; Ляшев 1975). Формирование коми литературного языка, его диалектная основа исследованы в работе Г.Г. Бараксанова (Бараксанов 1964). Исследованию роли диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка посвящена фундаментальная работа Л.М. Безносиковой (Безносикова 1985). В работе описываются принципы использования и функции диалектной лексики (на материале южных коми-зырянских диалектов), встречающейся в произведениях коми писателей, выявляются типы диалектных слов, их территориальная принадлежность, а также прослеживается история диалектизмов.

В 60–70-е гг. в диалектологическом изучении коми языка начинается новый этап. Научные сотрудники Коми филиала АН СССР приступили к изданию описательных монографий по отдельным диалектам. Первым опытом такого рода работ явилась монография В.И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» (1961). Первая монография по коми-зырянским диалектам была посвящена верхневычегодскому диалекту (ВВД 1966); в дальнейшем были подготовлены и опубликованы монографии по всем остальным зырянским диалектам. Выходом в свет монографии по вымскому диалекту была завершена более чем полувековая работа по фундаментальному описанию всех диалектов коми языка. Данные монографии имеют непреходящее научное и общекультурное значение, являются фундаментом для дальнейшего изучения коми диалектов.

К серии монографических работ по коми-зырянским диалектам относится также работа А.И. Туркина «Нижневычегодский диалект коми-зырянского языка», подготовленная на основе «Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков», составленной в 1988 году профессорами К.Е. Майтинской (Москва) и В. Фезнкером (Гамбург) (Туркин 1998).

Второй период в развитии коми диалектологии характеризуется выходом в свет сборников диалектных текстов, подготовленных зарубежными учеными-исследователями коми языка. В 1964 г. научную поездку к коми-зырянам совершил известный венгерский ученый, специалист по пермским языкам К. Редеи. Собранные им во время экспедиции материалы были опубликованы в книге «Zyrgjan Folklore Texts» (Коми фольклорные тексты) (Rédei 1978). Сборник содержит коми-зырянские (вымские, нижневычегодские, средневычегодские, верхневычегодские, вишерские, ижемские) и коми-пермяцкие диалектные тексты, представленные в финно-угорской транскрипции с переводом на английский язык. В июле 1985 г. К. Редеи исследовал говоры сс. Визинга и Куратово среднесысольского диалекта, а в июле-августе 1989 г. – говор с. Шошка присыктывкарского диалекта. Диалектные тексты, собранные во время этих экспедиций, были опубликованы в 1996 г. в отдельном сборнике «Zyrgian Texts» (Зырянские тексты) (ZT).

Большую научную ценность имеет пятитомное собрание коми диалектных текстов «*Syrjänische Texte*» (ST), подготовленное П. Кокконен на основе материала, собранного финским ученым Т. Уотилой в 1930 г. у коми жителей Печеньги и в 1942–43 гг. в Финляндии у коми военнопленных. Этот труд был издан Финно-угорским обществом Финляндии в 1985–2006 гг. Первый том содержит коми-пермяцкие тексты, последующие четыре тома – коми-зырянские диалектные тексты.

Накопление большого эмпирического диалектного материала в 40–70-х гг. XX столетия создало предпосылки для появления лингвогеографических и ареальных исследований в коми диалектологии. Первые шаги в области лингвистического картографирования коми диалектного материала были предприняты в 80-х гг. XX в. В.А. Ляшевым (Ляшев, Бараксанов 1985; Ляшев 1987: 51–55; Ляшев 1987а; Ляшев 1993: 15–26) и Р.М. Баталовой (Баталова 1982). Фундаментальная работа Р.М. Баталовой «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» является первой попыткой выявления изоглосс в области фонетики и морфологии на материале коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов. В работе выявляются контуры ареалов распространения отдельных языковых явлений, определяются центры возникновения инноваций, рассматриваются случаи взаимовлияния территориально соприкасающихся языков и диалектов.

Диалектологические исследования второго периода имеют непреходящее научное и общекультурное значение, являются фундаментом для дальнейшего изучения коми диалектов. Коми диалектология второго периода характеризовалась традиционным, системно-структурным подходом к изучению коми диалектов, была ориентирована на описание их фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических особенностей.

Современные диалектологические исследования коми языка проводятся на кафедре коми и финно-угорской филологии СыктГУ и в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Диалектология является одним из основных научно-исследовательских направлений кафедры коми и финно-угорской филологии СыктГУ. Е.А. Игушевым и Р.П. Поповой подготовлены учебные

пособия по курсу «Коми диалектология» (Игушев 1996; Попова 2008, 2012). Преподаватели и студенты кафедры проводят большую работу по сбору диалектного материала в ежегодных полевых экспедициях.

В Институте ЯЛИ КНЦ УрО РАН значительные успехи достигнуты в области практической диалектной лексикографии. Авторским коллективом известных коми лексикографов, Л.М. Безносиковой, Е.А. Айбабиной, Н.К. Забоевой, Р.И. Косныревой, подготовлен новый двухтомный словарь диалектов коми языка «Коми сёрнисикас кывчукёр», содержащий уникальный диалектный материал, собранный несколькими поколениями исследователей коми языка с 1920-х гг. по настоящее время. Первый том словаря уже вышел в свет (Безносикова, Айбабина, Забоева, Коснырева 2012). В 2011 г. Л.М. Безносиковой и Е.А. Айбабиной был издан первый тематический диалектный словарь коми языка – «Словарь терминов родства и свойства в диалектах коми языка» (Айбабина, Безносикова 2011). В настоящем двуязычном словаре представлено более 100 словарных статей, содержащих термины родства по крови и по браку, бытующие в коми-зырянских диалектах. В 2004 г. С.А. Сажинной подготовлена диссертационная работа, посвященная сравнительному исследованию морфологии именных частей речи коми-зырянских диалектов (Сажина 2004).

Таким образом, диалектология всегда являлась и остается важным направлением коми языкознания.

ГЛАВА 1. ФОНЕТИКА

1.1. Вокализм

1.1.1. Качество гласных в коми диалектах

Классификация гласных в коми диалектах строится на основе оппозиции признаков ряда, подъема, лабиальности, иллабиальности.

В дистрибуции гласных фонем большую роль играет противопоставление первого слога непервому слогу.

Фонема /и/ – гласный верхнего подъема переднего ряда, иллабиальный. В диалектах может выступать в любой позиции слова:

а) в анлауте: вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *изны*, вв. *изни* ‘смолоть, размолоть’ (ССКЗД: 136); нв. печ. скр. сс. *инны*, вв. *инни*, вым. уд. иж. *инмыны* ‘найтись месту, сбыту’ (ССКЗД: 138); вв. вым. иж. нв. уд. лл. печ. скр. *истан*, вс. *истан* ‘перевозчик (птица)’ (ССКЗД: 138);

б) в инлауте: вв. вым. иж. л. печ. скр. сс. уд. *саридз* ‘море, теплые страны, куда летят птицы’ (ССКЗД: 330); вв. вым. иж. нв. уд. сс. скр. л. (Об.) *калич* ‘запор, задвижка’ (ССКЗД:146); вв. (Крч.) вс. иж. нв. скр. сс. *ромшина*, лл. *ромжина* ‘ронжа, поперечный брус, скрепляющий плот’ (ССКЗД: 321);

в) в ауслауте: вв. вс. вым. иж. печ. скр. сс. уд. *кэл’чи*, вым. лл. нв. скр. *т’эл’чи* ‘плотва, сорога’ (ССКЗД: 152); вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *нарви* ‘шпонка’ (ССКЗД: 235); вс. лл. сс. скр. печ. нв. вв. иж. уд. вым. *с’и* ‘волос, волосок’ (ССКЗД: 334).

В отдельных диалектах данная фонема может реализоваться в нескольких позиционных вариантах. В верхневычегодском диалекте выступает в следующих вариантах:

а) [û>] – более передний закрытый вариант. В первом слого слова встречается в соседстве с палатальными согласными, а также велярными согласными, если в следующем за корнем слого слова содержится гласный [и]: *вû>л'иш* ‘шаловливый’, *с'û>нмис* ‘из глаза’, *вû>длини* ‘попробовать’, *вû>рич* ‘рассадник’. В непервом слого слова [û>] встречается в словах, имеющих в составе корневой морфемы гласный [и] или палатальные согласные: *вирû>н* ‘в крови’, *пилû>* ‘сыну’, *н'айтû>н* ‘в грязи’;

б) [û<] – более задний (передне-среднерядный) закрытый вариант. Выступает в непервом слого слова после корневых гласных [у], [ы]: *пырû<* ‘зашел’, *мунû<ни<* ‘ушли’, *муû<с* ‘земля-то’, *гыû<с* ‘волна-то’;

в) [ÿ<] – более задний открытый вариант, имеет место в первом и непервом слого слова. Употребление открытого [ÿ<] в первом слого слова обусловлено широкими гласными [а] и [о] второго слога: *дÿ<нас* ‘около него’, *ÿ<нас* ‘на месте’, *вÿ<дла* ‘попробую’, *сÿ<ла* ‘за ним’. Употребление [ÿ<] в непервом слого слова обусловлено широкими корневыми гласными [а], [о], [ö] или гласным [а] последующего слога: *танÿ<* ‘здесь’, *шабдÿ<* ‘лен’, *вöлÿ<* ‘было’, *вöрÿ<н* ‘в лесу’, *мунÿ<гас* ‘когда он шел’ (ВВД: 16).

В среднесысольском и печорском диалектах гласный [и] может реализоваться в более заднем, передне-среднерядном варианте [и<]. Данный вариант встречается в названных диалектах в непервом слого слова. В среднесысольском диалекте передне-среднерядный [и<] выступает при наличии предшествующих или последующих палатальных согласных: *орд'д'и<с'ны* ‘соревноваться’, *дорин'ччи<ны* ‘покоситься, накрентиться’, *кыс'с'и<ны* ‘тащиться, тянуться’, *т'эпи<с* ‘варежка’, *т'ис'с'и<ны* ‘литься, пролиться’, *кудÿи<с* ‘из лукошка’, *кыдздзи<с* ‘из бересты’ (ССД: 12). В печорском диалекте вариант [и<] реализуется в непервом слого слова после велярных согласных и непереднерядных гласных, а также в соседстве с палатальными согласными и согласным [й]: *тули<с* ‘весна’, *öни<* ‘теперь’, *тури<н* ‘трава’, *вои<с* ‘пришел’, *гöти<р* ‘жена’, *пöртс'и<с'ны* ‘раздеваться’, *мэ эг мыс'с'и<* ‘я не умывался’, *шойччи<* ‘отдыхай’ (ПД: 9).

Фонема /э/ – гласный среднего подъема переднего ряда, иллабиальный. В диалектах коми языка гласный [э] может выступать в следующих позициях:

а) в анлауте: вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *эбӧс*, вв. иж. *эбэс* ‘сила, мочь’ (ССКЗД: 446); вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. *эжмӧдны*, вв. *эжмэдни*, вс. лет. *эжс’ӧдны*, иж. *эжс’эдны* ‘запустить, забросить, дать зарастить муравой’ (ССКЗД: 447); вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд. *эстӧн*, вв. иж. *эстэн*, лет. *этытӧн*, уд. *эттӧн* ‘там, тут, вот там, вот тут’ (ССКЗД: 448); вс. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *эшитыны*, вв. *эшитини* ‘закончиться, окончиться (делу, работе), успевать, иметь досуг’ (ССКЗД: 449);

б) в инлауте в корневых морфемах употребляется во всех диалектах: вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *шэдны*, вв. *шэдни* ‘попасть, попадать, попадаться’ (ССКЗД: 427); вв. л. (Об.) нв. скр. печ. *т’эл’эзна*, вым. *кэл’эзна*, вс. иж. лл. сс. уд. (Гл.) *чэл’эзна* ‘орех’ (с-хоз.) (ССКЗД: 366); вв. вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. *помэч* ‘работа миром за угощение’ (ССКЗД: 291); вв. вс. иж. лл. нв. скр. сс. *памэт’*, вым. уд. *памэт* ‘память’ (ССКЗД: 273); вв. вым. иж. л. (Об.) нв. печ. скр. сс. уд. *ӧчэрэд*, лл. *ӧчэрэд’*, иж. *ӧтшиэрэд*, вс. *очэрэд* ‘очередь’ (ССКЗД: 270).

В инлауте в суффиксальных морфемах постоянно выступает в верхневычегодском и ижемском диалектах: вв. иж. *кӧмтэм* ‘босый’, вв. иж. *мортыслэн* ‘у человека’, вв. иж. *китэг-кокэтэг* ‘без рук, без ног’, вв. *мунэни*, иж. *мунэнис* ‘они идут’, вв. иж. *кутшиэм* ‘какой’, иж. *кыпэдны*, вв. *кыпэдни* ‘поднимать, подниматься, повышать’, иж. *н’ылэдны*, вв. *н’ылэдни* ‘потеть, запотеть’ (ВВД: 15; ИД: 8). В нижневычегодском, печорском, среднесыольском, удорском диалектах в определенных фонетических условиях в суффиксальных морфемах также может употребляться переднерядный гласный [э]. В среднесыольском, печорском и удорском диалектах [э] выступает в соседстве с палатальными согласными: уд. *л’окэс’* ‘плохие’, *пукс’ӧмаэс’* ‘сели, оказывается’, *катишпомэл’* ‘можжевелик’ (УД: 16); печ. *мичаэс’* ‘красивые’, *вис’эм* ‘болезнь’, *бурэс’* ‘хороший’ (ПД: 9); сс. *вил’эдны* ‘глотать’, *муд’эр* ‘хитрый’, *гынд’эй* ‘валяльщик’, *шыбэл’* ‘раскат на зимней дороге’ (ССД: 18).

В нижневычегодском диалекте употребление [э] в инлауте связано с качеством предшествующего согласного или гласного. Гласный [э] в инлауте употребляется после палатальных согласных и гласных переднего ряда [и], [э]: нв. *т’иэн* ‘руками’, *комиэн* ‘по-коми’, *н’ан’эн*

‘хлебом’, *н’ол’эд* ‘четвертый’, *посн’изс* ‘маленькие’, *д’ижэни* ‘пишут’, *вижэдни* ‘пожелтеть’ (НВД: 20);

в) в ауслaute гласный [э] может выступать в верхневычегодском и ижемском диалектах, а также коквицком говоре нижневычегодского диалекта. После палатальных согласных имеет место в печорском и среднесыольском диалектах: вв. иж. нв. (Кокв.) *карэ* ‘в город’, *коркэ* ‘когда-то’, *мыйс’урэ* ‘кое-что’, печ. *бат’э* ‘мой отец’, сс. *бийэ<* ‘в огонь’, *пийэ* ‘мой сын’, *вэлэдс’э* ‘он учится’, *мунэ* ‘идет’, *вис’э* ‘болеет’. В остальных диалектах коми языка в абсолютном конце слова [э] выступает лишь в личных местоимениях *мэ* ‘я’ и *тэ* ‘ты’.

В верхневычегодском, среднесыольском и печорском диалектах гласный [э] может реализоваться в нескольких вариантах. В верхневычегодском диалекте переднерядный [э] реализуется в следующих вариантах:

а) [э[^]>] – более передний закрытый гласный, имеющий место в первом и непервом слоге слова. В первом слоге слова реализуется в соседстве с палатальными согласными, а также велярными согласными при наличии в последующем слоге гласного [и]: *нэ[^]>бид* ‘мягкий’, *йэ[^]>л’дэг* ‘груздь’, *чэ[^]>нэсийас* ‘кинется, бросится’, *вэ[^]>тлини* ‘сходить’, *мэ[^]>гур* ‘дуга’, *вэ[^]>тимин* ‘пятьдесят’, *пэ[^]>мид* ‘темный, темно’. В непервом слоге слова гласный [э[^]>] встречается в соседстве с палатальными согласными, а также велярными согласными при наличии в предшествующем слоге гласных переднего ряда: *тикэ[^]>дид* ‘с вами’, *гижэ[^]>ни* ‘они пишут’, *витэ[^]>д* ‘пятый’, *н’урэ[^]>н* ‘болотом’, *с’ылэ[^]>ни* ‘поют’, *омэ[^]>л’* ‘плохой, худой, слабый’, *корэ[^]>с* ‘веник’;

б) [э[^]<] – более задний закрытый (передне-среднерядный) гласный, встречается в непервом слоге слова после корневых гласных [у], [ы]: *мунэ[^]<* ‘идет’, *пырэ[^]<* ‘заходит’, *мунэ[^]<ни* ‘идут’, *пырэ[^]<ни* ‘заходят’, *мудзэ[^]<* ‘устаёт’, *мырдэ[^]<н* ‘насильно, по принуждению’.

в) [ε] – более задний открытый вариант, который в свое время был отмечен Д. Фокош-Фуксом (Фокош-Фукс 1959). Употребление данного варианта в первом слоге слова обусловлено широкими гласными [а] и [о] второго слога: *вермас* ‘сможет’ (но: *вэрмис* ‘смог’), *вештас* ‘отодвинет’ (но: *вэшийи* ‘отодвинься’), *петоллас* ‘выходит, иногда’ (но: *пэтисни* ‘вышли’). В непервом слоге слова употребление [ε] обусловлено корневыми гласными [а], [о], [ö] или гласным [а]

последующего слога: *горте* ‘домой’, *кате* ‘поднимается на лодке’, *кэр доре* ‘на сплавные работы’, *бурдема* ‘поправился’, *вурема* ‘сшил’ (ВВД:14-15).

В среднесысольском и печорском диалектах в соседстве с палатальными согласными и согласным [й] выступает переднесреднерядный [э<]: сс. *видзэ<дны* ‘смотреть’, *джодж вол’э<с* ‘дорожка’, *быт’т’э<* ‘как будто’, *шыл’л’э<-мыл’л’э<* ‘разная мелочь’, *бийэ<* ‘в огонь’ (ССД: 13); печ. *вис’э<* ‘болеет’, *вэлэдс’э<* ‘учится’ (ПД: 9). По мнению Э. Итконена и В.А. Лыткина, в верхневычегодском и ижемском диалектах коми языка гласный [э] непервого слога восходит к общепермскому переднерядному открытому гласному [ε], развившемуся из финно-угорского [*ä] (Itkonen 1954:304; Лыткин 1964:236-238). По утверждению В.И. Лыткина, «в верхневычегодском и ижемском диалектах во время исчезновения фонемы /ε/ в непервом слоге слова она не была заменена гласным [Е], а сохранилась в виде [е] (собственно ε). Для объяснения сохранения [е] (ε) в непервом слоге ижемского и верхневычегодского диалектов следует предположить, что в этих диалектах во время утраты фонемы /ε/ гласный *ó* был еще лабиализованным, поэтому не мог в непервом слоге заступить в на место исчезающей фонемы [ε], поскольку лабиализованные гласные в коми языке в непервом слоге не употреблялись» (Лыткин 1964:153-154).

Фонема /ы/ – гласный среднего ряда, верхнего подъема, иллабиальный. В нуль-эловых говорах и говоре с. Воч верхневычегодского диалекта гласный [ы] является лабиализованным (при этом степень огубленности при произношении гласного [ы] меньше, чем при произношении гласного [у] (ВВД: 17). По мнению В.И. Лыткина, лабиализованный [ы] является более древним, чем нелабиализованный [ы] других диалектов пермских языков и восходит к общепермскому **ı̄* (Лыткин 1964:188). В диалектах коми языка гласный [ы] может занимать любую позицию в слове:

а) в анлауте: вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ыджыд*, вв. *ыджид* ‘большой, крупный, великий’ (ССКЗД: 442); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ылын*, вв. *ылин* ‘вдали, вдалеке’ (ССКЗД: 444); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ыргён*, вв. иж. *ыргэн* ‘медь, медный’ (ССКЗД: 444);

б) в инлауте (в позиции непервого слога слова, за исключением говоров верхневычегодского диалекта): вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *бӧрын*, вв. *бӧрин* ‘сзади, позади’ (ССКЗД: 26); вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс. *бузгыны*, вв. *бузгини* ‘шуметь, шумно падать’ (ССКЗД: 29); вс. вым. нв. иж. лл. печ. скр. сс. уд. *гӧтыр*, вв. *гӧтир* ‘жена, супруга’ (ССКЗД: 89);

в) в ауслауте: повсеместно *ты* ‘озеро’, *шы* ‘звук, голос, тон’, *гы* ‘волна’.

В говорах верхневычегодского диалекта в ауслауте гласный [ы] встречается в единичных случаях только в односложных словах. В остальных случаях гласный [ы] в ауслауте в верхневычегодском диалекте не выступает: вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *кул’ны*, вв. *кул’ни* ‘драть, сдирать, содрать (шкуру с животного)’ (ССКЗД: 179); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *пас’кӧдны*, иж. *пас’кӧдны*, вв. *пас’кӧдни* ‘расширить, раздвинуть, раскрыть’ (ССКЗД: 276); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *эштӧдны*, иж. *эштӧдны*, вв. *эштӧдни* ‘кончить, закончить, завершить, свершить, довершить’ (ССКЗД: 449).

Фонема /ö/ – гласный среднего подъема, среднего ряда, иллабиальный. В нуль-эловых говорах и говоре с. Воч верхневычегодского диалекта гласный [ö] является лабиализованным. Лабиализованный [ö] верхневычегодского диалекта, по мнению В.И. Лыткина, представляет собой остаток общепермского языка-основы и восходит к общепермскому **ô* (*w*), впоследствии замещенному лабиализованным *ó*, а затем вследствие делабиализации нелабиализованным гласным *E* (**ô* > *лаб.* *ó* > *нелаб.* *E*), который в настоящее время выступает в верхневычегодском диалекте (Лыткин 1964:120). В диалектах коми языка гласный [ö] может занимать любую позицию в слове:

а) анлаут: вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ӧгыр*, вв. *ӧгир* ‘жар, горящий уголь, горячие уголья’ (ССКЗД: 264); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ӧжын*, вв. *ӧжин*, вым. *ӧжун* ‘долото’ (ССКЗД: 265); вс. лл. нв. печ. скр. сс. *ӧшӧдны*, иж. *ӧшӧдны*, вв. *ӧшӧдни*, вым. уд. иж. лл. сс. *ӧшны* ‘повесить, вывесить, свесить’ (ССКЗД: 270);

б) инлаут (за исключением верхневычегодского и ижемского диалектов в позиции непервого слога слова): вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *пӧткӧдны*, иж. *пӧткӧдны*, вв. *пӧткӧдни* ‘выносить, вынести,

выводить, вывозить' (ССКЗД: 283); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *с'өлөм*, вв. иж. *с'өлэм* 'сердце, душа' (ССКЗД: 356); вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. *төбөд*, вв. иж. *төбэд* 'обмотка, обвивка, обвязка' (ССКЗД: 373);

в) ауслаут (кроме верхневычегодского и ижемского диалектов, где в позиции абсолютного конца слова выступает гласный [э]): вс. скр. сс. уд. *колө*, вв. иж. *колэ* 'нужно, необходимо, следует' (ССКЗД: 162); вс. вым. нв. скр. сс. лл. печ. уд. *мунө*, вв. иж. *мунэ* 'он идет'; вс. вым. нв. скр. сс. лл. печ. уд. *вөрө*, вв. иж. *вөрэ* 'в лес'.

Фонема /a/ – гласный нижнего подъема среднего ряда, иллабиальный. Данный гласный может выступать в слове во всех позициях:

а) в анлауте: вс. лл. печ. скр. сс. *арөс*, вв. *арэс*, вв. вым. иж. нв. уд. *ар* 'год (при определении возраста), лет' (ССКЗД: 12); вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *асык*, вв. лет. *асик* 'обруч' (ССКЗД: 14); вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *ан* 'женщина' (ССКЗД: 11)

б) в инлауте: вв. вс. вым. л. (Пар.) нв. скр. сс. уд. *набалмаш* 'наобум, бестолку, как попало' (ССКЗД, 233); повсеместно *с'эрам* 'смех' (ССКЗД: 332); вв. вым. вс. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *нас'тала*, иж. от *нас'таыс* 'кругом, повсюду, по всей ширине' (ССКЗД: 277);

в) в ауслауте: повсеместно *гора* 'звонкий, звучный, гулкий, громкий' (ССКЗД: 83); вс. вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *мыжа* 'виновный, виноватый' (ССКЗД: 229); вв. вым. иж. нв. скр. сс. уд. *тола*, вс. сс. *стола* 'снежный занос, сугроб' (ССКЗД: 370).

Весьма устойчивый гласный, редко подвергающийся ассимиляции и выпадению.

Фонема /o/ – гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиальный. В верхнесысольском диалекте выступает открытая фонема /õ/ – гласный средне-нижнего подъема, заднего ряда, лабиальный. В.И. Лыткин дает следующую характеристику данному звуку: «Открытое *õ* является звуком более низкого образования, чем русское и коми литературное *o*, этот звук условно можно назвать гласным средне-нижнего подъема» (Лыткин 1964: 26). Функционирование /o/ и /õ/ в основном ограничено первым слогом слова. В непервом слогом слова гласные [o], [õ] встречаются в сложных словах и в составе отдельных суффиксов. В слове данный гласный может выступать:

а) в анлауте: вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *олӧм*, вв. иж. *олэм* ‘жизнь, бытие, существование’ (ССКЗД: 258); вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *ордым*, вв. *ордим* ‘тропинка, лесная дорога, просека’ (ССКЗД: 260); повсеместно *ош* ‘медведь’;

б) в инлауте: вв. лл. печ. скр. сс. *посводз*, сс. вс. *посӧдз* ‘сени’ (ССКЗД: 294); вв. вс. вым. иж. л. нв. скр. сс. уд. печ. *томан* ‘замок’ (ССКЗД: 371); л. (Об.) скр. уд. *йуков*, вв. (Крч.) вс. л. печ. сс. *йукол*, нв. скр. уд. *йуковтас* ‘пробор’ (ССКЗД: 451);

в) в ауслауте в отдельных словах: вв. вс. вым. нв. печ. скр. сс. *со* ‘вон, вот’ (ССКЗД: 341); вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *с’о* ‘сотня, сто’ (ССКЗД: 333); повсеместно *ло* ‘будь’ и т.д.

Фонема /ô/ – закрытый гласный средне-верхнего подъема, заднего ряда, лабиальный, функционирует в верхнесысольском диалекте. Закрытый гласный [ô] впервые был зафиксирован В.И. Лыткиным, который дал ему следующую характеристику: «Закрытый [ô] – это звук средний между русским [o] и [y], условно можно назвать его гласным средне-верхнего подъема» (Лыткин 1964:27). По мнению ученых, закрытый гласный [ô] верхнесысольского диалекта восходит к общепермскому гласному *ô, а также является рефлексом общепермских гласных *o, *ó (<*ô, *ε) и *u (Лыткин 1964:26-29; Некрасова 2000:33). Данный факт может свидетельствовать о наличии вариантов фонемы /ô/ в верхнесысольском диалекте, что в свое время было отмечено В.И. Лыткиным и Е.С. Гуляевым. По мнению Е.С. Гуляева, закрытый [ô] в верхнесысольском диалекте в окружении сонорных согласных усиливает свои позиции, приближаясь к гласному [y], тогда как в окружении глухих согласных проявляет себя в умеренных рамках (Гуляев 1975: 18). Данный гласный в слове встречается:

а) в анлауте: *он* ‘сон’, *орсны* ‘плескаться, играть’, *окалны* ‘целовать, поцеловать’, *орт* ‘приведение, призрак’, *оча* ‘напротив, против’, *оштыны* ‘терять, потерять’ (ВСД: 209, 211);

б) инлауте: *ороп* ‘рукоятка, черенок’, *сисол’итны* ‘мусолить’, *зэркол’к* ‘дождевик (гриб)’, *горс* ‘дупло (в дереве)’ (ВСД: 168, 178, 210, 229);

в) ауслауте: *таво* ‘в этом году’, *вичко* ‘церковь’, *пал’то* ‘пальто’, *с’ин’ко* ‘лошадь сивой масти’, *рошво* ‘рождество’, *т’ажулко* ‘простой зипун’ (ВСД: 163, 213, 225, 228, 234).

Фонема /y/ – гласный верхнего подъема, заднего ряда, лабиальный. В диалектах коми языка гласный [y] может выступать в следующих позициях слова:

а) в анлауте: вс. вым. нв. скр. сс. уд. *убёл'итны*, иж. *убэл'итны*, вв. *убэл'итни*, лет. *убол'итны* ‘расщедриться, не пожалеть, дать’ (ССКЗД: 394); л. (Об) нв. скр. уд. *ув*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. *ул*, вв. (Бог.) вым. иж. *уу* ‘сук, сучок, ветвь’ (ССКЗД: 394); вв. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *урбёж* ‘хвощ луговой, полевой, лесной’ (ССКЗД: 400);

б) инлауте: вв. (Крч.) вс. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. *турун*, вв. *турин* ‘трава, сено’ (ССКЗД: 382); нв. скр. уд. *горув*, вв. (Крч.) печ. сс. *горул*, вв. (Бог.) иж. вым. *горуу* ‘подгорье, под гору, вниз’ (ССКЗД: 84); вв. (Дер.) скр. уд. *н'идзув*, вв. (Крч.) вс. печ. сс. *н'идзул*, вв. (Бог.) вым. иж. *н'идзуу* ‘червь дождевой’ (ССКЗД: 241);

в) ауслауте: повсеместно *му* ‘земля, страна, поле, свет, мир’, *пу* ‘дерево’, *зу* ‘чесалка (из щетины, для волокна, волос)’, *ку* ‘кожа, шкура’; скр. сс. нв. вв. уд. печ. *туту* ‘поросль, молодые деревья, побег дерева’ (ССКЗД: 383).

1.1.2. Долгие гласные

Нуль-эловые диалекты коми языка (ижемский, вымский и нуль-эловые говоры верхневычегодского диалекта) характеризуются наличием долгих гласных [o], [y], [ы], [ö], [a], [э]. Данные долгие гласные противостоят соответствующим кратким и выступают в качестве различителей смысловых единиц. Однако долгие гласные, выступающие в роли смыслоразличителей, не следует смешивать с удлинёнными гласными звуками, появляющимися в определенном фонетическом положении, но не несущими смыслоразличительной функции. По мнению Е.А. Игушева, экспериментально исследовавшего долготу гласных ижемского диалекта, долгие гласные, образованные путем удлинения предыдущего гласного за счет этимологического *l*, (самостоятельные фонемы) могут быть в 3,1-6,6 раз длиннее обычных гласных, а удлинённые гласные, встречающиеся перед звонкими и сонорными – в 1,3-3,3 раза длиннее обычных гласных (Игушев 1972: 55-57).

Долгие гласные [o], [y], [ы], [ö] реже [a] встречаются во всех названных диалектах, долгий гласный [э] функционирует в синдорском говоре вымского диалекта и нуль-эловых говорах верхневычегодского диалекта. Названные долгие гласные являются самостоятельными фонемами, несущими смысловоразличительную нагрузку: иж. *лоо* ‘душа’ (ср. *ло* ‘будь’), *пуу* ‘брусника’ (ср. *пу* ‘дерево’), вым. *соо* ‘соль’ (ср. *со* ‘вот’), *тыы* ‘невод’ (ср. *ты* ‘озеро’), вв. (Бог.), *кыыни* ‘слышать’ (ср. *кыни* ‘ткать’).

Причиной возникновения долгих гласных в диалектах коми языка является вокализация этимологического [l] после гласного в позиции конца слова и после гласного перед согласным в позиции середины слова.

Долгие гласные могут выступать в любой позиции слова:

а) в анлауте: вым. иж. *ооны*, вв. *оони* ‘жить, проживать’ (ССКЗД: 256); вым. иж. *öös’ыны*, вв. *öös’уни* ‘униматься, уняться’ (ССКЗД: 263); вым. иж. *уугыны*, вв. *уугуни* ‘шуметь’ (ССКЗД: 394); вым. иж. *ыыгыны* ‘стонать, протяжно, негромко мычать’ (ССКЗД: 442); вв. *ыысэдлини* ‘говорить уклончиво’ (ВВД: 215); вым. иж. *аагыны* ‘реветь, вопить, кричать’ (ССКЗД: 9);

б) инлауте: вым. иж. *ноолыны*, вв. (Бог.) *ноолини* ‘носить, таскать, переносить’ (ССКЗД: 243); вым. *сööмыны*, вв. (Бог.) *сööмини* ‘зреть, развиваться, крепнуть’ (ССКЗД: 343); вым. иж. *туусооны*, вв. (Бог.) *туусоони* ‘проводить весну, идти на весенний промысел в лесу’ (ССКЗД: 379); вым. иж. *пыыс’ыны*, вв. (Бог.) *пыыс’уни* ‘париться, мыться в бане’ (ССКЗД: 310); вым. иж. *паагыс’ны*, вв. (Бог.) *паагэдчини* ‘раскинуться, растянуться’ (ССКЗД: 270); вым. (Синд.) *т’ээмыны*, вв. (Бог.) *кээмини* ‘молить, умолять’ (ССКЗД: 151);

в) ауслауте: вым. иж. вв. (Бог.) *соо* ‘соль’ (ССКЗД, 341); вым. иж. вв. (Бог.) *вöö* ‘лошадь’ (ССКЗД: 62); вым. иж. вв. (Бог.) *кодзуу* ‘звезда’ (ССКЗД: 159); вым. иж. вв. (Бог.) *тыы* ‘невод’; вым. (Синд.) вв. (бог.) *пээ* ‘большой палец’ (ССКЗД, 288); вым. (Синд.) вв. (Бог.) *зээ* ‘очень, весьма’ (ССКЗД: 134).

В функционировании долгих гласных в диалектах коми языка имеются некоторые отличия. Так, в ижемском и вымском диалектах, за исключением синдорского говора, переднерядные гласные [и] и [э] не удлиняются, а этимологический [l] после этих гласных переходит в

[й], например: *пэй* (< [пэ]) ‘большой палец’, *зэй* (<зэ) ‘очень’, *вэйт* (<вэйт) ‘крышка, покрывка’, *пийгыны* (<пийгыны) ‘петь (о птичках)’ (ИД: 21; ВД: 14). В нуль-эловых говорах верхневычегодского диалекта переход этимологического согласного [l] в [й] после переднерядных [и] [э] не отмечается. Лишь в усть-куломском говоре факультативно, в отдельных примерах наряду с долгими гласными встречается [й]: *вэйт* и *вээт* ‘крыша, кровля’, *зэйтим* и *зээтим* ‘натянули’ (ВВД: 50). В усть-немском говоре верхневычегодского диалекта после гласных [ы] и [ö] перед мягким согласным [с'] этимологический [l] может переходить в [й]: *öйс'ини* (< ölc'ини) ‘уняться, угомониться’, *кыйс'ис* (< кылс'ис) ‘слух дошел’, *вийс'ид* (< вылс'ид) ‘с чего-либо’ (ВВД: 50).

Удлиненные гласные, являющиеся вариантами соответствующих кратких гласных, встречаются в ижемском и вымском диалектах в позиции перед звонкими и сонорными, реже глухими согласными в закрытом слоге слова.

В ижемском диалекте на наличие удлиненных гласных в позиции перед звонкими и сонорными согласными в закрытом слоге в свое время указывали такие ученые, как М. Кастрен: *вэ^з* ‘тетива’, *и^з* ‘камень’, *ко^з* ‘ель’ (Castren 1844), А. Шренк: *бо^р*д ‘крыло’, *ко^р* ‘лист’, *шо^р* ‘ручей’ (Schrenk 1854). Ю. Вихман в закрытом слоге перед звонкими и сонорными согласными зафиксировал полудолгие и долгие гласные (Wichmann 1914: 1-10). Однако в приведенных им примерах наблюдается определенная непоследовательность, так как в одних и тех же примерах в одних случаях гласные отмечены как полудолгие, в других – как долгие. Колебания в обозначении долготы имелись и в работе Т. Уотилы: *г^з* и *г^б*з (Uotila 1933: 193). По наблюдениям Э. Итконена, удлинение гласного чаще бывает перед согласными [з], [з'], [р'], [б], [д], [г], [р], а перед [м], [н], [н'] гласные почти всегда бывают краткими (Itkonen 1971: 13). На относительную долготу гласных перед звонкими и сонорными в закрытом слоге в ижемском диалекте указывают В.А. Терентьев и Е.А. Игушев (Терентьев 1970: 255-257; Игушев 1972: 55-57).

Мнение ученых относительно происхождения удлиненных гласных расходятся. По мнению Э. Итконена, удлинение гласных перед звонкими согласными в закрытом слоге является рефлексом

общепермской вокалической системы, где имелись краткие гласные в открытом и закрытом слоге слова перед глухими согласными и полудолгие в закрытом слоге перед звонкими. Как факт сохранения этой особенности удлиненные гласные имеют место в ижемском и вымском диалектах (Itkonen, 1971: 13). С точки зрения В.И. Лыткина, удлинение гласных перед звонкими и сонорными – явление вторичное, появившееся по аналогии с долгими гласными, образовавшимися за счет этимологического [l] (Лыткин 1970: 206). По мнению М.А. Сахаровой и Н.Н. Селькова, длительность гласных зависит от ряда фонетических условий, темпа речи и логического ударения: гласный односложного слова в закрытом слоге перед звонкими и сонорными согласными в зависимости от смысловой нагрузки слова может иметь различную долготу. В словах со смысловым или эмфатическим ударением в экспрессивной речи гласный обычно удлиняется: *мэ́нум вот'ча локтэ по'н* ‘навстречу мне идет собака’; *сэтэн вöли дзол'а ны'ж* ‘там была небольшая лодка’; *сыа карэ бэ'д* ‘он делает трость’ (Сахарова, Сельков 1976: 13-14).

Удлинение гласных перед звонкими и сонорными согласными характерно также для вымского диалекта, оно может происходить не только в односложных словах, но и в многосложных: *бöрдны* ‘плакать’, *гы'ж* ‘ноготь’, *ку'д* ‘лукошко’. Данное явление может переходить и на заимствованные слова: *ша'г*, *ма'гн'итофон* (Ляшев 1975: 47).

Следует отметить, что появление и развитие долгих гласных первоначально имело место в вымском диалекте. Впоследствии, в процессе миграции населения, данное явление развилось в ижемском и верхневычегодском диалектах.

1.1.3. Фонетические явления в области гласных

1.1.3.1. Ассимиляция гласных звуков

Пермские языки, в отличие от ряда финно-угорских языков, например финского, венгерского, марийского, хантыйского, не имеют гармонии гласных. Данная фонетическая особенность, по мнению В.К. Кельмакова, была утрачена к концу прапермского периода

вследствие коренной перестройки вокалической системы (Кельмаков 1993: 29). Однако в диалектах наблюдается явление ассимиляции (или уподобления) звуков, напомиающее гармонию гласных. В диалектах коми языка встречается: а) лабиальная ассимиляция; б) выравнивание гласных по ряду и подъему.

Лабиальная ассимиляция встречается в присыктивкарском, верхневычегодском, печорском и ижемском диалектах и заключается в уподоблении лабиальными гласными [у] и [о] гласных [ы], [и], [э], [ö], [а]. Лабиальная ассимиляция гласных может быть прогрессивной и регрессивной.

1. В присыктивкарском диалекте под влиянием гласного [о] предшествующего слога нелабиализованные [ö] и [и] переходят в лабиализованные [о] и [у]: *войдорлун* (<*войдöрлун*) 'позавчера', *омол'тны* (<*омöл'тны*) 'порочить', *дозмор* (<*дозмöр*) 'глухарь', *понол* (<*понол*) 'хвойная поросль'.

Лабиализация последующего гласного распространяется и на сложные слова: *йурйув* (<*йурйыв*) 'ворот одежды, верхний косяк двери, окна', *гурйув* (<*гурйыв*) 'настежь'. Данное явление переходит также на заимствованные слова: *вострой* (<острый) 'умный, понятливый', *обус*, *обуск* (<обыск) 'обыск' (ПСД: 26).

2. В верхневычегодском диалекте явление лабиализации встречается в нуль-эловых говорах и состоит в уподоблении гласных [и], [э] сильно огубленными корневыми [у], [о]: *вугур* (<*вугир*) 'крючок удочки', *с'умус* (<*с'умис*) 'полоска сыромятной кожи', *турупув*, *турупуу*, *турупу* (<*турипул*) 'клюква', *гуруна* (<*гурина*) 'пескарь', *букушчэмэн* (<*букишчэмэн*) 'нахмурившись, насупившись', *гожом* (<*гожэм*) 'лето', *мугом* (<*мугэм*) 'темно-коричневый', *которон* (<*котэрэн*) 'бегая', *кокул* (<*кокил*) 'комочек в каше'.

Изредка данное явление распространяется на второй компонент сложного слова: *йурйув*, *йурйу* (<*йурйыл*) 'верхний карниз (над окном, дверью)', *чоййув* (<*чоййыв*) 'название места (букв. вершина пригорка)', *тутуйу* (<*тутуйыл*) 'побег хвойного дерева'.

Лабиальная ассимиляция встречается также в русских заимствованиях: *ужун* 'ужин', *чулку* 'чулки', *мужук* 'мужик', *мужой* 'мужовка', *öшубка* 'ошибка' (ВВД: 28-29).

3. Отдельные случаи прогрессивной лабиальной ассимиляции отмечены в печорском диалекте. В названном диалекте гласная [o] может ассимилировать гласную [ö] последующего слога. Данное явление может встречаться как в корневой морфеме, так и на стыке морфем: *лоо* (<лоö) ‘придется’, *локтан воо* (<воö) ‘в будущем году’, *воома* (<воöма) ‘оказывается, пришел’, *гожом* (<гожöм) ‘лето’, *омол* (<омöл) ‘плохой, слабый’, *понол* (<поноöл) ‘молодая елка, пихта’, *гормог* (<гормöг) ‘перец’, *с’ором* (<с’орöм) ‘скирда’ (ПД: 15).

4. В ижемском диалекте встречается как прогрессивная, так и регрессивная лабиальная ассимиляция. Явление прогрессивной ассимиляции гласных состоит в уподоблении гласными [o], [y] предыдущего слога гласных [ы], [и], [ö] последующего слога: *йокуш* (<йокыш) ‘окунь’, *горуш* (<горыш) ‘горло’, *йугуд* (<йугыд) ‘светлый’, *син бугул* (<бугыл) ‘глазное яблоко’, *мукод* (<мукöд) ‘некоторые’, *йуор* (<йуöр) ‘весть’, *ул’л’оо* (<ул’йöл) ‘молоко’, *сун’ус* (<сун’ис) ‘нитка’, *чусу* (<чусы, чуси) ‘серьги’, *коло* (<колö) ‘надо’, *вошома* (<вошöма) ‘потерялся’.

В данном диалекте наблюдаются единичные случаи регрессивной лабиальной ассимиляции, вследствие которой гласные [a], [э], [ö], [ы] предшествующего слога уподобляются гласным [y], [o] последующего слога: *Букур* (<Бакур) ‘название деревни’, *отор* (<öтор) ‘одна сторона’, *мушку* (<мышку) ‘спина’, *модор* (<мöдор) ‘другая сторона’ (ИД: 35).

Наряду с лабиальной ассимиляцией в диалектах коми языка встречается явление *выравнивания гласных по ряду и подъему*. Данный вид ассимиляции также может быть прогрессивным и регрессивным. В диалектах чаще встречается уподобление:

- а) широким гласным [a] гласных [и], [ы], [ö], [э];
- б) гласным [ö] гласного [ы].

Прогрессивная ассимиляция широким гласным [a] гласных [и], [ы], [ö], [э] встречается в верхневычегодском, ижемском, печорском и среднесысольском диалектах: сс. *больничаан* (<больничаны) ‘в больнице’, *лавкаа* (<лавкаö) ‘в магазин’, *быдлаа* (<быдлаö) ‘повсюду’, *öтлаан* (<öтлаын) ‘вместе’, *унаан* (<унаöн) ‘многие’ (ССД, 8); вв. *ваа* (<ваэ) ‘в воду’, *саас* (<саэс) ‘запачканный сажей’, *саас’тни* (<саэс’тни) ‘выпачкать сажей’, *выл’лаа* (<выл’лаэ) ‘на новое место’,

вэраай-над'эйаай (<*вэраэй-над'эйаэй*) 'моя вера и надежда', *вэтлэмаас* (<*вэтлэмаэс*) 'оказывается, сходили', *кэркаан* (<*кэркаин*) 'в доме' (ВВД: 24-25); печ. *ыстёмаас* (<*ыстёмаос*) 'отправили', *кагаан* (<*кагаон*) 'с ребенком', *кэркаан* (<*кэркаын*) 'в доме', *нормаад быдлаан тырө* (<*нормаыд быдлаын*) 'норма везде выполняется', *субöтаа* (<*субöтаө*) 'в субботу' (ПД: 15); иж. *мичаас* (<*мичаэс*) 'красивые', *вөл'аан мунэ* (<*вөл'аэн*) 'идет по собственному желанию' *нышийэмаас* (<*нышийэмаэс*) 'сбежали', *мун'э школаа* (<*школаэ*) 'идет в школу', *өтик вос'аас* (<*вос'аэс*) 'одногодки', *вартам кичигаан* (<*кичигаэн*) 'молотим кичигой' (ИД: 35).

Регрессивная ассимиляция гласным [а] гласных [и], [э], [ы], [ö], [у] встречается в верневычегодском и ижемском диалектах. В верхневычегодском диалекте данная ассимиляция может встречаться не только на стыке морфем, но и на стыке слов: вв. *рушкаа* (<*рушкау*) 'беременная', *абаас* (<*абуас*) 'на нет', *йурс'аа* (<*йурс'иа*) 'с волосами', *мэлаа* (<*мэлиа*) 'ласково', *с'орн'аа* (<*с'орн'иа*) 'разговорчивый', *ма ачим* (<*мэ ачим*) 'я сам', *та ачид* (<*тэ*) 'ты сам', *аба аслам* (<*абу*) 'не мой' (ВВД: 24-26); иж. *пыж нырас пуктама* (<*пуктэма*) 'в носовую часть лодки положил', *чой мунама* (<*мунэма*) 'сестра ушла', *гортас каама* (<*каэма*) 'ушел домой', *н'арсэ гуама да сундукэ пуктама* 'замшу он украл и положил в сундук' (ИД: 36).

В лузско-летском и нижневычегодском диалектах распространено уподобление конечного гласного [ы] гласному [ö] предыдущего слога в глаголах 3 лица мн. числа настоящего времени: лл. *мунöнө* (<*мунöны*), 'идут', *л'өмсө кос'төнө* 'черемуху сушат', *пэл'л'ас лудөнө* (<*лудөнны*) 'в ушах чешется', *бур йөз уткаалөнө* (<*уткаалөнны*) 'добрые люди охотятся на уток' (ЛЛД: 80); нв. *тадз өмөй корлөнө* (<*корлөнны*) 'разве так просят', *ювалөнө* (<*ювалөнны*) 'спрашивают', *гус' вузалөнө* (<*вузалөнны*) 'гуся продают', *кык вок локтөнө* (<*локтөнны*) 'два брата идут' (ОКЗР 18-26).

1.1.3.2. Выпадение гласных

Выпадение гласных звуков является для диалектов коми языка типичным признаком. Выпадению подвергаются, как правило, фонетически наиболее слабые гласные. В коми диалектах выпадению обычно подвергается гласный [ы], реже гласные [и], [э], [ö], [а], [у].

Гласный [ы] в диалектах коми языка выпадает в следующих случаях:

1) во всех диалектах из второго закрытого слога основы глаголов перед словообразовательными суффиксами, начинающимися с гласного: вс. *кымн'-ал-ны* (<*кымын* 'навзничь') 'опрокидывать', 'жениться', *т'эпс'-ал-ны* (<*т'эпыс* 'рукавица') 'надеть рукавицы'; вым. *аск-оо-ны* (<*асык* 'обруч') 'набить обруч на кадку', *гырс'-оо-ны* (<*гырыс* 'крупный') 'становиться крупным' (ВСД: 29; ЛЛД: 9; ВД: 25); сс. *курд-ал-ны* (<*курыд* 'горький') 'сделаться горьким', *пажн-айт-ны* (<*пажын* 'полдник') 'полдничать' (ССД: 8); иж. *номр-эс'-с'-ыны* (<*номыр* 'червь') 'зачервиветь', *зырм-ас'-ны* (<*зырым* 'сопли') 'высморкаться' (ИД: 38);

2) гласный [ы] второго закрытого слога основы наречий образа действия перед словообразовательным суффиксом, начинающимся с гласного: лл. *пэмда* (<*пэмыд*) 'тускло, темно', *шонда кышас'ны* (<*шоныд*) 'тепло одеться' (ВВД: 11); *н'эбдаа* (<*н'эбыд*) 'мягко', *йугдаа* (<*югыд*) 'ярко', *с'өктаа* (<*с'өкыд*) 'тяжело', *топтаа* (<*топыд*) 'крепко' (ИД: 38); вым. *с'өкта рөбитны* (<*с'өкыд*) 'тяжело работать, выполнять тяжелые работы' (ВД: 145); уд. *с'өктас* (<*с'өкыд*) *локтө*, *муйкө н'и вайас* 'тяжело идет, что-то уже несет', *бөрнас* (<*бөрын*) 'после, потом' (УД: 17, 84); нв. *чорда* (<*чорыд*) 'крепко, сильно', *чукл'а* (<*чукыл*) 'криво' (НВД: 23);

3) в верхнесысольском и лузско-летском диалектах [ы] выпадает из состава притяжательно-указательных суффиксов 2 и 3 лица ед. числа *-ыд*, *-ыс* при присоединении их к основе с конечными [а], [и], [ö]: вс. *өтөрт'ис* (<*өтөрт'иыс*) *пыран*, *мөдөрт'ис* (<*мөдөрт'иыс*) *пэтан* 'с одной стороны заходишь, с другой выходишь', *сир воргат'ис вийало* (<*воргат'иыс*) 'смола течет по желобу', *улыишто пышс'ад* (<*пышс'аыд*) *өдздэжык нэтикан* 'посконь выдергиваешь раньше конопли' (ВСД: 27); лл. *зонкас* (<*зонкаыс*) 'мальчик-то', *с'инвад* (<*с'инваыд*) 'твои слезы', *Өд'өс* (<*Өд'өыс*) 'Авдотья-то' (ЛЛД: 11);

4) в верхнесысольском диалекте гласный [ы] выпадает из преклюзивной формы личных местоимений 1 и 2 лица ед. числа и возвратно-личных местоимений 2 и 3 лица ед. числа: *мэс'с'ам* (<*мэс'с'аым*) 'по сравнению со мной', *тэс'с'ад* (<*тэс'с'аыд*) 'по

сравнению с тобой’, *ас’с’ад* (<*ас’с’айд*) ‘по сравнению с тобой самим’ (ВСД: 28).

Выпадение гласных [и], [э], [ö], [а], [у] в диалектах коми языка наблюдается во втором закрытом слоге основы перед словообразовательными суффиксами, начинающимися с гласного: *нел’ пельса* ‘четырёхугольный’, *ыджыд гөлса* (<*гөлөс* ‘голос’) ‘громкоголосый’, *лабчө* (<*лабич* ‘лавка’) ‘на лавку’, *турна* (<*турун* ‘трава’) ‘хорошим травостоем’, *куз’ вурна* (<*вурун* ‘шерсть’) ‘с длинной шерстью’ (ЛЛД: 10); сс. *томналны* (<*томан* ‘замок’) ‘запереть замок’, *йигналны* (<*йиган* ‘запор’) ‘запереть’, *пал’ча пос* (<*пал’ич* ‘палка’) ‘приставная лестница, стремянка’ (ССД: 8); вв. *вэжн’ас’ни* (<*вэжин* ‘перекос’) ‘перекашиваться’, *вил’шас’ни* (<*вил’ши* ‘шаловливый’) ‘шалить’, *вуджрас’ни* (<*вуджэр* ‘тень’) ‘двигаться как тень, мелькать’, *йигрални* (<*йигэр* ‘ощупывание’) ‘искать на ощупь’, *агсас’ас* (<*агас* ‘борона’) ‘боронит’ (ВВД: 45-46); нв. *дзордзавны* (<*дзоридз* ‘цветок’) ‘цвести’, *номсас’ны* (<*номөс* ‘прихоть к особым блюдам’) ‘проявлять прихотливость к еде’, *чөлнас’ны* (<*чөлан* ‘круг, кружок’) ‘катать круг’ (НВД: 22-23); вым. *гөрдздыны* (<*гөрөд* ‘узел’) ‘завязать, начать вязать’, *вол’сооны* (<*вол’өс* ‘подстилка’) ‘стлать, постлать’, *агсооны* (<*агас* ‘борона’) ‘боронить, бороновать’, *кал’чооны* (<*кал’ич* ‘запор’) ‘запирать на задвижку’, *кодзлооны* (<*кодзув* ‘звезда’) ‘блестеть, сверкать’ (ВД: 25-26); уд. *коз’нас’ны* (<*коз’ин* ‘свадебный подарок’) ‘дарить, одаривать’, *өшин’улө* (<*өшин* ‘окно’) ‘под окно’, *ул’чө* (<*улич* ‘улица’) ‘на улицу’, *быгравны* (<*быгөр* ‘рубец’) ‘подрубить’, *дорсавны* (<*дорөс* ‘край’) ‘заниматься боронованием’, *аб* (<*абу* ‘нет’) ‘нет’, *кодзла, код’ла* (<*кодзув* ‘звезда’) ‘звездный’ (УД: 16-17); иж. *гэждаа волэ* (<*гэжэд* ‘редкий’) ‘редко бывает’, *пытсооны* (<*пыдэс* ‘подошва’) ‘пришить подошву’, *турнас’ны* (<*турун* ‘трава’) ‘ставить сено’, *томноо* (<*томан* ‘замок’) ‘закрой замок’ (ИД: 38).

В отдельных диалектах наблюдается выпадение гласных при стечении однородных или разнородных гласных на стыке морфем. При стечении разнородных гласных (широкого и узкого, лабиализованного и нелабиализованного) сохраняются широкие гласные и выпадают узкие; сохраняются лабиализованные, выпадают нелабиализованные: вв. *кэркад* (<*кэркаад*) ‘в твоём доме’, *пис’мэн*

(<пис'мээн) 'письмом', чэрид (<черид) 'рыба-то', йурс'ис (<йурс'иис) 'его волосы' унас' (<унаис') 'много раз', картан (<картаин) 'в хлеву', вэkn'а (<вэkn'иа) 'узко', комэн (<комиэн) 'по-коми', рушкун (<рушкун) 'в животе', таводз (<тавоэдз) 'до нынешнего года' (ВВД: 41-42); скр. важон тыла вөд'итлөмас' (<вөд'итлөмаөс') 'раньше занимались подсеками', турунсө л'угөмас' вөвйас (<л'угөмаөс') 'лошади траву вытоптали' (ПСД: 27); сс. өтлас'лыны (<өтлаас'лыны) 'встретиться, побыть вместе', бобөй (<бобөй) 'милый мой', бос'төмас' (<бос'төмаөс') 'взяли', корөмас' (<корөмаөс') 'позвали', кайөмас' (<кайөмаөс') 'поднялись' (ССД: 8); лл. өтлас (<өтлаас) 'вместе-то', мэстас' (<мэстаыс') 'с места', йонас (<йонаыс) оз йу 'сильно не пьет' (ЛЛД: 11).

В ижемском и вымском диалектах северного наречия в ряде заимствованных слов выпадает конечный гласный корневых морфем: вым. пан'эр 'фанера', час 'часы', карт 'карта', гранат 'граната', ракэт 'ракета', көл'эн 'колени', каструл' 'кастрюля', колош 'калоша', стад 'стадо' (ВД: 53); иж. пим 'пимы', мод 'мода', час 'часы' (ИД: 38).

1.1.3.3. Вставка неэтимологических гласных

Вставочные неэтимологические гласные в диалектах коми языка появляются преимущественно в заимствованных словах с нетипичным для коми языка стечением согласных в начале, середине и конце слова. Вставка гласных наблюдается в верхневычегодском, удорском и вымском диалектах.

1. Для устранения инициального стечения согласных в соседстве с веллярными согласными появляются вставочные гласные [ы], [о], [э], в соседстве с палатальными – гласные [и], [э], реже [о]. При этом вставочные гласные могут присоединяться к началу слова или появляться между консонантным стечением: вв. ыртут' 'ртуть', ыштэ 'что', вторн'ик 'вторник' (ВВД: 69); уд. вэрэд'итны 'вредить', жэрэбэй 'жеребий', сэрөд 'среда' (УД: 18); вым. был'ыд 'блюдо' (ВД:52).

2. Вставка гласных для устранения сочетаний согласных в конце слова также происходит двумя способами: добавлением к финальному стечению согласных или появлением внутри консонантного

стечения: вв. *н'эрви* 'нерв', *гöрин* 'горн' (ВВД: 69); уд. *грузл'и* 'груздь', *прыштиши* 'прыщ' (УД: 18); вым. *кадра* 'кадр', *н'эрва* 'нерв', *насмэрка* 'насморк', *л'итра* 'литр', *искыр* 'искра', *викöр* 'вихрь', *цинка* (<*цинк*) 'проволочный канат' (ВД: 52).

3. В середине слова для устранения сочетания согласных *н'ч*, *л'ч*, *мч* употребляется вставочный гласный [и]: уд. *кол'ича* 'кольцо', *вэн'ичайтны* 'венчать', *көн'ичайтны* 'кончать', *кринича* 'кринка', мужичина 'мужчина' (УД: 18).

Аналогичная вставка гласных может иметь место также и в исконных словах: уд. *вöйиса* (<*вос'са*) 'открытый', *йойиса* (<*йос'а*) 'остро', *пэл'иса* (<*пэл'са*) 'кадка', *кырсу* (<*кырсу*) 'кора', *корсу* (<*корсу*) 'ищи', *горыш* (<*горыш*) 'горло', *йуышты* (<*йуышты*) 'попей', *порис* (<*порис*) 'свинья', *кис'ты* (<*кис'т*) 'налей', *оз л'ис'ты* (<*оз л'ис'т*) 'не смеет' (УД: 18).

1.1.3.4. Междиалектная корреспонденция гласных

Междиалектная корреспонденция гласных представляет собой звукосоответствия гласных в одной и той же форме слова в различных языковых системах (диалектах). Междиалектная корреспонденция гласных в коми языке представлена весьма широко и имеет место как в первом, так и непервом слоге слова. Наиболее типичными междиалектными звукосоответствиями являются следующие:

Корреспонденция гласных [ы] // [и]

В диалектах северного наречия, чаще нижневычегодском и удорском, реже вымском, ижемском и верхневычегодском в первом слоге слова в позиции перед и после палатальных согласных в ряде корней употребляется гласный [и], тогда как в диалектах южного наречия, а также в присыктывкарском диалекте, в этой же позиции наличествует гласный [ы]: нв. уд. *йив*, вс. лл. сс. вв. (Крч.) печ. *йыл*, вв. (Дер.) *йыв*, вым. иж. вв. (Бог.) *йыы* 'верхушка, вершина' (ССКЗД: 143); нв. *т'ин'дзи*, вым. л. (Об.) *кин'дзи*, печ. *кин'дза*, вс. сс. вв. скр. *кын'дзи* 'за исключением, кроме' (ССКЗД: 187); нв. уд. *с'ивны*, вс. лл. сс. печ. *с'ылны*, скр. л. (Об.) *с'ывны*, вв. (Крч.) *с'ылни*, вым. иж. *с'ыыны*, вв. (Бог.) *с'ыыны* 'петь' (ССКЗД: 357); нв. уд. *рис*, вс. лл. сс.

скр. вв. вым. иж. печ. *рыс* 'творог, сыр' (ССКЗД: 326); нв. *йит'и*, вым. иж. *йикыы*, вв. печ. скр. *йики*, вс. сс. лл. *йыкы* 'ость, усик ячменя' (ССКЗД: 140); нв. уд. *с'ил'и*, нв. *с'или*, вс. лл. сс. скр. печ. вв. вым. иж. *с'ыли* 'шея' (ССКЗД: 357); нв. *н'илавны*, сс. печ. *н'ылалны*, скр. *н'ылавны*, вв. (Крч.) *н'ылални*, вв. (Бог.) *н'ыллооны* 'глотать' (ССКЗД: 250); нв. уд. *н'ив пу*, уд. *ний пу*, л. (Об.) скр. *нбыв пу*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. *нбыл*, *нбыл пу*, вв. (Бог.) вым. иж. *нбыы*, *нбыы пу* 'пихта' (ССКЗД: 250); нв. уд. *н'илӧм*, вс. вым. л. (Об.) лет. печ. скр. сс. *н'ылӧм*, иж. вв. *н'ылэм* 'пот, испарина' (ССКЗД: 256).

Данная междиалектная корреспонденция возникла в результате изменения первичного [ы], возникшего из прапермского **й̆*, под влиянием палатальных согласных в *i* в северной диалектной зоне (**й̆* > *i* > *i*) (Некрасова 2000: 26).

Корреспонденция гласных [ы] // [и] встречается также в непервом слоге слова. Гласному [и] в диалектах северного наречия соответствует гласный [ы] в диалектах южного наречия: вв. нв. уд. иж. вым. печ. скр. *козин*, сс. лл. *коз'ын*, вс. *кӧз'ын* 'дар, подарок невесты во время свадьбы' (ССКЗД: 60); вв. вым. иж. скр. уд. *кусин*, вс. лл. сс. *кусын* 'изгиб' (ССКЗД: 182); вв. вым. иж. *кымин*, вс. лл. сс. печ. нв. скр. *кымын*, уд. *кымса* 'ничком, ниц, лицом вверх' (ССКЗД: 187); нв. уд. вым. иж. *лавич*, вс. сс. *лабыч*, вв. лл. печ. скр. *лабич* 'лавка вдоль стены в крестьянской избе' (ССКЗД: 191).

В прапермский период гласный **i* в большинстве коми диалектов, за исключением верхневычегодского, перешел в *i*. Корреспонденция гласных [ы] // [и] в непервом слоге слова указывает на самостоятельное развитие общепермского **i* в диалектах коми языка (Некрасова 2000: 50-51).

В диалектах коми языка корреспонденция [ы] // [и] может распространяться и на суффиксальные морфемы. Причиной возникновения данного явления можно также считать воздействие соседних палатальных согласных. Сфера действия корреспонденции [ы] // [и] распространяется на следующие суффиксальные морфемы:

1) суффикс аблатива: вв. уд. *-лис'* // др. диал. *-лыс'*: *чойлис'* // *чойлыс'* 'у сестры', *мортлис'* // *мортлыс'* 'у человека', *мийанлис'* // *мийанлыс'* 'у нас';

2) суффикс инессива: вв. нв. *-ин* // др. диал. *-ын*: *биин* // *биын* 'в огне', *чэриин* // *чэриын* 'в рыбе', *дӧвэчин* // *дӧвэчын* 'быть вдовцом';

3) суффикс элатива: вв. уд. нв. **-ис'** // др. диал. **-ыс**. В нижневычегодском диалекте суффикс с начальным [и] **-ис'** встречается в словах с основой на палатальный согласный или гласный переднего ряда. В остальных случаях функционирует суффикс **-ыс'**: *киис'* // *кыыс'* 'из руки', *биис'* // *быыс'* 'из огня', *пэл'ис'* // *пэл'ыс'* 'из уха', *чун'ис'* // *чун'ыс'* 'из пальца' и т.д;

4) притяжательно-указательные суффиксы 2 и 3 лица ед. числа, 1, 2, 3 лица мн. числа: нв. вв. **-ид** // др. диал. **-ыд**: *кан'ид* // *кан'ыд* 'твоя кошка', *чэл'ад'ид* // *чэл'ад'ыд* 'твои дети'; нв. вв. **-ис** // др. диал. **-ыс**: *пан'ис* // *пан'ыс* 'его ложка', *бат'ис* // *бат'ыс* 'его отец'; вв. **-ним**, **-нид**, **-нис** // **-ным**, **-нум**, **-ныд**, **-ныс**: *с'иннаним* // др. диал. *с'иннаным* 'нашим глазом (взглядом)', *пунид* // *пуныд* 'ваше дерево', *н'ан'нис* // *н'ан'ныс* 'их хлеб'.

Отдельные случаи функционирования суффиксов 2 и 3 лица ед. числа **-ид**, **-ис** зафиксированы в среднесыольском и присыктывкарском диалектах: скр. *мамлан'ис* 'в сторону своей матери', *н'ан'ис* 'хлеб-то' (ПСД: 24); сс. *тэн'с'ид* 'у тебя', *бийис* 'огонь-то' (ССД: 12). Данные суффиксы встречаются в вышеназванных диалектах после палатальных согласных;

5) словообразовательный суффикс существительных: вв. уд. нв. **-ис'** // др. диал. **-ыс'**: *гөрис'* // *гөрыс'* 'пахарь', *төдис'* // *төдыс'* 'знахарь', *пус'ис'* // *пус'ыс'* 'повар', нв. *бөрдөдзчис'*, уд. *бөрдөтчис'*, вв. *бөрдэдчис'* // сс. *бөрдөдчысь*, скр. *бөрдөдзчыс'*, печ. *бөрдөдс'ыс'*, иж. *бөрдэччыс'* 'плакальщица, причитальщица' (ССКЗД: 25);

6) суффикс причастия настоящего времени: вв. нв. уд. сс. **-ис'** // др. диал. **-ыс'**: *бөрдис'* кага // *бөрдыс'* кага 'плаксивый ребенок', *полис'* морт // *полыс'* морт 'пугливый человек';

7) суффикс инфинитива: вв. **-ни**, **-ини** // др. диал. **-ны**, **-ыны**: вв. *лойни*, вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *лойны* 'месить, смесить, размешивать, мять' (ССКЗД: 201); вв. *мунни*, вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *мунны* 'идти, уходить, уехать, ехать' (ССКЗД: 227);

8) глагольные суффиксы: вв. **-ишт**, **-ил** / **-ив**, **-илл** / **-ивл**, **-лил** / **-лив** // др. диал. **-ышт**, **-ыл**, **-ылл**, **-ылл** / **-лыв**: *муништни* // *муныштны* 'подвинуться', *аддзивишни* // *аддзывлыны* 'встречать, видеть', *ыстиллини* // *ыстывлыны*, *ыстыллыны* 'посылать';

9) непродуктивные суффиксы прилагательных: вв. *-ид, -ир, -ис', -иш, -ил'* // др. диал. *-ыд, -ыр, -ыс, -ыш, -ыл*: *көдзид // көдзыд* 'холодный', *вил'иш // вил'ыш* 'шаловливый', *гудир // гудыр* 'мутный', *гырис' // гырыс'* 'крупный', *жугил' // жугыл'* 'грустный' (ССКЗД: 51, 92, 169).

Корреспонденция гласных [ы] // [и] в диалектах коми языка может быть обратного порядка, когда в ряде корней в южной диалектной зоне, а также в присыктивкарском и отдельных говорах верхне-вычегодского диалектов наличествует гласный [и], которому соответствует [ы] северных диалектов. Данная корреспонденция встречается:

а) в первом слове: лл. сс. печ. скр. вв. (Крч.) *кин'*, вв. (Бог.) *вым. иж. нв. уд. кын'* 'искра' (ССКЗД: 155); вс. лл. сс. скр. вв. *киз'*, скр. л. *тиз'*, *вым. иж. нв. уд. кыз'* 'пуговица, пуговка' (ССКЗД: 154); вс. печ. сс. *исколтны*, скр. *исковтны*, нв. уд. л. (Об.) *ысковтны*, лл. *ысколтны*, вв. (Крч.) *ысколтни*, *вым. иж. ыскотны* 'скатиться, покатиться, съехать' (ССКЗД: 138);

б) в непервом слове: сс. печ. скр. вв. *шабди*, нв. уд. иж. *вым. вс. шабды*, лл. *шабд'и* 'лен, льняной' (ССКЗД: 423); сс. печ. скр. вв. *шобдi*, лл. *шобд'и*, *вым. иж. нв. уд. шобды*, вс. *шобды* 'пшеница, пшеничный' (ССКЗД, 431); сс. л. (Об) лет. скр. вв. *шондi*, вс. *вым. иж. нв. уд. печ. шонды* 'солнце' (ССКЗД: 433); сс. печ. скр. *юрбитны*, вв. *юрбитни*, нв. *юрбытны*, *вым. иж. юбыртны* 'молиться, поклоняться, кланяться' (ССКЗД: 452).

Корреспонденция гласных [ö] // [э]

Данная корреспонденция встречается как в первом, так и непервом слове. Следует подчеркнуть, что в большей степени названная корреспонденция свойственна непервому слогу. В первом слове слова для корреспонденции [ö] // [э] сложно установить закономерность, поскольку она может варьировать между различными диалектами, а также говорами одного диалекта.

В первом слове слова корреспонденция [ö] // [э] может быть представлена следующими примерами: *вым. нв. скр. с'өмдыны*, вс. лл. печ. сс. *с'эмдыны*, вв. *с'эмдини*, уд. *сэмавыны*, иж. *ös'амайтны* 'закатиться (смехом, плачем, кашлем' (ССКЗД: 356); *вым. иж. с'өрти*,

нв. уд. *с'өрт'т'и*, л. (Об.) *с'өрки*, вс. вым. (Он.) уд. (Гл.) *с'өрт'и*, вв. скр. сс. *с'эрт'и* 'против, по сравнению с, согласно' (ССКЗД: 333); вв. (Бог.) вс. вым. иж. лл. нв. уд. *кок чөр*, вв. (Крч.) скр. сс. *кок чэр* 'голень, берцо' (ССКЗД: 408); нв. скр. *чөжйөв*, вв. (Крч.) печ. *чөжйөл*, вв. (Бог.) вым. *чөжйöö*, сс. *чэжйөл*, уд. *тиежйөв* 'молозиво' (ССКЗД: 416); нв. *дзөрөдны*, иж. *дзөрэдны*, вв. (Крч.) *дзөрэдни*, уд. *дзөрдны*, вс. лл. печ. скр. сс. *дзэрөдны*, вв. (Дер.) *дзэрэдни* 'дразнить, раздражать, обижать, доводить до слез (ребенка)' (ССКЗД: 102); нв. уд. (Гл.) л. *йөмкө*, иж. *йөмкэ*, вым. уд. (Гл.) *йөмкыд*, лет. *йэмкө*, вв. (Бог.) иж. *йэмкэ* 'удобный, ловкий, удобно, ловко; легко, приятно (на душе)' (ССКЗД:142); вв. вым. лет. нв. печ. скр. уд. *зөридз*, л. (Об.) *зөрч*, сс. *зэридз*, вс. *сэридз* 'хвоц иловатый' (ССКЗД: 132).

В первом слоге слова в корневой и суффиксальных морфемах корреспонденция [ö] // [э] относительно регулярно выступает между следующими диалектами: [э] – верхневычегодский, нижневычегодский, ижемский, [ö] – южные диалекты, присыктывкарский, удорский, вымский.

В первом слоге слова в корневой морфеме: вым. нв. печ. скр. уд. (Гл.) *корөс'*, вв. иж. уд. *корэс'*, сс. лл. *корс'а*, вс. *көрс'а* (ССКЗД: 165); вс. вым. лл. печ. скр. сс. уд. *куйөд*, вв. нв. *куйэд* 'навоз', иж. *куйэг* 'навозная куча' (ССКЗД: 178); вым. лл. печ. скр. сс. уд. *кон'өр*, вс. *көн'өр*, вв. иж. нв. *кон'эр* 'бедный, жалкий, несчастный; бедняга' (ССКЗД: 164); л. (Об.) скр. *в'эт'өк*, л. *вэкөт'*, вв. нв. сс. *вэт'эк*, уд. *вэкэт'* 'тряпка' (ССКЗД: 47); вым. лл. печ. скр. сс. уд. *дзодзөг*, вв. иж. нв. *дзодзэг*, вс. *дзөдзук* 'гусь' (ССКЗД: 104); вс. вым. лл. скр. сс. уд. *майөг*, вв. иж. нв. *майэг* 'кол' (ССКЗД: 216); вс. вым. лл. печ. скр. сс. *н'ил'өг*, вв. нв. сс. *н'ил'эг*, печ. (Медв.) уд. *н'ул'өг*, иж. *н'ул'эг*, уд. *н'ул'ыд* 'слизкий, скользкий, склизкий' (ССКЗД: 241); лл. печ. скр. сс. уд. *пэл'өс*, вв. вым. иж. нв. *пэл'эс* 'угол' (ССКЗД, 280); вым. печ. скр. уд. *кочөг*, вв. нв. сс. *кочэг* 'колики' (ССКЗД: 168).

Корреспонденция [ö] // [э] в суффиксальных морфемах распространяется:

а) на суффикс генитива: вв. иж. **-лэн** // др. диал. **-лөн**: *кукан'лэн* // *кукан'лөн* 'у теленка', *воклэн* // *воклөн* 'у брата', *көрлэн* // *көрлөн* 'у оленя', *сылэн* // *сылөн* 'у него';

б) суффикс аккумулятива: вв. иж. нв. **-эс** // др. диал. **-өс**: *кэркаэс* // *кэркаөс* 'дом', *мамэс* // *мамөс* 'маму';

в) суффикс инструменталю: вв. нв. иж. **-эн** // др. диал. **-өн**: *көрэн* // *көрөн* 'оленем', *пыжэн* // *пыжөн* 'лодкой';

г) суффикс комитатива: вв. иж. **-кэд** // др. диал. **-көд**, уд. **-көт**: *чойкэд* // *чойкөд*, *чойкөт* 'с сестрой', *бат'кэд* // *бат'көд*, *бат'көт* 'с отцом';

д) показатель абессива: вв. **-тэг**, иж. **-тэг**, **тэгйа** // др. диал. **-төг**, **төгйа**: *н'ан'тэг* // *н'ан'төг* 'без хлеба', *мэтэг*, л. *менамтөг* 'без меня';

е) суффикс иллатива: вв. иж. нв. **-э** // др. диал. **-ө**: *вөрө* 'в лес', *биэ* // *биө* 'в огонь';

ж) суффикс транзитива: вв. иж. нв. **-эд** // **-өд**: *туйэд* // *туйөд* 'по дороге', др. диал. *киэд* // *киөд* 'за руку, по руке';

з) суффикс терминатива: вв. иж. нв. уд. лл. **-эдз** // др. диал. **-өдз**: *карэдз* // *карөдз* 'до города', *гол'аэдз* // *гол'аөдз* 'по горло';

и) определенно-притяжательные суффиксы 1 лица ед. числа: вв. **-эй**, нв. иж. **-э** // скр. сс. печ. **-өй**, вым. уд. **-ө**, сс. **-эй**: *бат'эй*, *бат'э* // *бат'өй*, *бат'ө* 'мой отец', *с'инмэй*, *с'инмэ* // *с'инмөй*, *с'инмө* 'мой глаз';

к) показатели глагола 3 лица ед. и мн. числа настоящего времени: ед.ч. вв. иж. **-э** // др. диал. **-ө**: *мунэ* // *мунө* 'он идет', *уз'э* // *уз'ө* 'он спит', мн. ч. вв. **-эни**, иж. **-эныс** // скр. сс. вым. **-өны**, лл. **-өнө**, вс. **-өныс**: *с'ойэни*, *с'ойэныс* // *с'ойоны*, *с'ойөныс*, *с'ойөнө* 'они кушают', *локтэни*, *локтэныс* // *локтөны*, *локтөнө*, *локтөныс* 'они идут';

л) показатели 2 и 3 лица ед. и мн. числа II прошедшего времени (модального перфекта): 2 лицо ед.ч. вв. **-эмид**, иж. **-эма** // др. диал. **-өмыд**; 3 лицо ед. ч. вв. иж. **-эма** // др. диал. **-өм**, **-өма**; 2 лицо мн. ч. вв. **-эмнид**, иж. **эмаэс'** // др. диал. **-өмныд**, **-өмаөс'**: *гижэмыд*, *гижэма* // *гижөмыд*, 'ты, оказывается, написал', *с'ылэмнид*, *с'ылэмаэс'* // *с'ылөмныд*, *с'ылөмаөс'* 'они, оказывается, спели'.

С исторической точки зрения данная междиалектная корреспонденция связана с общепермским **ε* непервого слога, сохранившимся в верхневычегодском и ижемском диалектах и замещенном **Е** в других коми-зырянских диалектах (Лыткин 1964: 238-239). В отдельных примерах возникновение данной корреспонденции можно объяснить воздействием палатальных согласных и переходом [ö] в [э].

Корреспонденция гласных [ы] // [у]

Данная корреспонденция имеет место в первом слоге слова и во втором закрытом слоге слова непроемной основы. В первом слоге слова встречается в следующих примерах: л. (Об.) скр. *быглявны*, вс. лл. *быгл'алны*, вв. (Крч.) *быгл'ални*, нв. уд. *бугл'авны* 'катать, раскатать' (ССКЗД: 32); скр. *кын'аув*, сс. *кын'аул*, печ. лл. *кын'улт*, вв. (Бог.) *кын'уу*, вв. (Крч.) вс. *кин'ул*, нв. уд. *кунув*, вым. иж. *кунуу* 'подмышки' (ССКЗД: 187); вв. вс. лл. печ. скр. сс. *кыдз*, вым. иж. нв. уд. *кудз* 'как, каким образом' (ССКЗД: 185); вс. лл. сс. печ. скр. нв. уд. *мудз*, вв. (Бог.) вым. иж. уд. (Гл.) *мыдз* 'усталость, усталый' (ССКЗД: 226); вым. иж. нв. *мышкыра*, вв. *мышкира*, уд. *мышкыр*, вс. сс. *мушкыра* 'сгорбленный, сутулый' (ССКЗД: 88).

Источником возникновения данной междиалектной корреспонденции в первом слоге слова является общепермский **й*, который дал различные рефлексy в диалектах коми языка: в большинстве диалектов, утратив лабиализованность, перешел в [ы], в других диалектах под влиянием мягких, губных согласных и согласного [к] перешел в [и] (Некрасова 2000: 26).

В непервом слоге слова корреспонденция [ы] // [у] встречается чаще и в большем количестве корней: скр. уд. *визув*, вв. (Крч.) сс. *визул*, л. (Об.) нв. *визыв*, вс. лл. печ. сс. *визыл*, вв. (Бог.) вым. иж. *визыы* 'течение, быстрина, быстрый, подвижный' (ССКЗД: 50); вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. *вурун*, иж. *вурын*, вв. *вурин* 'овечья шерсть' (ССКЗД: 70); л. скр. *бобыл*, л. (Об.) сс. *бобыв*, нв. уд. *бобув*, вв. (Крч.) *бобул*, вым. *бобуу* 'бабочка, мотылек' (ССКЗД: 22); скр. уд. *кодзув*, вв. (Крч.) печ. сс. *кодзул*, вв. (Бог.) вым. иж. *кодзуу*, вс. *кóдзыл*, лл. *кодзыл*, л. (Об.) *кодзыв* 'звезда' (ССКЗД: 159); уд. (Гл.) *дзодзув*, вв. (Крч.) печ. *дзодзул*, нв. *чодзув*, вым. иж. вв. (Бог.) *дзодзуу*, лл. *дзодзыл*, л. (Об.) *чодзыв* 'ящерица' (ССКЗД: 198); вв. (дер.) скр. уд. *н'идзув*, вв. (Крч.), вс. печ. сс. *н'идзул*, вым. иж. вв. (Бог.) *н'идзуу*, лл. *н'идзыл*, л. (об.) *н'идзыв* 'дождевой червь' (ССКЗД: 241); вс. вым. лл. печ. скр. сс. *рузум*, нв. *рузым* 'тряпка, лоскут' (ССКЗД: 325); вв. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *абу*, уд. *аб*, вс. лл. сс. *абы* 'нет, не' (ССКЗД: 9); л. (Об.) скр. *асыв*, вв. (Крч.) вс. лет. печ. сс. *асыл*, вв. (Бог.) вым. иж. *асыы*, печ. *асылки*, уд. *асув* 'утро, утром' (ССКЗД: 14).

Причиной возникновения корреспонденции [ы] // [у] во втором закрытом слого непроизводной основы является лабиализация гласных непервого слога под влиянием твердых согласных.

Корреспонденция гласных [ô] // [ö] // [o] // [y]

Закрытому гласному [ô] верхнесысольского диалекта в ряде корней могут соответствовать гласные [o], [y], [ö] других диалектов. При этом данная корреспонденция может выступать в виде частных звеньев а) [ô] // [y], [o]; б) [ô] // [ö]; в) [ô] // [o], например:

а) [ô] // [y], [o]: вс. *ôзыр*, вым. иж. л. (Об.) нв. печ. скр. сс. уд. *озыр*, вв. *озир*, лет. *узыр* 'богатый' (ССКЗД: 257); вс. *ôн*, лл. скр. сс. *он*, вв. вым. иж. нв. уд. *ун* 'сон' (ССКЗД: 259); вс. *рôз'*, лл. печ. скр. сс. *роз'*, вв. вым. нв. иж. уд. *руз'* 'отверстие, дыра, яма, углубление' (ССКЗД: 320); вс. *сôс'с'ыны*, лл. печ. скр. сс. *сос'с'ыны*, вв. *сус'с'ини*, вым. иж. вв. уд. *сус'кыны* 'отпираться, отрекаться' (ССКЗД: 343); вс. *шôй*, лл. скр. сс. *шой*, вв. вым. иж. нв. уд. *шуй* 'труп, падаль, мертвый' (ССКЗД: 432);

б) [ô] // [o]: вс. *пôн*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *пон* 'собака, пес' (ССКЗД: 292); вс. *шôма*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *шома* 'кислый, прокисший, прокислый' (ССКЗД: 433); вс. *шôч*, вв. лл. печ. скр. сс. *шоч* 'редкий' (ССКЗД: 434); вс. *сôс*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *сос* 'рукав, рукава' (ССКЗД: 343); вс. *нôп* 'ноша, вязанка' (ВСД: 206), вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. *ноп* 'котомка, узел' (ССКЗД: 244); вс. *мôл'* 'ожерелье, бусинка' (ВСД: 201), вв. вым. л. скр. сс. уд. (Гл.) *мол'* 'бусинка, бусина' (ССКЗД: 223);

в) [ô] // [ö]: вс. *кôлуй*, вв. вым. л. (Об.) печ. скр. сс. *кôлуй* 'вещи, имущество, пожитки и скарб' (ССКЗД: 170); вс. *кôнтыс'*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *кôнтус'* 'конопляное семя, конопляный' (ССКЗД: 177); вс. *пôтка*, *кича-пôтка* 'дичь лесная и водоплавающая' (ВСД: 217); вв. вым. иж. л. (Об.) лет. печ. скр. сс. *пôтка* 'птица, дичь' (ССКЗД: 301); вс. *тôлун*, вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *тôрыт*, вв. *тôрит*, сс. л. (Об.) *тôнлун* 'вчера' (ССКЗД: 376);

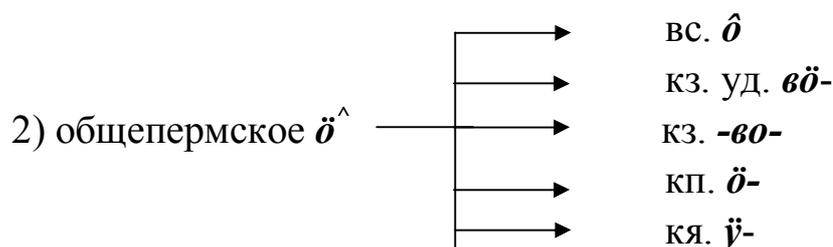
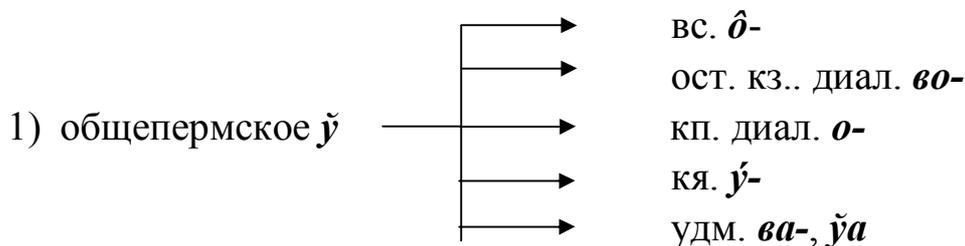
В непервом слого слова верхнесысольскому [ô] могут соответствовать гласные [o], [y], [ö], [ы]: вс. *завôр* (Гр. Кр. Кг. Крв. М.) 'разборное прясло или ворота в изгороди для проезда' (ВСД: 176); вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс. *завор* 'ворота из жердей в изгороди'

(ССКЗД: 127); вс. (Кг.) *лапôð* (ВСД: 195), сс. лл. нв. печ. *лапöð*, вв. *лапэд* ‘клапан’ (ССКЗД: 194); вс. *н’экôр*, вв. вым. лл. нв. сс. скр. уд. *н’экор* ‘никогда, некогда’ (ССКЗД: 237); вс. (Гр. Кг. Уж.) *горадзôл’*, сс. уд. *горадзул’* ‘желтоцвет, луговое растение с ярко-желтыми махровыми цветами’ (ССКЗД: 83); вс. (Гр.) *кôкôл’иччыны*, скр. *коткыл’ччыны*, печ. *кокыл’тчыны*, вв. *кокил’тчини*, нв. *кокыл’ччины* ‘согнуться, скрючиться, сгорбиться, ссутилиться’ (ССКЗД: 167).

По мнению ученых, верхнесыольское закрытое [ô] возникло из общепермских гласных *ô, *o, *ó (<*ô’, *ε), *и, что и является причиной возникновения рассматриваемых междиалектных корреспонденций (Лыткин 1967:29; Некрасова 2000:33).

Корреспонденция [ô] // во // вö, о

В диалектах коми языка в ряде слов начальному закрытому [ô] верхнесыольского диалекта соответствуют сочетания *во-*, *вö* (редко *о*) других диалектов. Причиной междиалектных звукосоответствий являются рефлексы общепермского неслогового *ÿ* и закрытого *ö*[^]. Верхнесыольскому начальному [ô] соответствует в удорском диалекте *вö* (реже *о*), в остальных диалектах *во*.

(Лыткин 1964: 112-115)

[ô] // вö, о // во-: вс. *ôдз*, уд. *вöдз*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *водз* ‘перед, передняя часть’ (ССКЗД: 54); вс. *ôдзöс*, уд. *вöдзöс*, вым. лл. печ. скр. сс. *водзöс*, вв. иж. нв. *водзэс* ‘взятое с возвратом, взаимобразно взятое’ (ССКЗД: 55); вс. *ôдзэс’ны*, уд. *вöйччас’ны*,

вым. иж. нв. печ. скр. сс. *водзсас'ны*, лет. *вачаас'ны*, вв. *водзсас'ни* 'сопротивляться' (ССКЗД: 55); вс. *о́ж*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *вож* 'оглобля' (ССКЗД: 55); вс. *о́й*, уд. *ой*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *вой* 'ночь' (ССКЗД: 56); вс. *о́м*, уд. *во́м*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *вом* 'рот, пасть, зев' (ССКЗД: 58); вс. *о́р*, уд. *во́р*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *вор* 'корыто' (ССКЗД: 59); вс. *о́с'та*, уд. *во́йса*, вв. (Бог. Крч.) лл. печ. скр. сс. *вос'са*, вым. иж. *воиса*, нв. *войиса* 'открытый, раскрытый' (ССКЗД: 61); вс. *о́ча*, уд. *во́йчча*, лл. печ. скр. сс. *воча*, вв. (Бог. Крч.) вым. иж. нв. *водзча* 'напротив, против' (ССКЗД: 62); вс. *о́штыны*, уд. *во́штыны*, вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *воштыны*, вв. *воштини* 'терять, потерять, утерять' (ССКЗД: 62).

1.1.4. Словесное ударение в диалектах коми языка

Словесное ударение в коми языке падает, как правило, на первый слог слова. В диалектах коми языка в отношении ударения наблюдаются отдельные особенности, заключающиеся в развитии процессов морфологизации ударения. Данное явление свойственно в большей степени диалектам южного наречия, однако отдельные случаи постановки ударения не на первый слог слова характерны также для верхневычегодского, удорского, печорского и вымского диалектов. В верхнесыольском и лузско-летском диалектах ударение падает:

а) на словообразовательные суффиксы существительных: **-ан, -анка, -ас, -о́м, -о́р, -ал, -о́д, -ыс', -о́с, -а:** вс. *шэб́рас* 'одеяло', *пэ́шан* 'светец', *тшупо́д* 'зарубка', *о́л'о́с* 'подстилка', *йу́ан* 'питье', *вэ́лод́ис* 'учитель', *пöж́ас* 'выпечка', *чапќанка* 'бросовая вещь'; лл. *олö́м* 'жизнь', *гудырт́ас* 'месиво для скота', *нöйтч́ыс* 'костоправ', *бугыл'т́ан* 'скалка', *бэ́ргáч* 'водоворот', *тшын́ас* 'дымный костер, дымник', *кус'ќан* 'пар, паровое поле';

б) залоговые суффиксы и суффиксы способов глагольного действия: **-ал, -эс', -ыс', -ыл, -о́д, -ыш(т), -о́кт, -о́лт (-олт), -нит, -уйт, -айт, -ас'**: вс. *идра́лны* 'убирать', *вашö́дны* 'гнать', *искóлтны* 'скатиться', *лапн'и́тны* 'моргнуть', *пин'áйтны* 'боронить', *гöтрус́ны* 'жениться', *гарт́ишны* 'завернуть'; лл. *типö́лас'ны* 'родить',

гымíштыны ‘загрохотать’, *н’эмö’стыны* ‘унижать’, *тöргүйтны* ‘торговать’, *быгíл’тны* ‘покатить’;

в) суффикс порядкового числительного **-öд**: *дасö’д* ‘десятый’, *күймö’д* ‘третий’, *н’ол’ö’д* ‘четвертый’, *кват’ö’д* ‘шестой’;

г) суффикс собирательного числительного **-нан**: вс. *кыкнáным* ‘мы оба’, *н’ол’нан пыыс* ‘все четыре сына’, *кват’нан ч’эл’эд’ыс* ‘все шесть детей’;

д) в прилагательных и наречиях с уменьшительно-ласкательными суффиксами **-ик**, **-ник**, и суффиксом сравнительной степени **-джык** (**-жык**) ударение падает на предшествующий данным суффиксам слог: вс. *мичán’ика* ‘хорошенько’, *джагö’н’ик* ‘тихонько’, *ичö’джджык* ‘меньше’; лл. *джэн’íd’ик* ‘коротенький’, *донáджык* ‘дороже’;

е) в лузско-летском диалекте при присоединении к слову вопросительной частицы **-ö** ударение переносится на предшествующий частице слог: лл. *мöдáд-ö* ‘будете-ли’, *чöскíд-ö* ‘вкусно-ли’, *гортíн-ö* ‘дома ли’, *лэдзöмнí-ö* ‘отпустили ли?’ (ЛЛД: 34-35).

В верхнесысольском диалекте особый интерес представляет перенос ударения на конечные гласные **а** и **и** открытого слога в двусложных, реже тресложных, словах как на наиболее сильные звуки. Данная тенденция наблюдается как в исконных, так и в заимствованных словах: *дöрá* ‘холст’, *пин’á* ‘борона’, *гымгá* ‘верша, морда’, *бал’á* ‘ягненок’, *шын’á* ‘улыбка’, *кл’укá* ‘клюка’, *торолкá* ‘тарелка’, *винá* ‘вино’, *прэслá* ‘прясло’, *санкí* ‘санки’, *бал’í* ‘ягненок’, *чэч’í* ‘игрушка’, *гармон’í* ‘гармоника’ (ВСД: 57).

В говорах верхневычегодского диалекта также наблюдаются случаи переноса ударения с первого слога:

а) на словообразовательный суффикс **-ов** (**-oo**, **-o**): *вавóв* (*варoo*, *варo*) ‘разговорчивый, словоохотливый’, *вос’кóв* (*вос’кoo*, *вос’ко*) ‘шаг’;

б) в формах повелительного наклонения глагола при наличии суффиксов **-ов**, **-oo**, **-o** на данные суффиксы: *пукóв* ‘сиди’, (*пукoo*, *пукó*), *пырóв* (*пырoo*, *пырó*) ‘захаживай’, *уджóв* (*уджoo*, *уджó*) ‘работай’;

в) в сложных словах на оба компонента или на первый слог слова: *с’íнкым* ‘брови’, *кíтыр* ‘горсть’, *пáс’кэм* ‘одежда’, *чун’кíтш* ‘кольцо, перстень’;

г) в нуль-эловых говорах слова с долгими или полудолгими гласными в непервом слоге имеют двойное ударение: основное и

побочное. Основное ударение падает на долгий или полудолгий гласный, побочное – на гласный первого слога: *йикы́* ‘ость ячменя’, *ту́рупуу* ‘клюква’, *виз’и́и*, *визи́* ‘течение, быстрина’, *дзодзу́у* ‘ящерица’, *рыты́* ‘западный’ (ВВД: 71).

Колебания в постановке ударения наблюдаются и в печорском диалекте. Под ударением в данном диалекте могут быть:

а) глагольные суффиксы *-ас*, *-öд*, *-ыс’*, *-ал*, *-öт*, *-олт*, *-амм*: *думыш’ис гөтр’ас’ны* ‘задумал жениться’, *пукта́сны* ‘положат’, *найа паныдас’асны* ‘они встретятся’, *туй’алны* ‘выследить’;

б) при логическом выделении слова словоизменительные суффиксы: *менам öд пасйöмá* ‘у меня ведь отмечено’, *вайисны куйимс’о мортö’с* ‘привезли триста человек’, *ставни́м* ‘мы все’, *мунис Петрушинаö’дз* ‘ушел в Петрушино’ (ПД: 21).

В удорском диалекте колебания в акцентуации наблюдаются в следующих случаях:

а) ударение может падать на глагольные словообразовательные суффиксы: *-ав (-ал)*, *-ас*, *-айт*, *-ас’*, *-лывл*: *колö мырйэсö йöр’авны* ‘надо пни выдергивать’, *кыска́лам сэтис’* ‘привозим оттуда’, *рыни́шсö лонт’асны да шöт’асны да водзö куйимйэз лонти́лан* ‘овин затопят (снопы) повесят, затем три раза топят’; *пöж’ас’им* ‘пекли’;

б) часто ударными являются словоизменительные суффиксы глаголов: *пыр’асны* ‘они заходят’, *йöрт’исны* ‘заперли, загнали’, *пас’тас’асны* ‘оденутся’, *нывка пукс’ас* ‘девочка садится’, *йукталышита́* ‘напою’, *ми сийö кос’ти́м* ‘мы его высушили’;

в) при обращении к какому-либо субъекту или выделении говорящим в речи того или иного слова, ударение ставится на конечный слог слова: *чойыс ыджыдж’ик*, *а вокыс пон’идж’ик* ‘сестра старше, а брат младше’, *Н’ина́*, *мыччы кн’игасö* ‘Нина, подай книгу’, *кыт’чö нö мöдин*, *чойö’?* ‘куда ты пошла, сестра’, *вöлö’*, *шуас*, *пöран* ‘в лошадь, говорит, превратишься’;

г) в случае переноса ударения на конечные гласные *а* и *и* в заимствованных словах как на наиболее сильные звуки: *дойарка́* ‘доярка’, *матушка́* ‘свекровь’, *сушки́* ‘сушки’ (УД: 29-30).

Перенос ударения с первого слога на другой, часто на суффиксальный, наблюдается в говорах вымского диалекта. При этом ударный слог характеризуется особой экспрессией. Чаще ударными

становятся глагольные суффиксы: *-ас'*, *-ал*, *-öd*: *оттöm туй вылас л'укáлöма* 'на узкой дороге столкнула', *куччисны вэрмас'ны* 'начали бороться', *йуáс'ис да йуáс'ис* 'спрашивал он да спрашивал', *вэрд пö да йуктö'д* 'накорми, мол, и напои'. Наблюдаются также случаи постановки ударения на конечную гласную *а*: *школá* 'школа', *прос'экá* 'просека', *янас* 'отдельно' (Ляшев 1975: 82-88)

Следует подчеркнуть, что к настоящему времени своеобразие акцентуационной системы коми диалектов еще не полностью исследовано и требует дальнейшего детального изучения.

1.2. Консонантизм

Консонантная система диалектов коми языка характеризуется наличием следующих исконных фонем: /б/, /в/, /г/, /д/, /д'/, /ž/, /ž'/, /ж/, /з/, /з'/, /й/, /к/, /л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /п/, /р/, /с/, /с'/, /т/, /т'/, /ч/, /ш/, /ч'/.

Заимствованные из русского языка согласные [ф], [х], [ц], [щ], [р'] в диалектах коми языка не имеют фонетического статуса и употребляются только в заимствованных словах.

Систему согласных можно представить в виде таблицы:

способ образования			место образования						
			губные		язычные				
			губно-губные	губно-зубные	дорсально-зубные	апикально-альвеолярные	какуминально-альвеолярные	среднеязычно-палатальные	заднеязычно-задненебные
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
шумные	взрывные	глухие	п		т			т'	к
		звонкие	б		д			д'	г
	фрикативные	глухие			с		ш	с'	
		звонкие			з		ж	з'	
	аффрикаты	глухие					ч	ч'	
		звонкие					ж	ж'	
соно	смычно-проходные	носовые	м		н			н'	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	щелевые	сере- динные		в				й	
		боковые				л		л'	
	вибранты						р		

1.2.1. Артикуляционная характеристика согласных и их дистрибуция

Фонема /п/ – губно-губная, смычная, глухая, шумная, встречается во всех позициях слова: 1) в анлауте: *пу* ‘дерево’, *пан* ‘ложка’, *потас* ‘трещина, щель’; 2) в инлауте: *бинур* ‘костер’, *лэптыны* (вв. лэптини) ‘поднимать, поднять’; 3) в ауслауте: *гöп* ‘углубление, яма’, *сöп* ‘желчь, пузырь’; вв. лл. печ. скр. сс. *вороп*, нв. *ворп*, вс. *öрон* ‘рукоятка, ручка, черенок’ (ССКЗД: 60).

Фонема /б/ – губно-губная, смычная, звонкая, шумная, встречается: 1) в анлауте: *би* ‘огонь’, *бала* ‘колода для гнутья полозьев’, *бон* ‘мочало’; 2) в инлауте: вс. лл. сс. *абы*, вв. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *абу* ‘нет, не’ (ССКЗД: 9); вв. вым. иж. лл. печ. скр. сс. уд. *войбыд*, уд. *ойбыд*, вс. *öйбыд*, ‘всю ночь’ (ССКЗД: 56); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *тöбны*, вв. *тöбни*, печ. *табны* ‘пеленать, спеленать, запеленать’ (ССКЗД: 373); 3) в ауслауте: вв. вым. иж. л. (об.) нв. печ. скр. уд. *тöб* ‘моток’ (ССКЗД: 373); вв. лл. нв. печ. сс. уд. скр. ‘возвышенное место, поле на таком месте’ (ССКЗД: 442).

Фонема /м/ – губно-губной, смычно-проходной, носовой сонант; позиционно не ограничен, может выступать в любой позиции слова: 1) в анлауте: вс. вым. лл. скр. сс. уд. *майöг*, вв. иж. нв. *майэг* ‘кол’ (ССКЗД: 216); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *мукöд*, вв. иж. *мукэд* ‘другой, иной, прочий’ (ССКЗД: 227); вв. вым. вс. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *муса* ‘милый, любимый’ (ССКЗД: 228); 2) в инлауте: вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд. *камгыны*, вв. *камгини* ‘громко стучать, хлопнуть’ (ССКЗД: 147); вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. (гл.) *номырöс*, уд. *номырэс*, вв. *номирэс*, иж. *номрэс* ‘червивый’ (ССКЗД: 244); вв. вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. *помэч*, иж. *помоч* ‘работа миром за угощение’ (ССКЗД: 291); 3) в ауслауте: повс. *ном* ‘комар’, вс. вым. л. нв. печ.

скр. сс. уд. *гожѳм*, вв. иж. *гожэм*, лет. *гожом* ‘лето’ (ССКЗД: 84); повс. *ним* ‘имя, название, кличка’.

Фонема /в/ – губно-зубная, щелевая, сонорная. В диалектах коми языка имеет определенные ограничения в дистрибуции.

В анлауте встречается во всех диалектах: повс. *ва* ‘вода, вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) *веж* ‘зависть, жажда’ (ССКЗД: 41); вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. *вуджѳр*, вв. иж. *вуджэр* ‘тень’ (ССКЗД: 68).

В инлауте функционирует: а) в начале второго компонента сложного слова: л. (Об.) нв. скр. уд. *лунвыв*, вв. (Крч.), вс. лл. печ. сс. *лунвил*, вв. (Бог.) вым. иж. *лунвыы* ‘юг, южный’ (ССКЗД: 206); повс. *синва* ‘слеза’ (ССКЗД: 337); вв. вым’, лл. иж. нв. печ. скр. сс. *тавой*, уд. *товой* ‘в эту ночь’ (ССКЗД: 363); б) в заимствованных из русского языка словах: печ. скр. сс. *баквал’итны* ‘бахвалиться’ (ССКЗД: 16); вс. вым. л. нв. скр. уд. (Гл.) *гѳлѳвн’а*, вв. (Крч.) иж. *гѳлѳвн’а* ‘головня, головешка’ (ССКЗД: 86), скр. сс. *жалѳван’н’ѳ*, вым. *жалѳван’н’э*, вв. *жалован’н’э* ‘заработная плата, жалованье’ (ССКЗД: 121); в) в изобразительных глаголах: нв. скр. *н’авѳстны*, вым. сс. *н’авѳсны*, вв. *н’авѳстни*, вс. лет. *н’авѳсктыны*, уд. *н’авкн’итны* ‘мякутать’ (ССКЗД: 253); скр. *жваркѳыны*, вв. (Бог.) *зваркѳини*, вс. уд. *зваритны* ‘кипеть ключом, бурлить’ (ССКЗД: 122); г) в составе заимствованных суффиксов прилагательных -ѳвѳй (-ѳвѳэй, -ѳвѳэй); -оват (-ѳват): вс. лл. печ. скр. сс. *бокѳвѳй*, вв. *бокѳвѳэй*, нв. уд. *бѳкѳвѳй*, вым. уд. *бѳкѳвѳэй*, иж. *бѳкѳвѳэй* ‘посторонний, чужой’ (ССКЗД: 23); повс. *вижоват* ‘земноватый’; *дубоват* ‘недосоленный’; д) в вѳ-ѳловых диалектах в позиции перед согласным: скр. нв. *вос’ковтны*, уд. *вѳс’ковтны* ‘шагнуть, перешагнуть’ (ССКЗД: 61); л. (Об.) нв. скр. уд. *гудравны* ‘сбивать, сбить, пахтать масло’ (ССКЗД: 91); л. (Об.) нв. скр. уд. *игнавны* ‘запирать, запереть на засов’ (ССКЗД: 135).

В ауслауте выступает только в вѳ-ѳловых диалектах: нв. скр. *вос’ков*, уд. *вѳс’ков* ‘шаг’ (ССКЗД: 61); л. (об.) скр. *гурѳыв*, нв. *гурѳив* ‘настежь’ (ССКЗД: 93); скр. уд. *кодзув*, л. (Об.) *кодзыв*, нв. *кодзив* ‘звезда’ (ССКЗД: 159); л. (Об.) нв. скр. уд. *кыв* ‘язык, слово’ (ССКЗД: 184).

В присыктивкарском и удорском диалектах в положении перед губными согласными [б], [м], [п] согласный [в] имеет губно-губной вариант [w]. Данный вариант может встречаться как внутри слова, так

и на стыке слов: Ш. *tōwбыд* ‘всю зиму’, *оwмōс* ‘хозяйство’, *зэw пэрыда* ‘очень быстро’; *зэw бура* ‘очень хорошо’ (ПСД: 29).

Фонема /т/ – переднеязычная, дорсально-зубная, смычная, глухая, шумная; функционирует во всех позициях: 1) в анлауте: вым. нв. скр. сс. уд. *тапкōдны*, иж. *тапкэдны*, вв. *тапкэдни* ‘мягко хлопать, шлепать (рукой) (ССКЗД: 365); вс. *tōм*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. лл. *том* ‘молодой, юный’ (ССКЗД: 371); 2) инлауте: вс, вым. лл. нв. печ. скр. сс. *кымōртны*, вв. *кымэртни* ‘заволакивать тучами’ (ССКЗД: 186); вс. вым. лл. нв. скр. сс. *н’экытыс’*, вв. уд. *н’экытис’*, иж. *н’икытыс’* ‘ниоткуда’ (ССКЗД: 238); 3) ауслауте: вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. *н’уйт*, вс. уд. *н’ут*, лл. *н’ойт*, *н’от* ‘тина’ (ССКЗД: 252); вс. лл. печ. скр. сс. *ичōт*, вв. (дер.) *ичэт* ‘маленький’ (ССКЗД: 139); повс. *горт* ‘свой дом, свое жилье’.

Фонема /д/ – переднеязычная, дорсально-зубная, смычная, звонкая, шумная, в употреблении не ограничена, может выступать в любой позиции слова: 1) в анлауте: вс. вым. лл. печ. скр. сс. уд. *дас’тыны*, вв. *дас’тини* ‘готовить, приготовить’ (ССКЗД: 98); вс. вым. лл. нв. скр. сс. уд. *донтōм*, вв. иж. *донтэм* ‘дешевый, недорогой, малоценный’ (ССКЗД: 111); 2) инлауте: вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *подōн*, вв. иж. *подэн* ‘пешком’ (ССКЗД: 289); вс. лл. нв. печ. скр. сс. *шыдōс*, вв. *шыдэс* ‘крупа’ (ССКЗД: 440); вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *водны*, вс. *вōдны*, вв. *водни* ‘ложиться, лечь, улечься’ (ССКЗД: 55); 3) ауслауте: вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. *тōбōд*, вв. иж. *тōбэд* ‘обмотка, обвязка’ (ССКЗД: 375); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *югид*, вв. *югид* ‘свет, светлый, ясный, прозрачный’ (ССКЗД: 459); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *пыкōд*, вв. иж. *пыкэд* ‘подпорка, опора’ (ССКЗД: 312).

Фонема /с/ – переднеязычная, дорсально-зубная, глухая, шумная; встречается: 1) в анлауте: вым. иж. нв. печ. уд. (Гл.) *сайкыд*, вв. (Бог.) *сайкид* ‘прохлада, свежесть’ (ССКЗД: 328); вым. нв. печ. скр. сс. *содтōд*, вв. *содтэд*, лл. уд. *соттōд*, вс. *сōттэд* ‘добавка, добавление, прибавка’ (ССКЗД: 342); 2) инлауте: л. (Об.) скр. *коставны*, вс. сс. *косталны*, вв. (Крч.) *костални*, нв. *костиавны*, вв. (Бог.) *костоони*, уд. *коласавны* ‘прерваться, разойтись, образовать промежуток’ (ССКЗД: 166); уд. *востым*, вв. (Бог.) *востим*, вым (Весл.) уд. *востымас’ōм* ‘северное сияние’ (ССКЗД: 60); 3) ауслауте: вс. лл. скр. сс. *потшиōс*, вым. иж. нв. печ. *потшыс*, вв. *потшиис* ‘изгородь’

(ССКЗД: 295); повс. *сартас* ‘лучина’, *сартас пэс* ‘сухое полено для лучины’ (ССКЗД: 331).

Фонема /з/ – переднеязычная, дорсально-зубная, звонкая, шумная; возможна в любой позиции слова: 1) в анлауте: повс. *зёр* ‘овес, овсяной’, лл. печ. скр. сс. *зорёд*, вв. *зорэд*, вс. *зёрыд* ‘стог сена, скирда сенная’ (ССКЗД: 131); иж. печ. скр. сс. *зырас’ны*, вс. *зырэс’ны* ‘тереться, натираться, растираться’ (ССКЗД: 133); 2) инлауте: вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *горзыны*, вв. *горзини*, вс. *ырзыны* ‘кричать, орать, вопить’ (ССКЗД: 83); вс. вым. л. (Об.) нв. печ. скр. сс. уд. *көзөд*, вв. *көзэд* ‘снег или лед в погребе’ (ССКЗД: 169); 3) ауслауте: вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *гоз*, вс. *гöz* ‘пара’ (ССКЗД: 82); повс. *йöz* ‘чужой, посторонний’; вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *доз*, вс. *дöz* ‘посуда, сосуд’ (ССКЗД: 809).

Фонема /н/ – переднеязычный, дорсально-зубной, смычно-проходной носовой сонант; позиционно не ограничен, фигурирует в слове в любой позиции: 1) в анлауте: л. (Об.) нв. скр. уд. *нөбавны*, вс. лл. печ. сс. *нөбалны*, вым. иж. *нөбооны*, вв. *нөбоони* ‘нести, понести кого-либо, что-либо’ (ССКЗД: 245); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. *нырыны*, вв. *нырни*, иж. *н’арны*, уд. *нал’ны* ‘давить, мять, разминать’ (ССКЗД: 249); 2) инлауте: вым. иж. лл. скр. сс. уд. *отнаныд*, вв. *отнанид* ‘вы одни’, печ. скр. сс. уд. *паныд*, вв. *панид*, вс. лл. *панөд* ‘навстречу, напротив’ (ССКЗД: 274); 3) ауслауте: вв. нв. печ. скр. сс. уд. (Ваш.) *кокан* ‘окучник, мотыга’ (ССКЗД: 161); вс. вым. иж. нв. скр. сс. уд. *йуан*, вв. лл. нв. сс. *йуван* ‘питье, напиток’ (ССКЗД: 449).

Фонема /л/ в вэ-эловых и нуль-эловых диалектах – как переднеязычная апикально-альвеолярная боковая, щелевая, сонорная. В эловых диалектах характеризуется как сильно артикулирующая зубно-дорсальная фонема. В диалектах коми языка имеет ограничения в дистрибуции.

В анлауте может выступать во всех диалектах: вв. лл. печ. скр. *лабич*, вс. сс. *лабыч*, вым. иж. нв. уд. *лавич* ‘лавка вдоль стены в крестьянской избе’ (ССКЗД: 191); л. (Об.) нв. скр. уд. *лов*, вс. *лöv*, вв. (Крч.) лл. печ. сс. *лол*, вв. (Бог.) вым. иж. *лоо* ‘душа, дух, дыхание, жизнь’ (ССКЗД: 200); вс. вым. иж. л. печ. скр. сс. уд. *лыд’д’ыны*, нв. *лыд’д’ины*, вв. *лыд’д’ини*, лет. *лыдйыны* ‘читать, прочесть, прочесть’ (ССКЗД: 207).

В инлауте встречается: а) в эловых диалектах в позициях перед гласным и согласным: вс. лл. печ. сс. *л'ичалны*, вв. (Крч.) *л'ичални* 'ослабнуть, ослабеть' (ССКЗД: 199); вс. лл. печ. сс. *мыс'калны*, вв. (Крч.) *мыс'калн'и* 'мыть, вымыть, обмыть' (ССКЗД: 231); вс. лл. печ. сс. *сёлтны*, вв. (Крч.) *сёлтни* 'накладывать, погрузить, навалить' (ССКЗД: 344); б) в вэ-эловых и нуль-эловых диалектах в позиции перед гласным: л. (Об.) нв. скр. уд. *солавны*, вым. иж. *солооны*, вв. (Бог.) *солоони* 'посолить, засолить' (ССКЗД: 324); нв. скр. *дулавны*, вв. (Крч.) *дулални*, вв. (Бог.) *дулоони* 'соловеть, посоловеть (о глазах)' (ССКЗД: 115); л. (Об.) нв. скр. уд. *лолавны*, вым. иж. *лолооны*, вв. (Бог.) *лолоони* 'дышать' (ССКЗД: 201); в) в заимствованных словах: вв. вс. л. печ. скр. сс. *кёлач*, вым. иж. нв. уд. *калач* 'баранка, сушка' (ССКЗД: 170); вс. лл. печ. скр. сс. *кёлёс'н'ик*, вв. *кёлэс'н'ик*, нв. *кёлёшн'иик* 'колосник (для укладки снопов в овине)' (ССКЗД: 170); вым. л. (Об.) нв. скр. сс. *зёлота*, лл. уд. *зёлётö*, вв. *зёлэта*, иж. *зёлэтэ*, вс. *золото*, *золотука* 'золото' (ССКЗД: 131).

В ауслауте [л] функционирует: а) в эловых диалектах: вс. лл. печ. сс. вв. (Крч.) *вёл* 'лошадь' (ССКЗД: 62); вс. сс. лл. *дорышвыл* 'ребром, на ребро' (ССКЗД: 112); вс. *кóдзул*, вв. (Крч.) печ. сс. *кодзул*, лл. *кодзыл* 'звезда' (ССКЗД: 159); б) во всех диалектах в словах, заимствованных из русского языка: вым. лл. нв. скр. сс. уд. *сөкөл*, вв. иж. *сөкэл*, вс. *сокол* 'сокол' (ССКЗД: 344); вв. скр. *рөзвал*, уд. *развал*, вс. *розвал* 'в беспорядке, вразброс, разбросанно' (ССКЗД: 322); вс. сс. *подул*, иж. нв. л. (Пор.) *подол* 'подол (платья)' (ССКЗД: 25).

Фонема /ʒ/ – переднеязычная, какуминально-альвеолярная, звонкая, шумная, аффриката, занимает в слове любую позицию: а) анлаут: вс. вым. нв. печ. скр. сс. *жагыд*, вв. *жагид* 'труднопроглатываемый' (ССКЗД: 100); нв. скр. *жөмдавны*, вс. печ. сс. *жөмдалны*, вв. (Крч.) *жөмдални*, вым. иж. *жөмдооны*, вв. (Бог.) *жөмдоони* 'спотыкаться' (ССКЗД: 101); вс. вым. лл. печ. скр. сс. уд. *жынийөн*, вв. иж. нв. *жынийэн* 'по половине' (ССКЗД: 101); б) инлаут: вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ыжыд*, вв. *ыжид* 'большой, крупный, великий' (ССКЗД: 442); л. (Об.) скр. *ужавны*, вс. лл. печ. сс. *ужалны*, вв. (Крч.) *ужални*, вым. *ужооны*, вв. (Бог.) *ужоони* 'работать, заниматься какой-либо работой' (ССКЗД: 395); в) ауслаут: повс. *жаж* 'полка', вс. вв. вым.

нв. скр. сс. уд. *ситан каж* ‘верхняя часть бедра’ (ССКЗД: 145); повс. уэ ‘работа’.

Фонема /ч/ – переднеязычная, какуминально-альвеолярная, глухая, шумная аффриката; выступает во всех позициях слова: а) в анлауте: повс. *чак* ‘гриб’; нв. скр. уд. *чочавны*, печ. сс. *чочалны*, вым. иж. *чочооны*, вв. *чочоони* ‘выровняться, подравняться, сделаться ровным’ (ССКЗД: 386); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *чупод*, вв. иж. *чупэд* ‘зарубка, засечка, выемка’ (ССКЗД: 387); б) инлауте: вв. (Дер.) л. скр. сс. *качас’ин*; вв. (Бог.) *качабл’уд*, вс. *качабугыл’*, вв. (Крч.) *качаил’ана* ‘ромашка’ (ССКЗД: 150); вым. (Синд.) лл. нв. печ. скр. сс. уд. *пэчөр*, вв. *пэчэр*, вс. *пэчыр* ‘крапива двудомная’ (ССКЗД: 283); в) ауслауте: вв. вым. иж. лл. печ. скр. уд. *куч*, уд. *куч варыш* ‘подорлик’, вым. л. (Об.) *с’эра куч*, печ. *с’юз’ куч* ‘серая сова’ (ССКЗД: 183); повс. *н’ич* ‘мох’; вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. уд. *кыч* ‘круг, обод, кольцо, окружение’ (ССКЗД: 190).

Фонема /ш/ – переднеязычная, какуминально-альвеолярная, глухая, шумная; встречается: а) в анлауте: вв. печ. скр. сс. *шабди*, лл. *шабд’и*, вс. вым. иж. нв. уд. *шабды* ‘лен, льняной’ (ССКЗД: 423); вым. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) *шомос*, вв. иж. *шомэс* ‘кадушка’ (ССКЗД: 433); повс. *шөр* ‘середина’; б) инлауте: вс. вв. вым. иж. нв. скр. сс. *пошта*, лет. уд. *пöшта* ‘почта, почтовый’ (ССКЗД: 295); вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *воины*, вв. *воини*, уд. *вöины*, вс. *öины* ‘пропасть, исчезнуть’ (ССКЗД: 62); вым. иж. *мушыд*, вым. *мошыд* ‘коричневый’ (ССКЗД: 229); в) ауслауте: вв. вс. нв. печ. скр. сс. *горш*, вым. иж. лл. уд. *горыш* ‘горло, глотка, гортань’ (ССКЗД: 84); повс. *куш* ‘пустой, голый’; вв. вс. вым. иж. л. (Об.) печ. скр. сс. уд. *пл’эш* ‘лоб’ (ССКЗД: 288).

Фонема /ж/ – переднеязычная, какуминально-альвеолярная, звонкая, шумная; функционирует во всех позициях слова: а) в анлауте: вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *жуны*, вв. *жуни*, нв. *жыны* ‘кишеть, копошиться’ (ССКЗД: 125); вс. лл. печ. скр. сс. *жöч*, вв. нв. *жöс’т*, вым. иж. уд. *жöс’* ‘жесть, жестяной’ (ССКЗД: 124); б) инлауте: скр. сс. *н’ужйöдлыны*, вв. *н’ужйэдлини*, иж. *н’ужйэдлыны*, уд. *н’ужтыны*, лет. *н’ужкйыны* ‘растягивать слова’ (ССКЗД: 251); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *кужны*, вв. *кужни* ‘уметь, суметь; знать (дело)’ (ССКЗД: 177); в) ауслауте: вым. нв. скр.

сс. *йӧж* ‘замерзший или оттаявший наполовину’ (ССКЗД: 141); вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *мыж* ‘вина, провинность, преступление’ (ССКЗД: 229); повс. *туж* ‘иней, заморозок’.

Фонема /р/ – переднеязычный, какуминально-альвеолярный, дрожащий сонант, встречается во всех позициях слова: а) в анлауте: повс. *рам* ‘смирный, тихий, скромный’, вв. (Крч.) вым. иж. нв. печ. уд. *рэпас* ‘ямки с ходами в снегу, куда забирается лесная дичь на ночь в морозы’ (ССКЗД: 319); лл. печ. скр. сс. *роз*’, вс. *рӧз*’ вв. вым. иж. нв. уд. *руз*’ ‘отверстие, дыра, яма, углубление’ (ССКЗД: 320); б) инлауте: лл. печ. скр. сс. *йӧртӧд*, вв. *йӧртӧд*, вым. уд. *йӧртӧм*, иж. *йӧртӧм*, нв. *йӧртӧм* ‘закрома, сусек’ (ССКЗД: 143); вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс. *н’аргун*, скр. *н’аргун бал’а*, вс. *н’ари* ‘плакса, нытик’ (ССКЗД: 255); вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. *бӧрдны*, вв. *бӧрдни* ‘плакать, реветь’ (ССКЗД: 25); в) ауслауте: иж. уд. *н’ар* ‘мягкая тонкая кожа, замша’; повс. *кар* ‘город’; повс. *дыр* 1. ‘время, пора’, 2. ‘долго, продолжительно’ (ССКЗД: 255).

Фонема /т’/ – среднеязычно-палатальная, глухая, шумная, взрывная. В диалектах коми языка согласный [т’] имеет ограничения в функционировании. В анлауте данный согласный чаще встречается:

а) в звукоподражательных и изобразительных словах: скр. сс. *т’ивк-т’ивк*, уд. (гл.) *т’ювк-т’ювк* ‘скок-поскок’ (ССКЗД: 368); л. (Об.) нв. скр. *т’апйавны*, вс. лл. сс. *т’апйалны*, вв. (Крч.) *т’апйални*, вым. *т’апйооны*, вв. (Бог.) *т’апйоони*, уд. *т’апкывны*, вс. *т’окйалны* ‘ходить легкими, неслышными шагами’ (ССКЗД: 394);

б) словах, заимствованных из русского языка: вс. вв. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *т’эл’эга*, уд. (Гл.) *т’эл’ӧг* ‘телега’ (ССКЗД: 366); вв. л. нв. печ. скр. сс. уд. *т’эртука*, уд. *т’эртук*, вс. *т’ортук*, лет. *т’орка* ‘терка’ (ССКЗД: 367);

в) нижневычегодском, удорском, ижемском, присыктывкарском диалектах в позиции перед гласными переднего ряда: нв. иж. скр. уд. *т’ипкыны*, л. (Пор.) *т’ипс’ыны*, вым. лет. сс. *типкыны*, вв. *типкини*, вс. л. (Об.) *типс’ыны* ‘биться (о сердце, о пульсе)’ (ССКЗД: 369); нв. *т’эс’кас’ны*, *т’эс’ковтны*, вым. печ. скр. сс. *тэс’кас’ны*, вв. *тэс’кас’ни*, вс. *тэс’кэс’ны* ‘пересушиться, подгореть’ (ССКЗД: 392);

г) отдельных диалектах при переходе [к] в [т’] в положении перед гласными переднего ряда: скр. *т’эвмыны*, лл. *т’элмыны*, нв.

тэймыны, вым. (Синд.) *т'ээмыны*, печ. *кэлмыны*, вв. (Крч.) *кэлмини*, вым. иж. л. *кэймыны*, вв. (Бог.) *кээмини* 'молить, умолять, молиться' (ССКЗД: 151); вым. лл. нв. скр. *т'эл'чи*, вв. вс. вым. иж. печ. скр. сс. уд. *кэл'чи* 'плотва, сорога' (ССКЗД: 152); вым. нв. скр. лл. *т'и*, вв. вым. иж. лл. печ. скр. уд. *ки* 'рука' (ССКЗД: 153).

Ограничения в функционировании согласного [т'] в анлауте объясняются отсутствием его в финно-угорском языке-основе и более поздним его образованием в прапермском языке. При этом употребление его ограничивалось инлаутом и ауслаутом (Лыткин 1957: 121-123; Некрасова 2000: 72-73).

В инлауте употребление [т'] не ограничено: л. (Об.) скр. уд. *вэвт'т'ыны*, нв. *вэвт'т'ины*, вс. лл. печ. сс. *вэлт'т'ыны*, вым. иж. *вэт'т'ыны*, уд. *вэйт'т'ыны* 'крыть, покрыть, прикрыть, накрыть' (ССКЗД: 41); скр. *кас'т'итчыны*, вв. (Крч.) *кас'т'итчини*, нв. *кас'тиччины*, вв. (Бог.) *кас'т'иччини* 'мерещиться, померещиться, чудиться' (ССКЗД: 149). В ауслауте: вв. вс. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *бат'* 'отец' (ССКЗД: 18); лет. печ. сс. вс. *шат'* 'длинный прут, розга' (ССКЗД: 424); печ. сс. *н'ат'*, вс. *н'эт'* 'грязь, грязный' (ССКЗД: 254).

Фонема /д'/ – среднеязычно-палатальная, звонкая, шумная, взрывная. Может выступать во всех позициях слова, однако, так же как согласный [т'], имеет ограничения в анлауте. В анлауте чаще выступает:

а) в изобразительных и звукоподражательных словах: нв. скр. *д'ил'гол'* 'изобразительное слово, выражающее бряканье, звяканье' (ССКЗД: 79); скр. *д'авгыны* 'сквернословить, браниться' (ССКЗД: 118);

б) в русских заимствованиях: вс. лл. печ. скр. сс. *д'элö*, вв. *д'элэ* 'трудно, тяжело, неудобно' (ССКЗД: 99); вс. лл. скр. сс. вым. иж. нв. печ. *д'эрн'итны*, вв. *д'эрн'итни* 'дернуть, выдернуть, отдернуть' (ССКЗД: 99);

в) в позиции перед переднерядными гласными при переходе [г] в [д']: вым. л. нв. скр. сс. *д'ижны*, вс. иж. лл. печ. сс. уд. (Гл.) *гижны* 'писать, написать' (ССКЗД: 79); скр. *д'эжмыны*, нв. *д'эжмавыны*, вым. *д'эжöбс'ыны*, вв. *гэжмини*, иж. *гэжэдмыны* 'редеть, поредеть' (ССКЗД: 78).

Ограничения в употреблении в начале слова объясняется отсутствием его в финно-угорском языке-основе и поздним образованием в общекоми период (Некрасова 2000: 72-73).

В инлауте выступает повсеместно: скр. *гад'д'авны*, сс. *гад'д'алны*, вв. (Крч.) *гад'д'ални*, вым. *гад'мыны*, *гад'с'ооны*, иж. *гад'д'ооны* 'намозолиться' (ССКЗД: 75); лл. печ. скр. сс. *вөд'итчыны*, вв. *вөд'итчини*, вс. вым. иж. *вөдиччыны* 'пользоваться, обращаться, иметь дело с чем-либо' (ССКЗД: 63); лет. скр. сс. *код'д'өм*, вс. *көд'д'өм*, иж. вв. *код'д'эм*, уд. *койдд'өм*, нв. *койдд'эм* 'подобный, сходный с, похожий на кого-что-либо' (ССКЗД: 160).

В ауслауте: вв. л. печ. скр. сс. *код'*, вс. *көд'*, уд. *койд'* 'подобный, сходный, похожий' (ССКЗД: 159); скр. сс. *дурад'*, вс. *дурэд'* 'густой гной' (ССКЗД: 116); вв. вым. иж. лл. печ. скр. сс. *дод'*, вс. *дөд'*, уд. (Мез.) *дойд'* 'сани, воз' (ССКЗД: 109); вв. вс. вым. лл. печ. скр. сс. *бад'*, уд. (Гл. Удор.) *байд'* 'ива, верба' (ССКЗД: 16).

Фонема /с'/ – среднеязычно-палатальная, глухая, шумная, фрикативная; в употреблении не ограничена и может занимать в слове любую позицию: а) анлаут: л. (Об.) нв. скр. уд. *с'ибавны*, вс. лл. печ. сс. *с'ибалны*, вв. (Крч.) *с'ибални*, вым. иж. *с'ибооны* 'подойти, подъехать' (ССКЗД: 335); повс. *с'өд* 'черный, темный, грязный'; вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *с'умөд*, вв. иж. *с'юмэд* 'береста, берестовый, берестяной' (ССКЗД: 360); б) инлаут: нв. скр. уд. *нас'тавны*, сс. *нас'талны*, вв. (Крч.) *нас'тални*, вым. иж. *нас'тооны*, вв. (Бог.) *нас'тоони* 'надевать, надеть что-либо' (ССКЗД: 277), вс. вым. иж. л. печ. скр. сс. уд. *мыс'с'ыны*, нв. *мыс'с'ины*, вв. *мыс'с'ини*, лет. *мыс'ны* 'мытья, помытья, умываться' (ССКЗД: 232); в) ауслаут: вв. (Бог.) л. (Об.) скр. сс. уд. *кос'* 'бой, драка, сражение' (ССКЗД: 166); вв. вс. лл. печ. скр. сс. *пөс'* 'пот, испарина' (ССКЗД: 301); вым. нв. скр. сс. *н'инөмыс'*, иж. *н'инэмыс'*, вв. *н'инэмис'* 'ни за что' (ССКЗД: 242).

Фонема /з'/ – среднеязычно-палатальная, звонкая, шумная, фрикативная; в функционировании не ограничена в большей степени позициями инлаута и ауслаута.

В позиции анлаута встречается: а) в изобразительных и звукоподражательных словах: иж. скр. сс. *з'ил'-з'ол'* (например, о звоне разбивающегося стекла) (ССКЗД: 30); вым. л. нв. печ. скр. сс. *з'ил'гыны*, вв. *з'ил'гини* 'звенеть, позванивать' (ССКЗД: 130); нв. скр. сс. *з'аткыны*, вв. *з'аткини*, вым. *з'откыны* 'ударить, стукнуть, производя шум звяканья, лязганья' (ССКЗД: 135); б) в русских

заимствованиях: лл. скр. *з'эркалӧ*, вв. иж. печ. уд. *з'эркала*, сс. *з'эркола* 'зеркало' (ССКЗД: 130); вв. вым. иж. лл. нв. скр. сс. уд. *з'ат'*, вс. *з'эт'*, нв. (Жеш.) *з'ат'а* 'зять' (ССКЗД: 135).

В инлауте функционирование [з'] не ограничено: вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *куз'мӧс*, вв. иж. *куз'мэс* 'продолговатый' (ССКЗД: 178); вс. вым. иж. л. (Об.) лет. печ. скр. сс. уд. *н'эбз'ыны*, нв. *н'эбз'ины*, вв. *н'эбз'ини* 'размягчаться, размягчиться' (ССКЗД: 236); вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс. уд. *шуз'ны*, нв. *шуз'ины*, вв. *шуз'ини* 'бродить, выбродить (о тесте, пиве)' (ССКЗД: 496).

В ауслауте: вв. вс. лл. скр. сс. *киз'*, л. *т'из'*, вым. иж. нв. уд. *кыз'* 'пуговица, пуговка' (ССКЗД: 154); лл. печ. скр. сс. *роз'*, вс. *рӧз'*, вв. вым. иж. нв. уд. *руз'* 'отверстие, дыра, яма, углубление' (ССКЗД: 320); повс. *пыз'* 'мука'.

Фонема /ч'/ – среднеязычно-палатальная, глухая, шумная аффриката; позиционно не ограничена, может занимать в слове любую позицию: а) анлаут: вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *ч'айтны*, вв. *ч'айтни*, вс. *ч'ейтны* 'думать, полагать, предполагать' (ССКЗД: 404); лл. скр. сс. *ч'эпӧл'*, вв. *ч'эпэл'*, вс. *ч'эпыл'*, вым. нв. уд. *ч'эпӧр*, иж. *ч'эпэр* 'щепоть, щепотка' (ССКЗД: 407); вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. *ч'эри*, лл. *ч'эриг* 'рыба' (ССКЗД: 408); б) инлаут: л. (Об.) нв. скр. *ч'эч'ч'авны*, вс. печ. *ч'эч'ч'алны*, вым. иж. *ч'эч'ч'ооны*, вв. (Бог.) *ч'эч'ч'оони*, уд. *ч'этч'авны* 'прыгать, скакать, подпрыгивать' (ССКЗД: 409); вс. вым. л. (Об.) печ. скр. сс. *точ'кыны*, вв. *точ'кени* 'тикать, постукивать (о часах)' (ССКЗД: 373); в) ауслаут: вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *гыч'* 'карась' (ССКЗД: 97); вв. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *кач'* 'толченая кора дерева' (ССКЗД: 150).

Фонема /ж'/ – среднеязычно-палатальная, звонкая, шумная аффриката; может выступать в любой позиции слова: а) в анлауте: вв. вым. иж. печ. скр. *ж'ориж'*, лет. *ж'ӧриж'* 'цветок' (ССКЗД: 105); вв. вым. иж. л. (Об.) нв. печ. скр. сс. уд. *ж'он'*, вс. *ж'ӧн'* 'целый, непочатый, нетронутый' (ССКЗД: 105); б) инлауте: иж. скр. уд. *аж'ж'ыны*, нв. *аж'ж'ины*, лл. сс. *аж'ж'ыны*, вв. (Крч.) *аж'ж'ини* 'видеть, увидеть' (ССКЗД: 10); вс. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *муж'ны*, вв. (Крч.) *муж'ни*, вым. иж. уд. (Гл.) *мыж'ны*, вв. (Бог.) *мыж'ни* 'уоставать, устать, утомиться' (ССКЗД: 226); в) ауслауте: вв. вым. л. нв. скр. сс. *горвож'*, уд. *горвӧж'*, вс. *горӧж'* 'площадка перед каменкой' (ССКЗД: 83); повс. *кыж'*

‘береза’; вым. скр. сс. *кушӧж*’, вв. иж. *кушэж*’ ‘догола, наголо, дочиста, дотла’ (ССКЗД: 184).

Фонема /н’/ – среднеязычно-палатальный, смычно-проходной, носовой сонант; может занимать в слове любую позицию: а) анлаут: вс. вым. иж. л. (Об.) лет. нв. печ. скр. сс. уд. *н’эл’амын*, вв. *н’эл’амин* ‘сорок’, скр. сс. *н’игыл*’, вв. *н’угл’эй*, л. *н’угыл*’ ‘минога’ (ССКЗД: 241); повс. *н’им* ‘имя’; л. (Об.) нв. скр. уд. *н’ортавны*, сс. *н’орпалны*, вв. (Крч.) *н’орпални*, вым. иж. *н’орпооны*, вв. (Бог.) *н’орпоони* ‘недомогать, прихварывать’ (ССКЗД: 240); б) инлаут: вс. нв. печ. скр. сс. уд. *лан’тны*, вв. *лан’тни*, вым. *лан’тыны* ‘замолчать, затихнуть, утихнуть’ (ССКЗД: 193); л. (Об.) нв. скр. уд. *пин’ов*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. *пин’ол*, вв. (Бог.) вым. иж. *пин’оо* ‘кривой, кривослойный’ (ССКЗД: 285); в) ауслаут: вс. лл. нв. печ. сс. скр. *кымын*’, вв. вым. иж. *кымин*’ ‘ничком, ниц, лицом вниз’ (ССКЗД: 187); вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *н’ан*’, вс. *н’эн*’ ‘хлеб, хлебный’ (ССКЗД: 254); вв. вс. вым. лл. печ. скр. сс. *шан*’ ‘хороший, добрый’ (ССКЗД: 424).

Фонема /й’/ – среднеязычно-палатальный, щелевой сонант, встречается во всех положениях в слове: а) в анлауте: вв. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *йи*, вс. лл. сс. *йы* ‘лед, ледяной’ (ССКЗД: 139); вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *йӧз* ‘народ, люди’ (ССКЗД: 141); вв. вс. вым. иж. л. (Об.) лет. нв. печ. скр. сс. уд. *йӧла*, вым. печ. *йӧлӧга*, вв. (Стор.) *йӧлэга* ‘эхо’ (ССКЗД: 142); б) инлауте: вым. скр. сс. *кодйыны*, нв. *кодйины*, вв. *кодйини*, печ. *годйыны*, вс. *гарйыны*, лл. *пэрийыны* ‘копать, выкопать, рыть’ (ССКЗД: 159); вс. вым. скр. *ордйис’ны*, вв. *ордйис’ни* ‘состязаться, соревноваться’ (ССКЗД: 260); в) ауслауте: вв. вс. вым. скр. *дой* ‘рана, ушиб, болезнь’ (ССКЗД: 109); вв. (Крч.) лл. печ. скр. сс. *чой*, вс. *чӧй* ‘гора, пригорок’ (ССКЗД: 414); вв. вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд. *йӧй* ‘дурак, глупый’ (ССКЗД: 142).

Фонема /л’/ – среднеязычно-палатальный, боковой щелевой сонант; занимает в слове любую позицию: а) анлаут: л. (Об.) лет. нв. скр. *л’эжнӧг*, вв. *л’эжнэг*, вым. уд. *лэжнӧг*, иж. *л’эжнӧг йӧн* ‘шиповник иглистый, коричневый’ (ССКЗД: 195); вс. лл. печ. скр. сс. *л’ичыд*, вв. *л’ичид*, уд. *л’ӧн’ыд* ‘слабый, свободный, нетугой’ (ССКЗД: 200); вв. вс. лет. нв. скр. сс. уд. *л’и* ‘мезга, камбий’ (ССКЗД: 98); б) инлаут: вс. вым. печ. скр. сс. уд. *дол’ны*, вв. *дол’ни*, уд. *дол’скыны*, вым. *дол’скыс’ны* ‘долбить, твердить, повторять одно и то же’

(ССКЗД: 110); вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *вол'нас'*, вс. *ол'нас'* 'постель' (ССКЗД: 58); вым. печ. скр. уд. (Гл.) *ал'көс*, вв. иж. *ал'кэс*, уд. *ал'гөс*, нв. (Гам.) *ал'эга* 'пологий, отлогий, покатый, некрутой' (ССКЗД: 11); в) ауслаут: повс. *кол'* 'шишка' (ССКЗД: 162); вв. лл. печ. скр. сс. уд. *чал'*, вс. *чэл'*, уд. *чэл'эй*, нв. иж. *чал' чун'* 'мизинец' (ССКЗД: 404); вв. вс. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *йол'* 'небольшая лесная речка, лесной непересыхающий ручей' (ССКЗД: 120).

Фонема /к/ – заднеязычно-задненебная, глухая шумная, смычная; занимает в слове любую позицию: а) анлаут: вс. лл. печ. скр. сс. *кайны*, вв. *кайни*, вым. иж. нв. уд. *каны* 'подниматься, подняться, всходить, влезать' (ССКЗД: 145); вв. вым. лл. печ. скр. сс. *кэрас* 'вырубка, место, где вырубают лес' (ССКЗД: 152); вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *кос*, вс. *көс* 'сухой, засушливый' (ССКЗД: 165); б) инлаут: вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. *гул'кн'итны*, вв. *гул'кн'итни*, вв. (Бог.) *гул'иктини* 'глотнуть, проглотить с шумом' (ССКЗД: 92); вс. лл. нв. печ. скр. сс. *чукөр*, вв. (Крч.) *чукэр*, вв. вым. иж. нв. *чукар* 'куча, груда, стадо, табун, стая, толпа' (ССКЗД: 419); в) ауслаут: вв. (Бог.) вым. иж. сс. уд. (Гл.) *парк* 'внезапно, мгновенно' (ССКЗД: 275); вв. (Крч.) скр. сс. *здук*, вв. (Бог.) вс. вым. нв. уд. (Гл.) *дук* 'миг, мгновение, момент' (ССКЗД: 129); повс. *көк* 'кукушка' (ССКЗД: 170); повс. *кок* 'нога, ноги' (ССКЗД: 160).

Фонема /г/ – заднеязычно-задненебная, звонкая, шумная, смычная, функционирует в любой позиции слова: а) в анлауте: вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *гоз*, вс. *гөз* 'пара' (ССКЗД: 82); вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *гөрөд*, вв. иж. *гөрэд* 'узел' (ССКЗД: 89); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *гудыр*, вв. *гудир* 'муть, осадок, отстой' (ССКЗД: 92); б) инлауте: вс. вым. лл. нв. скр. *иган*, вв. вым. иж. печ. сс. *йиган*, уд. *игөд*, *йигөд* 'запор, засов, затвор' (ССКЗД: 135); л. (Об.) нв. скр. *лөгавны*, вс. лл. печ. сс. *лөгалны*, вв. (Крч.) *лөгални*, вым. иж. *лөгооны*, вв. (Бог.) *лөгоони* 'сердиться, злиться, враждовать' (ССКЗД: 203); в) ауслауте: повс. *гөг* 'пуп, пупок' (ССКЗД: 85); вв. вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *йог* 'сор, мусор, соринка' (ССКЗД: 120); повс. *чаг* 'щепа, стружка, дровяной сор' (ССКЗД: 403).

1.2.2. Фонетические явления в области согласных

1.2.2.1. Функционирование согласных [л] и [в]

Коми-зырянские диалекты и говоры по употреблению согласных [л] и [в] делятся на четыре типа: а) эловые; б) вэ-эловые; в) нуль эловые; г) смешанные.

Из названных типов эловые диалекты являются наиболее древними, на что указывают следующие факты: а) древнепермские памятники письменности, написанные на эловом диалекте; б) древние заимствования из коми в хантыйский и мансийский языки; в) сохранение этимологического [л] в родственных финно-угорских языках (Лыткин 1957: 119-121; Рэдэи 1970)

Особенности употребления согласных [л] и [в] в эловых диалектах

К эловым диалектам коми языка относятся среднесысольский, верхнесысольский, печорский, лузско-летский (за исключением объячевского говора), а также керчемский, вочевской, дзольский и пожегодский говоры верхневычегодского диалекта.

Названные диалекты и говоры характеризуются сохранением этимологического [л] во всех позициях:

а) в анлауте: лл. печ. вв. *лабич*, вс. сс. *лабыч* 'лавка у входной двери' (ССКЗД: 191); повс. *лун* 'день' (ССКЗД: 206); повс. *лым* 'снег' (ССКЗД: 207);

б) инлауте в позиции перед согласными и гласными звуками: лл. печ. сс. *полны*, вс. *пóлны*, вв. *полни* 'бояться, страшиться, пугаться' (ССКЗД: 288); лл. печ. вс. сс. *мылкыд*, вв. *мылкид* 'разум, рассудок' (ССКЗД: 229); лл. печ. вс. сс. *сулалны*, вв. *сулални* 'стоять' (ССКЗД: 350); лл. печ. вс. сс. *тöлöдны*, вв. *тöлэдни* 'веять, обвеять' (ССКЗД: 375);

в) ауслауте: вс. лл. печ. сс. вв. *пул* 'брусника' (ССКЗД: 305); лл. печ. сс. вс. вв. *с'ул* 'костра, кострика (льна, конопли)' (ССКЗД: 359).

Согласный [л] в эловых диалектах может употребляться на месте согласного [в] в некоторых заимствованных из русского языка словах. Как правило, это происходит в середине и конце слова: печ. *трэлога* 'тревога', *сöлс'эм* 'совсем' (ПД: 11); вс. *кузöл* 'кузов', *солхоз* 'совхоз',

ёлчина ‘овчина’ (ВСД: 37); сс. ласкол ‘ласков’; моркол ‘морковь’, алтобус ‘автобус’ (ССД: 15).

Согласный [в] в вышеназванных диалектах сохранил свои позиции в начале слова: повс. *вир* ‘кровь’ (ССКЗД, 52); вс. сс. лл. печ. *варыш*, вв. *вариш* ‘ястреб’ (ССКЗД: 39); вс. лл. печ. сс. *вёйны*, вв. *вёйни* ‘погружаться, вязнуть, погрузиться’ (ССКЗД: 64); лл. печ. сс. *водны*, вс. *вóдны*, вв. *водни* ‘ложиться, лечь, разлечься’ (ССКЗД: 55).

В инлаутной и ауслаутной позициях [в] встречается в следующих случаях:

1) в начале второго компонента сложного слова: повс. *лысва* ‘роса’, *кунва* ‘щелок’, *с’инва* ‘слеза’, *таво* ‘в этом году’;

2) в большинстве изобразительных слов: вс. *жэвгыны* ‘ругаться’, *кравзыны* ‘каркать’, *т’увгыны* ‘метнуть’, *чивкйодлыны* ‘хлестать, бить’ (ВСД: 38); сс. *овгыны*, *авгыны* ‘реветь’, *л’авотчыны* ‘говорить лишнее’, *увгыны* ‘шуметь’ (ССД: 15); печ. *рувгыны* ‘тащиться, плестись’, *лөвгыны* ‘кричать (о зайце)’, *т’увкнитны* ‘пронестись, пролететь’ (ПД: 11); лл. *т’авгыны* ‘кричать’, *чавсйыны-вундыны* ‘жать острым серпом’, *увгö-пырö* ‘с шумом заходит’ (ССД: 15); вв. *кувгини* ‘продолжительно жить’, *жавгини* ‘лаять’, *н’авзини* ‘мяукать’ (ВВД: 47). Следует отметить, что не всегда в инлаутной позиции в изобразительных словах употребляется звук [в]. Довольно часто встречаются примеры с согласным [л]: сс. *колсмунны* ‘стукнуться расколоться’, *кутол-католмунны* ‘пошатнуться’ (ССД: 15); лл. *колскыны* ‘ударить со стуком’, *с’алкнитны* ‘брызнуть, рассыпать что-либо сыпучее’, *йöлсйодлыны* ‘ёкать (о сердце)’ (ЛЛД: 15); печ. *шалкйыны* ‘идти размашистым шагом’, *чилгыны* ‘метнуть, бросить’, *шылгыны-кылтны* ‘плавно плыть’ (ПД: 10); вс. *дзилгыны* ‘бесшумно плыть’, *дзулйалны* ‘слабо светить’, *мöлкйалны* ‘ходить спеша’ (ВСД: 37);

3) в заимствованных из русского языка словах: вс. *залавка* ‘залавок, лоставец’, *лукав* ‘непослушный, упрямый’, *ласков* ‘ласковый’ (ВСД: 37); печ. *ов* ‘фамилия’, *өвичалны* ‘величать по отчеству’ (ПД: 11); СС. *көрöвай* ‘каравай’, *öтава* ‘отава’, *öдва* ‘едва’, *часл’ив* ‘счастливый’ (ССД: 15); вв. *выжжив* ‘выживший из ума’, *здоров* ‘здоровый’, *бров* ‘паз, выемка’ (ВВД: 47);

4) в составе суффиксов прилагательных, обозначающих неполноту качества: **-ов, -оват, -гов**: вв. *йэдзгов* ‘беловатый’, *кургов* ‘горьковатый’, *вижов* ‘желтоватый’, *лөзов* ‘синеватый’ (ВВД: 47); сс. *дубоват* ‘пресноватый’, *ул’оват* ‘сыроватый’, *варов* ‘общительный’ (ССД: 15); печ. *вижоват* ‘желтоватый’, *гөрдоват* ‘красноватый’ (ПД: 4);

5) в составе заимствованных суффиксов: **-öвöй, -эвэй**: сс. лл. печ. вс. *бөкөвöй*, вв. *бөкэвэй* ‘посторонний, чужой’;

б) в составе суффикса **-улов** обозначающем множество однородных предметов или лиц: печ. *мужикулов* ‘мужчины, мужики’, *пöрысьулов* ‘старики, пожилые’ (ПД: 11); сс. *томулов* ‘молодежь’, *чел’ад’улов* ‘детвора, дети’, *бабаулов* ‘бабы, женщины’ (ССД: 15).

Употребление согласных [л] и [в] в вэ-эловых диалектах

К вэ-эловому типу относятся следующие диалекты и говоры коми языка: присыктивкарский, нижневычегодский, удорский, объячевско-читаевский говор лузско-летского диалекта, верхневычегодские говоры, распространенные по реке Вычегде, начиная с с. Кужба и ниже, а также по притоку Локчима. Вэ-эловым диалектам характерна последовательная замена звука [л] в инлаутной позиции перед последующим согласным и в ауслауте звуком [в]: нв. *вöв* ‘лошадь’, *вöвтö* ‘твою лошадь’, *ныв* ‘дочь, девушка’, *нывсö* ‘девушку, дочь’ (НВД: 24); скр. *пув* ‘брусника’, *кыв* ‘язык’, *ловйа* ‘живой’, *мавтны* ‘мазать’ (ПСД: 27); вв. *уджавни* ‘работать’, *оз ков* ‘не надо’, *кодзув* ‘звезда’, *эвэв* ‘крыша, кровля’ (ВВД: 48).

В инлауте перед гласным этимологический [л] сохраняется: вв. *сулалэ* ‘стоит’, *вöвлэма* ‘было когда-то’, *лолид* ‘твоя душа’, *кодзула* ‘звездный’ (ВВД: 48); скр. *войколöн* ‘с ночовкой’, *кылöн-вомöн* (висьтавны) ‘ясно сказать’, *вöлöн* ‘на лошади’ (ПСД: 28); нв. *пöлыд* ‘твоя половина’, *сылö* ‘тает’, *улын* ‘внизу’ (НВД: 24).

В присыктивкарском диалекте в ряде примеров в инлауте перед последующим гласным может употребляться согласный [в]. Чаще всего это происходит при предшествовании согласному [в] гласных [о], [у], реже [ö], [ы]: *бушковыс лан’тис* ‘буря утихла’, *варова с’орнитны* ‘оживленно разговаривать’, *сурова* ‘проворно’, *н’идзувыс уна* ‘червей много’, *д’этинайас визувöс* ‘мальчики подвижные’, *визувыс нувö* ‘относит течением’ (ПСД: 28).

В отдельных случаях в присыктывкарском диалекте наблюдается выпадение согласного [в] в инлауте в позиции предшествующих гласных [о], [у], [ö], [ы] и последующего согласного: *лопу* (< ловпу) ‘ольха’, *жопу* (< жовпу) ‘калина’, *тöбыд* (< тövбыд) ‘всю зиму’, *асыбыд* (< асывбыд) ‘всё утро’, *уыш* (< увпыш) ‘посконь – мужская особь конопли’, *пöптурун* (< пövптурун) ‘доски подмосков’ (ПСД: 29).

Отличительной особенностью обячевско-читаевского говора лузско-летского диалекта является употребление согласного [в] в инлауте и ауслауте в русских заимствованиях на месте исконного [л]: *вав*, *вал* ‘волна’, *тракмав* ‘крахмал’, *бувки* ‘булка’, *бавда* ‘балда’, *кöвдун* ‘колдун’, *савдат* ‘солдат’, *тöрэвка* ‘тарелка’, *тöвк* ‘толк’, *йовка* ‘ёлка’, *смэв* ‘смелый’, *с’ивком* ‘силком’, *вэс’эв* ‘веселый’ (ЛЛД: 15).

Особенности употребления согласных [л] и [в] в нуль-эловых диалектах

К нуль-эловым диалектам коми языка относятся вымский, ижемский и отдельные говоры верхневычегодского диалекта (усть-куломский, мыелдинский, носимский, усть-немский, донской, а также говоры, распространенные по реке Вишере и притоку её Нившере).

Нуль-эловые диалекты характеризуются заменой этимологического звука [л]:

а) в инлаутной позиции перед согласным и ауслауте удлинением предшествующих гласных [о], [у], [ö], [ы], реже [а]: вым. *ооны* (< олны) ‘жить’, *туусач* (< тулсач) ‘веснушка’, *кöö* (< кöл) ‘шнур’, *н’ыымöс* (< н’ылымöс) ‘пологий, отлогий’ (ВД: 15); иж. *лоо* (< лол) ‘душа’, *пуу* (< пул) ‘брусника’, *туусоо* (< тулсол) ‘весенний’, *пыыс’ан* (< пылс’ан) ‘баня’ (ИД: 20); вв. *кээмис’ни* (< кэлмис’ни) ‘молить, умолять’, *н’öö* (< н’öл) ‘лук, стрела’, *с’уу* (< с’ул) ‘кишка’, *тыы* (< тыл) ‘невод’ (ВВД: 49).

Удлинение гласного [а] происходит главным образом в звуко-подражательных словах: иж. *аагыны* ‘кричать, орать’, *т’аагыны* ‘выть, плакать’, *н’аагыны* ‘мяукать’ (ИД: 20); вым. *паачöтны* ‘разостлать’, *паайöдлыны* ‘раздвигать (траву)’, *аагыны* ‘кричать’ (ВД: 15);

2) в позиции предшествующих гласных [э], [и] заменой согласным [й]: иж. *зэй* (< зэл) ‘очень’, *пэй* (< пэл) ‘большой палец’, *кэйны* (< кэлны) ‘брести’, *пийгыны* ‘петь (о птицах)’, *жийгыны* ‘гудеть (о проводах)’ (ИД: 21); вым. *кэй*, *т’эй* (< кэл) ‘невестка’, *вэййооны* (< вэйюолны) ‘удосужиться, успеть’ (ВД: 14).

В синдорском говоре вымского диалекта в вышеназванной позиции происходит удлинение гласных [э] и [и]: син. *пээ* ‘большой палец’, *т’ээйыны* ‘брести по чему-либо’ (ВД: 111). В говорах с. Усть-Нем и Дон верхневычегодского диалекта в позиции предшествующих гласных [о], [у], [ö], [ы] этимологический [л] выпадает: *вö* (< вöл) ‘лошадь’, *по* (< пол) ‘бойся’, *куни* (< кулни) ‘умереть’, *пони* (< полни) ‘бояться’, *пö* (< пöл) ‘доска’, *зэ* (< зэл) ‘очень’ (ВВД: 49).

Согласный [л] в нуль-эловых диалектах сохраняет свои позиции в следующих случаях:

а) в глагольных суффиксах: **-ыл, -ил, -ылл, -ылл (-лыыл)**: иж. *пуктыл* ‘положь (на время)’, *иг ад’дзыл* ‘не видел’, *иг вэлэт’чыл* ‘не учился’, *унаыс воыллис* ‘много раз приходил’ (ИД: 20); вв. *вэрмилни* ‘мочь, иметь возможность’, *локил* ‘подойди-ка’, *дугдилтэг* ‘беспрерывно’ (ВВД: 51); вым. *мэнö виччыл* ‘подожди меня’, *колö лэччылыны* ‘надо съездить’, *иг аддзыл* ‘не видел’, *вэтлылла* ‘хожу’, *лэччылыны* ‘ходить, спускаться’ (ВД: 19);

б) в ряде слов, заимствованных из русского языка: вым. *гöлбöч* ‘подполье’, *кöлököл* ‘колокол’, *вагзал* ‘вокзал’, *стöлб* ‘столб’ (ВД: 19); иж. *чулки* ‘чулки’, *сökэл* ‘сокол’, *бал* ‘праздник’ (ИД: 20), вв. *вэс’эл* ‘веселый’, *укол* ‘укол’, *салтыр* ‘псалтырь’, *чöлкэвэй* ‘целковый’, *салдат* ‘солдат’ (ВВД: 50);

в) в усть-куломском, мыёлдинском и усть-немском говорах верхневычегодского диалекта перед суффиксом, начинающимся с согласного [л]: *уллан* ‘вниз’, *выллан* ‘вверх, кверху’, *оллини* ‘бывать’, *ноллини* ‘носить’, *кыллини* ‘слышать, услышать’ (ВВД: 50);

г) в инлауте в позиции между гласными: иж. *вöлыс* ‘лошадь’, *нылыс* ‘дочка’, *с’ылэ* ‘поёт’ (ИД: 20).

Выпадение согласного [л] происходит:

а) в ижемском и вымском диалектах в инлауте перед стечением согласных: вым. *н’ан’ гаротны кабалаö* (< гаролтны) ‘завернуть хлеб в бумагу’, *йурсö доротлис* (< доролтлис) ‘он кивнул головой’, *тэ*

ыскот (< ысколт) ‘покатись ты’, *кэр кыскыны зэччөмөн* (< зэлччөмөн) ‘напрягшись тащить бревно’ (ВД: 17); иж. *сутны* ‘встать’, *гумотны ва* ‘зачерпнуть воды’, *доротны* ‘накренишь’, *чөтны тыы* ‘спустить невод’ (ИД: 20);

б) в ауслaute перед согласным: вым. *гумот* ‘зачерпни’, *шөртсө ин орот* ‘не порви пряжу’, *понйыс оз ут* ‘собака не лает’ (ВД, 18); иж. *коктэ ин пэсот* ‘ногу не вывихни’, *гарот н’ан’тө* ‘заверни хлеб’ (ИД: 20);

в) во всех говорах вымского диалекта в слове *вэт’тыны* (<вэлтйыны) ‘крыть, покрыть, накрыть’;

г) в вымском диалекте в ауслaute на стыке двух слов в позиции между гласными: вым. *мый чө олан* ‘что молчишь?’, *кы из шу* ‘ни слова не сказал’, *асы иза* ‘завтра смело (зерно)’ (ВД: 18).

Согласный [в] в нуль-эловых диалектах встречается в следующих случаях:

а) в ряде изобразительных слов: вым. *дзивгыны чивгыны* ‘щебетать (о птицах)’, *кавзыны* ‘верещать, кричать (о зайцах)’ (ВД: 21); вв. *кривгини* ‘курлыкать’, *н’авгини* ‘мяукать’, *ш’л’авгини* ‘сильно лить (о дожде)’ (ВВД: 51);

б) во многих заимствованных из русского языка словах: иж. *ласков* ‘ласковый’, *варов* ‘разговорчивый’, *шөв* ‘шов’ (ИД: 20); вв. *булавка* ‘булавка’, *өдновка* ‘обновка’, *лукав* ‘лукавый’, *здоров* ‘здоровый’ (ВВД: 51); вым. *совкоз* ‘совхоз’, *завкоз* ‘завхоз’, *лавка* ‘магазин’, *плав* ‘поплавок’ (ВД: 21);

в) в инлауте после гласного [а] (перед согласным): вым. *став* ‘весь, вся’, *чавкан*, *т’авкан* ‘чалка’, *кравкан* ‘ворона’ (ВД: 21); вв. *дзав* ‘дранка’, *авйа* ‘скромный, вежливый’, *л’авкэс* ‘низкий, мелкий’, *н’авда* ‘мокрица’ (ВВД: 51).

Особенности употребления согласных [л] и [в] в смешанных говорах

Кроме вышеназванных трех типов говоров в коми языке выделяют четвертый, так называемый смешанный тип. К смешанным относятся помоздинский, вольдинский и бадьельский говоры верхневычегодского диалекта, а также пажгинский и лозымский говоры среднесольского диалекта. Особенность употребления согласных [л] и [в] в

данных говорах заключается в том, что в инлауте перед согласным и в ауслауте в некоторых примерах происходит сохранение этимологического [л], в других – замена [л] согласным [в].

Существует отдельная закономерность в употреблении согласных [л] и [в] в смешанных говорах. Сохранение этимологического [л] возможно:

1) в инлаутной позиции при изменении формы слова перед последующим гласным: вв. *вёл* ‘лошадь’, *вёлид* ‘твоя лошадь’, *вёлэн* ‘на лошади’, *кодзул* ‘звезда’, *кодзулэдз* ‘до звезды’, *с’ыл* ‘пой’, *с’ылэ* ‘поёт’, *ол* ‘живи’, *олам* ‘живём’ (ВВД, 15); сс. *кыл* ‘язык’, *ныл* ‘дочь’ (ССД, 16). В ауслауте в названных словах также сохраняется [л];

2) в позиции перед губными, палатальными согласными и согласным [й] этимологический [л] заменяется [в]: *вёл* ‘лошадь’, *вёвйас* ‘лошади’, *вёв бёж* ‘хвост лошади’, *йёл* ‘молоко’, *йёввив* ‘масленица’, *ныл* ‘девушка’, *нывйас* ‘девушки’ (ВВД: 52); но *султны* ‘встать’, *олны* ‘жить’ (ССД, 16); *султас* ‘встанет’, *йёлла* ‘за молоком’, *нылсё* ‘девушку’ (ВВД: 52);

3) замена этимологического [л] согласным [в] в абсолютном конце слова и в середине слова возможна, если в инлаутной позиции при изменении формы слова после этимологического [л] всегда стоит согласный: вв. *пэв* ‘большой палец’, *пэвйён* ‘большим пальцем’, *пэвйис* ‘его большой палец’, *пув* ‘брусника’, *пувйа* ‘с брусникой’, *пувйис* ‘из брусники’, *н’ёв* ‘стрела, лук’, *н’ёвйэн* ‘стрелой’ (ВВД: 52); сс. *кэв* ‘невестка’, *пёв* ‘доска’, *с’ув* ‘кострика’, *йыв* ‘вершина’ (ССД: 16).

1.2.2.2. Аффрикатy в коми диалектах

Аффрикатy коми языка [ч’], [ж’], [ж], [ч] составляют стройную микросистему и могут противопоставляться друг другу по признакам веллярности / палатальности: [ч]: [ч’]; [ж]: [ж’], и глухости / звонкости [ч]: [ж]; [ч’]: [ж’]. Позиционное употребление аффрикат в структуре слова в коми диалектах не имеет каких-либо существенных отклонений. Различия наблюдаются в произношении аффрикат. Наиболее заметные отклонения в произношении характерны для ижемского диалекта. Носителям ижемского диалекта характерно более мягкое произношение аффрикат по сравнению с другими

диалектами. Аффриката [ч'] в ижемском диалекте произносится как мягкий [ц']: *ц'ал'ц'ун'* 'мизинец', *пац'* 'печ', *миц'а* 'красивый', *ц'ан'* 'жеребенок'. Явления мягкого цоканья в диалекте учеными объясняется влиянием севернорусских говоров, а точнее вхождением в этнический состав ижемцев носителей севернорусского (новгородского) говора (Сахарова, Сельков 1976: 289).

Аффриката [ž'] (дз) образуется из [д'] и [з'], произносимых не совсем интесивно и мгновенно, является звонким соответствием звука [ц']: *дз'одз'эг* 'гусь', *кудз'* 'как', *мыдз'* 'усталость', *дз'одз'уу* 'ящерица', *дз'ол'а* 'маленький' (ИД: 31). Аффрикат [ч] и [ž] независимо от фонетических позиций произносятся мягче, чем в других диалектах коми языка, как тш' и дж': *потши'* 'жердь', *тши'ак* 'гриб', *тши'ын* 'дым', *дж'идж* 'птичка', *пудж'ны* 'загнуть' (ИД: 32).

Диалектам коми языка характерны некоторые особенности в употреблении аффрикат, а именно наблюдается процесс деаффрикатизации. Деаффрикатизация в диалектах встречается двух видов: а) переход аффрикаты в фрикативный согласный; б) переход аффрикаты в смычный согласный.

Переход аффрикат в фрикативные согласные

В коми языке встречаются случаи междиалектного звукосоответствия «аффриката – фрикативный согласный». Переход аффрикаты в фрикативный согласный может встречаться в любой позиции слова. В диалектах можно наблюдать следующие изменения аффрикат: [ž] > [ж], [ž'] > [з'], [ч] > [ш], [ч'] > [с'].

1. [ž] > [ж]

Переход аффрикаты [ž] > [ж] встречается в любой позиции слова:

а) в анлауте: нв. печ. скр. *джунт*, вв. *джумт*, уд. иж. *джум*, лл. (Об.) *жум*, вым. *джумгөр* 'крутой обрыв на дне реки' (ССКЗД: 101); вв. (Бог. Крч.) печ. скр. *джынийан*, вв. (Дер.) нв. сс. уд. *жын'н'ан* 'колокол' (ССКЗД: 102); б) инлауте: нв. скр. *джуджста*, вв. печ. сс. уд. *джуджда*, нв. *джужста*, иж. *джужда*, печ. *джужна* 'высота, вершина, глубина' (ССКЗД: 101); вым. *йиджлас'ны*, вв. (Бог.) *йиджлас'ни*, вс. *йиджлэс'ны*, уд. *йижлас'ны*, иж. *йёжлас'ны* 'вертеться, ворочаться, вести себя беспокойно' (ССКЗД: 140); вс.

вым. лет. печ. скр. сс. *йэдждөдны*, вв. *йэдждэдни*, уд. *йэдждгөдны*, л.нв. *йэждөдны*, иж. *йэждэдны* ‘делать, сделать белым, белеть’ (ССКЗД: 40). В инлауте переход аффрикаты [ʒ] в фрикативный звук происходит чаще в позиции перед согласными [д], [т], реже перед другими согласными; в) ауслауте: скр. (Т.) *вудж*, (Ш.) *вуж*, вым. *вуж*, (К.) *вудж*, лл. (Ч.) *л’этчан вудж*, (Мт.) *л’этчан вуж* ‘шерстоблёный смычок’ (ССКЗД: 68).

Переход аффрикаты в фрикативный согласный может происходить на стыке двух слов: вв. вым. иж. нв. сс. *джодж дөра*, вс. *джөдж дөра* (ССКЗД: 101); печ. скр. (Ш.) *джож дөра* ‘половик’ (ПД: 17; ПСД: 37).

2. [ʒ'] > [з']

Данная междиалектная корреспонденция также может встречаться в любой позиции слова:

а) в анлауте: лет. сс. *дзэп*, вв. вс. вым. нв. иж. печ. скр. уд. *з’эп* ‘карман’ (ССКЗД: 130); скр. *дзом*, вв. (Крч.) лет. нв. сс. уд. *з’өм*, уд. (Гл.) *з’эм* ‘подъем (часть ноги)’ (ССКЗД: 105); б) инлауте: вв. вым. нв. скр. *водзти*, лл. *воз’ти*, вс. *өдзти* ‘раньше, прежде’ (ССКЗД: 55); вс. вым. лет. печ. скр. сс. *көдздөдны*, вв. *көдздэдни*, нв. *көз’дөдны*, уд. *көйдөдны*, иж. *көйдэдны* ‘холодать, похолодать’ (ССКЗД: 169); скр. *н’одздыны*, печ. (Медв.) сс. *н’өдздыны*, вв. *н’өдздини*, л. *н’өз’дыны*, уд. нв. *нөз’дыны*, вым. *нөдздыны*, лет. *н’өйдны* ‘мякнуть, размякнуть, отмякнуть’ (ССКЗД: 239). Деаффрикатизация в инлаутной позиции встречается перед согласными [д], [т], [л], [с]; в) ауслауте: вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. лл. (Лет.) *содз*, лл. (Об. Пор.) *соз’* ‘пригоршня’ (ССКЗД: 341; ЛЛД: 19); вв. вс. нв. печ. скр. сс. *л’одз*, лл. (Гур. Лет. Пр. Сл.) *л’оз’* туй ‘вал сена, копна’ (ССКЗД: 197; ЛЛД: 19).

3. [ч] > [ш], анлаутный [ч] > [ч']

а) анлаут: вс. вым. л. (Об.) скр. сс. *тшэм*, вв. (Крч.) иж. уд. (Гл.) *итшэм*, лет. *шэм* ‘очень плотно, густо, часто’ (ССКЗД: 385).

В лузско-летском, удорском, ижемском диалектах в ряде исконно коми слов сохраняется начальный твердый [ч] на месте [ч'] большинства других коми диалектов: л. (Гур. Пр. Сл.), уд. *тшож*, лет. сс. скр. вв. вым. *чож* ‘дядя, брат матери’ (ССКЗД: 414); лет. иж. *тшыийан*, вв. вс. вым. нв. печ. скр. *чыийан* ‘платок’ (ССКЗД: 423);

лет. уд. *тиужом*, иж. *тиужэм*, вым. нв. печ. скр. сс. *чужом* ‘лицо’ (ССКЗД: 418); лет. *тиужйалны*, уд. *тиужйавны*, иж. *тиужйооны*, нв. скр. *чужйавны*, сс. вс. печ. л. *чужйалны*, вым. *чужйооны*, вв. (Бог.) *чужйоони* ‘пинаться, брыкаться’ (ССКЗД: 418); вв. вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. *чож*, иж. уд. лет. *тиож* ‘в течение, в продолжение’ (ССКЗД: 416); вс. вым. нв. сс. печ. скр. *чожны*, вв. *чожни*, иж. уд. лет. *тиожны* ‘копить, скопить, накопить’ (ССКЗД: 416); б) инлауте: вс. лл. печ. скр. *н’этикыны*, вым. иж. нв. уд. *н’этины*, вв. *н’этикини*, сс. *н’эикыны* ‘рвать, дергать, выдергивать’ (ССКЗД: 239; ССД: 27); л. (Об.) нв. печ. скр. *вутикос*, вв. *вутикэс*, уд. *вутти йура*, иж. *вутти йурэс*, сс. *вуикос* ‘кочковатый’ (ССКЗД: 70; ССД: 27); вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *потины*, вв. (М.) *пошни* ‘городить, огородить, загородить’ (ССКЗД: 295; ВВД: 64); скр. (Т. З.) *йатимодлыны*, вв. *йатимэдлини*, сс. *йаимодлыны* ‘отчитывать, журить’ (ССКЗД: 455); в) ауслауте: лл. (Лет.) *чун’кыш*, повс. *чун’кытти* ‘кольцо, перстень’ (ССКЗД: 421; ЛЛД: 18); скр. вым. *рати*, вв. *лати*, иж. уд. *раш* ‘хрупкий, ломкий, негибкий’ (ССКЗД: 317; ВД: 47).

4. [ч'] > [с']

Переход аффрикаты [ч'] в фрикативный [с'] чаще происходит в инлаутной позиции либо в позиции конца слова на стыке слов.

а) в инлауте: скр. (З.) нв. *кочмовтны*, сс. *кочмолтны*, скр. (В. Ш.) *кос’мовтны*, вв. (Крч.) *кос’толтни*, вв. (Бог.) *кос’мотни* ‘ополоснуть, всполоснуть’ (ССКЗД: 174; ПСД: 36); скр. *лэчтавны*, сс. *лэчталны*, вв. (Крч.) *лэчтални*, печ. *лэс’талны*, вым. *лэс’тооны*, иж. *л’эс’тооны*, вв. (Бог.) *лэс’тоони* ‘точить, оттачивать, лопатить’ (ССКЗД: 210); вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. *мис’тём*, вв. иж. *мис’тэм*, л. (Об.) *мичтём*, уд. *мычтём* ‘некрасивый, безобразный, невзрачный’ (ССКЗД: 221); б) на стыке слов: лл. скр. вв. (Устьн. М.) *лэс’ туй*, вс. вым. нв. сс. вв. (Крч.) *лэч туй* ‘охотничья тропа с силками’ (ССКЗД: 210; ВВД: 65; ЛЛД: 21; ПСД: 37); вс. вым. лет. *пач тэчыс*, нв. уд. *пач тэчис*, вв. (Устьн.) *пас’ тэчис* ‘печник’ (ССКЗД: 227; ВВД: 65); вв. скр. сс. *шыч ни рач*, вс. *шыч не рач*, л. (Об.) *шыч не швач*, вв. (Устьн.) *шыс’ ни рач* ‘полная тишина’ (ССКЗД: 442; ВВД: 65).

Переход аффрикат в смычные согласные

Переход аффрикат в смычные согласные в коми диалектах – явление не повсеместное. Чаще данное явление можно наблюдать в удорском и ижемском диалектах, отдельные примеры встречаются в нижневычегодском, вымском и верхневычегодском диалектах. В ижемском диалекте в смычные согласные могут переходить мягкие аффрикаты [ž'] и [ч']. Как правило, это происходит перед зубно-дорсальными согласными в любой позиции слова. В удорском диалекте наряду с мягкими аффрикатами [ž'] и [ч'] может деаффрикатизироваться твердая аффриката [ž]. Данное явление в удорском диалекте наблюдается в инлаутной позиции и на стыке двух слов. В вышеназванных диалектах встречаются следующие случаи деаффрикатизации: [ž'] > [д']; [ž'] > [т']; [ч'] > [т']; [ž] > [д].

1. [ž'] > [д']

а) в анлауте встречается в ижемском диалекте, чаще в говорах коми ижемцев, проживающих в Мурманской области: иж. *д'од'эз*, вым. лл. печ. скр. сс. уд. *дзодзöг*, вв. нв. иж. *дзодзэз*, вс. *дзöдзук* 'гусь' (ССКЗД: 104; ИД, 31); иж. *д'ол'а*, вв. (Дер. Крч.) *дзол'а*, вв. (Бог.) вым. нв. *дзöл'а*, нв. *дзэл'а* 'маленький' (ССКЗД: 139; ИД: 31); иж. *д'он'*, вв. вым. иж. л. (Об.) нв. печ. скр. сс. уд. *дзон'*, вс. *дзöн'* 'целый, непочатый, цельный' (ССКЗД: 105; ИД: 31); б) инлауте: иж. уд. *кöд'ны*, вс. вым. лет. печ. скр. сс. *кöдзны*, вв. *кöдзни* 'сеять, посеять' (ССКЗД: 169); иж. *вод'ласдорэ*, уд. *вöд'ладорö*, нв. (Жеш.) *воз'ладорö*, вым. печ. скр. сс. *водзладорö*, вв. *водзладорэ*, вс. *öдзладорö* 'впереди чего-либо (ставить, поставить)' (ССКЗД: 54); иж. уд. *лэд'ны*, вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. *лэдзны*, вв. *лэдзни* 'пускать, пустить, отпускать' (ССКЗД: 209); уд. иж. *код'ны*, вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. *кодзны*, вв. *кодзни* 'кастрировать, холостить, оскопить' (ССКЗД: 159; ИД: 31); в) ауслауте: иж. *мыд'*, вв. (Крч.) вс. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *мудз*, вв. (Бог.) вым. *мыдз* 'усталость, утомление' (ССКЗД: 226; ИД: 31); иж. уд. *лöд'*, вс. вв. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *лöдз* 'слепень, овод' (ССКЗД: 203; ИД: 31; УД: 22); иж. *кыд'*, повс. *кыдз* 'береза' (ССКЗД: 185; ИД: 31); г) на стыке слов: иж. *куд'нэ*, вв. *кыд'нэ* 'как же' (ИД, 31; ВВД, 66); иж. *ыджыд вид' дырьи* 'во время великого поста' (ИД: 31);

нв. *вод'чун'* 'указательный палец' (НВД: 25); иж. *мэдвод' лун пэти* 'первый день вышел' (ИД: 31).

2. [ž'] > [t']

Переход аффрикаты [ž'] в смычный [t'] может происходить в середине слова, как правило, перед глухим согласным: уд. *сõt'тыны*, вс. вым. лл. печ. скр. сс. *сõдзõдны*, иж. нв. *сõдзэдны*, вв. *сõдзэдни* 'дать отстояться, слить' (ССКЗД: 344); уд. *мут'тыны*, иж. *мыт'тыны*, печ. скр. сс. уд. *мудзтыны*, вв. (Крч.) *мудзтини*, лл. *мучтыны*, нв. *мудзтõдны* 'утомлять, утомить, изнурить' (ССКЗД: 226; УД: 22, ИД: 31); нв. *вот'сас'ны*, вым. иж. печ. скр. сс. *водзас'ны*, вв. *водзас'ни*, вс. *õдзсэс'ны*, л. *вочсас'ны* 'сопротивляться' (ССКЗД: 55; НВД: 26).

3. [ч'] > [t']

Данное междиалектное варьирование встречается в любой позиции слова. Однако следует заметить, что в анлауте и ауслауте примеры единичны:

а) анлаут: иж. *т'арла*, повс. *чарла* 'серп' (ССКЗД: 405; ИД: 29); иж. *т'ал'т'ун'*, вв. лл. печ. скр. сс. уд. *чал'*, уд. *чал'эй*, нв. иж. *чал'чун'* 'мизинец' (ССКЗД: 404; ИД: 29); иж. *т'эпэртны*, лл. печ. скр. сс. *чэпõл'тны*, вв. *чэпэл'тни*, вс. *чэпыл'тны*, вым. уд. нв. *чэпõртны*, иж. *чэпэртны* 'щипнуть, ущипнуть' (ССКЗД: 407; ИД: 29); б) инлаут: иж. уд. *тэт'ны*, вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. *тэчны*, вв. *тэчни* 'класть, складывать, сложить' (ССКЗД: 392; ИД: 28); иж. *пэт'лооны*, нв. скр. *пэчлавны*, печ. сс. *пэчлалны*, вв. *пэчлални*, вым. иж. *пэчлооны*, лл. *пэчиалны*, вс. *пэчкалны* 'щелкать, давать щелчки' (ССКЗД: 284; ИД: 28); иж. *вот'ны*, вым. нв. иж. *вочны* 'чинить, починить, отремонтировать' (ССКЗД: 62); уд. *кыт'навны*, иж. *кыт'нооны*, вым. иж. *кычнооны*, вв. (Бог.) *кычноони* 'щениться, ощениться (о собаке)' (ССКЗД: 190); в) ауслаут: иж. *гат'*, повс. *гач* 'штаны, брюки' (ССКЗД: 77; ИД: 29); иж. *пат'*, повс. *пач* 'печь, печка' (ССКЗД: 277; ИД: 29); иж. *рот'*, вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *роч*, вс. *рõч* 'русский' (ССКЗД: 322; ИД: 29); иж. *рут'*, повс. *руч* 'лиса, лисица' (ССКЗД: 326; ИД: 29);

4. [ʒ] > [д]

Переход аффрикаты [ʒ] в твердый согласный [д] позиционно ограничен инлаутом и распространен в удорском диалекте,: уд. *йэддыны*, вым. печ. скр. сс. *йэдждыны*, вв. *йэдждини*, вс. *йэждамыны*, иж. л. нв. *йэждыны* ‘белеть, побелеть, становиться белым’ (ССКЗД: 118); уд. *уддыны*, скр. уд. (Гл.) *удждыны*, вв. *удждини*, вс. иж. вым. л. (Об.) нв. печ. сс. *уждыны* ‘занимать, занять, брать займы’ (ССКЗД: 396); уд. *ыдда*, вв. скр. сс. уд. (Гл.) *ыджда*, вв. вс. вым. иж. лл. сс. *ыжда*, нв. скр. вым. *ыжта* ‘величина’ (ССКЗД: 442); уд. *ыддöдлыны*, скр. *ыдждöдлыны*, вв. *ыдждэдлины*, вс. вым. лл. сс. *ыждöдлыны*, иж. *вэл’итшайтны* ‘величать’ (ССКЗД: 442).

По мнению ученых, явление дезаффрикатизации является результатом ослабления затвора при произношении аффрикат для облегчения произношения (Серебрянников 1974: 131-139).

1.2.2.3. Вставочные согласные звуки

Диалекты коми языка характеризуются широким употреблением вставочных согласных. Необходимо отметить, что функционирование вставочных звуков в диалектах коми языка не носит единообразного характера: в одних и тех же словах в разных диалектах мы можем наблюдать разные вставочные звуки. По мнению В.И. Лыткина, слова со вставочными звуками, представляющими собой остаток конца прежней основы, и слова без вставочных звуков всё время влияли и влияют друг на друга. В результате такого влияния в одних диалектах формы со вставочными звуками имели преимущество и распространялись на ряд слов, где раньше не было этих звуков; в других диалектах, наоборот, формы без вставочных звуков брали верх и вытесняли формы со вставочными звуками (Лыткин 1957: 80-81).

Вставочные согласные встречаются в коми диалектах в двух случаях: а) в инлауте после конечного согласного основы перед суффиксом с инициальным гласным; б) на стыке морфем в интервокальной позиции. В первом случае мы наблюдаем вставку согласных [к], [м], [й], [т], [н], [л]. Во втором случае встречаются согласные [й], [в], [л].

Вставочные согласные [к], [м], [й], [т], [н], [л]

С исторической точки зрения в словах со вставочными согласными [к], [м], [т] мы имеем не вставку согласных, а сохранение древнего согласного основы, являвшегося вторым компонентом не свойственных пермским языкам сочетаний согласных. Вследствие массового отпадения конечных гласных второй компонент, оказавшись в абсолютном конце слова, выпал (Лыткин 1957: 76). Согласный [й] является рефлексом конечного гласного [и], отпавшего в коми языке.

Вставочные согласные [к], [м], [т]

Данные вставочные согласные встречаются во всех диалектах. Согласный [к] появляется в словах с основой на глухие согласные [с], [с'], [ш], [тш], [ч] перед словообразовательными и словоизменительными суффиксами с начальной гласной: вс. *бускӧс* 'запыленный, пыльный' (< бус 'пыль'), *сӧска* 'с рукавами' (< сос 'рукав'), *ошкыс* 'медведь-то' (< ош 'медведь'), *коскам* (< кос «поясница, талия») (ВСД: 44-47); сс. *мышкӧй вис'ӧ* 'спина болит' (< мыш 'спина'), *лэчкӧн кыйс'им* 'ловили зверя капканами' (< лэч 'капкан') (ССД: 20); лл. *пл'эшкас* 'на лбу' (< пл'эш 'лоб'), *гӧрд сорска* 'с красным гребешком' (< сорс 'гребень') (ЛЛД: 27-29); печ. *йус'кыд лэбз'ис* 'лебедь улетел' (< йус 'лебедь'), *ӧт'и сускад* 'в одном кедре' (< сус пу 'кедр') (ПД: 14); иж. *л'эскыс кылалэ* 'лес плывет', *ошкэн мунэ* 'словно медведь поднимается' (< ош 'медведь') (ИД: 37); уд. *йӧскыс* 'мальки-то' (< йӧс 'мальки'), *паскыс* 'метка-то' (< пас 'метка') (УД: 25-26); нв. *вискас* 'в протоке' (< вис 'протока'), *орскӧн* 'кнутом' (< орс 'плеть, кнут'), *раскас* 'в роще' (< рас 'роща') (НВД: 31-33); вым. *поскыс л'ок* 'мост плохой' (< пос 'мост'), *вутшкӧс* 'кочковатый' (< вутш 'кочка') (ВД: 33-34); скр. *пэскыс уна* 'дров много' (< пэс 'дрова'), *чэр тышкӧн* 'обухом топора' (< тыш 'обух, тыльная часть') (ПСД: 30); вв. *н'итшкэн* 'мох' (< н'итш 'мох'), *вискас* 'в протоке' (< вис 'протока') (ВВД: 61). В незначительном количестве вышперечисленных слов наблюдается сохранение согласного [к] древней основы: [коск] 'поясница, талия' / удм. *кус* 'тж'. – Общеп. * *kösk* / ф. *keski* 'середина' (КЭСК 199: 134); [мышк] 'спина, задняя часть, задворки' / удм. *мыш* 'зад, тыльная сторона'. – Общеп. * *tušk-* / мар. *мушкыр* 'живот,

утроба, брюхо (у животных)’ (КЭСК 1999: 184); [виск] ‘проток, канал’ /удм. вис ‘промежуток, интервал’. – Общеп. *visk- ‘узкий канал, щель’ (КЭСК 1999: 58).

Вставочный согласный [м] встречается в словах с основой на сонорный согласный [н] перед суффиксами, начинающимися с гласного: вс. *о́нмын* ‘в пологе’ (< о́н ‘полог’), *пóнма* ‘с собакой’ (< пóн ‘собака’) (ВСД: 44-47); сс. *йо́нмыс* ‘осот-то’ (< йо́н ‘осот’), *зонмыс* ‘этот парень’ (< зон ‘парень, юноша’) (ССД: 20); лл. *н’инма* *кõм* ‘лапти из лыка’ (< н’ин ‘лыко’), *н’инмõвõй* ‘лыковый’ (ЛЛД: 29); печ. *сынмыд* ‘твой язь’ (< сын ‘язь’) (ПД: 14); иж. *чан’мыс* ‘жеребенок’ (< чан’ ‘жеребенок’), *ан’мыс* ‘эта женщина’ (< ан’ ‘женщина’) (ИД: 37); уд. *унмõ* ‘мой сон’ (< ун ‘сон’), *йэнмõ* ‘в бога’ (< йэн ‘бог’) (УД: 25-26); вым. *с’инмам* ‘в моем глазу’ (< с’ин ‘глаз’), *зонмын ооны* ‘вести холостую жизнь’ (ВД: 33-34); нв. *кунмыс* ‘щелок-то’ (< кун ‘щелок’), *йõв с’онмыс* ‘молочные железы’ (< с’он ‘железы, сосуды’) (НВД: 31-33). Согласный звук [м] сохранился в сочетании – нм <*lm в следующих словах: [синм-] ‘глаз’/ удм. син ‘глаз’. – Общеп. *sinm /ф. silmä (КЭСК 1999: 256); [унм-] ‘сон’/ удм. ум ‘сон’. – Общеп. õnm (КЭСК 1999: 297); [енм-] ‘бог’, ‘небо’/ удм. инмар ‘бог’. – Общеп. *jenm (КЭСК 1999: 99);

Вставочный согласный [т] появляется в словах с основой на глухие согласные [п], [с], [с’]: вс. *гул’у лõстыс* ‘с чердака’ (< лõс ‘чердак’) (ВСД: 47); сс. *пэлыстõн* ‘веслами’ (< пэлыс ‘весло’), *выл’ сакта* ‘в новом полупальто’ (< сак ‘полупальто’) (ССД: 21); лл. *дзэптам* ‘в моем кармане’ (< дзэп ‘карман’), *с’ин лыстыс* ‘ресница-то’ (< лыс ‘ресница, хвоя’) (ЛЛД: 28); нв. *гõптас* ‘в маленьком озере’ (< гõп ‘озеро, яма с водой’), *лõптыс тыр* ‘хлама полно’ (< лõп ‘древесный хлам’) (НВД: 33); вым. *с’ылитшунтõ* ‘на загривок’ (< с’ылитшуп ‘загривок’), *пõмõстыс* ‘поветрие-то’ (< пõмõс ‘поветрие’) (ВД: 35); скр. *шэпта турун* ‘лисохвост’ (растение) (< шэп ‘колос’), *лапта коз* ‘развесистая ель’ (< лап ‘ветвь’) (ПСД: 30).

Вставочный согласный [й]

Данный вставочный согласный имеет широкое распространение в диалектах и встречается в значительном количестве корней. Названный согласный также появляется в конце односложной

основы, перед словообразовательными или словоизменительными суффиксами с начальной гласной: вс. *жырйас* ‘в комнату’ (< жыр ‘комната’), *гагйӧс* ‘изобилующий насекомыми’ (< гаг ‘червяк, насекомое’), *гырдйӧс* ‘запачканный кровью’ (< гырд ‘свернувшаяся кровь’), (ВСД: 60); сс. *вужйыс кос’мӧма* ‘корень засох’ (< вуж ‘корень’), *кылйӧн бэртны* ‘точить лясы’ (< кыл ‘язык’), *д’эбйыс тыр* ‘мошек полно’ (< д’эб ‘мошки’) (ССД: 19-20); лл. *д’эз понйыс* ‘конец веревки’ (< пон ‘конец’), *сырсйа майӧг* ‘сучковатый кол’ (< сырс ‘сучок’), *росйӧн* ‘метлой’ (ЛЛД: 27029); уд. *л’ӧмйа* ‘с черемухой’ (< л’ӧм ‘черемуха’), *ойбыдйӧн* ‘ всю ночь’, *с’ивйам* ‘на мою шею’ (< сили ‘шея’), *лымйыс* ‘снег’ (УД: 25); иж. *катшйа* ‘с белыми пятнами на лбу или шее’ (< катша), *гымйыс* ‘гром-то’ (< гым ‘гром’), *курйан* ‘грабли’ (< куран) (ИД: 36-37); нв. *пӧртийӧ* ‘в котелок’ (< пӧрт ‘котелок’), *градйас* ‘на грядке’ (< град ‘гряда, грядка’) (НВД: 32). В вышеназванных словах согласный [й] является рефлексом прапермского конечного гласного [и], отпавшего в пермских языках, в следующих примерах: [вужй-] ‘корень, корешок’/удм. *выжы* ‘корень’. – Общеп. **vi:z:z* (КЭСК 1999: 70); [пӧртий-] ‘котел’/удм. *пурты* ‘котел’. – Общеп. **port* (КЭСК 1999: 229); [гебй-] ‘мошка’/удм. *кибы* ‘насекомое’. – Общеп. *Кebz* (КЭСК 1999: 75); [лымй-] ‘снег’/удм. *лымы* ‘тж’. – Общеп. *lũmz/ ф. lumi* (КЭСК 1999: 164).

Рассмотренные выше вставочные согласные [к], [т], [й] могут выступать не только в исконных коми словах, но по аналогии и в словах, заимствованных из русского языка: сс. *лукйӧй сис’мӧма* ‘мой лук сгнил’, *ныз’ ларйыс тыр* ‘мучной ларь полон’, *плагйыс гӧрд* ‘флаг красный’ (ССД: 20); лл. *стӧбйыс жуvgӧ* ‘столб шумит’, *бл’удйӧн* ‘блюдечком’, *турун куртны вайӧ* ‘сгрести сено в вал’, *плашта* ‘в плаще’, *ёршкыс* ‘ёрш-то’ (ЛЛД: 30); печ. *газйӧн* ‘газом’, *садйын* ‘в саду’, *кубйыс* ‘этот куб’ (ПД: 13); иж. *кластын* ‘в классе’, *лахтэн* ‘лаком’ (ИД: 38); уд. *крантӧдыс* ‘через кран’, *грӧштыд* ‘твои гроши’, *кластын* ‘в классе’ (УД: 26-27); вв. *струбйын* ‘в срубе’, *чэтийӧн* ‘цепью’, *ускис* ‘его усы’, *стынмис* ‘из задней пристройки избы’ (ВВД: 61-62); вым. *пӧкӧстыс пас’кыд* ‘покос широкий’, *васа бэскыс* ‘водяной’ (ВД: 35).

Вставочные согласные [н], [л]

В удорском и лузско-летском диалектах в слова с основой на щелевые согласные [з'], [с'], [ж] перед суффиксами, начинающимися с гласного, появляются вставочные согласные [н] и [л]. Вставочный [н] характерен для обоих диалектов; вставочный [л] функционирует только в лузско-летском диалекте: уд. *пыз'нэс* 'запачканный мукой' (< пыз 'мука'), *гырыс' тус'на шан'га* 'шаньги с начинкой из крупной крупы' (УД: 26); лл. *вожлөс* 'ветвистый' (< вож 'ветка, ветвь'), *роз'лөс* 'дырявый' (< роз 'дырка'), *визлөс* 'с полосками' (< виз 'полоса, черта'), *пыз'на пул* 'кушанье из брусники с мукой' (< пыз 'мука') (ЛЛД: 30).

Интервокальные вставочные согласные [в], [й], [л]

Известно, что коми языку не свойственно стечение гласных как в пределах одной морфемы, так и на стыке морфем. Для устранения стечения гласных в диалектах выступают согласные [в], [й], [л]. Следует отметить, что интервокальные вставочные согласные звуки встречаются в лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском, присыктывкарском, верхневычегодском и печорском диалектах. В диалектах северного наречия они не фигурируют.

Вставочный согласный [в] выступает на стыке морфем или в составе корневой морфемы после гласных [у], [о], [ы]: скр. *ловö* 'будет, придется', *дуван* 'упрямый, норовистый', *йувөр* 'весть, известие' (ПСД: 31-32); печ. *нувö* 'несет', *эз шывас* 'не отозвался', *носки кыва* 'вяжу носки', *лови* 'стало' (ПД: 14); лл. *причча сувис* 'несчастье постигло', *зувалны* 'чесать лен, коноплю', *шувалны* 'произносить' (ЛЛД: 30); сс. *йувар* 'мелкая рыба, малёк', *йувортны* 'известить' (ССД: 21-22); вс. *ловö* 'будет, придется', *ог йувал* 'не спрошу', *дувана* 'норовистый' (ВСД: 48). В среднесысольском диалекте интервокальный вставочный [в] может выступать в ослабленном варианте [ʙ]: сс. *рок нуʙан* 'кашу варишь', *колö гуʙалны* 'надо похоронить', *буʙалö* 'бушует, шумит' (ССД: 22).

Вставочный согласный [й] появляется между двумя гласными, один из которых является гласным переднего ряда: скр. *шуйис* 'он сказал', *пöттöдз йуйи* 'я напился' (ПСД: 32); печ. *пийук* 'сынок', *бийö*

‘в огонь’, *шондийыс* ‘солнце-то’ (ПД: 14); лл. *войины* ‘они приехали’, *нуйисны* ‘они унесли’, *бийа из* ‘кремень’ (ЛЛД: 30); сс. *чэл’кийис* ‘носки-то’, *суйим йöратö* ‘догнали лося’, *вийис вöлсö* ‘избил лошадь’ (ССД: 22); вс. *шыйэс’ны* ‘отозваться, откликнуться’, *бийэс’ны* ‘зажечь огонь’, *йуйи* ‘я выпил’ (ВСД: 48).

В среднесысольском диалекте вставочный [й] может встречаться в ослабленном варианте [й̆]: *мутйис* ‘по земле’, *кйалны* ‘помочь рукой’, *кокн’йа* ‘легко’ (ССД: 22).

Вставочный согласный [л] функционирует в эловых говорах верхневычегодского диалекта. Данный согласный появляется на стыке морфем: *кол’ан волэдз* ‘до прошлого года’, *таволэдз* ‘до этого года’, *мöймилэдз* ‘до прошлого года’, *баулэн* ‘на четвереньках’ (ВВД: 61).

Следует отметить, что в диалектах коми языка в пределах одного и того же слова могут выступать разные вставочные звуки. При этом несовпадения в употреблении вставочных звуков могут встречаться как в разных диалектах, так и в отдельных говорах одного диалекта: скр. вым. вв. *з’эптын*, сс. *дзэптын*, лл. *з’эпйын*, *дзэпйын* ‘в кармане’; вым. нв. уд. скр. (Скр.) *йöскыс*, скр. (В.) *йöстыс* ‘мелкая рыба’; скр. вым. нв. *бонйөн*, лл. *бонмён* ‘мочалом, тряпкой’; скр. вым. уд. *понйён*, лл. *понмён* ‘собакой’; скр. *роскён*, лл. *ростён* ‘метлой’; нв. уд. *рыс’ка*, лл. *рыс’та* ‘с творогом’.

Функционирование разных вставочных согласных в диалектах коми языка даёт возможность говорить о более позднем их появлении в отдельных словах и самостоятельном развитии в разных диалектах.

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что диалекты коми языка характеризуются широким функционированием вставочных согласных звуков. В ряде слов вставочные согласные представляют собой факт сохранения древней основы слова. В значительном количестве случаев мы наблюдаем употребление эпентетических согласных, появившихся по аналогии, а также выступающих в качестве устранения интервокального зияния гласных.

1.2.2.4. Ассимиляция согласных звуков

В диалектах коми языка широко распространено явление ассимиляции согласных. Ассимиляция согласных встречается двух видов – *прогрессивная* и *регрессивная*.

1.2.2.4.1. Прогрессивная ассимиляция

Прогрессивная ассимиляция согласных заключается в уподоблении последующего согласного предшествующему. Наиболее распространенным видом прогрессивной ассимиляции в коми диалектах является ассимиляция предшествующим согласным последующего согласного [й].

Ассимиляция [й] предшествующими мягкими согласными

В диалектах коми языка мягкий согласный ассимилирует:

1) начальный согласный [й] суффикса множественного числа существительного *-йас*: иж. *пан'н'асыс* 'ложки', *лыз'зас* 'лыжи', *дод'д'ас* 'сани', *вид'д'ас* 'пожни, луга', *выл'л'асыс* 'новости' (ИД: 33); печ. *роччас* 'русские', *чан'н'ас* 'жеребята', *нан'н'ас* 'хлеба', *корыс'с'ас* 'нищие' (ПД: 15); вым. *чэл'ад'д'ас* 'дети', *уз'з'ас* 'шапки суслонов', *вурун тупыл'л'ас* 'клубки шерстяной пряжи', *вэт'эл'л'ас* 'мережи' (ВД: 40); нв. *порс'с'ас* 'свиньи', *чун'н'ас* 'пальцы' (НВД: 28); лл. *кас'с'ас* 'кошки', *вёлот'т'ас* 'стебли', *шул'л'ас* 'узкие полосы лыка, бересты', *киз'з'ас* 'пуговицы' (ЛЛД: 24); вс. *вис'ыс'с'ас* 'больные', *гёс'с'ас* 'гости', *йус'с'ас* 'лебеди', *тупыс'с'ас* 'небольшие круглые хлебцы из ржаного теста', *уджалыс'с'ас* 'работающие' (ВСД: 39); вв. *пин'н'ас* 'зубы', *дзоридздзас* 'цветы', *пэл'л'ас* 'уши', *вэлэдчис'с'ас* 'учащиеся' (ВВД: 54); уд. *ичмон'нэс* 'молодухи', *йол'л'ёс* 'реки, ручьи', *бэл'л'эс* 'косяки' (УД: 21).

Следует отметить, что не во всех диалектах и говорах наблюдается ассимиляция согласного [й] суффикса множественного числа *-йас*. Данное явление не встречается в присыктивкарском диалекте, читаевском говоре лузско-летского диалекта. В нижневычегодском диалекте имеет место в межогском, жешартском и гамском говорах, единичные случаи в говорах с. Айкино, Туис-Керёс, в остальных

отсутствует. В верневычегодском диалекте встречается в пожегском и вочском говорах, в нуль-эловых говорах носит факультативный характер, в остальных говорах наблюдается сохранение [й] в составе суффикса *-йас*;

2) глагольный словообразовательный суффикс *-й*: лл. *паз'з'ыны* 'разбивать вдребезги', *шмын'н'алны* 'улыбаться, усмехаться', *гон'н'алны* 'озираться' (ЛЛД: 24); вс. *л'ул'л'алны* 'качаться, колыхаться', *пас'с'алны* 'жить привольно', *с'ил'л'алны* 'звякать' (ВСД: 40); вв. *кырс'с'ини* 'очищать от коры', *чал'л'ини* 'обрубать, снимать', *кил'л'ини* 'шелушить, вышелушить' (ВВД: 54); нв. *виз'з'эдлыны* 'подчеркивать', *жул'л'ини* 'бить вдребезги' (НВД: 28); сс. *кас'с'алны* 'царапать', *чил'л'ылтны* 'сильно запачкаться сажеей', *л'одздалны* 'сгрести сено в вал' (ССД: 23); вым. *прыс'с'ыны* 'скакать (о лошади)', *рун'н'ооны* 'лениво ходить', *л'уз'з'ооны* 'таскаться, часто ходить' (ВД: 40); скр. *бод'д'авны* 'тяжело ходить', *вэн'н'авны* 'болтаться, висеть', *шын'н'авны* 'оскаливать зубы (о лошади)' (ПСД: 44);

3) вставочный согласный [й]: вв. *бэд'д'а* (< бэд'йа) 'с палкой', *дод'д'ас* (< дод'йас) 'на санях', *гад'д'эс* (< гад'йэс) 'в мозолях' (ВВД: 54); вым. *кил'л'өн тырёма* (< кил'йён) 'всё в перхоти', *виз'з'а* (< виз'йа) 'полосатый, в полоску' (ВД: 40); нв. *дзол'л'эн* (< дзол'йэн) 'палочкой', *кол'л'ис* (< кол'йис) 'из шишек' (НВД: 28); лл. *куз'аз'з'а* (< аз'йа) 'с высокой ботвой', *роз'з'ос* (< роз'йос) 'дырявый', *онз'ил'л'а* (< онз'ил'йа) 'сонный, не выспавшийся', *өз'з'өдыс* (< өз'йөдыс) 'в дверь' (ЛЛД: 24); вс. *вёла-дод'д'а* (< дод'йа) 'упряжка, подвода', *кил'л'ос* (< кил'йос) 'покрытый перхотью' (ВСД: 45); иж. *с'инваыс мол'л'эн визыытэ* (< мол'йэн) 'слеза катится', *жэл'л'ыс* 'лучина, заноза' (ИД: 33);

4) начальный звук [й] второго компонента сложного слова: вс. *чил'л'ылтны* (< чил'йылтны) 'загрязниться' (ВСД: 40); лл. *руччура* (< ручйура) 'рыжеволосый', *ул'л'өл* (< ул'йөл) 'молозиво', *гөрд пэл'л'ыла* (< пэлйыла) 'собака с красным пятном на кончике ушей' (ЛЛД: 25); сс. *Пал'лаг* (< Пал'йаг) 'название местности', *порс'с'ай* (< порс'йай) 'свинина' (ССД: 24); вым. *выл'л'өө* (< выл'йөө) 'простокваша', *ул'л'өө* (< ул'йөө) 'сырое молоко', *Вэт'т'у* (< Вэт'йу) 'название поселка' (ВД: 41);

5) на стыке двух слов конечный мягкий согласный первого компонента инициальный [й] второго компонента: лл. *онлан' н'урөн* (< онлан' йурөн) 'вниз головой', *чун' н'ыл* (< чун' йыл) 'кончик пальца', *онз'ил' л'ывс'ыс* (< онз'ил' йывс'ыс) 'спросонья' (ЛЛД: 25); вс. *пос' с'ол* (< пос' йол) 'горячее молоко', *кок чун' н'ылын* (< кок чун' йылын) 'на цыпочках', *мудз дзылад* (< мудз йылад) 'в устатку' (ВСД: 40); вым. *уулан' н'урөн* (< уулан' йурөн) 'вниз головой', *Кал' Л'ак* (< Кал' Йак) 'Яков, сын Калистрата' (ВД: 41); сс. *дзон' н'ашшик* (< дзон' йашшик) 'целый ящик', *оннан' н'урөн* (< оннан' йурөн) 'вниз головой' (ССД: 23); вв. *чил'л'ил* (< чил' йыл) 'ворсинка, шерстинка', *помэл'л'и* (< помэл'йы) 'хвойная поросль', *пидзичан' н'илин* (< пидзичан' йылин) 'на коленях' (ВВД: 55);

б) в русских заимствованиях: лл. *Ул'л'ана* (< Ул'йана), *суд'д'а* (< суд'йа), *олад'д'а* (< олад'йа), *сват'т'а* (< сват'йа), *рыс'с'у* (< рыс'йу) (ЛЛД: 25); вым. *Ан'ис'с'а* (< Ан'ис'йа), *бэл'л'о* (< бэл'йо) (ВД: 41); скр. *көлдун'н'а* (< колдун'йа), *пөкмэл'л'а* (< похмэл'йэ) (ПСД: 44); печ. *зэл'л'а* (< зэл'йэ), *пэчэн'н'э* (< пэчэн'йэ), *плат'т'э* (< плат'йэ), *собран'н'э* (< собранийэ) (ПД: 15); вв. *жалован'н'э* (< жалован'йэ), *варэн'н'э* (< варэн'йэ), *задан'н'э* (< заданийэ), *вөскрэсэн'н'э* (< воскрэс'эн'йэ) (ВВД: 53).

1.2.2.4.2. Регрессивно-прогрессивная ассимиляция

В диалектах встречается явление двойной ассимиляции: при сочетании твердого согласного (из парных по твердости/мягкости) с последующим [й] происходит смягчение данного согласного и последующая ассимиляция [й]: скр. *лыд'д'ыны* < *лыд'йыны* < *лыдйыны* 'читать, считать', *вэвт'т'ыны* < *вэвт'йыны* < *вэвтйыны* 'крыть, покрыть', *мырд'д'ыны* < *мырд'йыны* < *мырдйыны* 'отобрать, отнять' (ПСД: 46); лл. *гуд'д'ыны* < *гуд'йыны* < *гудйыны* 'ковырять', *вэлт'т'ыны* < *вэлт'йыны* < *вэлтйыны* 'покрыть, закрыть', *улт'т'од* < *улт'йод* < *ултйод* 'лежень, брус' (ЛЛД: 25); вс. *н'эс'с'ыны* < *н'эс'йыны* < *н'эсйыны* 'чихать', *рот'т'ыны* < *рот'йыны* < *ротйыны* 'чинить, латать' (ВСД: 41); иж. *код'д'ыны* < *код'йыны* < *кодйыны* 'рыть', *рыт'т'а* < *рыт'йа* < *рытйа* 'вечерний', *мөд'д'эз* < *мөд'йэз*

< *мөдйөз* ‘в другое время, в другой раз’ (ИД: 34); печ. *мырд’д’ыны* < *мырд’йыны* < *мырдйыны* ‘отобрать’, *лыд’д’ыны* < *лыд’йыны* < *лыдйыны* ‘считать’ (ПД: 15).

1.2.2.4.3. Регрессивная ассимиляция

Данный вид ассимиляции заключается в том, что последующий согласный уподобляет себе в каком-либо отношении предшествующий согласный. Для диалектов коми языка характерны разнообразные процессы регрессивной ассимиляции, как то: озвончение, оглушение, альвеолизация, аффрикатизация, палатализация.

Озвончение согласных

Озвончение согласных заключается в том, что на стыке морфем и на стыке слов глухой согласный озвончается под влиянием последующего звонкого согласного: скр. *көкйамыздас* (< *көкйамысдас*) ‘всемьдесят’, *л’оггаг* (< *л’окгаг*) ‘ящерица’, *өдгудырйө* (< *өт’и* ‘один’) ‘как попало, без разбору’, *буз бобул* (< *бус* ‘пыль’) ‘моль’ (ПСД: 38); лл. *гөгрөзгөм* (< *гөгрөс*) ‘кругловатый’, *мөзбугыл* (< *мөс* ‘корова’) ‘бычки (грибы)’, *тулызбыд* (< *тулыс*) ‘в течение всей весны’, *пэз дод* (< *пэс*) ‘воз дров’ (ЛЛД: 22); вс. *көрдом* (< *көрт* ‘железо’) ‘удила’, *өкмыздас* (< *өкмысдас*) ‘девяносто’, *ож гу* (< *ош*) ‘медвежья берлога’, *жөдз банка* (< *жөч*) ‘жестяная банка’ (ВСД: 44); вв. *гыриз’джик* (< *гырис’джик*) ‘крупнее’, *луг гум* (< *лук*) ‘стрелка лука’, *горд динти* (< *горт*) ‘около дома’ (ВВД: 57); печ. *рыдбыд* (< *рыт*) ‘целый вечер’, *өддор* (< *өтдор*) ‘кроме’, *өдгудыр* (< *өтгудыр*) ‘все вместе’ (ПД: 16); уд. *ког гыж* (< *кок*) ‘ногти на ногах’, *пан’тук бэд* (< *пан’тук бэд*) ‘охотничье копьё с лопаточкой на другом конце’, *бураз гымышитис* (< *бурас*) ‘сильно загремело’, *көд джадж* (< *көтш джадж*) ‘полка в заднем углу’ (УД: 22); вым. *сугджык* (< *сук*) ‘гуще’, *с’уз’джык* (< *с’ус’*) ‘умнее, сообразительнее’, *өддор йөз* (< *өтдор*) ‘посторонние люди’, *л’аг бад* (< *л’ак*) ‘вид низкорослой ивы’ (ВД: 43); иж. *йуз’борд* (< *йус’*) ‘крыло лебедя’, *мэлаз дорам* (< *мэлас*) ‘на моей стороне’, *гөгрэзджык* (< *гөгрэс*) ‘круглее’ (ИД: 32).

Оглушение согласных

Оглушение согласных состоит в том, что звонкие согласные под влиянием последующих глухих согласных оглушаются. Оглушение наблюдается как на стыке морфем внутри слова, так и на стыке слов: лл. *кыш^оттор* (< кыш^од ‘одежда’) ‘одежка’, *сам^от^ом* (< сад ‘сознание’) ‘без чувств, потерявший сознание’, *джом^и ш^орас* (< джодж ‘пол’) ‘на середине пола’, *так кол* (< таг ‘хмель’) ‘шишка хмеля’, *с^от тырка* (< с^од ‘черный’) ‘черный дятел’ (ЛЛД: 21); вс. *тук код* тш^отшыд (< туг ‘кисть’) ‘ровный, как кисть’, *сичк^о* (< сидзк^о) ‘значит, следовательно’, *пут^ис^ыны* (< пуджны) ‘засучить рукава’ (ВСД: 43); нв. *вом^осавны* (< водзсавны) ‘занять, взять в долг’, *мойт^очины* (< мойдс^ыны) ‘рассказывать сказки’ (НВД: 29); вв. *воттэдни* (< водтэдни) ‘уложить’, *т^отса* (< т^одса) ‘знакомый’, *л^отсал* (< л^одсал) ‘подкинь дрова’, *одэпт^ини* (< одэбт^ини) ‘рвануться рывком’, *кос^оэпт^ини* (< кос^оэбт^ини) ‘сильно ударить’, *луг гум* (< лук) ‘стрелка лука’ (ВВД: 57); сс. *асланым быт^тас* (< быдтас) ‘свой воспитанник’, *вотт^одны* (< водт^одны) ‘уложить’, *лытт^ом-тиш^отт^ом* (< лыдт^ом) ‘без счету’, *кыспыд* (< кызпыд) ‘кашель’ (ССД: 24); уд. *йакса* (< йагса) ‘леший’, *вотса* (< водса) ‘лежачий’, *аксавны* (< агсавны) ‘боронить’ (УД: 22); иж. *мыт^отыны* (< мыд^отыны) ‘утомить’, *кот т^одас* (< код) ‘кто знает’, *мэн^о п^оттэ* (< п^одтэ) ‘меня душит’, *иски* (< изки) ‘жернова’ (ИД: 32).

В верхнесысольском и присыктывкарском диалектах наблюдается частичное оглушение согласных: скр. *со^отт^од* ‘прибавка, добавка’, *шу^отт^ом* ‘несчастный’, *лы^отт^ом-тиш^отт^ом* ‘бесчисленный’, *во^отса* ‘лежачий’ (ПСД: 39); вс. *п^отт^ыны* ‘душить, удушить, задушить’, *га^жшт^ом* ‘скучно, скучный’, *шо^октыс^ыны* ‘горевать’, *са^от^от^ом* ‘без сознания’ (ВСД: 43).

Альвеолизация

Регрессивная альвеолярная ассимиляция согласных выражается в том, что зубные [с] и [з] с последующими альвеолярными согласными [ш], [ж], [ч], [ж] переходят в согласные [ш] и [ж]. Этот переход происходит как внутри слова, так и на стыке слов:

1. [с] > [ж]: вым. *чажэ джын* (< час) ‘полчаса’, *вылыжэ джоджэ* (< вылыс) ‘полок в бане’, *кожэ жар* (< кос) ‘сухой жар’ (ВД: 42); уд. *буражэ жё* (< бурас) ‘хорошенько же’, *буражэджык* (< бурасджык) ‘лучше’ (УД: 22); вс. *пөтөжжык* (< пөтөс) ‘питательнее’, *көжжык* (< көс) ‘более сухой, суше’ (ВСД: 42); скр. *сэни пэжэ жё* (< пэс) ‘там тоже дрова’, *вылыжэ джоджэ* (< вылыс) ‘полок в бане’ (ПСД: 40); нв. *мөжэ джын* (< мөс) ‘полкоровы’ (НВД: 29); вв. *чажэ джын* (< час) ‘полчаса’, *кос’мажэджик* (< кос’мас) ‘быстрее высохнет’ (ВВД: 57).

2. [с] > [ш]: скр. *аш шобди* (< ас) ‘местный сорт пшеницы’, *коштшак* (< кос) ‘сухие грибы’ (ПСД: 40); вв. *ашишөра* ‘свой, собственный’, *мөшш шэг* (< мөс шег) ‘лодыжка, часть надкопытного сустава коровы’, *рашш шор* (< рас) ‘ручей, протекающий через рощу’ (ВВД: 57); лл. *мөштшак* (< мөс) ‘коровятник (гриб)’, *ашш шодйөн* (< ас) ‘по своей охоте’, *пэшшшён* (< пэс) ‘дровишки’ (ЛЛД: 22); иж. *коштшор* (< кос) ‘высохший ручей’, *коштшак* (< кос) ‘высушенные грибы’ (ИД: 33); вым. *мөштш шуй* (< мөс) ‘мертвое тело коровы’ (ВД: 42).

3. [з] > [ж]: вв. *гэжэ шөрт* (< гэз) ‘пряжа для веревок’, *ижэ шом* (< из) ‘каменный уголь’, *эжэ шу* (< эз) ‘не сказал’, *лөжэ тшыын* (< лөз) ‘синий дым’ (ВВД: 57); скр. *кыжэджык* (< кыз) ‘толстый’ (ПСД: 40); вым. *ожэ жал’ит* (< оз) ‘не жалеет’, *ижэ шом* (< из) ‘каменный уголь’, *на можэ жё* (< моз) ‘подобно им’ (ВД: 42); вс. *лөжэжык* (< лөз) ‘синее’, *кыжэжык* (< кыз) ‘толще’ (ВСД: 42); лл. *кыжэ тшыын* (< кыз) ‘густой дым’, *йөжэ шытөв* (< йөз) ‘людские голоса’, *грэжэ шөрас* (< грез) ‘по середине деревни’, *дожэ джынын’ыс* (< доз) ‘в посуде до половины (чего-либо)’ (ЛЛД: 22).

4. [з] > [ш]: уд. *оштш шуны* (< оз) ‘не скажут’, *оштш шогмы* ‘не получится’ (УД, 22); иж. *лөштш тшыын* (< лөз) ‘синий дым’ (ИД: 33); печ. *кыштш тшыын* (< кыз) ‘густой дым’ (ПД: 17).

Аффрикатизация

Аффрикатизация в диалектах коми языка состоит в том, что дорсально-зубные взрывные согласные [т] и [д] уподобляются последующим аффрикатам, вследствие чего получают две одинаковые аффрикаты. В диалектах встречаются следующие виды аффрикатизации: [тч’] > [ч’ч’]; [дž’] > [ž’ ž’]; [д ž] > [ž ž]; [дч] > [чч]; [дч’] > [ч’ч’], [ž’ч’].

1. [тч'] > [ч'ч']: лл. скр. сс. уд. *с'этчыны*, вв. *с'этчини*, печ. *с'этс'ыны*, вс. вым. иж. *с'эчыны*, нв. *с'эчины* 'поддаваться, отдаваться, предаваться' (ССКЗД: 333); лл. печ. скр. сс. уд. *гудыртчыны*, вв. (Крч.) *гудиртчини*, *гудирччини* 'мутиться, замутиться, помутнеть, мутнеть' (ССКЗД: 92); лл. скр. сс. уд. *сотчыны*, вв. (Крч.) *сотчини*, печ. *сотс'ыны*, вс. вым. иж. *соиччыны*, нв. *соиччины*, иж. *сот'чыны* 'гореть, сгореть, обгореть, подгореть' (ССКЗД: 343); лл. скр. сс. *вотчыны*, вс. *воччыны*, нв. *воччины*, вым. *воточчыны*, иж. *вотэчыны* 'гнаться, угнаться' (ССКЗД: 67);

2. [дž'] > [ž' ž']: иж. скр. уд. *лудздыны*, лл. сс. *луддыны*, вв. *луддзини*, вс. вым. иж. *лудз'ыны*, вс. *лудздыны*, нв. *лудз'ины* 'зачесаться' (ССКЗД: 205); скр. вым. уд. иж. *кодздыны*, вс. *кодздыны*, нв. *кодздыны*, лл. сс. *коддыны*, вв. *коддзини*, иж. *код'дыны* 'пьянеть, опьянеть, хмелеть' (ССКЗД: 159); вым. иж. скр. уд. *бөрдздыны*, нв. *бөрдздыны*, л. (Пор.) сс. *бөрддыны*, вв. *бөрддзини* 'заплакать, расплакаться, разреваться' (ССКЗД: 25); нв. скр. *гөрдздыны*, вс. *гөрдздыны*, сс. *гөрддыны*, вв. (Крч.) *гөрддзали*, вым. иж. *гөрдздыны*, лл. *гөрддыны* 'завязать узел' (ССКЗД: 88);

3. [д ž] > [ž ž]: вым. *джен'ыджджык* 'короче', *рэгыджджык* 'скорее, быстрее', *чөскыджджык* 'слаще, вкуснее' (ВД: 43); вс. *дженыджджык*, *гөрддыджджык* 'краснее' (ВСД: 43); скр. *ыджджыджджык* 'больше' (ПСД: 40); лл. (Об.) *лөс'ыджджык* 'лучше', *рэгыджджык* 'быстрее' (ЛЛД: 23).

4. [дч] > [чч]: вс. вым. *с'өти тиын* (< с'өд) 'черный дым', *с'өти тшак* 'сушеные грибы' (ВСД: 43; ВД: 43).

5. [дч'] > [ч'ч']
[ž'ч']

Согласный [д] перед аффрикатой [ч'] в верхнесысолюсоком диалекте переходит в [ч'], в присыктивкарском диалекте в говорах Тентюково и Слободы – в звонкую аффрикату [ž'], в говоре с. Выльгорт – в аффрикату [ч']: вс. *матөччыны* (< матөдны) 'приближаться, приблизиться', *такөччыны* (< такөдны) 'успокоиться, прикоснуться' (ВСД: 43); скр. (Т. Сл.) *шөпкөдзчыны* (< шөпкөдны) 'шептаться', *мөдөдзчыны* (< мөдөдны) 'отправиться', *повзөдзчыны* (< повзөдны) 'напугать, пугать', *гажөдзчыны* (< гажөдны) 'веселиться', скр. (В.) *эндөччыны* (< эндөдны) 'тянуть, медлить с выполнением чего-либо', *вэлөччыны* (< вэлөдны) 'учиться', *дышөччыны* (< дышөдны) 'лениться' (ПСД: 41-42).

Палатализация

Регрессивная палатальная ассимиляция согласных выражается в том, что парные велярные согласные перед палатальными согласными палатализируются. Данное явление встречается не во всех диалектах. Регрессивная палатальная ассимиляция отсутствует в лузско-летском, среднесыольском, печорском диалектах. В верхневычегодском диалекте отмечена в говорах с. Деревянска и Усть-Нема, в остальных говорах наблюдается в единичных случаях.

В остальных диалектах коми языка отмечены следующие примеры на регрессивную палатальную ассимиляцию: уд. *шыт' чугун* (< шыд чугун) 'чугун для супа', *важён' н'ин* (< важён н'ин) 'давно уже', *ас' с'икса* (< ас с'икса) 'из своего села', *н'айт'чавны* (< н'айт 'грязь') 'запачкать, загрязнить' (УД: 22-23); вым. *ас'с'ым* (< асс'ым) 'у меня самого', *ылыс'с'ыны* (< ылысс'ыны) 'отдалиться, удалиться', *с'ин'н'өр* (< с'ин 'глаз') 'витая веревочная петля на голове саней, куда вкладывается конец гнета', *кос'н'ид* (< кос 'сухой') 'сухощавый, худощавый' (ВД: 42); иж. *ин' н'ин дёнз'эд* (< ин) 'не надоедай', *чэт'чооны* 'скакать', *рэз'с'ыны* 'брызгаться', *пон'чуп* (< пон) 'ячмень', *бан'чукйас* 'щеки' (ИД: 33); вв. (Дер. У.-Нем) *вид'чини* (< видны) 'ругаться', *ас'с'им* (< асс'им) 'у меня самого', *с'од'чини* (< с'одс'ини) 'дать корм скоту' (ВВД, 58); скр. *йёз'с'ыс* (< йёз) 'от людей', *мөт' т'эрка* (< мөд) 'другая половина избы', *пэс' с'уйавны* (< пэс) 'наложить в печку дров' (ПСД: 42); вс. *л'этөрөс'с'алны* 'зарасти порослью', *өрс'с'ыны* (< өрсны) 'проиграть', *пэс'с'ыны* 'биться (в нужде)', *мэн'чым* 'у меня' (ВСД: 42); нв. *мэд'чөскыд* 'самый вкусный', *вунөд'чины* 'забываться, забыться', *лөз' с'ой* (< лөз) 'синяя глина', *ас' с'инмөн* (< ас) 'своими глазами' (НВД: 30).

1.2.2.5. Варьирование [к] ~ [т'], [г] ~ [д'] в начале слова

В диалектах коми языка в начале слова в позиции перед переднерядными гласными [и], [э] происходит смягчение заднеязычных согласных [к] и [г] и переход их в палатальные [т'] и [д']. Однако следует отметить, что в диалектах нет единства в данном явлении. По употреблению согласных [к] ~ [т'], [г] ~ [д'] в начале слова диалекты коми языка можно разделить:

1) на диалекты, в которых не происходит смягчения согласных [к], [г] перед переднерядными гласными [и], [э]. К ним относятся удорский, верхневычегодский, ижемский диалекты: уд. *кил* 'перхоть', *ки* 'рука', *киз'өр* 'жидкий', *китша* 'мелкий, сухой снег', *кэлавны* 'бродить', *гил'өдны* 'щекотать', *гэз* 'веревка', *гэжны* 'писать' (УД: 20); вв. *гэжэд* 'редко', *гэб* 'мошка', *кэр* 'бревно', *кэпис* 'рукавицы', *кэрка* 'дом' (ВВД: 68); иж. *кэймыны* 'молиться, молить', *кэпыс* ' меховые рукавицы', *кис'тооны* 'поливать' (ИД: 161, 170);

2) диалекты, в которых произошел полный переход согласных [к] и [г] в [т'] и [д']. К таковым относится нижневычегодский диалект: нв. *т'и* 'рука', *т'эл'чи* 'плотва', *т'ис'мыны* 'зреть, созреть', *т'эрка* 'дом', *д'ижны* 'писать', *д'эз* 'веревка', *д'ид* 'хлев', *т'эслыны* 'точить, наточить', *т'эр* 'бревно', *т'эл'ид* 'бледный' (НВД: 27);

3) диалекты, в которых встречается варьирование [к] ~ [т'], [г] ~ [д'].

В территориальном отношении данное варьирование распространено в говорах лузско-летского, среднесыольского, печорского, верхнесыольского, вымского и присыктывкарского диалектов: лл. Лет. З. Сл. Ч. *т'эл'өдны*, Гур. Пр. *кэл'өдны* 'побледнеть', Об. Пор. Ч. *т'ил*', З. Пр. Ч. *кил* 'оболочка, шелуха (хлебных зерен)', Лет. Об. *д'эгдыны*, Гур. З. *гэгдыны* 'окоченеть' (ЛЛД: 31); сс. Паж. Иб. *кэслыны*, Меж. Чух. Вот. *т'эслыны* 'точить нато', Паж. Иб. *кэрка кэр кэралны* 'заготовить лесоматериалы для дома', Меж. Чух. *т'эрка лэптиг т'эжө* 'к моменту строительства дома' (ССД: 17-18); печ. *ки* 'рука', *кэрка* 'дом', *т'эпыс* 'рукавица', *т'ис'с'ыны* 'пролиться, высыпаться', *гид* 'хлев', *д'эгдыны* 'коченеть' (ПД: 12); вым. К. *кэл'өб*, В. *т'эл'өб* 'стая, косяк', К. *кэртука*, В. Онеж. *т'эртука* 'терка', К. *кэй*, В. Онеж. *т'эй*, С. *т'ээ* 'невестка', К. С. *гэрвидзны*, В. *д'эрвидзны* 'выступать, торчать', К. *гил'өдны*, В. *д'ил'өдны* 'щекотать, пощекотать' (ВД: 37); вс. Гр. Уж. Кг. *кэл* 'невестка', *кэн'а* 'ронжа (птица)', *кэлны* 'бродить по чему-либо', *кижа* 'изморозь', *кила* 'грыжа', *т'эслыны* 'точить', *т'эпрөс* 'круто изогнутый', *т'эпыс* 'рукавица', *д'эбдыны* 'окоченеть' (ВСД: 50); скр. *т'эр* 'бревно', *д'эб* 'мошка', *д'ид'н'а* 'конюшня', *кэпыл'ччыны* 'схватиться, прижаться', *кэрка* 'дом', *кижа*, *т'ижа* 'изморозь' (ПСД: 33).

1.2.2.6. Употребление палатальных согласных [т'] и [д'] в конце корневой морфемы

По употреблению палатальных согласных [т'] и [д'] в конце корневой морфемы в диалектах коми языка нет единства. В верхнесысольском и лузско-летском диалектах в конце корневой морфемы, как правило, употребляются палатальные [т'] и [д']: вс. *вот* 'капля', *вот'ва* 'дождевая или талая вода', *кват* 'шесть', *шат* 'хворостинка', *н'эт* 'грязь', *дод* 'сани', *код* 'подобный, сходный', *бад* 'ива' (ВСД: 50); лл. *н'от* 'тина', *шат* 'хворостина', *сад* 'сознание', *бад'өг* 'куропатка', *бэд* 'палка' (ЛЛД: 32). Однако в ряде слов в вышеназванных диалектах отмечается употребление консонантных сочетаний [йт] и [йд]: вс. *мойдны* 'рассказывать сказку', *ойдорлун* 'позавчера', лл. (Об.) *майдөг* 'мыло', *байдөг* 'куропатка'.

В среднесысольском и печорском диалектах палатальный [т'] в конце морфемы имеет сильную позицию: сс. *кват* 'шесть', *кват'од* 'шестой', *н'ат'ос* 'грязный', *вугыр шат* 'удилице', *н'ут' т'ина* 'ил' (ССД: 17); печ. *вот'алны* 'капать', *вот'ва* 'дождевая вода', *н'ат* 'грязь' (ПД: 11). В отношении [д'] нельзя сказать того же. В ряде корней в конце морфемы употребляется палатальный [д']: сс. *йурсад* 'сознание', *дод* 'сани', *гад* 'пузырь' (ССД: 17); печ. *код* 'подобный', *дод* 'сани', *бад* 'ива' (ПД: 11). Наряду с этим употребляется консонантное сочетание [йд]: сс. печ. *мойд* 'сказка', *войдөр* 'прежде', *байдөг* 'куропатка' (ССД: 17; ПД: 11). В присыктивкарском диалекте последовательно употребляется консонантное сочетание [йт] (не употребляется [т']) и параллельно – [д'] и [йд]: скр. *кwait* 'шесть', *майтөг* 'мыло', *н'уйт* 'тина, ил', *байдөг* 'куропатка', *войдорлун* 'позавчера', *сад* 'сознание', *сад'мыны* 'проснуться', *дод* 'сани' (ПСД: 34). В нижневычегодском, удорском и вымском диалектах палатальные [т'] и [д'] не могут быть в качестве финального звука корневой морфемы. В данных диалектах употребляются консонантные сочетания [йт], [йд]: уд. нв. вым. *гайд* 'пузырь', *дойд* 'сани', *койд* 'подобный чему-либо', *войт* 'капля', *шайт* 'тонкий шест', *көйдодны* 'холодать, охладить' (УД: 19; НВД: 33).

Интересное явление наблюдается в верхневычегодском диалекте. В нуль-эловых говорах верхневычегодского диалекта имеет место чередование палатальных [т'] и [д'] с консонантными сочетаниями [йт] и [йд]. В инлаутной позиции перед последующим согласным употребляются палатальные согласные [т'] и [д'], перед гласным – консонантное сочетание [йт], [йд]: *тэ койда* ‘как ты’ – *код'д'эм* ‘подобный’, *тэ код'тэ* ‘как тебя’, *мойда* ‘расскажу сказку’ – *мод'ни* ‘рассказать сказку’, *квйтэд* ‘шестой’ – *кват'ли* ‘шестерым’, *н'айтэс* ‘грязный’ – *н'ат'тэг* ‘без грязи’, *н'уйтас* ‘в тине’ – *н'ут'нас* ‘тиной’.

В конце слова на стыке двух слов употребляются сочетания [йт] и [йд], если последующее слово начинается с гласного звука, и палатальные [т'] и [д'], если последующее слово начинается с согласного звука: *квйт арэс* ‘шесть лет’ – *кват' пэл'эса* ‘шестиугольный’ (ВВД: 66). В эловых и вэ-эловых говорах верхневычегодского диалекта чередование [т'] ~ [йт], [д'] ~ [йд] наблюдается крайне редко. В большинстве случаев в конце корневой морфемы в них имеет место сочетание [йт], [йд]: *нөйт* ‘бей’ – *нөйтис* ‘бил’ – *нөйтни* ‘бить’, *н'айт* ‘грязь’ – *н'айтас* ‘в грязь’ – *н'айтнас* ‘грязью’ (ВВД: 67).

1.2.2.7. Метатеза

В диалектах коми языка как в исконно коми словах, так и в русских заимствованиях наблюдаются случаи метатезы – перестановки звуков или слогов в составе слова. В диалектах коми языка в исконно коми словах встречаются случаи перестановки сонорных согласных [н] и [м]: вым. иж. лет. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) *кымын*, вв. *кымин*, вс. л. уд. *кыным* ‘сколько’ (ССКЗД: 186); вым. иж. лет. нв. печ. скр. сс. уд. (Гл.) *сымын*, вв. *сымин*, ул. л. (Пор.) *сыным*, л. (Об.) *синым* ‘тем (союз)’ (ССКЗД: 353); вым. нв. печ. скр. сс. уд. *н'инөм*, иж. вв. *н'инэм*, вым. *н'имөн*, иж. *н'имэн* ‘ничего’ (ССКЗД: 242); вс. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *асланым*, вв. *асланим*, иж. *асланум*, вс. *асламын* ‘свой, нам принадлежащий’ (ССКЗД: 13).

Кроме вышеназванного встречаются примеры перестановки слогов и согласных в составе слова: вым. *коткодзув* (< кодзувкот) ‘муравей’, *гул'учун* и *чун'гул* ‘чертов палец, белемнит’ (ВД: 45); нв. *чикышкэд*

(< кичышкэд) ‘полотенце’, *вэкэт* (< вэт’эк) ‘тряпка’, *налэвэк* (< навэлэк) ‘низменный берег реки’ (НВД: 34); лл. *ж’эл’нөг* (< л’эжнөг) ‘шиповник’, *кун’чул* (< кул’чун’) ‘чертов палец’ (ЛЛД: 321); сс. *рэбин* (< бэрин) ‘веснушка’, *курксыны* (< курскыны) ‘кашлять’ (ССД: 28).

Перестановка звуков или слогов в составе слова имеет место также в русских заимствованиях: уд. *пал’арэзуйтны* ‘парализовать’, *пэришал* ‘фельдшер’ (УД: 25); скр. *лөстук* ‘лоскут’, *квалтар* ‘квартал’, *аграмон* ‘аграном’ (ПСД: 52); лл. *завалка* ‘залавка, залавок’, *көбрэг* ‘погреб’, *төвэрка* ‘тарелка’ (ЛЛД: 32).

Перестановка отдельных звуков и слогов в составе слова происходит для облегчения произношения и устранения неудобно-произносимых стечений звуков.

ГЛАВА 2. МОРФОЛОГИЯ

2.1. Существительное

Имя существительное в коми-зырянских диалектах, как и в литературном языке, обладает тремя собственно-грамматическими категориями: числа, притяжательности и падежа.

2.1.1. Категория числа

Категория числа является важнейшей категорией имени существительного, выражающей количественные характеристики предметов и явлений. Общие сведения об истории суффиксов множественного числа даны в обобщающих исследованиях по истории финно-угорских языков (Основы 1976: 219-232; Майтинская 1979: 80-93 и др.). Данная категория базируется на противопоставлении форм единственного и множественного числа. Единственное число в коми-зырянских диалектах не имеет специального показателя.

Известно, что в финно-угорских языках существительное в форме единственного числа может выражать не только значение единственности, но и значения множественности и двойственности (Основы 1976: 219). В частности, форма единственного числа существительных употребляется при обозначении парных частей тела и относящихся к ним парных предметов одежды: *киöй кынмис* ‘руки (мои) замерзли’, *кокыс вис'ö* ‘ноги (его) болят’, *сапöг н'öбны* ‘сапоги купить’. Однако в некоторых коми-зырянских диалектах существует тенденция обозначать названия парных частей тела и связанных с ними парных предметов формой множественного числа в отличие от древней модели с употреблением в данном случае формы

единственного числа. Примеры: лл. *Пэл'л'аснас н'эм оз кыв* (Ч.) 'Ушами он ничего не слышит'; *С'инйастö торкан* (Лет.) 'Глаза испортишь' (ЛЛД: 36); вс. *Кокйас йыöдз кынминыс* (КГ.) 'Ноги до того замерзли, превратились в ледяшки'; *Мун, с'инйас эн вэж* 'Уходи, не мозоль глаза' (ВСД: 59); сс. *Сэс'с'а кокйас вис'ны кутис* (Кур.) 'Затем ноги стали болеть' (ЗТ¹: 20); вым. *Пэл'л'аснам бура на кыла* (К.) 'Ушами я хорошо еще слышу'; (ВД: 55); уд. *зыртас кокйэссö вирэдз* (Венд.) 'натрет ноги до крови' (СТ III: 350). Нарушение древней модели обозначения парных существительных, вероятно, произошло под влиянием русского языка.

Множественное число существительных в коми-зырянских диалектах имеет следующие показатели: *-йас* (*-С'ас*², *-йа*, *-С'а*); *-йэс* (*-С'эс*, *-эс*); *-йöс* ~ (*-С'öс*); *-йан* (*-ан*).

2.1.1.1. Вариативный ряд *-йас* ~ *-С'ас* ~ *-йа* ~ *-С'а*

Наиболее распространенным вариантом суффикса множественного числа в коми диалектах является суффикс *-йас*. Данный суффикс употребляется во всех коми-зырянских диалектах, за исключением удорского.

Вариантами суффикса *-йас* являются алломорфы *-С'ас*, *-йа*, *-а*. Алломорф *-С'ас* явился результатом прогрессивной ассимиляции: звук [й] уподобляется предыдущему мягкому согласному основы: *кан'* – *кан'-н'ас* 'кошка – кошки', *пан'* – *пан'-н'ас* 'ложка – ложки'. Вариант суффикса *-С'ас* распространен в лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском (за исключением говоров сс. Пажга и Ыб), вымском, ижемском, печорском диалектах. В нижневыхегодском диалекте ассимиляция начального [й] суффикса *-йас* конечному мягкому согласному основы последовательно отмечается в говорах Межога, Жешарта, Гама, слабее распространяется в говорах Айкино, Туискероса, Коквицы; в остальных говорах Слудки, Часово, Палевицы, граничащих с присыктывкарским диалектом, ассимиляция

¹ Примеры из сборников диалектных текстов «Zurjan Texts» К. Редери и «Syrjänische Texte» Т. Уотилы даны в кириллице.

² *С'* – палатальный консонант, развившийся в результате фонетической ассимиляции инициального [й] показателя множественного числа конечным мягким согласным субстантивной основы: *-йас* > *-С'ас*.

отсутствует, вариант *-С'ас* не употребляется (НВД: 28). Вариант суффикса множественного числа *-С'ас* употребляется в говорах с. Пожег и с. Вочь, отчасти в говорах сс. Керчемья, Усть-Нем, Усть-Кулом, Нившера верхневычегодского диалекта. В других говорах данного диалекта ассимиляция [й] суффикса множественного числа конечным мягким согласным основы не происходит. Примеры: лл. *Пэл'л'аснас н'эм оз кыв* (Чит.) ‘Ушами он совсем не слышит’ (ЛЛД: 36); вс. *Пэл'л'асөн омёл'а понди кылны* (Кг.). ‘Я плохо стала слышать ушами’ (ВСД: 59); сс. *Мамобыд вёли йёлийастё пуктас, рыс'с'астё, нёкйастё* (Кур.) ‘Мать, бывало, наложит молока, творога, сметаны’ (ССД: 29); вым. *чан'н'ас* ‘жеребята’, *вёралыс'с'ас* ‘охотники’; (ВД: 55); нв. *С'ойэдтё быдён йэджыд н'ан'н'ас пукталасны ас нылыды* (Шеж.) ‘К съестным припасам для своей дочери вплоть до белого хлеба (все) уложили’ (НВД: 205); иж. *Көр лыз'з'ас карэныс* ‘Делают лыжи, обитые камысом’ (ИД: 273); вв. *дод'д'ас* ‘сани’; *вэлэдчис'с'ас* ‘учащиеся’ (ВВД: 73); печ. *соччас* ‘сестры’; *дод'д'ас* ‘сани’ (ПД: 15).

Ассимиляция [й] не происходит, и, следовательно, алломорф *-С'ас* не употребляется в присыктывкарском диалекте и в говорах среднесыольского, нижневычегодского и верхневычегодского диалектов, граничащих с присыктывкарским диалектом.

Варианты суффикса множественного числа *-йа* и *-С'а* образовались путем выпадения из суффикса *-йас* конечного звука *с*. Употребление данных алломорфов имеет позиционные ограничения. Алломорф *-йа* употребляется в словах с основой на твердый согласный или гласную перед лично-притяжательным формантом либо перед суффиксом аккузатива притяжательного склонения: *т'эрка – т'эрка-йа-ыс* ‘дом – их дома’, *пон – пон-йа-ыд* ‘собака – твои собаки’. Вариант *-С'а* употребляется в словах с основой на мягкий согласный (в результате прогрессивной ассимиляции звук [й] уподобляется предыдущему согласному) перед лично-притяжательным суффиксом или перед показателем аккузатива *-ös*: *кан' – кан'-н'а-ыд* ‘кошка – твои кошки’, *кукан'ös – кукан'-н'а-ös* ‘моего теленка – моих телят’. Ареал распространения вариантов *-йа* и *-С'а* – верхнесыольский и среднесыольский диалекты. Примеры: сс. *Т'эрка-йа-ыс выл'* (Ч.) ‘Дома-то новые’; *Кукан'-н'а-ös карö лэччöдисны* (Ч.) ‘Телят повезли в город’ (ССД: 30); вс. *Очки-йа-ыс эз кутныс лös'алны, вот' ог адздзы* (Гр.) ‘Очки не стали подходить,

совершенно не вижу' (ВСД: 59); *Кэрка-йа-ыс* *омол'чиныс н'ин* (Гр.) 'Дома-то уже плохими стали'; *Колкозн'ик-йа-ыдыс с'окыд вөли война бөрад* 'Колхозникам тяжело было после войны' (Гр.) (АМ).

2.1.1.2. Вариативный ряд *-йэс* ~ *-С'эс* ~ *-эс*

В вашкинских и нижнемезенских говорах удорского диалекта для обозначения множества предметов, лиц используется суффикс *-йэс*, выступающий в двух алломорфах: *-йэс*, *-С'эс*, *-эс*. Алломорф *-йэс* используется в словах с основой на твердый согласный: уд. *Сэт'чө корасны нылыслис' мамыс рөдйэссө* (Венд.) 'Туда позовут родственников у матери невесты' (СТ III: 328); *Кокйэсыс из кусн'ас'ны* 'Ноги его не сгибались' (СТ III: 320). В словах с основой на мягкий согласный функционирует вариант *-С'эс*: *Вийим мөс видзис'с'эс* 'Есть пастухи' (СТ III: 324); *с'инмөн вис'ус'с'эс* 'люди, у которых болят глаза' (СТ III: 326). «Вокалический» алломорф *-эс* используется в словах с основой, оканчивающейся на гласную: *школаэс* 'школы'.

2.1.1.3. Вариативный ряд *-йөс* ~ *-С'өс*

В верхнемезенских говорах удорского диалекта для обозначения множественности употребляется суффикс *-йөс*, *-С'өс*. Алломорф *-йөс* употребляется в словах с основой на гласный и твердый согласный: *мортйөс* 'люди'; *муйөс* 'поля'. Алломорф *-С'өс* функционирует в словах с основой на мягкий согласный: *Тан Бурганас бура олис'с'өс вөлөмаөс'* (Гл.) 'Тут на урочище Бурган жили люди с достатком' (ОКЗР 1971: 237).

2.1.1.4. Вариативный ряд *-йан* ~ *-ан*

В коми-зырянских диалектах, кроме показателя общей множественности *-йас* и вариантов этого суффикса, для обозначения коллективной (групповой) множественности используется суффикс *-йан* (*-ан*), обладающий ограниченной дистрибуцией. Суффикс *-йан* употребляется во всех коми-зырянских диалектах со словом *пи* 'сын': *пийан* 'детеныш', *көчтийан* 'зайчонок', *понтийан* 'щенок', *кан'пийан*

‘котенок’; в диалектной форме личного местоимения 3 лица мн. числа: нв., скр. *найан* ‘они’. В рассматриваемых формах отмечается тенденция утраты суффиксом *-йан* семы множественности, т.к. во многих диалектах наблюдается дублетное обозначение неединственного числа: скр., вым. *тийанйас* ‘сыновья’, сс. *мийанйаслөн* ‘у нас’, *тийанйаслөн* ‘у вас’, нв. *найанйас* ‘они’.

В значении коллективной множественности формант *-йан (-ан)* используется в словах, обозначающих термины родства, собственные имена лиц и выражающих коллективную множественность. Суффикс широко бытует в лузско-летском, нижневычегодском и вымском диалектах. Существительные с рассматриваемым показателем собирательной множественности всегда употребляются в связке с лично-притяжательным суффиксом. Примеры: лл. *мамьдйанлө мөдөд* (Гур.) ‘пошли (что-либо) матери и тем, кто с ней’; *Вокысйан тиөктөнө вузалны т’эркасө* (Пр.) ‘Ее братья советуют продать дом’ (ЛЛД: 36); нв. *Бат’эйан мунины карө* ‘Отец мой и другие с ним уехали в город’; *Вокыдйан таун волисны из?* ‘Приходили сегодня твой брат и те, кто с ним?’ (НВД: 35); вым. *ин’кайдан* ‘твоя свекровь и те, кто с ней’; *Пэт’ысан* ‘Петя и те, кто с ним’ (ВД: 54).

В лузско-летском и нижневычегодском диалектах употребляется йотированный вариант суффикса собирательной множественности *-йан*, в вымском диалекте – нейотированный *-ан*.

Таким образом, коми-зырянские диалекты, за исключением удорского диалекта, объединяет употребление суффикса множественного числа существительных *-йас*. Распространение суффикса *-йан (-ан)* со значением коллективной множественности объединяет северо-западные диалекты (нижневычегодский и вымский) с самым южным лузско-летским диалектом.

2.1.2. Категория притяжательности

Категория притяжательности – особая категория имени существительного, указывающая на принадлежность предмета обладателю. Базой для образования рассматриваемой грамматической категории служат лично-притяжательные суффиксы, выражающие два основных грамматических значения: указательное и притяжа-

тельное. Указательное значение в коми-зырянских диалектах выражается суффиксами 2 и 3 лица, притяжательное значение – следующими формантами:

Диалекты	Индивидуальный обладатель			Коллективный обладатель		
скр.	- <i>öй (-эй)</i> - <i>ö (-э)</i>	- <i>ыд</i> (- <i>ид</i>)	- <i>ыс (-ис)</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
вым.	- <i>ö -ым</i>	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
уд.	- <i>ö</i>	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
иж.	- <i>э</i>	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	- <i>нум</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
нв.	- <i>ö (-э)</i>	- <i>ыд</i> (- <i>ид</i>)	- <i>ыс (-ис)</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
вв.	- <i>эй</i>	- <i>ид</i>	- <i>ис</i>	- <i>ним</i>	- <i>нид</i>	- <i>нис</i>
печ.	- <i>öй</i>	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
сс.	- <i>öй -ö</i> - <i>о</i>	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>
вс.	—	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	—	—	—
л.	—	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	—	—	—
лет.	- <i>ым</i>	- <i>ыд</i>	- <i>ыс</i>	- <i>ным</i>	- <i>ныд</i>	- <i>ныс</i>

Незначительные различия между коми-зырянскими диалектами обнаруживаются во внешнем оформлении лично-притяжательных суффиксов (см. таблицу выше). К примеру, притяжательный формант 1 лица ед. числа *-öй* в диалектах представлен вариантами *-öй*, *-эй*, *-ö*, *-э*. Нейотированные варианты *-ö* (вым. уд. нв.) и *-э* (иж. нв.) употребляются в нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах; йотированные – в верхневычегодском и печорском диалектах. Смешанное употребление этих форм наблюдаем в присыктывкарском и среднесыольском диалектах.

Широкое употребление определенно-притяжательных суффиксов является характерной особенностью северных коми-зырянских диалектов (вымского, удорского, ижемского). В ижемском диалекте особенно широко употребляется суффикс 1 лица индивидуального обладания *-э*: многие существительные, особенно термины родства и названия частей тела, без них не употребляются. Примеры: *Л'öбэ доймэ* (Сиз.) ‘Губы (мои) болят’; *Йурэ угэритэма* (Сиз.) ‘Угорела (букв. моя голова угорела)’ (ИД: 49). В отличие от других коми диалектов притяжательным суффиксом 3 лица коллективного

обладания в ижемском диалекте является алломорф *-нум*: *Д'эднум пач вылын* (Сиз.) 'Дед наш на печке' (ИД: 50). Развитие данного варианта объяснимо фонетическими причинами: лабиализация гласного [ы] произошла под воздействием соседнего губно-губного согласного [м].

В удорском и вымском диалектах широко употребительны все формы притяжательных формантов. В вымском диалекте наиболее интенсивным употреблением притяжательных суффиксов отличаются верхневымские говоры.

Притяжательный суффикс 1 лица индивидуального обладания в вымском диалекте выступает в форме *-ө*, в косвенных падежах – в форме *-ым*. Случаи употребления суффикса *-ым* в номинативе притяжательного склонения зарегистрированы в говоре с. Весляна. Пример: *з'ам'т'асым пө тай война вылө мунөны* 'Мои зятя-де идут на войну' (ВД: 62).

М-овый притяжательный формант является древним прафинно-угорским посессивным суффиксом 1 лица индивидуального обладания, который сохранился в марийском, мордовском, мансийском, венгерском, хантыйском языках (Серебренников 1963: 101-102). В коми языке суффикс *-ым* сохранился в притяжательных формах локальных падежей (*кэркас'-ым* 'из моего дома', *кэркалан'-ым* 'по направлению к моему дому', *кэркаөдз-ым* 'до моего дома' и др.) и в составе усилительно-личного местоимения *ачым* 'я сам'.

Особый интерес вызывают летские говоры, в которых притяжательный суффикс *-ым* сохранился во всех падежных формах: *Дзорым пэтө, и юрым пыр лудө* (Гур.) 'У меня седина появляется, и голова (моя) все время чешется'; *Но ветла, шуө, т'эс'тым ордө* (Пр.) 'Ну, схожу, говорит к своему тестю' (ЛЛД: 42-43); *Гэн'гаым этша вөлис, сочымлө водзөсөн с'эти* 'Денег мало было, сестре отдала займы' (ОКЗР: 181). Единичные случаи употребления форманта *-ым* в номинативе зарегистрированы и в говоре с. Чухлом среднесыольского диалекта: *Дас н'ол' арөс вөли д'эт'инкаым* 'Моему мальчику было четырнадцать лет' (ССД: 33).

Функционирование большого количества фонетически обусловленных вариантов притяжательных формантов всех трех лиц индивидуального обладания наблюдается в верхневыхегодском диалекте (см. таблицу выше). Функционирование большого количества вариативных притяжательных форм объясняется фонетической

спецификой диалекта. Их образование обусловлено уподоблением гласного притяжательного суффикса конечному гласному основы существительного в некоторых верхневычегодских говорах (Н., Ан., Вочь, Дер., Крч., П., Руч, Ст., Устьн.) (*мамэ-эд* ‘твоя мать’, *керка-ад* ‘твой дом’, *во-од* ‘твой год’, *му-ус* ‘его земля’), а также стяжением гласных при присоединении притяжательных формантов к двусложным и многосложным основам, оканчивающимся на гласную (*кэрка-й* ‘мой дом’, *пис’мэ-с* ‘письмо его’, *мамэ-д* ‘твоя мать’).

В верхневычегодских говорах в косвенных падежах особенно активно употребляются притяжательные формы 1 лица: *Йэмнам кийам сутики* (Вочь, Крч.) ‘Иглой уколол руку’; *Йиртас кинам судза* (Вольд.) ‘Потолок руками достаю’; *Кийэдым эн кут* ‘Не держи за руку’ (Дер.) (ВВД: 77). Особенностью верхневычегодского диалекта является *и*-овая огласовка притяжательных суффиксов коллективного обладания: вв. *керканим* ‘наш дом’, *керканид* ‘ваш дом’, *керканис* ‘их дом’ (ВВД: 76).

Среди южных коми-зырянских диалектов особенности в употреблении притяжательных суффиксов наблюдаются в верхнесысольском диалекте и лузских говорах. В данных территориально-языковых разновидностях активно функционируют лишь суффиксы 2 и 3 лица индивидуального обладания *-ыд* и *-ыс*; суффикс 1 лица ед. числа *-ой* (*-ө*) и суффиксы коллективного обладания *-ным*, *-ныд*, *-ныс* не употребляются. Ограниченное употребление притяжательного суффикса 1 лица *-ой* (*-ө*) наблюдается и в говоре с. Куратово среднесысольского диалекта, территориально смежного с лузскими говорами. Примеры: *Д’ад’-бат’ыд мэнам пыр мыйкө вис’иг шус’ис* ‘Отчим мой все время жаловался на болезнь’ (ЗТ: 26); *А сийө мэам мужикыс мыйкөа н’ин вөли, приступа* ‘А мой муж был уже после приступа’ (ЗТ: 20). Вероятно, в верхнесысольском диалекте, лузских говорах и верхнекамском диалекте происходит процесс разрушения системы определенно-притяжательных суффиксов.

В верхнесысольских и лузских говорах функцию суффикса 1 лица индивидуального обладания *-ой* очень часто выполняет суффикс 3 лица *-ыс*: вс. *Бат’ыс эз лэдз мэно вэлөдчыныс* (Гр.) ‘Отец (мой) не пустил меня учиться’ (АМ); лл. *Мэнам йурыс шувгө талун* ‘У меня сегодня шумит в голове’ (ЛЛД: 42). В среднесысольском диалекте в аналогичных случаях может употребляться притяжательная форма 2

лица ед. числа. Примеры: *Кокйыд йона кынмис* 'Ноги (мои) сильно мерзли', *Порс'ыд вис'ис м'ойму* 'Свинья (моя) болела в прошлом году' (ССД: 35). Необходимо отметить, что случаи употребления указательных форм 2 и 3 лица ед. числа в тех случаях, когда выделяемый предмет относится к 1 лицу, наблюдаются также в вымском диалекте (ВД: 62). Несогласованность притяжательного суффикса и отношения предмета обладания к 1 лицу вызвана употреблением суффиксов 2 и 3 лица ед. числа в качестве средства выражения экспрессии. В лузских говорах и верхнесысольском диалекте подобная несогласованность обусловлена также отсутствием в парадигме лично-притяжательных суффиксов показателя 1 лица индивидуального обладания *-ой*.

Таким образом, определенные различия между коми-зырянскими диалектами обнаружены во внешнем оформлении притяжательных суффиксов, а также регулярном/нерегулярном употреблении тех или иных формантов. Наблюдения над коми-зырянской диалектной речью, анализ диалектных текстов и материалов свидетельствуют, что сохранение всех форм притяжательных суффиксов и их последовательное употребление характерно для северных зырянских диалектов.

2.1.3. Категория падежа

Категория падежа – грамматическая категория существительного, выражающая его синтаксическое отношение к другим словам высказывания. История развития падежной системы коми языка, ее универсальные и специфические черты, структурные и семантические особенности отдельных падежных форм наиболее полное освещение получили в работах В.И. Лыткина (Лыткин 1957), Р. Бейкера (Baker 1985), Е.С. Гуляева (Гуляев 1961), Г.А. Некрасовой (Некрасова 1987, 1987а, 2001, 2002, 2004).

Традиционно в коми-зырянском литературном языке принято выделять 16 падежей, в диалектах наблюдается функционирование 17 падежных форм. В последней грамматике коми языка (ÖКК: 59) выделено 23 падежные формы. Образование новых падежей в современном коми языке обусловлено слиянием двух падежных формантов: суффикса аппроксиматива *-лан'* и суффикса местных

падежей (*керка-лан'-ын* 'в стороне дома'; *керка-лан'-ыс'* 'со стороны дома'; *керка-лан'-ө* 'в сторону дома'; *керка-лан'-с'ан'* 'со стороны дома'; *керка-лан'-өд*, *керка-лан'-ти* 'по той стороне, где находится дом'; *керка-лан'-өдз* 'до той стороны, где находится дом'). В сложных падежных формах суффикс аппроксиматива теряет свое грамматическое значение и превращается в коаффикс. В современной грамматике коми языка данные падежные формы объединены в одну группу и названы приблизительно-местными падежами. В грамматическом отношении приблизительно-местные падежи не отличаются от других падежных форм, но встречаются реже.

В данном разделе будут рассмотрены формальные и семантические особенности традиционно выделяемых падежных форм. В коми языке традиционно выделяют два склонения: определенное (основное) и определенно-притяжательное (СКЯ 1955: 137). Авторы последней грамматики коми языка считают целесообразным выделять в коми языке помимо *основного* так называемое *смешанное* склонение, т.к. притяжательное склонение в коми языке окончательно еще не оформилось: притяжательные форманты развились лишь у падежных форм аккузатива, инструменталю, инессива, иллатива, элатива и некоторых приблизительно-местных падежей (ÖKK: 62).

2.1.3.1. Основное склонение

Определенные различия между коми-зырянскими диалектами обнаруживаются во внешнем оформлении падежей (см. таблицу 1) и в грамматических значениях, выражаемых данными падежными формантами.

Генитив

В коми-зырянских диалектах генитив представлен вариантами *-лӧн* и *-лэн*.

В большинстве диалектов (лл. вс. сс. скр. нв. уд. вым. печ.) показателем генитива является суффикс *-лӧн*: *мамлӧн* 'у матери', *понлӧн* 'у собаки'.

В ижемском и верхневычегодском диалектах, относящихся к э-овому типу говоров, маркером генитива является *-лэн*. Примеры: иж. *Бабыслэн с'инмыс тшйокалма* (Брык.) 'У бабушки глаза закрываются' (АМ); вв. *Мишлэн ч'эл'ад' эз ло* 'У Миши не было детей' (СТ IV: 42). Вариативный суффикс *-лэн* функционирует и в говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта: *зонлэн вэжайыс* 'крестный сына' (Сорвачева 1966: 61).

Основными значениями данного падежа являются принадлежностное и субъектное значения. Функционирование генитива в субъектном значении наблюдается в удорском, ижемском, присыктывкарском, лузско-летском, среднесысольском и верхнесысольском диалектах. Примеры: уд. *Йёзыслён зэв уна воталёма пувсё* (Лат.) 'Люди очень много брусники собрали' (УД: 35–36); иж. *Бабайаслэн пийэт'чан пёраа рёбитэны* 'Женщины в период отела работают' (СТ III: 18); лл. *Мёслён гыжсё чэгёма, чотё* (Пор.) 'Корова ушибла копыто, хромает' (ЛЛД: 45); вс. *Урыслён ыджыд козйасад позсё вёчёма* (Крв.) 'У белок гнезда сделаны на больших елях' (ВСД: 66); сс. *Сакарсё дзэбёма менам эн'калён* (Пж.) 'Сахар спрятала моя свекровь' (ССД: 31); скр. *Н'эбыда мужиклён капустасё пуёма* 'Муж капусту переварил' (ПСД: 63).

Аблатив

Показателем аблатива в большинстве зырянских диалектов является суффикс *-лыс'*. Примеры: скр. *Пиыслыс' өт'и гач бос'тёма* 'Взял у сына одни брюки' (ЗТ: 94); нв. *Коди тшыкёдас, сийа мортыслыс' колё йурс'ис'ё вундыны этшэндзик* 'У колдуна нужно отрезать немного волос' (СТ III: 250); вс. *Равёстёмён йуали өт'и нылкалыс'* 'Крикнув, спросил у одной девушки' (ОКЗР: 146); сс. *Йувас'а йёзыслыс', и н'экод оз вис'тал* 'Спрашиваю у людей, и никто не отвечает' (ЗТ: 52); печ. *Бат'ушко йувалё Иванлыс'* 'Батюшка спрашивает у Ивана' (СТ II: 204).

В верхневычегодском и удорском (кроме нижневашкинских говоров) диалектах показателем аблатива является суффикс *-лыс'*: вв. *кутилыс' борд вэчиксэ чэгасни* 'у орла переломили крыло' (ОКЗР: 87), уд. *кырныш кырнышлыс' с'инсё оз кокав* 'ворон ворону глаз не выклюет' (СТ III: 388). И-овая огласовка аблатива объясняется

фонетическими особенностями данных диалектов: в удорском диалекте перед мягкими согласными *ы* переходит в *и* (*мамлис'* 'у матери', *керкаис'* 'из дому' и др.); верхневычегодский диалект относится к *и*-типу говоров.

Датив

В коми-зырянских диалектах падежная форма датива выступает в следующих алломорфах: *-лы, -лӧ, -ло, -ли*. Суффикс *-лӧ* встречается в верхнесыольском и лузско-летском диалектах. В верхнесыольском диалекте чаще всего функционирует показатель *-лӧ*, однако в говорах сс. Койгородок, Грива и Карвуджем встречается употребление фонетического варианта *-лы*. Вариант *-ло* употребляется в речи представителей говора Кобры, что обусловлено фонетической особенностью этого говора: употреблением *о* на месте *ӧ* в конце слова (ВСД: 54). Примеры: *Скӧтлӧ колӧ бур укод* (Уж.) 'Скоту нужен хороший уход'; *Мырлӧ, сылӧ, вис'тал кӧт' эн* (Мырп.) 'Ему, пню, говори, хоть нет'; *Мэ код'д'амысло* (Кб.) 'По мне как раз' (ВСД: 61, 63).

Суффикс *-лӧ* характерен также для лузско-летнего диалекта: *Бур вӧллӧ пл'эт'ыд оз кол* (Лет.) 'Хорошей лошади плеть не нужна' (ЛЛД: 37).

В верхневычегодском диалекте показателем датива является суффикс *-ли*: *Ай-мамидли ракали моз аслад чэл'ад'ид мэдмичас'* 'Родителям, как вороне, свои дети красивее всех' (ОКЗР: 67).

Датив служит для выражения косвенного объекта, к которому направлено действие. В некоторых коми-зырянских диалектах существительное в форме датива может выражать и значение субъекта действия. Примеры: лет. *Кокйаслӧ дугдисны ладуйтны* (Пр.) 'Ноги перестали действовать' (ЛЛД: 45); сс. *Салы н'э должӧн лоны, сталсӧ асылнас на чышки* (И.) 'Сажу не должно быть, утром еще все вычистила' (ССД: 34); иж. *Тамаралы кучас вэлэт'чыны* (Мош.) 'Тамара будет учиться' (ИД: 47); вым. *Бӧрти кыытим, Вэсл'аналы кол'и* 'Потом мы поплыли, Весляна осталась позади' (ВД: 51); печ. *Бригад'ирлы должэн тӧдны уджсӧ* 'Бригадир должен знать свою работу' (Пч.) (ПД: 25).

В лузско-летнего диалекте существительное в форме датива может также замещать сочетания существительного с послелогом

орд-: *Мортлӧ* (ср. *морт ордӧ / дорӧ*) *он пустӧ киӧн мун* (Пр.) ‘К человеку с пустыми руками не пойдешь’; *Мамыслӧ оз и уз'лы, пӧчыс динын уз'лӧ* (Гур.) ‘У матери даже не ночует, у бабушки ночует’ (ЛЛД: 46).

Аккузатив

Аккузатив в коми-зырянских диалектах имеет показатели *-Ӧ*, *-ӧс* (*-эс*), *-сӧ*. В основном склонении существительное в форме данного падежа обычно имеет нулевой показатель.

Неоформленный аккузатив широко функционирует в верхнесысольском диалекте: *Кӧйин скӧт корс'ӧ с'ӧйны, джагӧдӧ ыжйас* (Гр.) ‘Волк ищет скот, давит овец’; *Талун салдатйас кол'л'амӧ* (Уж.) ‘Сегодня провожаем солдат’ (ВСД: 63).

Нередко нулевое оформление аккузатива встречается в верхневымских говорах: *Кага видзыс' лоӧ мӧдооны* (В.) ‘Придется нанять няню’; *Зӧй частӧ понйӧ ууталӧ урйас* (Онеж.) ‘Моя собака очень часто облаивает белок’ (ВД: 58).

В удорском диалекте во множественном числе аккузатив имеет показатели *-дӧ*, *-тӧ* или *-сӧ*: *С'иласны выл'ис' с'иланкывйӧздӧ* ‘Споют снова песни’ (СТ III: 326); *Ӧскаласны туййӧссӧ куйимлаӧд* ‘Намажут дорогу в трех местах’ (СТ III: 330); *Кӧмкотйӧстӧ бос'тали* (Чупр.) ‘Купила обувь’ (УД: 32).

Т-овые формы аккузатива зафиксированы также в ижемском и нижневычегодском диалектах в склонении личных местоимений 1 и 2 лица множественного числа: нв. *мийан-тӧ*, *мийанны-тӧ* (Гам., Жеш.) ‘нас’; *тийандӧ*, *тийанныдӧ* (Кожм.) ‘вас’ (НВД: 43); иж. *мийантӧ* ‘нас’, *тийантӧ* ‘вас’ (ИД: 65). По свидетельству памятников письменности, аккузативный суффикс *-ды* имелся и в древнепермском языке: *уз'ӧмйаз-ды* ‘умерших’, *мийан-ды* ‘нас’, *тийан-ды* ‘вас’ (Лыткин 1952: 106). Удорский диалект по употреблению суффиксов аккузатива *-дӧ* и *-тӧ* обнаруживает сходства с северными удмуртскими диалектами, в которых показателем аккузатива множественного числа является суффикс *-ты* (*-ть*): *коркаос-ты*, *коркаос-ть* ‘дома’ (в южном наречии функционирует суффикс *-ыз*) (Кельмаков 1998: 119, 163). По мнению Б.А. Серебренникова и В.К. Кельмакова, *т*-овый показатель

аккузатива множественного числа существовал уже в прапермском языке (Серебренников 1963: 42; Кельмаков 1998: 120).

В коми языке показатель аккузатива *-ӧс* (*-эс*) имеет тенденцию присоединяться к одушевленным существительным, что свидетельствует о становлении категории одушевленности/неодушевленности (СКЯ: 154). Но поскольку эта категория окончательно не сложилась, в диалектной речи суффикс *-ӧс* может присоединяться и к неодушевленным существительным, выполняя при этом выделительную функцию. Примеры: скр. *Мырийӧс кӧ нас'тӧдан, и сийӧ мича* (Тент.) 'Если пень разоденешь, и тот будет красив' (ПСД: 64); лл. *Тулысын, кор муыс кос'мас, завод'итӧны гӧрны ыбйасӧс* 'Весной, когда высохнет земля, начинают пахать поля' (СТ III: 8); сс. *Сэтыс' адззис мис'тӧм кӧлуйӧсӧс* 'Там нашел некрасивые вещи' (СТ III: 36).

Из семантических особенностей данного падежа можно отметить его функционирование во временном значении в удорском и нижневычегодском диалектах: уд. *Рытсӧ и ассӧ вэтлалам йагӧ* 'Вечером и утром ходим в лес' (Сорвачева 1950: 48); нв. *Иг на эшты, асыв вайа* 'Не успел еще, завтра принесу' (СТ III: 240).

В лузско-летском, вымском и ижемском диалектах аккузатив может быть оформлен суффиксом *-лы* (*-лӧ*), формально тождественным показателю датива: лл. *Нэмлӧ оли н'ин* (Сл.) 'Свой век я уже прожил'; *Вомлӧ сотӧ пан'ыс* (Пр.) 'Ложка жгет мне рот' (ЛЛД: 44). В ижемском диалекте аккузатив на *-лы* часто встречается в фольклоре, реже в разговорной речи носителей диалекта. Примеры: *Куч колэ, сидз и дзэбисныс айлы пийан* 'Как положено, так и похоронили отца сыновья' (СТ III: 38); *Мӧдисны орэдны чун'кытишлы* 'Хотели отнять кольцо' (СТ III: 40). В вымском диалекте форматив *-лы*, употребляемый для оформления прямого объекта, особенно характерен для верхневымских говоров: *А мэ муна йу выытыс, ручлы кэркаӧ кыска* (Онеж.) 'А я иду по реке, тащу лису в избушку' (ВД: 57); *Ч'эл'ад'лы лои с'ӧкта быттыны* 'Детей-то пришлось трудно растить' (Ляшев 1975: 92). Единичные случаи оформления аккузатива формантов *-лы* зарегистрированы в среднесысольском диалекте: *Вэтлыс'-муныс' мортлы колӧ лэз'ны шоччыны* (Кур.) 'Приезжего человека надо пустить отдохнуть' (ССД: 34).

В верхневымских говорах форматив *-лы* не только может оформлять прямой объект и подлежащее, но и присоединяться 1) к именам существительным перед сравнительным послелогом *моз* ‘как, подобно’: *С’олалы кути, моздорам бос’ти кагалы моз* (Онеж.) ‘Я поймал рябчика, взял в охапку, как ребенка’ (ВД: 50); 2) к наречным словам: *Кыс’ан’кёлы снар’ад воё дай сёмын* (Кош.) ‘Откуда то снаряд летит да и только’; 3) к местоимениям: *Пёмн’ита тэнёлы прёдавэчыс’* (В.) ‘Помню тебя продавцом’ (Ляшев 1975: 94).

Случаи оформления формативом *-лы (-ло)* прямого объекта встречаются и в памятниках древней письменности: *спаситомъ восна ловьяслы миянь* ‘о спасении душ наших’, *восьтась ниялы евангелье веськыдло* ‘откроет им евангелие правды’, *лосяломло мэзослысь корамъ* ‘мира у господ просим’ (Кузнецова 1968: 12).

Существует несколько точек зрения относительно статуса аккузативного форманта *-лы (-лө)* в коми диалектах. По мнению Б.А. Серебренникова, форматив *-лы* представляет собой своеобразную эмфатическую частицу, «употребляемую в тех случаях, когда говорящий хочет особо выделить субъект или объект действия» (Серебренников 1964: 44). В.И. Лыткин считал, что употребление *-лы (-лө)* в функции аккузатива – результат сохранения функции былого объектного падежа на *-лы (-лө)*, который выполнял функции современных дательного и винительного падежей (СКЯ: 141). По мнению Т.И. Фроловой, форматив *-лы* является падежным суффиксом (Фролова 1951: 91). Вслед за Б.А. Серебренниковым, В.А. Ляшев, исследовавший верхневымские говоры, считал, что «форматив *-лы* не несет на себе грамматического значения, вся роль его ограничивается выделительной функцией» (Ляшев 1975: 91).

Инструменталь

Показателем инструментalia в коми-зырянских диалектах является суффикс *-өн (-эн)*. Область распространения маркера *-өн* – лузско-летский, верхнесысольский, среднесысольский, присыктывкарский, удорский, вымский и печорский диалекты. Алломорф *-эн* бытует в верхневычегодском и ижемском диалектах : иж. *Вой кэжэ ёшин’йаснумэс тупкалим өд’д’алайасэн* ‘На ночь окна завешивали

одеялами' (ОКЗР: 282); вв. *Сылэн вируыс визыытас шорэн* 'У него кровь лилась ручьем' (ОКЗР: 87).

В нижневыхегодском диалекте суффиксы *-өн*, *-эн* выступают в качестве вариантов, их употребление обусловлено фонетическими условиями; лишь в говоре с. Коквицы во всех случаях употребляется *э-овый* показатель инструментала. Примеры: нв. *Аслам ным т'уэн с'эти* (Сл.) 'Дала собственными руками' (ОКЗР: 15); *Оштö падмöдаснö и вийаснö – коди зырийэн, коди кл'укаён...* (Гам) 'Медведя это приводит в растерянность, и его убивают – кто лопатой, кто клюкой' (ОКЗР: 29); *пал'ичэн* 'палкой' (Кокв.) (Сорвачева 1966: 22).

В вашкинских говорах инструменталь наряду с суффиксом *-өн* имеет показатели *-нымйи*, *-ными*, *-ныни*. Примеры: уд. *Вöвнымйиыс и т'эл'өгнымйиыс пöдли* (Чупр.) 'Тонул (я) вместе с конем и телегой'; *Дзирнымйиыс вöс'с'ас ыджыд ыбöсйэс* (Пучк.) 'Откроются настежь двери большие' (УД: 33). По мнению В.А. Сорвачевой, исследовавшей верхневашкинский говор, отмеченные показатели инструментала содержат обобщительно-комитативное значение, подобно суффиксу собирательных числительных *-нан*: *кыкнан* 'оба' (Сорвачева 1950: 54). Рассматриваемые форманты Б.А. Серебренников причислял к вариативным формам комитатива (Серебренников 1963: 82). По мнению Г.А. Некрасовой, суффиксы *-нымйи*, *-ными*, *-ныни* нельзя считать вариативными формами инструментала на *-өн* ввиду их разной семантической структуры. Форманты *-нымйи*, *-ными*, *-ныни* исследователь расценивает как вариативные суффиксы самостоятельной падежной формы – *социатива* с основным значением 'вместе с' (Некрасова 2001: 201-202).

В удорском диалекте наблюдаются и семантические особенности в употреблении инструментала. Существительные в форме данного падежа могут употребляться в качестве компонента сравнительной конструкции: *Ми казкиён, вöдзö мöдим кык бригада* (Лат.) 'Мы, как в сказке, пошли дальше двумя бригадами'; *Ин ылöччы öнйа Сашкаён* 'Не лги, подобно Сашке (УД: 34).

В говоре с. Межог нижневыхегодского диалекта инструменталь может выступать во временном значении: *Мийанö кöт' кор волы, рытён кöт' лунён, кöт' войэн, кöт' асылён* 'К нам приходи в любое время, хоть вечером, хоть днем, хоть ночью, хоть утром' (НВД: 37). В

других коми диалектах в данном значении используется падежная форма инессива (*тулысын* ‘весной’, *лунын* ‘днем’). Вероятно, в нижневычегодском диалекте наблюдаются следы бывшего неразграничения форм инструменталю и инессива. По мнению В.И. Лыткина, в прапермском языке суффиксы инструменталю и инессива еще не были дифференцированы (Лыткин 1952: 105). В древнепермском языке начинается дифференциация данных падежей: в инессиве начинает употребляться суффикс *-ын*, в инструментале – суффикс *-өн*. Следы этой недифференцированности сохранились в некоторых диалектах пермских языков. В удмуртском языке показатель инструменталю во множественном числе совпадает с суффиксом инессива *-ын*: *тур-йос-ын* ‘топорами’ (Серебренников 1963: 53); в коми-язьвинском наречии суффикс *-өн* является показателем и инессива, и инструменталю: *шёрён* ‘мышью’ и ‘в мыши’ (Лыткин 1961: 44).

В нижневычегодском, присыктывкарском, верхнесысольском диалектах инструменталью может выражать причину действия: нв. *Бабаыс вис'эмён кули* (Час.) ‘Жена его от болезни умерла’ (НВД: 37); скр. *Мийан мамё пöдöмнас и кули* ‘Наша мать от удушья и померла’ (ПСД: 66); *Койгортас голоднас унаён кулиныс* (Гр.) ‘В Койгородке от голода многие умерли’ (АМ).

В говоре с. Шошка присыктывкарского диалекта и в лузско-летском диалекте формой инструменталю (наряду с комитативом) может выражаться косвенный объект при двуобъектной понудительной форме глагола. Примеры: лл. *Ог кө адзды йэмсö нысавны, ч'эл'ад'ён нысöдла* (Чит.) ‘Если сама не смогу вдеть в иголку нитку, прошу детей, чтобы вдели’; *Пöрыс' йöзнас кыдöднö вурунöвöй т'эпыс'с'ас* (Лет.) ‘Шерстяные варежки просят вязать старушек’ (ЛЛД: 46); скр. *Плат'т'э вурöди Вас'ка Палöөн* ‘Платье я пошила у Пелагеи Васильевны’ (ПСД: 66).

В лузско-летском диалекте встречается употребление сочетания имени существительного в форме инструменталю с возвратным глаголом на месте сочетания существительного в форме аккумулятива с переходным глаголом других коми-зырянских диалектов: *Кöзайасөн видзöтчи* (вм. *кöзайасös видзи*) (Лет.) ‘Я пасла коз’; *Мамыд йöз ч'эл'ад'ён быттыс'ис* (вм. *ч'эл'ад'ös быттис*) (З.) ‘Твоя мать нянчила чужих детей’ (ЛЛД: 46).

Комитатив

Комитатив в коми-зырянских диалектах представлен вариантами *-кӧд*, *-кэд*, *-кӧт*, *-кыд*, *-мыд*. В большинстве коми-зырянских диалектов (скр., нв., вс., сс., печ., вым) показателем комитатива является суффикс *-кӧд*: *йӧзкӧд* ‘с людьми’, *никӧд* ‘с сыном’.

Вариант *-кӧт* с глухим конечным функционирует лишь в одном из коми-зырянских диалектов, удорском, но в то же время распространен в коми-пермяцких диалектах (кроме верхнекамского наречия) и коми-язьвинском наречии (*-кӧт*). Примеры: уд. *Вэжан'ыскӧт да нылыс айыскӧт мӧдасны жӧник гортас* (Венд.) ‘С крестной и отцом невесты отправятся в дом жениха’ (СТ III: 328). Необходимо отметить, что показатель комитатива с глухим согласным в ауслaute проявляется как реликтовое явление также в вымском диалекте в склонении усилительно-личных местоимений: *аскӧтиӧкӧд* ‘сам с собой’ (ВД: 103). Рассматриваемый вариант (*-кӧт*) является характерной чертой коми-пермяцких диалектов и коми-язьвинского наречия.

В ижемском и верхневычегодском диалектах, относящихся к э-овому типу говоров, показатель комитатива выступает в форме *-кэд*: вв. *Вӧлискэд нэ-й бӧрдасни, бӧрдасни дай* ‘С конем они долго плачут’ (ОКЗР: 99); иж. *Н'эвэстаыс мунэ вэшс'ан пыыс'анэ бабайаскэд* ‘Невеста идет в баню с женщинами’ (СТ II: 6). Алломорф *-кэд* бытует и в говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта: нв. *йиискэд-ваыскэд тиӧтти мунас* ‘уйдет вместе со льдом и водой’ (Сорвачева 1966: 71).

В лузско-летском диалекте, в отличие от других коми диалектов, бытует специфический показатель комитатива *-мыд*: *Мэ вӧралли д'ад'мыд, мам вокмыд* (Пор.) ‘Я охотился с дядей, братом матери’ (ЛЛД: 37); *Пэт'амыд ӧт'инын олим кват' во* ‘С Петей вместе прожили шесть лет’ (ОКЗР: 180). В говорах сс. Поруб и Занулье, пограничных с среднесысольским диалектом, наряду с суффиксом *-мыд* употребляется суффикс *-кыд*: *Аслам нылкыд муни мал'инала* (Пор.) ‘Я со своей дочерью пошла за малиной’; *Йона и баитимӧ мӧт т'эркачикыд* ‘Мы вдоволь наговорились с живущими в другой половине избы’ (ЛЛД: 37). Предполагаем, что алломорф комитатива *-кыд* мог проникнуть в данные говоры в результате контактов с

представителями граничащих говоров среднесысольского диалекта и, возможно, под влиянием *ы*-овой огласовки алломорфа *-мыд* претерпел фонетическое преобразование (*-кӧд* > *-кыд*).

Относительно происхождения комитативного суффикса *-мыд* (*-мӧд*) существует несколько точек зрения. По мнению К.Е. Майтинской, данный суффикс восходит к послелогу, образовавшемуся при участии прозекутивного *-d* от имени *mI* – ... ‘задняя сторона, зад’ (Майтинская 1979: 111). Д. Фокош-Фукс считал, что по причине употребления в соответствующих южных диалектах лексемы *mEd* (< *mId*) вместо *kIkEd* ‘второй’ комитативный суффикс *-kEd* < *kIkEd* стал заменяться суффиксом *-mId* (Fokos-Fuchs 1966: 78).

Суффикс *-мыт*, созвучный лузско-летскому комитативному суффиксу *-мыд*, широко функционирует в марийском языке и служит для выражения групповой множественности: *авамыт* ‘моя мать и другие с ней’, *ачаймыт* ‘мой отец и те, кто с ним’ (Коведяева 1987: 87). По мнению Е.И. Коведяевой, марийский суффикс *-мыт* и коми *-мыд* в чем-то сходны; они осуществляют «идею объединения людей по определенным признакам: в марийском – группировка людей вокруг одного лица, в коми – совместное участие двух лиц в общем процессе» (Коведяева 1987: 88; Коведяева 1987а: 138).

Основное значение комитатива – значение совместности. Несколько шире сфера употребления комитатива в вымском диалекте. В нем комитатив может оформлять имя существительное со значением предмета как объекта обмена при глаголе *вежны* ‘обменять’; в других диалектах в этом случае употребляется сочетание существительного в номинативе с послелогом *вылӧ* или существительное в инструментале. Примеры: *Кукан' колӧ бос'ны, да д'эн'гаӧ абу, н'ан'ӧкӧд* (вм. *н'ан' вылӧ / н'ан'ӧн*) *лоӧ вэжны* (Онеж.) ‘Надо купить теленка, но денег нет, придется на хлеб выменять’; *Дасасӧ рубйаскӧд* (вм. *рубйас вылӧ/рубйасӧн*) *вэжи* (Онеж.) ‘Десятку на рубли разменяла’ (ВД: 66). Примеры на аналогичное употребление комитатива содержатся в образцах речи по печорскому диалекту: *Чэртӧ вай зудкӧд вэжам* ‘Променяй топор на точильный брусок’ (ОКЗР: 296).

Комитатив в вымском диалекте может употребляться также при глаголах со значением движения навстречу кому-нибудь или

положения против кого (чего)-либо. В литературном языке и других коми диалектах подобным сочетаниям соответствуют формы датива. Примеры: *Ч'эл'ад' пышйисны мамыскöд* (вм. *мамыслы*) *водзча* (Синд.) 'Дети побежали навстречу матери'; *Вэтлис да водзча локтö з'ам'т'аскöд* (вм. *з'ам'т'аслы*) (Шош.) '(Он) съездил и уже возвращается, едет навстречу зятьям' (ВД: 66).

В говорах сс. Шошка и Вильгорт присыктивкарского диалекта падежная форма комитатива (наряду с формой инструменталю) может выражать косвенный объект при двуобъектной императивной форме глагола. Примеры: *Тайö джодждöрасö Карпö Аннакöд кыöдли* (В.) 'Этот половик соткала Анна Карповна'; *Плат'тэ вурöдли Вас'ка Палököд* (Ш.) 'Платье я пошила у Пелагеи Васильевны' (ПСД: 66).

Абессив

Наиболее распространенным маркером абессива в коми-зырянских диалектах является суффикс *-тöг*: *н'ан'тöг* 'без хлеба', *мöстöг* 'без коровы'.

В верхневычегодском, ижемском диалектах, а также говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта, относящихся к э-овому типу говоров, показателем абессива является *-тэг*: иж. *пиэс быдти айтэг кöкйамыс арс'ан'* 'Растила сына без отца с восьми лет' (ОКЗР: 284); вв. *Бат'-мамтэгид уна ужунa-öбэда öтлас'лас* (Руч) 'У сироты (букв. без отца с матерью) ужин и завтрак совмещаются' (ОКЗР: 75).

В удорском диалекте абессив имеет два показателя *-тöг* и *-тöм*: *Вэра айтöг кол'и* (Чупр.) 'Вера осталась без отца'; *Мэ мöстöм иг овлы* (Катша) 'Я без коровы не жила'; *Пал'тотöм он лис'ты пэтны* (Важ.) 'Не смеешь выйти без пальто' (УД: 33). В литературном языке и других коми диалектах суффикс *-тöм* является словообразовательным суффиксом прилагательных и причастий. В удорском диалекте, вероятно, происходит смешение данных суффиксов в результате их семантической близости, поскольку и относительные прилагательные со значением отсутствия признака в диалекте могут быть образованы как с суффиксом *-тöг*, так и с суффиксом *-тöм*: *вынтöг му* 'неплодородная земля'; *коктöм шл'ак* 'безногий урод'; *мунтöм ныв* 'незамужняя женщина'; *йуртöг улöс* 'табурет, стул без спинки' (УД: 47). По мнению Е.А. Цыпанова, в удорском диалекте

возникло наложение ролей абессивных формантов *-тӧм* и *-тӧг* как результат конвергентных процессов в ходе развития диалекта. В остальных коми-зырянских диалектах ролевое распределение употребления производных с абессивными формантами, обусловленное их синтаксической ролью, четко выдерживается: производные с *-тӧм* примыкают к определяемому слову и выполняют атрибутивную и предикативную функции; производные с *-тӧг* управляются глаголами и выполняют в предложении функции дополнения или обстоятельства (Цыпанов 1990: 12). С диахронической точки зрения суффиксы *-тӧм* и *-тӧг* восходят к общему корню, финно-угорскому суффиксу **-tt ~ -t* (Серебренников 1963: 180).

В ижемском, удорском и верхнесысольском диалектах наряду с суффиксом *-тӧг* (иж. *-тэг*) функционирует показатель абессива, осложненный формантом *-йа (-йи)*: *-тӧгйа (-тӧгйи)*. В верхнесысольском диалекте в говоре с. Кобра употребляется суффикс *-тӧгйи*, в остальных говорах диалекта *-тӧгйа*: *винатӧгйа* ‘без вина’; *Талунтӧгйа* *абу ал'э мӧй луныс* (Гр.) ‘Нет что ли дня, кроме сегодняшнего?’ (ВСД: 61). В удорском диалекте форманты *-тӧгйа*, *-тӧгйи* встречаются лишь в определенно-притяжательном склонении: *-тӧгйаыд*, *-тӧгйиным*, *-тӧгйаныд*: *т'ат'эйтӧгйаыд* ‘без ребенка твоего’ (АМ). В ижемском диалекте алломорф *-тэгйа* функционирует наряду с суффиксом *-тэг*: *Ивантэгйа* *ог мун* ‘Без Ивана не пойду’; *Ч'эл'ад'тэгйа* *вэтлэ* ‘Без ребенка ходит’ (ИД: 44).

Из семантических особенностей абессива следует отметить употребление данной падежной формы для обозначения меры и степени в верхнесысольском диалекте: *Дэн'га бырис көпейкатӧг* (Кг.) ‘Деньги кончились до единой копейки’; *Бжс'ыс гӧнтӧг ори, н'и ӧт'ик ыж эз кол'* (Уж.) ‘Овец совсем не стало, ни одной овцы не осталось’ (ВСД: 68).

Конзекутив

Во всех коми-зырянских диалектах показателем конзекутива является суффикс *-ла*: *турунла* ‘за сеном’, *вала* ‘за водой’.

В среднесысольском и присыктивкарском диалектах наблюдаются случаи контаминации падежных показателей конзекутива и элатива: сс. *Мэ во(й)и йӧл-ла-с'ыд* (Вт.) ‘Я уже ходила за молоком’; *Турун-ла-*

с'ыс воа да вэтла (Пд.) 'Привезу сено и схожу' (ССД: 34); скр. *Корёс'-ла-с'ыс локтам вёли* (В.) 'Мы ходили ломать веники и как раз возвращались оттуда', *Турун-ла-с'ыд локтёны н'и со* (Койт.) 'Они ездили за сеном и вот уже обратно едут' (ПСД: 69). Случаи контаминации двух падежных формантов наблюдаются и в литературном языке (ÖКК: 93-94). Чаще всего контаминированные падежные форманты употребляются при эллипсисе и плеоназме. Функционирование двух падежных формантов, имеющих различные значения и употребляющихся без эллипсиса, встречается лишь в диалектах. По мнению Г.А. Некрасовой, формант *-ла* в рассматриваемых контаминированных формах может обозначать локализацию предмета и выступать в качестве синонима компонента *-ин* 'место' в сложных словах типа *алькёсін* 'отлогое место' < *алькёс* 'пологий' (Некрасова 1987: 31).

Основным значением конзекутива является выражение цели совершения и причины действия. В вымском диалекте падежная форма конзекутива для выражения причины не употребляется, редко встречается в данном значении и в нижневычегодском диалекте.

В вымских фольклорных текстах встречается употребление имени существительного в форме конзекутива в качестве определения к определяемому слову: *вала туй* 'дорога за водой'; *нэсла туй* 'дорога за дровами' (ВД: 66).

Инессив

Показателем инессива в коми-зырянских диалектах является суффикс *-ын* и его вариант *-ин*. Суффикс *-ын* бытует в лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском, присыктивкарском, удорском, вымском и печорском диалектах. Показатель инессива *-ин* функционирует в верхневычегодском диалекте и имеет следующие варианты: *-ин*, *-ан*, *-он*, *-ун*, *-н*. В словах с основой на согласный употребляется алломорф инессива *-ин*: *вёр-ин* 'в лесу'; *кар-ин* 'в городе'. Функционирование большого количества вариантов инессива обусловлено фонетическими особенностями диалекта: уподоблением гласного суффикса конечному гласному основы слова в одних говорах (М.Н. Укл.) и стяжением гласных на стыке основы слова и падежного показателя в других говорах (Ан. Вочь. Дер. Крч. П. Руч.

Ст. Устьн.). Примеры: *ва-ан* ‘в воде’, *кэрка-ан* ‘в доме’ (М.Н. Укл.); *му-ун* (Н.) ‘в земле’; *с’эл’по-он* (М.Н. Укл.) ‘в сельпо’; *кэрка-н* ‘в доме’, *с’эл’по-н* ‘в сельпо’ (Ан. Вочь. Дер. Крч. П. Руч. Ст. Устьн.) (ВВД: 75).

В нижневычегодском диалекте алломорф *-ин* появляется после гласных переднего ряда (*т’шин* ‘в руке’) и палатальных согласных (*пачин* ‘в печи’). Примеры: *Этйа дёмын өмөй тайа мэнам көм-пас’көм* (Гам) ‘Такая изба, и чтоб в такой одежде я ходила’ (ОКЗР: 24); *нопйин оз ков кыскавны* (С.) ‘не надо в рюкзаке таскать’ (ОКЗР: 38).

Основным значением инессива является обозначение места. В коми-зырянских диалектах инессив широко употребляется и для обозначения профессии, социального положения или состояния предмета. Примеры: вв. *Нылин олис нэмсө* (Крч.) ‘В девках век прожила’ (ВВД: 75); печ. *Йасл’уын комын во уджали н’ан’каын* (Пч.) ‘В яслях тридцать лет работала нянькой’ (АМ); вым. *Нылө т’эр дорын вэк ударн’ичаын вөли* (В.) ‘Моя дочь на лесозаготовках всегда была ударницей’ (ВД: 66); скр. *Мэ өд вурун л’этыс’ын* (Зел.) ‘Я ведь (в данный момент) треплю шерсть’ (ПСД: 67-68); нв. *Мэ ог көсйы попад’д’аин овны, көсйа лоны саричаин* (Гам.) ‘Не хочу быть попадшей, хочу быть царицей’ (НВД: 40); сс. *Мужик вөли вэтлөдлө пэл’шөрын пойэз вылын* (Кур.) ‘Муж был фельдшером на поезде’ (ССД: 31); вс. *Складовшикын уджалө* (Уж.) ‘Работает складовщиком’ (ВСД: 68); уд. *Вокө рөбитө утишит’эл’ын* (Косл.) ‘Брат мой работает учителем’ (УД: 34); иж. *Өч’эрэд’ас мэ лоа квайтэд мортын* ‘В очереди я буду шестым человеком’ (ИД: 44-45).

Употребление инессива вместо инструменталю для обозначения профессии, состояния, социального положения предмета – реликт древнего состояния языка. Согласно наиболее распространенной точке зрения, современные падежные формы инессива и инструменталю диахронически восходят к единому источнику, древнему локативу на *-*na* (Серебренников 1963: 12).

Во многих зырянских диалектах (вымском, ижемском, удорском, присыктывкарском, лузско-летском, верхнесысольском) наблюдаются случаи употребления падежных форм инессива, иллатива и элатива вместо послеложных конструкций в других диалектах и литературном языке. Примеры: вым. *Кэрийн* (вм. *кэр дорын*) *дыр рөбити* ‘Я долго работал на лесозаготовках’ (ВД: 68); иж. *Айа-пия көрын* (вм. *көр*

дорын) *рöбитöныс* ‘Отец с сыном пасут оленей’ (ИД: 45) лл. *Порогас* (вм. *порог дорас*) *вöли гынкöмыс* (З.) ‘Валенки были на пороге’ (ЛЛД: 47); уд. *Тöдис'ö* (вм. *тöдис' дорö*) *вэтлöма* ‘Сходил к знахарю’ (УД: 34); скр. *Ол'гаын* (вм. *Ольга дорын*) *олö* (В.) ‘Живет у Ольги’ (ПСД: 71); вс. *Пызанас* (вм. *пызан вылас*) *вэк кис'тала чайсö, ог адзды да* (Гр.) ‘Все время проливаю чай на стол, потому что не вижу’ (АМ). Подобные примеры отражают древнее состояние языка. В праязыке наличие большого количества локальных падежей предоставляло широкую возможность выражения различных оттенков местных значений. Современная развитая система послелогов является относительно поздним явлением (Серебренников 1963: 353; Основы 1974: 236).

Случаи употребления послеложной конструкции вместо инессива наблюдаются в верхнесысольском и лузско-летском диалектах: вс. *кырым динö кучис'* (вм. *киö*) ‘держись за руку’, *киз'з'ас вурны копта динö* (вм. *коптаö*) ‘пуговицы пришивать к кофте’; лл. *с'умöдсö кыдз динис'* *кос'öнö* (вм. *кыдздыс'*) ‘бересту сдирают с березы’ (ССКЗД: 467).

В удорском диалекте сфера употребления инессива несколько шире, чем в других диалектах. Данная падежная форма может употребляться 1) при сравнении одного предмета с другим: *Мöмöтын пукалö, топ оз гол'* (Важ.) ‘Сидит, как болван, совсем не разговаривает’; 2) для указания на семейное сходство с кем-либо: *Из рöду вöн пэтöма, аб мамын н'и аб айын* (Лат.) ‘Из рода вышел, не в мать и не в отца’; 3) для обозначения степени родства: *Матыс рöд на тайа, коди кыкын да н'ол'ын* (Косл.) ‘Еще близкая родня, если второе и третье поколения’ (УД: 34).

Иллатив

Показателем иллатива в большинстве коми-зырянских диалектов (лл. вс. сс. скр. уд. вым. печ.) является суффикс *-ö*: *кэрка-ö* ‘в дом’, *кар-ö* ‘в город’. В ижемском, верхневычегодском диалектах и в говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта суффиксом элатива является *-э*. Примеры: иж. *Н'эл'амынэд воын муни армийаз* ‘В сороковом году пошел в армию’ (СТ II: 32); вв. *Муэ тиын лэтчэ*

л'окмэм водзин 'Дым спускается к земле к ненастью' (ОКЗР: 69); нв. *Пал'э* 'в деревню Палевицы' (Сорвачева 1966:113).

Вариативное употребление алломорфов *-ö* и *-э* наблюдается в нижневычегодском диалекте (кроме говора с. Коквицы) и говоре с. Шошка присыктывкарского диалекта. Маркер *-э* появляется в тех случаях, когда основа оканчивается на мягкий согласный или переднерядный гласный; во всех остальных случаях выступает суффикс *-ö*: нв. *нөбйэ вунда* (Час.) 'на вязанку сжинаю' (НВД: 207), *биэ* 'в огонь' (НВД: 37) но *лэччи горто* (Час.) 'пришла домой' (НВД: 208); скр (Ш.) *мамоö вэтли* 'к маме моей (букв. в маму) ходил', но *бат'ээ вэтла* 'к отцу моему (букв. в отца) схожу' (Жилина 1965: 27).

В речи представителей говора Кобры верхнесысольского диалекта показателем иллатива является суффикс *-о*, обусловленный фонетической особенностью данного говора (употреблением *о* вместо *ö* в ауслауте). Примеры: *Пэтис сарайо лампатөн* '(Он) вышел в сарай с лампой' (ВСД: 61).

Основное значение иллатива – направленность действия внутрь предмета или на его поверхность. В удорском диалекте падежная форма иллатива иногда употребляется вместо конзекутива или инфинитивной конструкции, включающей в себя переходный глагол с прямым объектом. Примеры: *Н'ол' лун н'итшиö вэтли* (Пучк.) (вм. *н'итшила / н'итши вöчны*) 'Четыре дня ходил за мхом'; *Пэскö мөдас* (Важг.) (вм. *пэсла / пэс кэравны*) 'Собирается за дровами' (УД: 35).

В нижневычегодском и удорском диалекте падежная форма иллатива может использоваться вместо инструменталю других диалектов. Примеры: нв. *Чэрисö кусокйасö вундавны* (Меж.) 'Рыбу разрезать на куски'; *Тöлыс' мэ кол'т'ча мөскö* (Т.-К.) 'Целый месяц я остаюсь ухаживать за коровой' (НВД: 40); уд. *Пыз'сö сорлаласны йöлö ил'и көн'уса йöлö* 'Муку смешивают с молоком или простоквашей' (СТ III: 394).

Элатив

Показатель элатива в коми-зырянских диалектах представлен алломорфами *-ыс'*, *-ис'*. Вариант *-ыс'* распространен в лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском, присыктывкарском, вымском, ижемском диалектах и нижневашкинских говорах.

Примеры: скр. *Мэ эс'а кэркаыс'* *кэркаё вэтлөдла* 'Хожу я из дома в дом' (ZТ: 96); лл. *агасйасыс овлёны нуыс'* 'борону делают из дерева' (ST III: 80; вс. *Вөчим с'умөдыс' пан'н'ас* 'Сделали из бересты ложки' (ОКЗР: 147); сс. *Мэнам вок кутас вөлөс вөтлыны сарайыс'* 'Мой брат начал лошадь выгонять из сарая' (ST III: 68); вым. *коркө кэл'эграм воис Мөскуаыс'* 'однажды из Москвы пришла телеграмма' (ОКЗР: 189). Суффикс *-ис'* функционирует в верхневычегодском и удорском (кроме нижневашкинских говоров) диалектах: вв. *Сэс'с'а ад'дза нуис'* *кун'ича* (Керч.) 'Увидел затем на дереве куницу' (ST IV: 186); уд. *Кутшөм ни татшөм д'элаис'* *прөс'т'итөм* 'Какая ж может быть пощада за такое дело' (ОКЗР: 251).

В нижневычегодском диалекте алломорфы элатива *-ыс'/-ис'* функционируют в качестве вариативных форм. Выбор варианта обусловлен качеством предшествующего звука: маркер *-ис'* появляется в словах с основой, оканчивающейся на палатальный согласный или переднерядный гласный: *мырйис'* *полан* 'пня боишься' (ОКЗР: 35); в остальных случаях употребляется суффикс *-ыс'*: *гөраниныс'* *воиснө* 'вернулись с пашни' (ОКЗР: 15). В говоре с. Коквицы алломорфы *-ыс'*, *-ис'* выступают непоследовательно: *өт'и мамыс'*, *мөд бат'ыс'* 'от одной матери, от разных отцов' (Сорвачева 1966: 88); *тиис'* *повны* 'вас бояться' (Сорвачева 1966: 111); *миыс'* *бурджык* 'лучше нас' (Сорвачева 1966: 114). Вариативное употребление рассматриваемых суффиксов наблюдается и в говоре с. Шошка присыктывкарского диалекта: скр. (Ш.) *муыс'* 'из земли' но *өшин'ис'* 'из окна', *киис'* 'из рук' (Жилина 1965: 28).

В верхневычегодском диалекте показатель элатива *-ис'* имеет фонетически обусловленные варианты *-ас'*, *-ос'*, *-ус'*, *-с'*: *во-ос' во* 'из года в год'; *ва-ас'* (М.Н., Укл.) 'из воды'; *му-ус'* (Н.) 'из земли'; *Өт'и струба-с'* *на ватө йуам, эн ыждав* 'Не ставь себя выше, пока из одного колодца воду пьем' (ВВД: 218).

Основным значением элатива является направленность действия из предмета или его поверхности. В верхнесысольском, лузско-летском, присыктывкарском, вымском, удорском и ижемском диалектах существительное в форме элатива широко употребляется в значении причины совершения действия. Примеры: вс. *Кагаыс кулис тишөкыдыс'* (Гр.) 'Ребенок умер от коликов' (ВСД: 69); лл. *Жарс'ыс*

оз вэрмы уз'ныс (Об.) 'Из-за жары спать не может' (ЛЛД: 47); скр. *С'өлөмөй өни на бөрдө страс'тс'ыс* 'Сердце сейчас еще плачет от страха' (ПСД: 69); вым. *Кагаыс вомидзыс' вис'ө* (Онеж.) 'Ребенок болеет от сглаза' (ВД: 67); иж. *Вис'эмыс' из волы школаа* (Мохча) 'Из-за болезни не приходил в школу' (ИД: 48); уд. *Пөрыс'ыс' чөвт'чис* (Катша) 'От старости перестал' (УД: 39-40). Употребление элатива в данном значении в вымском диалекте объясняется отсутствием каузативного значения у падежной формы конзекутива. В остальных диалектах падежные формы конзекутива и элатива при выражении значения причины совершения действия выступают в качестве синонимичных форм (*жарысла оз уз'с'ы – жарс'ыс оз уз'с'ы*).

В вымском и удорском диалектах элатив может употребляться вместо падежной формы эгрессива: уд. *Шкөлаис'* (вм. *шкөлас'ан'*) *да йагэдз* 'От школы до леса' (ССКЗД: 467); *Пэрвэйö маййаис'* (вм. *маййас'ан'*) *да пйатэйэ маййаэдз мэ оли карын* 'С первого мая по пятое мая я жил в городе' (Сорвачева 1950: 56); вым. *Тоон төлыс рытыывылыс'* (вм. *рытыывыыс'ан'*) 'Сегодня ветер с запада' (ВД: 67). Смешение данных падежных форм объясняется близостью выражаемых ими значений.

В южных лузско-летском и верхнесысольском диалектах наблюдаются случаи употребления элатива вместо аккузатива других диалектов: лл. *Винас'ыс шыбитис, оз йу өни* (Лет.) 'Водку бросил, теперь не пьет' (ЛЛД: 46); вс. *Мөй нө көзас'ыс видзан* (Гр.) 'Почему, говорит, козу держишь'; *Мөй нө йөлс'ыс тэ вайан* (Кг.) 'Почему ты несешь молоко' (ВСД: 69). В верхнесысольском диалекте элатив в функции аккузатива употребляется в вопросительных предложениях и в сочетании с местоимением *мөй* 'что'.

В коми-зырянских диалектах падежная форма элатива употребляется для выражения сравнительных отношений: *ошкыс' йон* 'сильнее медведя'; *кэркаыс' джуджыд* 'выше дома'. В южных диалектах, кроме летских говоров, для выражения данного значения употребляется падежная форма преклюзива, характерная лишь для данных территориально-языковых (зырянских) разновидностей (см. Преклюзив). В летских говорах для выражения сравнительных отношений используется элатив.

Аппроксиматив

В коми-зырянских диалектах аппроксиматив представлен алломорфами *-лан'*, *-лэн'*. Суффикс *-лан'* характерен для всех диалектов, кроме верхнесыольского: *кэркалан'* 'по направлению к дому'. В верхнесыольском диалекте показателем аппроксиматива является суффикс *-лэн'*, развившийся из *-лан'*. Известно, что в данном диалекте наблюдается фонетический процесс перехода [а] в [э] в положении между мягкими согласными как в русских заимствованиях, так и в исконно коми словах: *йэй* (вм. *йай*) 'мясо', *н'эн'* (вм. *н'ан'*) 'хлеб' (Лыткин 1955: 32; ВСД: 34). Диалектные материалы по верхнесыольскому диалекту свидетельствуют о редких случаях употребления [э] вместо [а] других диалектов в положении между твердым и мягким согласным: *рэдзгöччыны* (Крв.) – скр. *радзгöдзчыны* 'расположиться, рассесться в ряд'. К таким же случаям относится аппроксиматив на *-лэн'*: *Пиыс мамыслэн'* мунö, а *нылыс бат'ыслэн'* мунö (Крв.) 'Сын похож на отца, а дочь на мать' (ВСД: 64).

Случаи употребления алломорфа *-лэн'* наряду с *-лан'* зарегистрированы и в говоре с. Малый Кожмудор нижневычегодского диалекта: *Кожмудорлэн'* 'в сторону Кожмудора'; *вадорлэн'* 'в сторону берега'; *карлэн'* 'в сторону города' (НВД: 37).

Известно, что процесс перехода [а] в [э] между мягкими согласными распространен на широкой территории севернорусского наречия, «окружающей со всех сторон комийский край» (Лыткин 1949: 149). Верхнесыольский и нижневычегодский диалекты относятся к числу окраинных диалектов, что дает основания говорить о развитии вариативной формы *-лэн'* в данных территориальных разновидностях под влиянием смежных русских говоров.

В говоре с. Ловозеро, относящемся к ижемскому диалекту, в функции аппроксиматива выступает своеобразный суффикс *-лас*, употребляемый с послелогом *дорэ*. Данный формант употребляется в говоре кольских коми наряду с суффиксом *-лан'* и оформляет как существительные, так и местоимения: *мэлан'э* – *мэласдорам* 'в сторону меня', *тэлан'ыд* – *тэласдорад* 'в сторону тебя', *сылан'* – *сыласдорэ* 'в сторону его', *ныласдорэ* 'в сторону их', *пошталас дорэ муни* 'ушел в направлении почты' (Сахарова, Сельков 1960: 140, 142).

Аналогичный форматив *-лаз + дор* зафиксирован в вымском, ижемском и удорском диалектах: вым. уд. *талаздор* ‘эта сторона’ (ССКЗД: 364); вым. *сылаздор* ‘та сторона’ (ССКЗД: 353); иж. *Мыл'кс'ан' мыл'кйэ видзэдэ и ад'дзэ чомйыс бөрлаздорас ал'и вод'лаздорас* (Кип.) ‘Смотрит от холма к холму и видит (пастух), где находится чум’ (ИД: 272).

По мнению Б.А. Серебренникова, разделение суффикса *-лас* на составные части не представляет особых трудностей: в нем легко выделяется древний латив на *-la*, а конечный *-s* предположительно является *s*-овым лативом (Серебренников 1960: 29). Э.Итконен считал, что суффикс *-лас* сформировался из *l*-ового словообразовательного суффикса, вошедшего в состав ряда пермских сложных падежных формантов, и лично-притяжательного суффикса 3 лица, выступающего в конце послелого *дор*-.: *школала дорас* → *школалас дорэ* ‘в направлении школы’ (Майтинская 1979: 124).

По мнению Г.А. Некрасовой, форматив *-лас* «нельзя рассматривать как самостоятельное падежное окончание, что имеет место в работах Б.А. Серебренникова (Серебренников 1964: 29) и К.Е. Майтинской (Майтинская 1979: 124), ибо он не имеет самостоятельной реализации, а проявляется только в сочетании с послелогоми» (Некрасова 1987а: 191).

Присоединяясь к мнению Г.А. Некрасовой, мы считаем, что формант *-лас+дор* не является вариативным показателем аппроксиматива. На наш взгляд, суффикс *-ласдор* (*-лаздор*) является вариантом словообразовательного суффикса *-ладор*, широко употребляемого во всех коми-зырянских диалектах (ССКЗД: 192). Вероятно, в говоре с. Ловозеро произошло расширение сферы употребления словообразовательного суффикса *-лаздор*, употребляемого в вымском и ижемском диалектах большей частью в составе местоимений *талаздор*, *сылаздор* и реже существительных.

Из семантических особенностей аппроксиматива следует отметить его функционирование в удорском диалекте в значении причины. Примеры: *Шоглан'ыс нёшта вис'мас* (Венд.) ‘С горя еще заболит’; *Валан'ыс кокё кынмас* (Венд.) ‘От сырости ноги мерзнут’ (УД: 35).

Эгрессив

Алломорфный ряд эгрессива в коми-зырянских диалектах представлен следующими суффиксами: *-с'ан'* / *-с'эн'*; *-ыс'өдз* / *-ыс'эдз* / *-ис'эдз*.

Большинству зырянских диалектов присущ эгрессив на *-с'ан'*: *кэркас'ан'* 'от дома', *вöрс'ан'* 'от леса'.

В верхнесыольском диалекте и территориально смежных с ним лузских говорах показателем эгрессива является суффикс *-с'эн'*. Примеры: вс. *З'мэййасыс Öмыдз н'урс'эн'* *разöччöныс* (Гр.) 'Змеи расползаются с болота Öмыдз'; *Вöрс'эн'*, *талö*, *воö Мишкаыс* (Крв.) 'Мишка, видно, идет из лесу' (ВСД: 70); луз. *Бэрэгс'эн'* *сачитлим* (Чит.) 'Ловили рыбу сачком с берега' (ЛЛД: 38). Употребление алломорфа эгрессива *-с'эн'* в данных диалектах вместо *-с'ан'* других диалектов обусловлено фонетическим процессом перехода [а] в [э] между мягкими согласными.

Функционирование алломорфа *-с'эн'* зарегистрировано также в жешартско-гамском и слудском говорах нижневычегодского диалекта. В говорах с. Коквицы и д. Большая Слуда употребляются оба варианта *-с'ан'* и *-с'эн'*. Примеры: *Айкинас'эн'* *Гамөдз кыз'* *кык вэрс* 'От села Айкино до Гама двадцать две версты' (СТ III: 260); *А мужик и шувö мырс'эн'ис* 'А муж и говорит из-за пня' (Гам) (ОКЗР: 24).

В вымском, ижемском, удорском и лузско-летском диалектах употребляются специфические форманты эгрессива *-ыс'өдз*, *-ыс'эдз*, *-ис'эдз*. По мнению Е.С. Гуляева, данные суффиксы представляют собой контаминацию исходного и предельного падежей, имеющих противоположные значения и обозначающих начальный и конечный пункты маршрута (Гуляев 1960: 146). Синонимичные суффиксы эгрессива *-с'ан'* и *-ыс'өдз* указывают направление от исходной точки, от какого-либо предмета, но имеют несколько разную семантику; формант *-ыс'өдз* выражает большую степень отдаленности (ВД: 56). По мнению Г.А. Некрасовой, «семантический объем, дистрибуция и основное значение эгрессива, образованного из элатива и терминатива, позволяют рассматривать его как самостоятельную грамматическую единицу». В связи с этим исследователь считает возможным выделять в ряде диалектов два эгрессива: эгрессив I на

-с'ан' / -с'эн' и эгрессив II на -ис'эдз / -ыс'эдз / -ыс'өдз) (Некрасова 2001: 200).

Для лузско-летского диалекта характерен алломорф -ыс'эдз. Примеры: лл. **Воркутаыс'эдз** вайисны да дзэбисны татчы (Об.) 'Привезли из Воркуты и похоронили здесь'; **Карыс'эдз** вайёма (Лет.) 'Он привез (что-л.) из города' (ЛЛД: 38).

В вымском диалекте алломорф -ыс'өдз широко распространен в говорах сс. Княжпогост, Раковицы, Кыркоч. В кошечком говоре формант -ыс'өдз находится в стадии утраты, единичные примеры на его употребление встречаются лишь в речи людей пожилого возраста (Ляшев 1975: 90). Примеры: **Воласны Волс'аыс'өдз да Мэжадорыс'өдз** 'Приезжали бывало с Вотчи и Межадора'; **Праз'ник дорö Видыс'өдз каёмаос'** 'На праздник с Княжпогоста приехали' (ВД: 56).

В нижневашкинских говорах удорского диалекта функционирует алломорф -ыс'өдз, в остальных говорах – -ис'эдз. Примеры: **Идйыс одйыс'өдз тöt'час** (Пучк.) 'Ячмень можно определить от ростков'; **Мöскваис'эдз** 'с Москвы'; **муыс'өдз** 'с земли' (УД: 33).

В ижемском диалекте на территории Республики Коми употребление суффикса -ыс'өдз не встречается. Однако данный падежный формант зафиксирован в ижемских говорах сс. Мужи и Шурышкары Тюменской области: **Сыа н'ин мийантэ чэлад'ысэдз быттис** 'Уж она нас с самого детства воспитывала' (Жилина, Колегова 1960: 161). Вероятно, во второй половине XIX в., до переселения части ижемцев в Зауралье, эгрессив на -ыс'эдз еще бытовал в ижемском диалекте.

Кроме рассмотренных показателей, в нижневычегодском и удорском диалектах имеются застывшие падежные суффиксы эгрессива, встречающиеся в настоящее время лишь в наречных формах. В нижневычегодском диалекте в словах с временным или локальным значениями, перешедших в разряд наречий, функционируют застывшие эгрессивные суффиксы -ыс'эн' / -ис'эн' / -ыс'ан': **арыс'эн'**, **арыс'ан'** 'с осени'; **важыс'эн'**, **важыс'ан'** 'исстари, издавна'; **водзис'эн'**, **водзис'ан'** 'сначала, спереди' (НВД: 37). Кроме того, суффикс -ыс'ан' наличествует в составе адвербиального местоимения **кытыс'ан'** 'откуда', употребляющегося в вымском, ижемском, печорском, присыктивкарском, среднесыольском

диалектах и летском говоре. В вашкинских говорах удорского диалекта в составе наречий с временным значением наблюдается функционирование застывшего эгрессивного форманта *-ис'төм*: *асулис'төм* 'с утра', *пон'иис'төм* 'с малых лет' (Сорвачёва 1950: 63).

Из семантических особенностей эгрессива отметим его функционирование в значении причины в южных зырянских диалектах. Примеры: вс. *Шондыс'эн'ыс с'т'эклöйс йугйалö* (Кг.) 'На солнце стекло блестит' (ВСД: 71); лл. *Кэныс'с'ас йыз'öмаöс'лымс'ан'ыс* (Гур.) 'Рукавицы от мокрого снега обледенели' (ЛЛД: 47); сс. *Кранс'ан'ыс сийö куллöм* 'Умер он, работая на кране (при катастрофе)' (ССД: 31). Единичные случаи употребления эгрессива для выражения причины зарегистрированы в присыктывкарском диалекте: *Öшин'сö самöварс'ан'ыс руалис* 'Окна от самовара запотели' (ПСД: 70).

Транзитив

Вариативными формами транзитива в коми-зырянских диалектах являются суффиксы *-öд*, *-эд*, *-ти*. В современной грамматике коми языка падежные показатели *-öд* (*-эд*) и *-ти* рассматриваются в качестве самостоятельных падежных форм (транзитив I и транзитив II) (ÖКК: 89).

В большинстве зырянских диалектов употребителен формант *-öд*. В ижемском и верхневычегодском диалектах функционирует его фонетический вариант *-эд*. Примеры: иж. *виз'ли вос'тан руз'эдыс* 'посмотрел через замочную скважину' (ОКЗР: 281); вв. *важ Эжва вомэд* 'по устью старицы Вычегды' (ОКЗР: 70).

В нижневычегодских говорах (кроме говора с. Коквицы) алломорфы *-öд* и *-эд* функционируют в качестве вариантов. Их употребление обусловлено фонетически: в словах с основой на мягкий согласный и переднерядный гласный употребляется суффикс *-эд*, в остальных случаях *-öд*: нв. *Кут пö мэнö н'имтöм чун'эд* 'Держи, мол, меня за безымянный палец' (СТ III: 256); *тыöдыс уйалö* 'плавает по озеру' (СТ III: 242). Вариативное употребление рассматриваемых алломорфов наблюдается и в говоре с. Шошка присыктывкарского диалекта: скр. (Ш.) *бур'ыс' муöд вэтлöдлö* 'крот по земле ходит', но *öшин'эд* 'через окно' (Жилина 1965: 28).

В верхневычегодских говорах показатель транзитива *-эд* представлен фонетически обусловленными алломорфами *-ад*, *-д*. Примеры: *ва-ад* ‘по воде’ (М.Н.Укл.); *кӧса-ад* (М.Н.Укл.), *кӧса-д* (Ан. Вочь. Дер. Крч. П. Руч. Ст. Устьн.) ‘за косу’ (ВВД: 75).

Показатель транзитива *-ти* представлен во всех зырянских диалектах, однако не в равной мере. В северных вымском и ижемском диалектах суффикс *-ти* чаще встречается в составе послелогов (ИД: 44; ВД: 56). Наиболее последовательно данная форма употребляется в верхнесысольских говорах, суффикс *-ӧд* в них встречается редко: *Чэл'иктиыс тай робан* (Гр.) ‘Что же ты бредешь по сугробу’ (ВСД: 71); *кырымти мэнӧ кутис* ‘за руку меня держал’ (АМ).

Терминатив

Вариативными формами данной падежной формы являются суффиксы *-ӧдз*, *-эдз*. Алломорф *-ӧдз* распространен в верхнесысольском, среднесысольском, присыктыкарском, печорском диалектах, нижневашкинских говорах удорского диалекта: *гортӧдз* ‘до дому’, *вирӧдз* ‘до крови’. Алломорф *-эдз* распространен в верхневычегодском, ижемском, лузско-летском и удорском (кроме нижневашкинских говоров) диалектах. Примеры: лл. *Йурс'и коскэдз* (Пор.) ‘Волосы до пояса’; *Морӧсэдз турыныс* (З.) ‘Трава по пояс’ (ЛЛД: 38); иж. *бэрэгэдзыс вӧли метра вит кымын* ‘до берега было метров пять’ (ОКЗР: 288); уд. *курт'чалис с'мэрт'эдзыс* ‘искусал до смерти’ (СТ III: 320); вв. *карэдз вӧлӧм вати уйлас* ‘проплывал до города’ (ОКЗР: 70).

В говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта терминатив также функционирует в *э*-овой форме, в остальных говорах этого диалекта суффиксы *-ӧдз* и *-эдз* употребляются в качестве вариативных форм: *Гамс'эн' Зӧвс'эртӧдз дас вӧрс* ‘От Гама до Жешарта десять верст’ (СТ III: 260); *Иван олас войэдз* ‘Иван подождет до ночи’ (СТ III: 244); *Ваыс вос'с'ас муӧдзыс* ‘Река откроется до земли’ (СТ III: 236). Вариативное употребление алломорфов терминатива наблюдается и в говоре с. Шошка присыктыкарского диалекта: скр. (Ш.) *муртса войис гортӧдз* ‘только пришел домой’ (Жилина 1965: 17), но *бат'ээдз* ‘до отца’ (Жилина 1965: 27).

В верхневычегодском диалекте терминатив имеет фонетически обусловленные варианты *-эдз, -адз, -одз, -дз*: *гол'а-эдз, гол'а-адз* (М.Н. Укл.), *гол'а-дз* (Ан. Вочь. Дер. Крч. П. Руч. Ст. Устьн.) ‘по горло’ (ВВД: 75). В говоре с. Нившера гласный суффикса обычно удлиняется: *-ээдз*, вариант *-эдз* употребляется реже: *Войшөр кад-ээдз* ‘До полуночи рассказывал сказки’; *Кар-ээдз водзэ иг на воли* ‘Дальше города не бывала’; *Л'одздз-ээдз куртим* ‘Сгребли сено в валы’ (ВВД: 75). Аналогичный показатель терминатива обнаруживаем в застывших падежных формах адвербиальных местоимений *сэт'чөөдз* ‘до того места’, *кыт'чөөдз* ‘до какого места’ среднесыольского диалекта.

Существует точка зрения, согласно которой алломорф *-ээдз* может расцениваться как наиболее архаичный показатель терминатива. По мнению Й. Буденца, более полной формой терминатива был суффикс *-ööдз*, образованный от иллатива и одного из вариантов слова *водз – одз* ‘передняя часть’ (Серебренников 1963: 22). Точка зрения Й. Буденца оспаривалась многими финно-угроведами, в том числе Ю. Вихманом и Б.А. Серебренниковым (Серебренников 1963: 23). На наш взгляд, алломорф *-ээдз* представляет собой сложный суффикс, образованный в результате контаминации падежных форм иллатива и терминатива. Известно, что для коми-зырянских диалектов характерно образование падежных показателей в результате контаминации двух падежных форм (ср. эгрессив на *-ыс'ööдз < ыс'+ öдз*).

Преклюзив

Преклюзив на *-с'а* характерен для южных коми-зырянских диалектов: верхнесыольского, среднесыольского диалектов и лузских говоров. Примеры: вс. *Гривас'аыд ыджыджджык* (Гр.) ‘Больше Гривы’; *Йэл'дөгс'аыд на чөскыд гөрд рыжыкыс* ‘Рыжики вкуснее груздей’ (АМ); луз. *Кынёмс'а вылти он с'ой* (Пор.) ‘Сверх желудка не съешь’; *бис'а гөрдыд* (Об.) ‘краснее огня’ (ЛЛД: 37); сс. *Мамс'аыс ыджыдджык н'ин тушаыс* ‘Ростом выше матери’ (АМ).

В остальных коми-зырянских диалектах падежная форма преклюзива отсутствует. К основному массиву зырянских диалектов по признаку отсутствия падежной формы преклюзива относятся и летские говоры.

Основной функцией преклюзива является выражение сравнительных отношений. В верхнесысольском диалекте и лузских говорах падежная форма преклюзива употребляется также вместо послелога *кындзи* ‘кроме’ других диалектов: вс. *Н'ан'са н'эмтор абу* (ср. *н'ан' кындзи*) ‘Кроме хлеба ничего нет’ (ВСД: 72); луз. *Õтиг сочс'а мэнам сэс'с'а н'экод абы* (Чит.) (ср. *соч кындзи*) ‘Кроме одной сестры у меня больше никого нет’ (ЛЛД: 37).

2.1.3.2. Притяжательное (смешанное) склонение

Существительное в пермских языках может принимать, кроме падежных формантов, притяжательные суффиксы и имеет особое определенно-притяжательное склонение. Употребляясь в косвенных падежных формах, лично-притяжательные суффиксы сочетаются с падежными показателями, но порядок расположения этих формантов в финно-угорских языках в силу исторических причин установился неодинаковый.

В литературном коми языке порядок следования падежного форманта (Сх) и притяжательного суффикса (Рх) зависит от падежа.

В генитиве, аблативе, дативе, комитативе и конзекутиве закрепился морфопорядок «основа существительного + Рх + Сх». В абессиве, преклюзиве, эгрессиве морфопорядок «основа существительного + Рх + Сх» характерен для форм единственного числа I лица (*керка-öй-тöг* ‘без моего дома’, *керка-öй-сянь* ‘от моего дома’).

В транзитиве, терминативе; во всех формах абессива, преклюзива, эгрессива, кроме 1 лица ед. числа; в формах 2, 3 лица ед. числа и 1, 3 лица мн. числа аппроксиматива – морфопорядок «основа существительного + Сх + Рх».

Морфемный порядок «основа существительного + Сх + Рх» был характерен и для инструменталю и местных падежей. Однако в данных падежных формах притяжательные суффиксы, сливаясь с падежным суффиксом, образовали особый единый формант, в которых притяжательный суффикс остался неизменным:

падеж	индивидуальный обладатель			коллективный обладатель		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
инструменталь	<i>керка-нам</i>	<i>керка-над</i>	<i>керка-нас</i>	<i>керка-наным</i>	<i>керка-наныд</i>	<i>керка-наныс</i>
инессив	<i>керка-ам</i>	<i>керка-ад</i>	<i>керка-ас</i>	<i>керка-аным</i>	<i>керка-аныд</i>	<i>керка-аныс</i>
иллатив	<i>керка-ам</i>	<i>керка-ад</i>	<i>керка-ас</i>	<i>керка-аным</i>	<i>керка-аныд</i>	<i>керка-аныс</i>
элатив	<i>керка-сьым</i>	<i>керка-сьыд</i>	<i>керка-сьыс</i>	<i>керка-сьыным</i>	<i>керка-сьыныд</i>	<i>керка-сьыныс</i>

Нетрудно заметить, что морфопорядок «основа существительного + Рх + Сх» закрепился в объектных падежах, морфемный порядок «основа существительного + Сх + Рх» установился в серии локальных падежей. По мнению Б.А. Серебренникова, именно субъектно-объектные падежи пермских языков сохранили древний порядок расположения притяжательных и падежных формантов; обратный порядок расположения этих суффиксов в локальных падежах установился под влиянием послеложных конструкций, содержащих послелого с притяжательными суффиксами (Серебренников 1963: 128).

Отметим ряд особенностей в образовании падежных форм притяжательного склонения в зырянских диалектах:

1. В лузско-летском диалекте употребляются альтернативные притяжательные формы инструменталя, инессива и иллатива, образованные в результате контаминации падежного суффикса основного склонения и лично-притяжательных суффиксов *-ыд*, *-ыс*: *С'акöй кис'т-öн-ыд* (вм. *кис'т-над*) *кыан*. 'С разными бердами ткешь'; *Н'инаыс чистö бат'-ыс-ö* (вм. *бат'-ас*) 'Нина вся в отца' (З.); *Соч-ым-ын* (вм. *соч-ам*) *ола* (Гур.) 'Живу у своей сестры' (ЛЛД: 42).

В верхнесысольском диалекте и говоре с. Объячево лузско-летского диалекта встречаются специфические показатели инструменталя *-надöн*, *-насöн*, представляющие собой сочетание суффиксов инструменталя определенно-притяжательного и основного склонений: *кöдыд ва-нас-öн* 'холодной водой'; *Сочлöн айкаыс йона куритлис трупка-нас-öн* 'Свекор моей сестры постоянно курил трубку' (ЛЛД: 45); *Öнi кырым-над-öн* *клаттö ог неслалö нин* (Кг.) 'Теперь белье вручную уже не стираем'; *Пуыс пöрöма вуж-нас-öн*

(Гр.) ‘Дерево повалилось с корнем’ (ВСД: 65). Специфическая форма инструменталю *-ыднад* зафиксирована в говоре с. Палауз среднесысоцкого диалекта: *Н'ан'-ыд-над с'а олышны кутим* ‘Хлебом-то затем жить хорошо стали’ (ССД: 33).

В печорском диалекте зафиксирована специфическая форма аккумулятива определенно-притяжательного склонения: печ. *Мöсьас-ыс-сö ставсö начкисны, нуисны* (Пч.) ‘Всех коров зарезали, увезли’ (АМ).

В нижневыхегодском диалекте в инессиве притяжательного склонения наряду с формой *-аным* употребительна форма *-ным-ын*, представляющая сочетание притяжательного суффикса 1 лица мн. числа и показателя инессива основного склонения: *т'эрка-аным – т'эрка-ным-ын* (Туркин 1998: 65).

2. В коми-зырянских диалектах зачастую наблюдаются колебания в порядке следования притяжательных и падежных формантов, и как следствие этого – функционирование вариативных падежных форм притяжательного склонения (см. таблицы 2-7). Регулярными такие колебания являются в северо-западных диалектах.

В удорском диалекте в абессиве, аппроксимативе и эгрессиве наряду с основным морфопорядком «основа существительного + Сх + Рх» встречается альтернативный морфемный порядок «основа существительного + Рх + Сх»:

а) абессив: *Вöв-тöг-ыд* (основа сущ. + СхРх) *труднö овныстö* (Чупр.) ‘Без лошади трудно жить’; *Мам-ыс-тöг* (основа сущ. + РхСх) *и муни* (Чупр.) ‘Без матери и ушел’; *Т'ам'эй-тöг-ö* (основа сущ. + РхСх) *муни* (Чупр.) ‘Без (своего) ребенка (я) пошел’; *Т'ам'эй-ö-тöг* (основа сущ. + СхРх) *вэтли* (Важ.) ‘Без (своего) ребенка (я) ходил’ (УД: 38);

б) аппроксиматив: *Ай-ыс-лан'* (основа сущ. + РхСх) *вэтлö* (Пысса). ‘Походит на отца.’; *Горт-лан'-ыс* (основа сущ. + СхРх) *муни* (Важ.). ‘Пошел к дому’; *Мöд вок-ыс-лан'* (основа сущ. + РхСх) *ог ветлы* (Разг.) ‘На другого брата я не похож’; *Мöски-лан'-ыс* (основа сущ. + СхРх) *ус'ас* (Разг.). ‘Упадет на тротуар’ (УД: 38);

в) эгрессив: *Ме вэк ныл-ö-с'ан'* (основа сущ. + РхСх) (Крив.). ‘Я всегда за свою дочь’; *Мэным нур-с'ан'-ö* (основа сущ. + СхРх) *тыдалис* (Разг.). ‘Мне с плота было видно’; *Юр-с'ан'-ыт* (основа

сущ. + СхРх) *спас'ибö кок улöдзыд, кок-с'ан'-ым* (основа сущ. + СхРх) *спас'ибö йур йилöдзыд* (Гл.). ‘Спасибо от головы до самой земли, от земли до макушки’; *Айыс бабаыс вылö, а пийд мам-ыд-с'ан'* (основа сущ. + РхСх) (Чупр.). ‘Отец (кидается) на жену, а сын – за мать’ (УД: 38).

Колебания в порядке морфем встречаются и в ижемском диалекте коми языка. Альтернативный морфемный порядок имеют формы комитатива, абессива, эгрессива, аппроксиматива. Примеры:

а) абессив: *Куд' нэ мэ куча тэ бур-тэгйа-ыд ооны, Куд' нэ мэ куча тэ дзон'-ыд-тэгйа выыны?* ‘Как же я буду без твоей доброты жить, Как же я буду без твоего здоровья жить?’ (ИД: 44);

б) комитатив: *мэ кэрка-кэд-э* ‘с моим домом’, *тэ кэрка-кэдыйа-ыд* ‘с твоим домом’ (основа сущ. + СхРх) (ИД: 70); *мам-э-кэд* ‘с моей мамой’, *мам-ыд-кэд* ‘с твоей мамой’ (основа сущ. + РхСх) (ИД: 51).

в) аппроксиматив: *кэрка-лан'-э* ‘к моему дому’ (основа сущ. + СхРх), *мам-э-лан'* ‘к моей маме’ (основа сущ. + РхСх); *кэрка-лан'-ыд* ‘к моему дому’ (основа сущ. + СхРх), *мам-ыд-лан'* ‘к твоей маме’ (основа сущ.+ РхСх); *кэрка-лан'-ыс* ‘к его дому’ (основа сущ. + СхРх), *мам-ыс-лан'* ‘к его матери’ (основа сущ. + РхСх) (ИД: 51).

г) эгрессив: *кэрка-с'ан'-э* ‘от моего дома’ (основа сущ. + СхРх), *мам-э-с'ан'* ‘от моей мамы’ (основа сущ. + РхСх) (ИД: 51).

В вымском диалекте альтернативный морфопорядок имеют все формы индивидуального и коллективного обладания абессива, аппроксиматива и эгрессива (ВД: 61).

Отклонения в порядке следования лично-притяжательных и падежных формантов зафиксированы в нижневычегодском диалекте. Колебания встречаются в следующих формах:

а) абессив: *т'эрка-тöг-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-тöг* (основа сущ. + РхСх) ‘без нашего дома’;

б) инессив: *т'эрка-а-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-ын* (основа РхСх) ‘в нашем доме’;

в) аппроксиматив: *т'эрка-лан'-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-лан'* (основа сущ. + СхРх) ‘к нашему дому’;

г) эгрессив: *т'эрка-с'ан'-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-с'ан'* (основа сущ.+ РхСх) ‘от нашего дома’;

д) транзитив: *т'эрка-өд-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-өд* (основа сущ.+ РхСх), *т'эрка-ти-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-ти* (основа сущ. + РхСх) ‘по нашему дому’;

е) терминатив: *т'эрка-өдз-ным* (основа сущ. + СхРх) – *т'эрка-ным-өдз* (основа сущ+ РхСх) ‘до нашего дома’ (Туркин 1998: 65-66).

В южных диалектах коми языка колебания в комбинации рассматриваемых морфем встречаются реже. В летских говорах лузско-летского диалекта альтернативный морфопорядок встречается в притяжательных формах 1 лица ед. числа аппроксиматива и эгрессива:

а) аппроксиматив: *кэрка-ым-лан'* (основа сущ. + РхСх) – *кэрка-лан'-ым* (основа сущ. +СхРх) ‘к моему дому’;

б) эгрессив: *кэрка-ым-с'ан'* (основа сущ. + РхСх) – *керка-с'ан'-ым* (основа сущ. + СхРх) ‘от моего дома’ (ЛЛД: 40).

В верхнесысольском диалекте колебания наблюдаются в формах аппроксиматива: *Скөтыд жарнад пыр локтöныс горт-лэн'-ыд* (основа сущ. + СхРх) (Кг.) ‘Скот в жару всегда идет по направлению к дому’ (ВСД: 70); *Пыыс мам-ыс-лэн'* (основа сущ. +РхСх) *мунö, а нылыс бат'-ыс-лэн'* (основа сущ. +РхСх) (Крв.) ‘Сын похож на мать, а дочь на отца’ (ВСД: 64).

В среднесысольском диалекте альтернативный морфопорядок встречается во всех формах аппроксиматива и эгрессива, кроме форм 1 лица индивидуального обладания, и в форме 3 лица индивидуального обладания конзекутива: *-ыс-ла – -ла-ыс* (ССД: 32-33).

Случаи колебания в порядке следования притяжательных и падежных формантов в верхневычегодском диалекте наблюдаются в следующих падежных формах: в 1 и 3 лице коллективного обладания абессива: *-тэг-ним – -ним-тэг, -тэг-нис – -нис-тэг*, в 3 лице индивидуального обладания и в 1 лице коллективного обладания конзекутива: *-ис-ла – -ла-ис; -ним-ла – -ла-ним*, во всех формах индивидуального обладания аппроксиматива: *-эй-лан' – -лан'-им, -ид-лан' – -лан'-ид, -лан'-ис – -ис-лан'* (ВВД: 78).

В печорском диалекте отклонения наблюдаем лишь в формах 2 и 3 лица индивидуального обладания аппроксиматива: *-ыд-лан' – -лан'-ыд, -ыс-лан' – -лан'-ыс* (ПД: 24).

Диалектные материалы свидетельствуют о высокой вариативности в порядке следования притяжательных и падежных суффиксов в удорском, вымском, ижемском и среднесысольском диалектах; тенденция к зафиксированному порядку морфем наблюдается в присыктывкарском, печорском, верхнесысольском диалектах.

2.1.4. Суффиксы субъективной оценки существительных

Суффиксы субъективной оценки существительных включают: 1) суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением и 2) суффиксы с пренебрежительным оттенком.

2.1.4.1. Суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением

Наиболее распространенными суффиксами с уменьшительно-ласкательным значением в коми-зырянских диалектах являются суффиксы *-тор* и *-ук*. Данные суффиксы не имеют локальных ограничений, употребляются во всех диалектах: уд. *йӧвтор* ‘молочко’, *бал'ук* ‘ягненок’; вым. *йӧӧтор* ‘молочко’, *пиук* ‘сыночек’; иж. *ныитор* ‘девочка’, *чибук* ‘жеребенок’; вв. *бал'атор* ‘ягненок’, *л'ал'ук* ‘рубашечка’; печ. *йокмыл'тор* ‘узелочек’, *чипук* ‘курочка’; вс. *чӧйтӧр* ‘горка’; *Настук* ‘Настенька’; скр. *ватор* ‘водичка’, *Над'ук* ‘Наденька’; лл. *пызанкатор* ‘столик’, *бабук* ‘бабушка’.

К специфическим уменьшительно-ласкательным суффиксам, распространенным лишь в одном либо двух-трех территориально смежных диалектах, относятся суффиксы: 1) *-т'эй*: вым. *Кол'ат'эй* ‘Коленька’; 2) *-ас'с'а* (*-с'с'а*): вым. *мамас'с'а* ‘мамочка’, *з'ат'ас'с'а* ‘зятюшка’; иж. *Нинас'с'а* ‘Ниночка’; нв. *Иванас'с'а* ‘Иванушка’; 3) *-л'ан*: иж. *кысыл'л'ан* ‘кисонька’; 4) *-эн'н'а* (*-ин'н'а*): иж. *Машэн'н'а* ‘Машенька’; 5) *-эй*: вв. (Ручь. Ст.) *бал'эй* ‘ягненок’, *кагэй* ‘ребенок’; 6) *-ур*: сс. *мэгур* ‘барашек’; 7) *-эн'ка* (< рус. *-еньк*, *-оньк*): лл. *кычэн'ка* ‘щенок’; 8) *-йан* (*-укйан*): вым. *Тон'укйан* ‘Тонечка’, *Сашукйан* ‘Сашенька’; иж. *Витторйан* ‘Викторушка’; 9) *-ол'*: вым.

кокол' 'ноженька'; 10) -у: лл. сс. *д'эду* 'дедушка', *бабу* 'бабушка'; 11) -ука: лет. *кайука* 'птичка'.

В лузско-летском, ижемском и удорском диалектах широко функционирует суффикс с уменьшительно-ласкательным значением *-ко*. Примеры: лл. *кайко* 'пташечка', *Фэд'ко* 'Федька' (ЛЛД: 51); иж. *кыско* 'котенок', *Л'он'ко* 'Ленька' (ИД: 58); уд. *Н'этко* 'Гнедко (кличка гнедой лошади)' (УД: 43). В ижемском диалекте рассматриваемый суффикс используется преимущественно при обращении. По мнению Б.А. Серебренникова, суффикс *-ко* возник под влиянием аналогичного русского просторечного суффикса: *Сашко*, *Пашко* (Серебренников 1963: 148).

Во всех диалектах и литературном языке функционирует суффикс с уменьшительно-ласкательным значением *-ка*: *нывка* 'девочка', *зонка* 'мальчик'. Особенно продуктивен он в лузско-летском, верхневычегодском и печорском диалектах: *кыдзка* 'березка', *ворка* 'корытце' (ЛЛД: 51); вв. *бычка* (Вочь) 'бычок'; печ. *бал'ка* 'ягненок', *бычка* 'бычок'.

Из *к*-овых уменьшительных суффиксов следует отметить также функционирование суффикса *-ок*. Высокую частотность употребления суффикс *-ок* имеет в верхнесыольском диалекте: *кусток* 'кустик'. Рассматриваемый формант встречается также в верхневычегодском, печорском, вымском и нижневычегодском диалектах: печ. *д'эт'ишок* 'детинка' (ПД: 27); вв. *тупэс'ок* 'маленький круглый хлебец' (ВВД: 84); вым. *тыок* 'озерко', *вөр диок* 'перелесок' (ВД: 78); нв. *с'энысок* 'мешочек' (НВД: 174).

Для южных зырянских диалектов характерен суффикс с уменьшительно-ласкательным значением *-анöй*. Особенно продуктивен он в верхнесыольском и лузско-летском диалектах. Примеры: лл. *мамоанöй* 'матушка', *проканöй* 'силушка' (ЛЛД: 51); вс. *сочанöй* 'сестрица', *мöсанöй* 'коровушка' (ВСД: 85). В рассматриваемых диалектах функционирует также уменьшительный суффикс *-и*: вс. *каги* 'ребеночек', *кэки* 'ручонка', *л'ал'и* 'рубашечка'; лл. *бал'и* 'ягненок'. Данный суффикс получил распространение в удмуртском языке: *с'in'i* 'пальчик', *с'ип'i* 'жеребеночек' (Серебренников 1963: 143).

В лузско-летском диалекте наблюдаем функционирование суффиксов *-ушка* (*-ушко*, *-шка*) и *-öчка*, заимствованных из русского языка: *понушка* ‘кончик’; *сочушко* ‘сестрица’, *курашка* ‘маленькие грабли’, *пыстöчка* ‘синичка’ (ЛЛД: 51).

2.1.4.2. Суффиксы с пренебрежительным оттенком

Пренебрежительный оттенок в большинстве зырянских диалектов и литературном языке передается посредством суффикса *-шой*. Примеры: скр. *нас'шой* ‘шубенка’ (ПСД: 89); сс. *кэркашой* ‘домишко’ (ССД: 38); печ. *вöлшой* ‘лошаденка’ (ПД: 28). В верхневычегодском, печорском и нижневычегодском диалектах в рассматриваемом значении функционирует его вариант *-шуй*. Примеры: вв. *сапэгшуй* ‘плохие сапоги’ (ВВД: 85); печ. *вöлшуй* ‘лошаденка’ (ПД: 28); нв. *нас'кöмшуй* ‘одежонка’ (ССКЗД: 432).

В ареале северных диалектов (вымский, удорский, ижемский) рассматриваемый суффикс не распространен; пренебрежительный оттенок здесь, как правило, передается полнозначными лексемами: *л'ок кэрка* ‘плохой дом’, *кис'с'öм сапöг* (иж. *кис'с'эм сапэг*) ‘старые сапоги’.

В южных верхнесыольском и лузско-летском диалектах, а также в говорах сс. Палауз, Пыелдино, Куратово среднесыольского диалекта, территориально смежных с вышеназванными, оттенок пренебрежения передается суффиксом *-шöн*. Примеры: вс. *кышöдшöн* ‘одежонка’, *шкапшöн* ‘худой шкаф’ (ВСД: 85); лл. *йöрдöсшöн* ‘рубашонка’, *йэмшöн* ‘плохая иголка’ (ЛЛД: 52); сс. *шудшöн* ‘плохое счастье’, *бал'ашöн* ‘плохой ягненок’ (Кур. П. Пд.) (ССД: 38).

В присыктивкарском диалекте в значении пренебрежительного суффикса может употребляться формант *-код'*. Примеры: *Мужиккод'ыс ставсö жугöдлöма* ‘Так называемый муж (в доме) все перебил’; *Кöн бара пинджаккод'öй мэнам* ‘Где же у меня пиджачишка’ (ПСД: 89). В остальных диалектах употребление суффикса *-код'* с пренебрежительным значением не зафиксировано.

2.2. Прилагательное

Прилагательное – часть речи, обозначающая признак, качество предмета. В коми языке оно характеризуется двумя грамматическими категориями: сравнения и качества. В предложении прилагательное выступает в роли определения и сказуемого. В функции определения оно, как правило, предшествует определяемому слову и примыкает к нему. Лишь в удорском диалекте препозитивное определение может принимать падежную и притяжательную форму определяемого слова: *бурö мортö воис* ‘стал он хорошим человеком’, *зёлтнэйö нылö* ‘золотая дочурка моя’ (ССКЗД: 488). Выступая в роли обособленного определения, прилагательное может принимать падежный показатель, лично-притяжательный суффикс и число определяемого существительного. Примеры: лл. *Вöрас бытчама нуис эм, шан'ыс и омёл'ыс* (Лет.) ‘В лесу есть всякие деревья, хорошие и плохие’ (ЛЛД: 58); *Мэнам копта куйим кыным эм, шоныдйаыс* (Кг.) ‘У меня кофты три есть, теплых-то’ (ВСД: 87); скр. *Налы пат'эра с'этöмаöс', зэв шоныдöс* (Тент.) ‘Им дали квартиру, очень хорошую’ (ПСД: 92); вым. *Нарошнö мач лöс'öдöмаöс', чорыдöс* (Онеж.) ‘Специально сделали мяч, твердый’ (ВД: 80).

2.2.1. Множественное число прилагательных

В функции простого именного сказуемого прилагательное занимает постпозитивное положение по отношению к определяемому слову и согласуется с ним в числе. Суффиксом множественного числа прилагательных является формант *-öс'*, выступающий в алломорфах *-öс' ~ -эс' ~ -ас' ~ -с'*.

В лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском, присыктывкарском, нижневычегодском, вымском, печорском диалектах, нижневашкинских говорах удорского диалекта употребляется суффикс *-öс'*. Примеры: лл. *Кодзыйасыс дзирыдöс'* (Чит.) ‘Звезды яркие’ (ЛЛД: 52); вс. *Муйас мийан кэрöсаöс'* (Уж.) ‘Поля у нас на возвышенных местах’ (ВСД: 86); сс. *Чэл'ад'тийаныс мэдл'окöс'* (П.) ‘Дети очень сердитые’ (ССД: 216); скр. *Ми абу с'орн'иаöс'* (Ш.) ‘Мы неразговорчивые’ (ПСД: 92); вым. *Асыводздзасыс көдзыдöс'* (Онеж.)

‘Утро холодное’ (ВД: 80); нв. *Нывйас вöлисны йэджыд чыйшанаёс’* ‘Девушки были в белых платках’ (Туркин 1998: 115); *Мöйла ми татшиöм көм-паськөмаёс’, а мös абу н’э с’ойнö-йунö абу* ‘Что толку в том, что у нас такая одежда, когда нет коровы и есть нечего’ (ОКЗР: 25); уд. нваш. *йöзыс л’окöс’* ‘люди злые’ (АМ).

В печорском диалекте наиболее распространенным является суффикс *-öс’*: *Воййас нэмыдöс’* ‘Ночи темные’ (ПД: 28); наряду с ним в словах с основой, оканчивающейся на *-а*, употребляется алломорф *-ас’*: *Лунйас гажеас’* (Пч.) ‘Дни ясные’ (ПД: 28).

Вариант *-эс’* функционирует в ижемском, верхневычегодском диалектах, а также в верхневашских и мезенских говорах удорского диалекта: иж. *воййасыс нэмыдэс’* ‘ночи темные’; *туййасыс вол’кыдэс’* ‘дороги скользкие’ (ИД: 58); уд. вваш. мез. *йагйэсыс озырэс’* ‘леса богатые’; *вид’дзэсыс зэв пас’кыдэс’* ‘луга очень широкие’ (УД: 44).

В верхневычегодском диалекте суффикс множественного числа прилагательных *-эс’* после основ, оканчивающихся на *-а*, имеет варианты *-ас’*, *-с’*. В говорах сс. Мыелдино, Нившера, Усть-Кулом употребляется алломорф *-ас’*: *мичаас’* ‘красивые’, *н’ан’аас’-солаас’* ‘с хлебом и солью’. В говорах сс. Аныб, Вочь, Деревянск, Керчемья, Пожег, Руч – вариант *-с’*: *мичас’* ‘красивые’, *н’ан’ас’-солас’* ‘с хлебом и солью’ (ВД: 85).

Таким образом, основными диалектными вариантами показателя множественного числа прилагательных являются суффиксы *-öс’* и *-эс’*; варианты *-ас’* и *-с’* употребляются факультативно, при этом имеют позиционные ограничения.

2.2.2. Категория степеней сравнения

Как в литературном языке, так и в диалектах функционирует трехчленная категория степеней сравнения.

2.2.2.1. Позитив (основная форма)

Прилагательное в форме позитива выражает качество, признак предмета без указания на меру и степень и не имеет специального показателя.

2.2.2.2. Компаратив (сравнительная степень)

Имя прилагательное в форме компаратива выражает признак, качество предмета по сравнению с признаком, качеством другого. Показателем сравнительной степени прилагательного является суффикс *-джык*. В коми-зырянских диалектах маркер *-джык* образует следующий алломорфный ряд: *-джык / -джик / -джыг / -жык*.

В самых северных вымском и ижемском диалектах функционирует показатель компаратива *-джык*, не имеющий фонетического варианта *-жык*, в отличие от других зырянских диалектов: вым. *дзёл'аджык* 'мен'ше', *выл'джык* 'новее, более новый' (ВД: 83); иж. *пэмыдджык* 'темнее', *мол'ыдджык* 'более гладкий', *пымджык* 'горячее' (ИД: 59).

Верхневычегодский диалект отличается *и*-овой огласовкой компаративного суффикса прилагательных. Примеры: *мичаджик* 'красивее', *бурджик* 'лучше', *куз'джик* 'длиннее' (ВД: 90). Данная черта обусловлена фонетической особенностью диалекта, его принадлежностью к *и*-овому типу говоров.

В удорском, нижневычегодском, присыктивкарском, печорском, среднесыольском и верхнесыольском диалектах, лузских говорах суффиксы компаратива *-джык* и *-жык* функционируют в качестве вариантов. В присыктивкарском диалекте данные суффиксы разграничиваются территориально: суффикс *-жык* употребляется в говоре с. Шошка, суффикс *-джык* – в остальных говорах. Примеры: *кыжжык* (Ш.) 'толще', *куз'жык* (Ш.) 'длиннее', *кыжджык* 'толще', *чöскыджджык* 'вкуснее' (ПСД: 99). В верхнесыольском диалекте основным маркером компаратива является *-жык*, вариант *-джык* появляется в результате аффрикатизации в словах с основой на зубные взрывные *т* и *д*: *ичöдджык* 'меньше', *донтöмжык* 'дешевле', *йуражык* 'умнее', *куз'жык* 'длиннее', *чорыдджык* 'тверже'.

В летских говорах показателем компаратива является суффикс *-джыг*, отличающийся от компаративного маркера других коми диалектов звонкостью конечного согласного: *томджыг* 'моложе', *мичаджыг* 'красивее'. Аналогичный показатель компаратива (*-джиг*, *-джыг*) зарегистрирован в памятниках древнепермской письменности (Лыткин 1952: 117, 158) и коми-язьвинском наречии. На основании этого В.И. Лыткин предполагал, что формант компаратива с конечным звонким является первичным (Лыткин 1961: 58).

Кроме синтетического способа в печорском, верхневычегодском и присыктывкарском диалектах зафиксирована аналитическая форма выражения сравнительной степени прилагательного. Данная форма представляет собой сочетание частицы печ. вв. *бӧл'э (бӧл'ӧ)* / скр. *бӧл'шэ* и прилагательного в основной либо компаративной форме. Примеры: печ. *Унанас бӧл'э гажтӧм, вэлалӧм ӧтнамӧн да* (Покча) 'С людьми скучнее, потому что привыкла жить одна'; вв. *бӧл'ӧ бур* 'более хороший'; *бӧл'э бурджык* 'более хороший' (Вольд.); скр. *бӧл'шэ с'амаджык* 'более умный' (ПСД: 172). Рассматриваемая аналитическая форма компаратива заимствована из русского языка (< рус. *более (более хороший)*).

Кроме вышерассмотренных способов передачи сравнительной степени, в коми-зырянских диалектах встречается синтаксический способ выражения компаратива: существительное в элативе (вс. лл. сс. в преклюзиве) + прилагательное в позитиве. Существительное в элативе (вс. сс. луз. в преклюзиве) обозначает предмет/лицо, с признаком/качеством которого сравнивают. Примеры: сс. *т'эркас'а н'ин джуджыд лоис* 'выше дома стал' (ОКЗР: 121); скр. *сийӧ мийан бат'ыс' том* 'он моложе нашего отца' (ЗТ: 94). Данный способ выражения сравнительной степени является более архаичным, присущим еще финно-угорскому языку-основе (Основы 1974: 279).

2.2.2.3. Суперлатив (превосходная степень)

Во всех коми-зырянских диалектах превосходная степень прилагательного образуется как аналитическим, так и синтетическим способом.

Синтетический способ образования суперлатива состоит в присоединении к прилагательному в основной форме приставки *мэд-* 'самый, наи-'. Примеры: вым. *Вас'ил'эй мэдыджыд, Иван мэддзӧл'а* 'Василий самый старший, Иван самый младший'; нв. *ыстас мэддзӧл'а писӧ* 'пошлет самого младшего сына' (СТ III: 220); лл. *мэдичӧт сочлӧн рӧд'ит'чис ни* 'у самой младшей сестры родился сын' (СТ III: 16); сс. *мэдбур пэтукӧс с'этисны* 'отдали самого хорошего петуха' (ОКЗР: 111); вс. *мэдыджыд кӧлӧкӧлыс вӧли пэд'д'эс'ат три пуда* (Гр.) 'самый большой колокол весил пятьдесят три пуда' (АМ).

Аналитическая форма суперлатива в коми-зырянских диалектах образована с помощью частицы *мэдс'а* 'самый', имеющей множество фонетических вариантов.

Частица *мэдс'а*, присущая литературному языку, зарегистрирована в печорском, присыктывкарском, верхневычегодском, среднесысольском, верхнесысольском диалектах и летских говорах, т.е. в ареале центральных и южных диалектов.

Вариант *мэчча* (*мэччэн*) функционирует в вымском и отчасти в верхнесысольском диалектах: вым. *Вый чэриыс мэчча дона* 'Семга самая дорогая рыба'; *Дозмөр йайыд н'ин мэччэн чöскыд* 'Мясо глухаря самое вкусное' (ВД: 84); вс. *мэчча мича* (Кг.) 'самый красивый' (ВСД: 92).

Вариативная частица *мэт'ча* употребляется в северных удорском и ижемском диалектах: иж. *мэт'ча йон* 'самый сильный' (ИД: 59); уд. *мэт'ча пон'и* 'самый маленький' (УД: 45). Вариант со звонким согласным в инлауте употребляется в нижневычегодском диалекте: *мэд'ча бур, мэд'чэн бур* 'самый хороший' (НВД: 42).

Употребление нескольких вариативных форм частицы *мэдс'а* наблюдается в верхнесысольском (*мэдс'а, мэтс'а, мэчча, мэтс'ама*), верхневычегодском (*мэдс'а, мэдча*) и лузско-летском диалектах (*мэдс'а, мэтча*).

В вымском диалекте для обозначения высокой степени качества предмета частица *мэчча* может быть отнесена непосредственно к имени существительному: *Мэчча рöбöтаö эштис* (В. К.) 'Основная работа завершена' (ВД: 84).

В ижемском, лузско-летском и верхнесысольском диалектах превосходная степень прилагательного может быть выражена одновременно показателями превосходной и сравнительной степеней: вс. *Иван Савичыслöн кэркаыс мэдпöрыс'жыкыс, сэс'с'а ставсö öни вöчиныс* (Гр.) 'Дом Ивана Савича самый старей, остальные дома недавно построили'; лл. *Мэдмичаджыгсö бос'та* 'Возьму самое красивое (что-л.)' (ЛЛД: 56); иж. *Сыа мэджал'джык мийан* 'Он у нас самый любимый', *Тайа төварыс мэнум мэт'ча модаджык* 'Этот товар мне больше всех нравится' (ИД: 59).

В верхнесысольском диалекте и летских говорах встречается комбинированное употребление в одной конструкции приставки *мэд-*

и частицы *мэдс'а* (лет. *медыс'*). Примеры: вс. *мэтс'а мэдлөс'ыд* (Гр.) 'самый-самый хороший', *мэтс'а мэдгажа* 'самый-самый весёлый' (ВСД: 92); лет. *мэдыс' мэдпöрыс'* 'самый-самый старый', *мэдыс' мэдмича* 'самый-самый красивый' (ЛЛД: 55). Возможно, подобные конструкции представителями вышеназванных говоров употребляются для усиления высокой степени качества предмета.

Превосходная степень прилагательного может образовываться с помощью частицы *самöй* (иж. вв. вым. нв. уд. *самэй*) 'самый', заимствованной из русского языка: лл. скр. *самöй вэрнöй друг* 'самый верный друг' (ССКЗД: 330). Аналогично суперлатив образуется во многих финно-угорских языках и их диалектах: удмуртском (ГСУЯ 1962: 139), мордовском (ГМЯ 1962: 186), вепсском (Зайцева 1981: 186).

Кроме аналитического и синтетического способов в коми-зырянских диалектах употребляется синтаксический способ образования суперлатива. Синтаксический способ может быть образован 1) сочетанием обобщённо-определительных местоимений *став, быдöн* в форме элатива (южн. кз. преклюзива) и прилагательного в позитиве (*ставс'ыс / ставс'аыс йон*); 2) сочетанием местоимений *став, быдöн*, существительного в форме элатива и прилагательного в позитиве (суперлативе) (*став пус'ыс мича*).

2.2.3. Категория степеней качества

Традиционно в пермистике выделяют три степени качества имен прилагательных: 1) степень полноты качества; 2) степень неполноты качества; 3) степень усиления качества (высокая степень качества). Способы выражения степеней качества прилагательного являлись объектом исследований в работах В.М. Лудыковой (Лудыкова 1999: 115-121; Лудыкова 2001: 159-170).

2.2.3.1. Степень полноты качества

Степень полноты качества выражена основной формой прилагательного и указывает на признак, качество предмета, присущее ему в полной мере.

2.2.3.2. Степень неполноты качества

Степень неполноты качества в коми-зырянских диалектах в основном передается суффиксами, имеющими ограничительное значение.

Широко распространенными являются суффиксы *-ов* и *-оват*, заимствованные из русского языка. Суффикс *-ов* образует следующий алломорфный ряд: *-ов* – *-ол* – *-оо* – *-о*. Алломорф *-ов* распространен в удорском, присыктывкарском, нижневычегодском диалектах, вэ-эловых говорах верхневычегодского диалекта, а также говорах сс. Объячево и Читаево лузско-летского диалекта. Примеры: нв. *алэйов* ‘розоватый’, *косов* ‘суховатый’ (НВД: 41); скр. *гёрдов* ‘красноватый’, *йёйов* ‘глуповатый’ (ПСД: 101); уд. *бегов* ‘тепловатый’, *курйов* ‘горьковатый’, *лёзов* ‘синеватый’ (УД: 47); вв. *вижов* ‘желтоватый’ (ВВД: 89); лл. (Об. Чит.) *дэбов* ‘тепловатый’, *рудов* ‘сероватый’ (ЛЛД: 56).

В эловых зырянских диалектах употребляется алломорф *-ол*. Область его распространения верхнесысольский, среднесысольский, лузско-летский, печорский диалекты и эловые говоры верхневычегодского диалекта: вв. *вижол* (Вочь) ‘желтоватый’ (ВВД: 89); печ. *гёрдол* ‘красноватый’, *лёзол* ‘синеватый’ (ПД: 31); вс. *дэбол* / *бэбол* ‘тепловатый’ (ВСД: 93); лл. *рудол* ‘сероватый’ (ЛЛД: 56).

В нуль-эловых диалектах распространен алломорф *-оо*. Ареал распространения данного вариативного суффикса вымский, ижемский диалекты и нуль-эловые говоры верхневычегодского диалекта. Примеры: вым. *вижоо* ‘желтоватый’, *йэдждоо* ‘беловатый’, *с’одоо* ‘черноватый’ (ВД: 82); иж. *шондоо* ‘тепловатый’, *топтоо* ‘туговатый’, *кокн’уоо* ‘легковатый’ (ИД: 60); вв. *вижоо* (М.Н. Укл.) ‘желтоватый’ (ВВД: 89).

В ижемском диалекте и говорах сс. Богородск, Сторожевск верхневычегодского диалекта неполнота качества прилагательного может передаваться сочетанием прилагательного, оформленного суффиксом *-ов* (*-оо*), и глагола *вартны* ‘бить, ударять, отдаваться (о звуке)’ в форме 3 лица ед. числа настоящего времени. Примеры: иж. *гёрдоо вартэ* ‘красноватый’, *вижоо вартэ* ‘желтоватый’ (ИД: 60); вв. (Сторож. Бог.) *гёрдов вартэ* ‘красноватый’, *лёзов вартэ* ‘синеватый’ (ССКЗД: 39; ВВД: 90).

Вариативный ряд суффикса *-оват* представлен алломорфами *-оват*, *-öват*, *-оватöй*, *-öватэй*. Алломорф *-оват* распространен в вымском, ижемском, присыктывкарском, печорском, верхневычегодском диалектах; в удорских говорах функционирует суффикс *-öват*. Примеры: вым. *гöрдоват* ‘красноватый’ (ВД: 84); иж. *с'эроват* ‘сероватый’, *вижоват* ‘желтоватый’ (ИД: 60); скр. *гöрдоват* ‘красноватый’ (ПСД: 101); печ. *дубоват* ‘недосоленный’ (ПД: 31); вв. *вижоват* ‘желтоватый’ (ВВД: 89); уд. *дышöват* ‘немного ленивый’, *йилöмöват* ‘подобный ребенку’ (УД: 47). В лузско-летском и верхневычегодском диалектах представлены соответственно алломорфы *-оватöй* и *-оватэй*: лл. *вижоватöй* (ЛЛД: 56), вв. *вижоватэй* ‘желтоватый’ (ВВД: 89).

Широко распространен в коми-зырянских диалектах суффикс неполноты качества *-код'* (*-койд*). Алломорф *-код'* употребляется в верхнесыольском, среднесыольском, печорском, присыктывкарском диалектах и в части верхневычегодских говоров. Примеры: скр. *пöрыс'код'* ‘старенький’, *лапыдкод'* ‘сыроватый’ (ПСД: 100); вс. *дубыдкöд'* ‘пресноватый’, *лöзкöд'* ‘синеватый’ (ВСД: 93); сс. *с'öкыдкод'* ‘тяжеловатый’, *ул'код'* ‘сыроватый’ (ССД: 39); вв. *ыджидкод'* ‘немного большой’ (ВВД: 89). Алломорф *-койд* распространен в ижемском, вымском диалектах и в некоторых верхневычегодских говорах: вым. *йöйкойд* ‘глуповатый’, *рудкойд* ‘сероватый’ (ВД: 84); вв. *куридкойд* ‘горьковатый’ (ВВД: 89). В ижемском диалекте суффикс *-койд* с ограничительным значением признака встречается редко, вместо него употребляется сочетание *абу зэй* (*зэй абу*) ‘не совсем’ + прилагательное: *абу зэй гажа* ‘не очень веселый’, *зэй абу йон* ‘не совсем сильный’ (ИД: 60).

Необходимо отметить, что значение неполноты качества характерно не для всех случаев употребления прилагательных с суффиксом *-код'*. Многие прилагательные, оформленные этим суффиксом, имеют значение достаточного или вполне достаточного качества: *тайö нылыс мичакод'* ‘эта девушка довольно красивая’. Данное значение суффикса *-код'* не фиксируется в диалектных монографиях; впервые оно упомянуто в работах Е.А. Цыпанова и В.М. Лудыковой (Цыпанов 1996: 111; ÖКК: 126).

Локально ограниченным в зырянских диалектах является суффикс неполноты качества имен прилагательных *-гов*, представленный алломорфами *-гол*, *-гоо*. Алломорф *-гов* функционирует в присыктывкарском, нижневычегодском диалектах и вэ-эловых верхневычегодских говорах: скр. *йэджгов* ‘беловатый’, *вэжгов* ‘желтоватый’ (ПСД: 101); нв. *кургов* ‘горьковатый’, *т’эл’гов* ‘бледноватый’, *гыргов* ‘крупноватый’ (НВД: 41); вв. (Ан. Дер. Крч. П. Руч. Ст.) *йэджгов* ‘беловатый’ (ВВД: 89)). Алломорф *-гоо* представлен в нуль-эловых ижемских и верхневычегодских говорах: иж. *н’эбгоо* ‘мягковатый’, *кургоо* ‘горьковатый’ (ИД: 60); вв. *йэджгоо* (М.Н. Укл.) ‘беловатый’ (ВВД: 89). Алломорф *-гол* употребляется в эловых верхневычегодских говорах: *йэджгол* ‘беловатый’ (ВВД:89).

Суффикс неполноты качества *-гём* характерен для лузско-летского, верхнесыольского, присыктывкарского, нижневычегодского, вымского и ижемского диалектов. В ижемском диалекте представлен алломорф данного суффикса *-гэм*. Примеры: лл. *курыдгём* ‘горьковатый’, *шомагём* ‘кисловатый’ (ЛЛД: 56); вс. *гёрдыдгём* ‘красноватый’, *кóдгём* ‘навеселе, под хмельком’ (ВСД: 93); скр. *чоргём* ‘твердоватый’, *гыргём* ‘крупноватый’ (ПСД: 101); нв. *гыргём* ‘крупноватый’ (НВД: 41); вым. *джен’гём* ‘коротковатый’ (ВД: 84); иж. *н’ыгэм ва* ‘тепловатая вода’ (ИД: 60). Единичные примеры на употребление рассматриваемого суффикса зафиксированы в говоре с. Сторожевск верхневычегодского диалекта: вв. *гыргэм тайа чэриис* ‘эта рыба крупноватая’, *шол’гэм пыз’* ‘мука крупного помола’ (Лоскутова 1964: 52).

Аналогичный суффикс употребляется в удмуртских диалектах в функции компаратива прилагательных: *жyжyт-гэм* ‘выше’. Суффикс *-гэм* функционирует в шошминском, средневосточном, тыловайском, нижнечепецком и прикельмезских говорах. По замечанию В.К. Кельмакова, данный суффикс в удмуртских диалектах не является широко распространенным, употребляется наряду или совместно с суффиксом сравнительной степени прилагательных *-гэс* (Кельмаков 1998: 129). Согласно исследованиям Д.А. Ефремова, наряду со своей основной компаративной функцией суффикс *-гэс* (*-гем*) в удмуртском языке может выполнять и модеративную, выражать значение недостаточности признака: *вожгэс* ‘зеленоватый’ (Ефремов 2002: 11).

В ряде коми-зырянских диалектов для обозначения неполноты качества прилагательного употребляется суффиксоид *-пырыс'*. Ареал его распространения южные и присыктивкарский диалекты. Примеры: лл. *кӧдзыдпырыс'* (Гур. Н. Пр.) 'холодоватый', *дубыдпырыс'* 'недостаточно соленый' (ЛЛД: 56); вс. *йэджыдпырыс'* 'беловатый', *дубыдпырыс'* 'недосоленный' (ВСД: 93); сс. *кынпырыс'* 'сыроватый', *дыгытпырыс'* 'немного ленивый' (ССД: 39); скр. *вӧлыс тайэ дышпырыс'* 'лошадь эта немного ленива' (Жилина 1965: 193). В ССКЗД отмечено употребление суффиксоида *-пырыс'* (*-пырис'*, *-пырийис'*) в рассматриваемом значении в удорском диалекте: *дубпырис'*, *дубпырийис'* 'недостаточно солоно' (ССКЗД: 313-314). Необходимо отметить, что суффиксоид *-пырыс'* широко распространен во всех зырянских диалектах в сфере наречий образа действия: *дышпырыс'* 'с ленцой', *окопанырыс'* 'охотно', *радпырыс'* 'с радостью'.

Локально ограниченными суффиксами прилагательных со значением неполноты качества являются суффиксы *-ыд*, *-эб*, *-пыдса*, *-джык*. Суффикс *-ыд* употребляется в печорском диалекте: *туруныс ул'ыд на, куртны оз на поз'* 'сено еще сыроватое, сгребать еще нельзя' (ПД: 31). Суффикс *-эб* представлен в говоре с. Сторожевск верхневычегодского диалекта, напр. *ставис вӧли лӧзэба ӧгурци рӧсадас, а ӧни ставис вижэба* 'рассада огурцов вся была синеватая, а теперь вся желтоватая' (Лоскутова 1964: 54). В среднесыольском диалекте встречается суффикс *-пыдса*: *кынпыдса* 'сыроватый' (ССД: 39). В удорском и ижемском диалектах в значении неполноты качества может функционировать суффикс сравнительной степени прилагательных *-джык*, семантически тождественный форманту *-оват*: уд. *Вал'аыс дышджык* 'Валя немного ленива'; *Йӧйджык мортлыс' муй бос'тан* (Крив.) 'Что поделаешь с глуповатым человеком' (УД: 45); иж. *сырӧйджык кэ (туруныс), кум пӧӧса пыкӧд* 'если сено сыроватое, делаем тройную опору' (ИД: 264); *а зэй н'ин кэ сэти мэстайасыс с'ойэма кӧрыслэн да слабӧйджыкэс'...* 'а если в этих местах уже паслись олени и они (места) слабоватые' (ИД: 272).

К суффиксам неполноты качества относятся также уменьшительно-ласкательные суффиксы. В большинстве коми-зырянских диалектов уменьшительно-ласкательными формантами являются суффиксы *-ик*, *-н'ик*, *-ин'ик*. Примеры: лл. *пӧрыс'-ик* 'старенький', *дзол'а-н'ик* 'ма-

ленький' (ЛЛД: 56); вс. *гöгрöс'-ик* 'кругленький', *мича-н'ик* 'красивенький' (ВСД: 93); сс. *пэл'к-ин'ик* 'аккуратненький', *урöд'-ик* 'нечистоплотный' (ССД: 40); скр. *омöл'-ик* 'плохонький', *кос-ин'ик* 'худенький' (ПСД: 101); вв. *н'эбид'-ик* 'мягонький', *гöл'-ин'ик* 'бедненький' (ВВД: 89). Данные суффиксы не распространены в северо-западных диалектах и являются малоупотребительными (кроме суффикса *-ик*) в ареале верхнесыольского и лузско-летского диалектов.

В южном ареале широко распространены суффиксы *-ик* и *-ыд'ик*: лл. *рам-ыд'ик* 'спокойненький', *гöгрöс'-ик* 'кругленький', *киз'өр-ик* 'жиденский' (ЛЛД: 56); вс. *куз'-ыд'ик* 'длинненький', *кыз-ыд'ик* 'толстенный', *бод'өр-ик* 'нарядненький' (ВСД: 93).

В ареале северо-западных диалектов функционирует суффикс *-индзи*, представленный алломорфами *-ин'дзык* (иж.); *-эн'дзи*, *-өн'дзи*, *-ин'дзи* (вым. уд.); *-ин'дзик* (вым. нв.); *-н'дзи* (вым. уд.), *-индзи* (уд.). Примеры: вым. *л'окин'дзи вөр* (Синд.) 'худенький лес', *дзöл'өн'дзи шор* (К.) 'маленький ручей', *дзöл'эн'дзи д'эт'ина* (В.) 'маленький мальчик', *посн'ин'дзи из* (Онеж.) 'мелкие камешки'; *томин'дзик зон* (Онеж.) 'молоденький парень' (ВД: 85); иж. *мичаин'дзык* 'красивенький', *косин'дзык* 'сухонький' (ИД: 60); уд. *вöсн'ин'дзи* 'тоненький', *важин'дзи* 'старенький' (УД: 46); нв. *омöл'ин'дзик* 'худенький' (НВД: 41).

Степень неполноты качества прилагательных в диалектах может быть выражена также наречиями *н'эуна* (повс.) 'немного', *тöкöt'ö* (вым. скр. *тöкöt'ö*; иж. *тöкöt'э*; нв. *тöкöt'иштö*; вв. *тöкэт'э*; лл. *тöкöt'ö*) 'чуть', *этиан'дзи* (иж. уд. вым.) 'маловато', *чут'*, *чут' токо* (*чут' тыкэ*) (иж. вв.).

2.2.3.3. Степень усиления качества

Данная степень качества указывает на усиление, избыток признака без сравнения с качеством другого предмета и выражается в коми-зырянских диалектах тремя способами: 1) суффиксами со значением высокой степени качества; 2) редупликацией основ прилагательного; 3) словами-усилителями.

Выражение высокой степени качества посредством суффиксов

В коми-зырянских диалектах выражение высокой степени качества, признака с помощью специальных суффиксов встречается довольно редко.

В удорском диалекте для выражения высокой степени признака может употребляться суффикс сравнительной степени прилагательного *-джык*: *Визувджык эс'кө т'ат'эйыс, да муй кэран* (Крив.) 'Ребенок довольно шаловливый, но что поделаешь'; *Увйаджык нуыс, ракта, ог пөрөддө* (Разг.) 'Довольно много сучьев на этом дереве, не будем валить' (УД: 44).

В коми-зырянских диалектах широко функционирует суффиксоид *-вэ́йа* (*-вэ́йа, -вэв, -вэл, -вэ́йта*) со значением преобладания признака: вс. *гөрдыдвэ́йа* 'с преобладанием красного цвета' (ВСД: 94); лл. *с'өдвэ́йа* 'с преобладанием черного цвета' (ЛЛД: 56); уд. *лөзвэ́йта дөра* 'холст с преобладанием синего цвета' (ССКЗД: 41).

Выражение высокой степени качества посредством редупликации основ

Степень усиления качества в коми-зырянских диалектах может выражаться при помощи редупликации основ прилагательного. При редупликации прилагательные либо сочетаются в основной форме (*мича-мича* 'красивый-красивый'), либо предшествующее прилагательное принимает один из следующих формантов: 1) падежный показатель элатива *-ыс'* (*-с'ыс*) (в южных диалектах преклюзива *-с'а*): *йоныс' йон* 'сильный-сильный' (уд. вым. иж. скр. печ. лл.); 2) словообразовательный суффикс наречий *-а*: *бура бур* 'очень хороший' (уд. скр. лл.); 3) словообразовательный суффикс прилагательных *-төм*: *гырыс'төм гырыс'* 'очень крупный' (печ.). Примеры: вым. *Ачыс с'өд-с'өд, йурс'иыс куз', гыжйыс куз'* (К.) 'Сам очень грязный, волосы длинные, ногти длинные' (ВД: 84); иж. *Ай-мамтэм олөмыс – из, чорыдс'ыс чорыд, с'ир, курыдс'ыс курыд* 'Жизнь без отца с матерью – тверже камня, горче горького' (ИД: 59); скр. *мичаыс' мича* 'очень красивый', *выл'а выл'* 'совершенно новый' (ПСД: 100); печ. *гырыс'төм гырыс'* 'очень крупный', *йоныс' йон* 'сильнее сильного', *ыджыд-ыджыд* 'очень большой' (ПД: 29); лл.

гырыс'-гырыс' кыдздзас 'очень большие деревья', куз'а-куз' (Лет.) 'очень длинный' (ЛЛД: 56); уд. *бура-бур* 'очень хороший', *л'окыс' л'ок* 'очень плохой' (УД: 45).

В лужско-летском диалекте зафиксировано редупликативное сочетание прилагательных, нехарактерное для других диалектов: *выл'а выл'ыс' плат'т'ө* 'совершенно новое платье' (ЛЛД: 56).

В ряде зырянских диалектов при редупликации прилагательные могут соединяться посредством соединительного союза *да* (скр.), послелогов *кын'дзи* (лл. вым. *кин'н'а*) и *вылө* (скр.), частицы *н'э* (лл.). Примеры: скр. *Мича да мича вөли* 'Он был очень красивым'; *Өни йөзыс ставыс с'ус' вылө с'ус', бур вылө бур* 'Люди теперь один умнее другого, один лучше другого' (ПСД:100); вым. *мича кын'дзи мича* 'очень красивый', *йоныс' кын'дзи йон* 'очень крепкий' (ВД: 84); лл. *кыз н'э кыз* 'очень толстый', *бур кин'н'а бур* 'очень хороший', *н'эбыд кин'н'а н'эбыд* 'очень мягкий' (ЛЛД: 56).

Выражение высокой степени качества посредством слов-усилителей

В коми-зырянских диалектах степень усиления качества довольно широко выражается сочетанием имени прилагательного с зависимым словом-усилителем. Для объединения слов-усилителей со значением меры, степени В.М. Лудыковой был предложен термин «квант» («кванторное слово»), используемый во многих языках (Лудыкова 1999: 116). Кванторные слова примыкают к имени прилагательному и указывают на степень, меру проявления качества предмета. В качестве слов-усилителей в коми-зырянских диалектах могут выступать 1) наречия образа действия и степени (*зэв* 'очень', *вывти* 'слишком', *л'ока* 'плохо' и др.); 2) существительные (*би* 'огонь', *ва* 'вода' и др.); 3) усилительные частицы (*ой-ой* и др.); 4) числительные (*кык* 'два', *с'о* 'сто' и др.); 5) фразеологические сочетания (*му пыр пэтөм* 'взошедший сквозь землю' и др.); 6) деепричастия (*полдзымөн* 'такой (какой-л.), что можно испугаться' и др.); 7) прилагательные (*мича* 'красивый' и др.).

Общеупотребительными словами-усилителями для выражения высокой степени качества, признака в коми-зырянских диалектах являются наречия *вывти* (скр. вв. нв. лл. (Об. Чит.) *вывти*; вым. иж.

вв. *выыти*; вс. сс. лл. *вылти*) ‘слишком’ и *зэв* (скр. вв. нв. лл. (Об. Чит.) *зэв*; вс. лл. сс. вв. *зэл*; вым. иж. вв. *зэй*; вым. *зээ*) ‘очень’. Примеры: сс. *гыжйасыс зэл куз'öс' да йос'öс'* ‘когти очень длинные и острые’ (СТ III: 62); *ачыс вылти ыджыд* ‘сам слишком большой’ (СТ III: 62); нв. *Сэни куйлö зэв ыджыд ош* ‘Там лежит очень большой медведь’ (СТ III: 220); вс. *Öт'ик зэл шынэл'а, уна киз'а* ‘Один из них выделялся шинелью с множеством пуговиц’ (ОКЗР: 132); печ. *Этатöни зэл ыджыд вичко вöли, вит йура* ‘Здесь была очень большая пятиглавая церковь’ (АМ); иж. *зэй жар ыллаыс* ‘очень жарко на улице’ (ИД: 274); скр. *Човйыд зэв мис'тöм мэстаöд мунö* ‘Речка Чов протекает по очень некрасивым местам’ (СТ III: 194); вв. *Помэс йуис вöлэма зэл лöптэс'* ‘Речка Помос была очень захлавлена’ (ОКЗР: 105); *Йöршидлэн зэй ыджид квастис* ‘Ерш хвастать мастер’ (ОКЗР: 102). Рассмотренные кванты употребляются со всеми качественными и некоторыми относительными прилагательными.

Широко распространено в зырянских диалектах слово-усилитель *вир* ‘кровь’, употребляемое в значении ‘очень, совсем, совершенно’ для усиления качества, признака предмета: вс. *вир тшыг* ‘очень голодный’ (ВСД: 92); лл. *вир ул'* (З.) ‘совсем сырой’ (ЛЛД: 56); скр. *вир дыш* ‘очень ленивый’ (ПСД: 100); нв. *вир йöй* ‘очень глупый’ (НВД: 71); печ. *вир дышöс'* ‘очень ленивые’ (ПД: 29); вым. *вир с'амтöм* ‘совершенно бестолковый’ (ВД: 84); иж. *вир пас'тэм* ‘совершенно голый’ (ИД: 59); уд. *вир ул'* ‘совсем сырой’ (УД: 45).

Повсеместно распространенным в зырянских диалектах является слово-усилитель *чим* (вым. *чин*, иж. *чин'*), употребляемое лишь в сочетании с прилагательными *гöрд* ‘красный’ и *с'öд* ‘черный’. Примеры: вым. *чин гöрд* ‘ярко-красный’; иж. *чин' гöрд* ‘ярко-красный’; лл. вс. *чим гöрдыд* ‘ярко-красный’; сс. скр. нв. вв. печ. уд. *чим гöрд* ‘ярко-красный’, *чим с'öд* ‘совершенно черный’ (ССКЗД: 411).

В ареале южных и центральных диалектов довольно распространенным является квант *вэл'* ‘достаточно, довольно’. Примеры: вв. *вэл' гажтэм* ‘довольно скучный’ (ВВД: 90); печ. *вэл' мича* ‘довольно красивый’. По мнению В.М. Лудыковой, слово *вэл'* заимствовано из русского языка (*великий* < *веле*) (Лудыкова 2001: 160).

В северных (вым. иж. уд.) и центральных (нв. скр. вв.) диалектах функционирует слово-усилитель *доза* (*дöза*). Примеры: вым. *Мэнам*

чарлао доза лэчыд ‘Мой серп довольно острый’ (ВД: 150); вв. *дөза мича вöли ыжэй* ‘очень красивая была (моя) овца’ (Лоскутова 1964: 379) и др.

Многие слова-усилители локально ограничены, употребляются лишь в нескольких территориально смежных диалектах. К примеру, кванты *топ* ‘совсем, совершенно’ и *чус* ‘совсем, совершенно’ употребляются в северных вымском, ижемском и удорском диалектах: уд. *чус д’ик* ‘совсем глупый’, *топ кос* ‘совершенно сухой’ (УД: 45); иж. *чус выл’* ‘совершенно новый’, ‘совсем глупый’ (ИД: 59); вым. *чус пэмыд* ‘совершенно темно’ (ВД: 406).

В территориально смежных ижемском и верхневычегодском диалектах функционирует квант *лэчыд* (вв. *лэчид*) ‘острый’, употребляемый в значении ‘очень’. Примеры: иж. *лэчыд шома* ‘очень кислый’ (ИД: 59), вв. *лэчид шома н’ан’* ‘очень кислый хлеб’ (ВВД: 90). Вероятно, сфера употребления кванта *лэчид* ограничена прилагательным *шома* ‘кислый’.

В территориально смежных ижемском и печорском диалектах употребляется квант *му выы* (печ. *му выл*) ‘земной’ в значении ‘очень’: иж. *му выы с’ус’* ‘очень умный’ (ИД: 59); печ. *му выл мис’тöм* ‘очень некрасивый’ (ПД: 100).

Много общих слов-усилителей, употребляемых в значении ‘очень, довольно’, обнаруживаем в пограничных верхневычегодском и печорском диалектах: *бура* ‘хорошо’, *л’ока* ‘плохо’, *усэбэ* (*усöбö*) ‘особо’, *аддэй* (*адэй*) ‘очень, чертовски’, *ой-ой* (*ой-йой*, *ой-йо*). Примеры: вв. *бура мича* ‘довольно красивый’, *л’ока бур* ‘довольно хороший’, *усэбэ вöй* ‘особо пугливая’, *аддэй лэчид* ‘чертовски острый’ (ВВД: 90); печ. *бура йон* ‘довольно сильный’, *усöбö мича* ‘особо красивый’, *л’ока омöл’* ‘довольно плохой’, *ой-йой найан* ‘очень упрямый’ (ПД: 29). Квант *ой-ой* зафиксирован и в лузско-летском диалекте: *ой-ой шан’ морт вöли* (Лет.) ‘Был человек очень хороший’ (ЛЛД: 96). Квант *л’ока* и *бура* представлены также в присыктывкарском и среднесыольском диалектах: скр. сс. *л’ока бур* ‘довольно хороший’, скр. *л’ока ыджыд* ‘довольно большой’ (ССКЗД: 197); скр. *бура ыджыд* ‘довольно большой’ (ССКЗД: 30).

В ареале южных верхнесыольского и лузско-летского диалектов употребляются кванты *мича* ‘совершенно, букв. красивый’ и *гу*

‘совершенно, букв. яма’. Квант *гу* употребляется лишь с прилагательным *пэмыд* ‘темный’. Примеры: вс. *мича дубыд* (Кг.) ‘совершенно несоленый’, *гу пэмыд* (Уж.) ‘совершенно темный’ (ВСД: 92); лл. *мича кос* (Об.) ‘совершенно сухой’, *гу пэмыд* (Об.) ‘совершенно темный’ (ЛЛД: 56), *мича код* ‘совсем пьяный’ (ЛЛД: 96).

Для северных и южных зырянских диалектах характерно слово-усилитель *мырд* ‘очень, слишком’. Данный квант распространен в верхнесысольском, среднесысольском, вымском, удорском и ижемском диалектах. Примеры: вс. *мырд гөрдыд* ‘ярко-красный’ (ВСД: 92); сс. *мырд йумол* ‘слишком сладкий’; вым. иж. *мырд лöz* ‘совершенно синий’, *мырд гөрд* ‘совершенно красный’; уд. *мырд шэл* ‘темно-зеленый’ (ССКЗД: 231).

В верхнесысольском и лузско-летском диалектах для выражения высокой степени качества активно употребляется квант *өд'д'өн* (*өдйөн*) ‘очень, весьма, крайне’. Примеры: вс. *өд'д'өн лөс'ыдөс'* *көлөкөляыс вөлиныс* (Гр.) ‘очень хорошие колокола были’ (АМ); лл. *Мужикыс пө өдйөн бас'н'итөмик* ‘Муж де очень неразговорчивый’ (ОКЗР: 146).

В ижемском диалекте широко употребляется кванторное слово *бэда*: *бэда йон* ‘очень сильный’ (ИД: 59), *бэда ыджыд* ‘очень большой’ (ССКЗД: 19). По мнению В.М. Лудыковой, в ижемском диалекте произошла полная десемантизация русского существительного *беда*, в результате чего оно стало употребляться для выражения высокой степени качества прилагательных (Лудыкова 2001: 163). Возможно, слово *бэда* было заимствовано ижемским диалектом (говорами) из русских говоров непосредственно в значении ‘очень’. В русских говорах лексема *беда* может сочетаться с прилагательными и иметь значение ‘очень, чрезвычайно’. Примеры: *Муж-от у ие, Яша, беда хорошей: все ей изладил, дом построил; Огневка... под осень покраснеет, беда твердая...* (СГСР: 37); *Он беда хороший человек* (СРГС: 55).

Кроме вышерассмотренных основных слов-усилителей с общим значением ‘очень, слишком, довольно, чрезмерно’, для каждого из коми-зырянских диалектов характерны свои специфические кванторные слова, употребляемые для выражения высокой степени качества, признака. Примеры:

лл. *чил шома* ‘очень кислый’, *т’ук пэмыд* ‘очень темный (темно)’, *полдзымён ыджыд* ‘очень большой’ (ЛЛД: 56); *мыр с’интём* ‘совершенно слепой’ (ЛЛД: 96);

вс. *с’од пэмыд* ‘совершенно темно’, *загар сола* ‘очень соленый’, *с’одз вэс’кыд* ‘совершенно трезвый’, *тиын к’одзыд* ‘очень холодный’, *с’мэрт мустём* ‘страшно противный’ (ВСД: 92); *чэрэсс’улы госа* ‘слишком жирный’ (ССКЗД: 408);

сс. *амин’ мича* ‘очень красивый’;

скр. *вэж йэдэжыд* ‘совершенно белый’, *жул’ кос* ‘совершенно сухой’, *кр’ов дыш* ‘очень ленивый’, *крэмэнной дыш* ‘очень ленивый’, *поводной* (*поводнэй, поодной*) *ыджыд* ‘очень большой’, *д’ола куш мэста* ‘совершенно открытое место’ (ПСД: 100);

нв. *согра н’айт* ‘очень грязный’ (НВД: 166);

вым. *т’ашкэй куз’* ‘довольно длинный’ (ВД: 84); *мэстаыс д’остык мыл’ка-мыл’ка* ‘очень холмистое место’, *вуч с’эз’ тоон н’эбэсаыс* ‘небо сегодня совершенно ясное’ (ВД: 150);

уд. *т’эн’ й’ой* ‘совершенно глупый’ (УД: 45); *отн’им* (*отн’ив*) *йон* ‘очень крепкий’ (УД: 85);

иж. *туч с’од* ‘совершенно черный’, *пыр-пыр д’ик* ‘совсем глупый’, *загыл’ шома* ‘очень кислый’, *мам йай нас’тэм* ‘совершенно голый’ (ИД: 59);

вв. *он’н’о* (*он’н’а, он’н’он*) *л’ос’ид* ‘очень хороший’, *вын йон* ‘довольно сильный’ (ВВД: 90);

печ. *чон й’ой* ‘совершенно глупый’, *д’обэл’ки л’ок* ‘очень злой’, *му с’ойан зил’* ‘очень трудолюбивый’, *чэш дыш* ‘очень ленивый’; *кык ч’оскыд* ‘очень вкусный’, *с’о с’о’кыд* ‘очень тяжелый’ (ПД: 29); *ойим ва* ‘очень сырой’, *д’обр’о гаштём* ‘очень скучный’ (ПД: 45).

Многие из указанных слов-усилителей сочетаются с ограниченным кругом прилагательных, поэтому встречаются довольно редко.

Таким образом, в коми-зырянских диалектах функционирует большое количество разнообразных кванторных слов, используемых для выражения степени усиления качества, признака. Они обнаруживают различия с точки зрения происхождения (заимствованные / исконные), территориального распределения (локально ограниченные / повсеместно распространенные) и дистрибуции (широкие сочетательные возможности / ограниченные сочетательные возможности).

2.3. Числительное

Числительное – своеобразная часть речи, отличающаяся от других частей речи основным категориальным значением и грамматическими функциями. Своеобразие числительного как особой части речи, его лексико-грамматические особенности рассмотрены в работе Г.В. Федюновой и в современной научной грамматике коми языка (Федюнова 1990: 27-3; ÖКК: 139-155).

2.3.1. Структурные типы числительных

По структуре коми числительные делятся 1) на простые (единицы от 1 до 9, десятки от 10 до 60), 2) сложные (десятки от 70 до 90, тысячи от 2000 до 100000) и 3) составные.

Среди **простых** числительных вариативные диалектные формы имеют числительные *õt'uk* 'один', *куйим* 'три', *квайт* 'шесть' и *öкмыс* 'девять', *с'урс* 'тысяча'. Различия сводятся к фонетическому оформлению данных числительных.

Числительное *õt'uk* 'один' имеет фонетические варианты *õt'u*, *õtик*, *öти*. Варианты *õt'uk* и *õt'u* представлены во всех зырянских диалектах, варианты *õtик* и *öти* в вымском и ижемском диалектах (ВД: 91; ИД: 63). Числительное *куйим* 'три' представлено фонетическими вариантами *куйим* и *куим*. Нейотированный вариант употребляется в ижемском и вымском диалектах (ВД: 91; ИД: 63). Числительное *квайт* 'шесть' имеет фонетический вариант *кват'*. Распределение данных вариативных форм обусловлено употреблением [йт] – [т'] на конце слова в зырянских диалектах. В южных диалектах (лузско-летском, верхнесысольском и среднесысольском (кроме говоров сс. Пажга и Ыб), а также в печорском диалекте функционирует вариант *кват'*, в северных и центральных диалектах – вариант *квайт*. Числительное *öкмыс* 'девять' имеет фонетический вариант *окмыс*, распространенный в ижемском и вымском диалектах. Числительное *с'урс* 'тысяча' употребляется в среднесысольском, присыктывкарском, верхневычегодском, печорском и удорском диалектах. В остальных диалектах (нв. вым. иж. лл. вс.) числительное

с'урс заменено заимствованным числительным *тыс'ача* (*тыс'эча*). В среднесыольском диалекте наряду с вариантами *с'урс* и *тыс'эча* употребляется вариант *дасс'о* 'букв. десять сотен, тысяча' (ССД: 41). Диахронически числительное *с'урс* 'тысяча' восходит к индо-иранским заимствованиям (КЭСК: 275).

В верхневычегодском диалекте числительные 8, 9, 30, 40, 50, 60 в первом слоге имеют гласную *и* в отличие от других зырянских диалектов: *көкйамис* 'восемь', *комин* 'тридцать', *вэтымин* 'пятьдесят' (ВВД: 92).

К структурной группе **сложных** числительных относятся числительные *куимдас* 'тридцать', *н'ол'дас* 'сорок', *витдас* 'пятьдесят', *кват'дас* 'шестьдесят', бытующие в лузско-летском и верхнесыольском диалектах, а также в говорах сс. Куратово и Палауз среднесыольского диалекта. Числительное *куйимдас* распространено в южных среднесыольских говорах, числительное *н'ол'дас* употребляется в речи носителей говора Кобры верхнесыольского диалекта. В остальных диалектах рассматриваемые числительные являются производными, образованы посредством деэтимологизированного форманта *-мын* 'десять' и относятся к простым числительным. Образование названия десятков от сорока до девяноста с помощью форманта *-дас*, в отличие от удмуртских литературных и большинства диалектных форм на *-дон* / *-тон*, зафиксировано в нижнечепецком говоре удмуртского языка: *н'ыл'-дас* 'сорок', *вит'-тас* 'пятьдесят', *с'из'ым-дас* 'семьдесят' и др. (Кельмаков 1998: 133).

Составные числительные образованы из двух либо нескольких простых и сложных числительных. В ижемском и печорском диалектах в составных числительных от семидесяти и выше между десятками и единицами, между сотнями и десятками вставляется соединительный союз *да*. Примеры: печ. *с'из'имдас да өт'ик* 'семьдесят один', *с'о да комын* 'сто тридцать' (ПД: 31); иж. *кыкс'о да н'ол'* 'двести четыре', *кыкс'о көкйамысдас да кык* 'двести восемьдесят два' (ИД: 63).

2.3.2. Лексико-грамматические разряды числительных

Лексико-грамматические разряды числительных включают *количественные, дробные и приблизительные* числительные.

Дробные числительные в диалектной речи встречаются довольно редко. В литературном языке они образуются сочетанием простых числительных, существительных *джын* ‘половина’, *пай* ‘часть’, *юкөн* ‘часть’ и союза *да*. В диалектах наиболее распространенным является образование дробных числительных посредством существительного *джын* ‘половина’. Примеры: лл. *Н'ол' во да джын мэным вöли* (Пр.) ‘Мне было четыре с половиной года’ (АМ); сс. *Йайыс вöли н'ол' пуд да джын* ‘Мяса было четыре с половиной пуда’ (СТ III: 170); уд. *кык мэтра да джын куз'а* ‘длиной в два с половиной метра’ (СТ III: 346); печ. *сийö суд'итисны кык во да джын кэжлö* ‘ему присудили два с половиной года’ (СТ II: 230).

Приблизительные числительные во всех диалектах образуются посредством совместного употребления двух числительных, которые могут соединяться частицей *-ö*. Примеры: скр. *Сийö вөр кэрка дорас олöма куйим-ö-н'ол' во эн' ош* ‘Возле той лесной избушки три-четыре года жила медведица’ (СТ III: 196); нв. *Мунасны лун куйим-ö-н'ол'* ‘Идут дня два-три’ (СТ III: 226); уд. *овлывлö и кык-куйим пэл'ис'* ‘бывает и из двух-трех частей’ (СТ III: 344); иж. *Сэт'чэ с'уйам душ кыз'-комын* (көр) ‘Туда загоним двадцать-тридцать оленей’ (ИД: 270).

Приблизительное количество в диалектах может быть выражено и иными способами: сочетанием 1) существительного и числительного; 2) числительного и послелога *сайö* ‘за’; 3) числительного и местоимения *кымын* (лл. *кыным*) ‘сколько’ и др. Однако, согласно современной грамматике коми языка, подобные сочетания не являются числительными, так как не указывают на число (ÖКК: 144). Примеры: нв. *Мунас лун кык кымын* ‘Шел примерно два дня’ (СТ III: 220); *с'из'им кымын лун кэжлö* ‘примерно на семь дня’ (СТ III: 302); уд. *лун мөд-коймөд мыс'* ‘спустя два-три дня’ (СТ III: 346); *тывйөн кыйс'öны морт квайт-с'из'им* ‘неводом ловят рыбу шесть-семь человек’ (СТ III: 348); лл. *Ворсöны чэл'ад' морт дас кынымэдз* ‘Играют человек десять’ (СТ III: 14); сс. *Кöрталасны öт'иклаö кэр с'о*

кымын ‘Соединят в одно целое примерно сто бревен’ (ST III: 72); печ. *зёр кӧдзли пуд квайт кымын* ‘посеял пудов шесть овса’ (ST II: 226); вв. *вэрт кык бара мунан* ‘пройдешь еще версты три’ (ST IV: 320).

2.3.3. Грамматические категории числительного

Традиционно порядковые и совместные числительные выделяются в качестве лексико-семантических разрядов числительных. По мнению Г.В. Федюновой, «порядковые и собирательные числительные являются лишь видоизменениями соответствующих количественных числительных», что дает основания говорить не о лексико-семантических группах числительного, а о его специфических грамматических категориях (Федюнева 1990: 30). Таким образом, числительные имеют специфические грамматические категории, отсутствующие у других частей речи: категории порядковости и собирательности (Лыткин 1955: 180; Федюнева 1990: 30).

2.3.3.1. Категория порядковости

Категория порядковости строится на дихотомии основной формы числительного и производной, оформленной суффиксом *-ӧд*, и выражает грамматическое значение порядковости при счете (Федюнева 1990: 30). Диахронически суффикс *-ӧд* восходит к общему финно-угорскому суффиксу порядковых числительных **-nt* (Серебренников 1963: 228; Лыткин 1995: 49).

В большинстве зырянских диалектов порядковые числительные образуются от количественных числительных (кроме *ӧт'ик* ‘один’ и *кык* ‘два’) с помощью суффикса *-ӧд*. В составных числительных суффикс *-ӧд* примыкает лишь к последнему компоненту. Примеры: вв. *Сэс'с'а пыри подготавлит'эл'нӧй витӧд классӧ* ‘Затем поступил в пятый подготовительный класс’ (ST III: 30); сс. *кончити н'эл'амынӧд воын* ‘закончил в сороковом году’ (ST III: 34); уд. *Кык морт кыскӧ ва куз'аыс, а коймӧд черисӧ сирплан'ыс повз'ӧдӧ бэд'йӧн* ‘Двое тащат по воде, а третий пугает рыбу по направлению к плавной сети’ (ST III:

340); лл. *комын өкмысөд воё гөтрас'и* 'в тридцать девятом году женился' (СТ III: 4).

В ижемском, верхневычегодском диалектах и говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта функционирует фонетический вариант суффикса порядковых числительных -эд: иж. *Коймэд лунас, абу кө зэй турына, рыт'т'а выы кучам турын куртны н'ин йурэ* 'На третий день, к вечеру, сено сгребаем и укладываем в копны' (ИД: 264); вв. *Та бөрт'и с'урс өкмысс'о кыз' өкмысэд воэ пыри коми-л'эсэ* 'После этого в тысяча девятьсот двадцать девятом году устроился на работу в «Комилес» (СТ IV: 6).

Алломорф -эд выступает в позиции после мягких согласных в нижневычегодском диалекте и говоре с. Шошка присыктивкарского диалекта: *н'ол'эд* 'четвертый' (НВД: 42; ПСД: 108).

В верхнемезенских говорах удорского диалекта к порядковым числительным может агглютинироваться суффикс -эй, имеющий, по мнению авторов монографии В.А. Сорвачевой и Л.М. Безносиковой, ласкательный оттенок: *Тайа мэнам н'ол'өдэй ти* (Сел.) 'Это у меня четвертый сын'; *Мөдэй кэрка* 'Второй дом' (УД: 49).

В ряде говоров среднесысольского диалекта при обозначении даты вместо порядковых числительных могут употребляться количественные числительные: *Мэ рөд'ит'чи Виз'инын өт'и тыс'ача өмысс'о дас куим* (вм. *коймөд*) *воын* (Виз.) 'Я родился в тысяча девятьсот тринадцатом году' (СТ III: 34); *А армияас служити с'урс өкмысс'о н'эл'амын* (вм. *н'эл'амынөд*) *воөдз* (Пд.) 'А в армии служил до тысяча девятист сорокового года' (СТ III: 4).

В значении 'первый' в зырянских диалектах употребляется заимствованное из русского языка порядковое числительное *пэрвой* (вс. скр. нв. *пэрвой*, скр. *пэрвойа*, лл. *пэрвөй*, иж. вв. уд. *пэрвэй*) (ССКЗД: 281) и реже исконное *мэводдзда* 'букв. самый первый, первый' (вым. иж. нв. скр. *мэводдзда*, вв. лл. сс. *мэводдза*, уд. *мэвөддзда*, вс. *мэбөддзда*) (ССКЗД: 219). Примеры: сс. *Пырис пэрвөй т'эркаас* 'Зашел в первый дом' (СТ III: 36); вв. *Пэрвой классын өт'ик во пукали* 'В первом классе учился один год' (СТ IV: 386); вым. *Сийа муномыс мэнам вөли пэрвэй раз* 'Та поездка была впервые' (СТ II: 238); печ. *йанвар төлыс' пэрвой лунас* 'в первый день января' (СТ II: 200); нв. *Пэрвой гым кө кылан, колө тумэл'гиас'ны, мэд шабдыыд куз'*

лоо 'Как только услышишь первый гром, надо кувыркнутья, чтобы лен вырос высоким' (ОКЗР: 40).

В значении 'второй' употребляется исконное слово *мөд* 'второй': сс. *Сэс'с'а пырис мөт т'эркао* 'Затем зашла во второй дом' (ST III: 36); нв. *өт'ик гөрд, мөд йаштишик виж* 'один ящик красный, другой – желтый' (ST III: 232); уд. *төлыс' мөд и коймөд кэжө* 'на два-три месяца' (ST III: 370); лл. *Өт'иг поныс пас'кыд, а мөт поныс дзэскыд* 'Один конец широкий, а второй – узкий' (ST III: 12); вв. *Мөт классын тожө өт'ик во пукали* 'Во втором классе тоже один год учился' (ST IV: 386); скр. *көдзыд ва өт'и вэдра, нөс' ва мөд ведра* 'одно ведро холодной воды, второе – горячей' (ZT: 74).

От количественных числительных *өт'ик* 'один' и *кык* 'два' порядковые числительные с тем же корнем образуются при обозначении даты. Примеры: сс. *Мэ чужли с'урс өкмысс'о кыз' өт'икөд воын* 'Я родился в тысяча девятьсот двадцать первом году' (ST III: 30); лл. *Комын өт'игөд воын пөступити шөкаймө* 'В тридцать первом году поступил в ШКМ' (ST III: 4); вв. *Н'эл'амин өт'икэд воин ийул' дас н'ол'эд лунэ мобилизуйтисни война вылэ* 'Четырнадцатого июля сорок первого года мобилизовали на войну' (ST IV: 6); *Колкозын уджали с'урс өкмысс'о комын кыкэд воэдз* 'В колхозе работал до тысяча девятьсот тридцать второго года' (ST IV: 6); печ. *Мэ с'урс өкмысс'о комын кыкөд воын кайи Ыджыд Лагаа тулсалны* 'В тысяча девятьсот тридцать втором году я отправился на весенний промысел в Большую Лягу' (ST II: 228).

2.3.3.2. Категория собирательности

Данная категория основывается на противопоставлении основной и производной (с суффиксом *-нан*) форм числительного и выражает грамматическое значение совместности (Федюнева 1990: 30). Собирательные числительные как в литературном языке, так и в диалектах образуются от количественных числительных посредством суффикса *-нан*, диахронически восходящего к общепермскому суффиксу собирательных числительных **-на* (Лыткин 1995: 50; Серебренников 1963: 229). Категория собирательности – регулярная категория; собирательные формы образуются от всех числительных, кроме

числительного *õt'uk* 'один'. Примеры: нв. *Мөдас ош кыскыны пэс, кыкнан дойдсö* 'Стал медведь тащить дрова, оба воза' (СТ III: 220); вв. *куимнан вокыс йансэт'чисни* 'расстались все три брата' (СТ IV: 6); печ. *Тэс'с'а мийан кыкнан чойыс кулины* 'Обе сестры наши умерли' (СТ II: 200).

В удорском диалекте наряду с суффиксом *-нан* функционирует суффикс *-лан*, образованный в результате диссимиляции (*-нан* > *-лан*). Примеры: *Кыклан нылыс вэрэс сайын* 'Обе дочери замужем' (УД: 49); *куимлан т'ат'эйыс* 'оба ребенка' (Пучк.) (АМ).

2.3.4. Транспозиция числительных

По грамматическим признакам числительные приближены к прилагательным. Как правило, они препозитивно примыкают к определяемому существительному и выполняют функцию определения. Однако очень часто в речи определяемое существительное опускается. В этом случае числительные, выступая в роли существительных, могут принимать падежные, лично-притяжательные показатели и суффикс множественного числа *-йас*. Склонение субстантивированных числительных подобно склонению (основному либо притяжательному) имени существительного. Собирательные числительные, употребляясь с лично-притяжательными суффиксами, переходят в разряд счетно-личных местоимений. Примеры: уд. *Пондасны с'орн'итны õт'и-кõт* 'Начнут говорить с одним (человеком)' (СТ III: 328); *Важõн том л'уд ар дас с'из'им-с'ан' пондасны с'орн'итны нывйэскõт* 'Раньше молодые люди начинали общаться с девушками примерно в семнадцать лет' (СТ III: 328); лл. *С'из'им-õн õт'иг-õс оз вит'чис'ны* 'семеро одного не ждут' (СТ III: 24); иж. *Зэй кэ матат'чан, поз'э и куим-эн тыыйас'ны* 'Если не хватает людей, ловить рыбу неводом можно и втроем' (ИД: 263); сс. *А õт'и-лы вэс'кали нырас зорйõн* 'А одному попало палкой по носу' (СТ III: 90); скр. *квйтнаныс кулõмас'* 'все шестеро погибли' (ЗТ: 78).

2.3.5. Заимствование русских числительных

Известно, что числительные представляют собой замкнутый, непополняющийся разряд слов. Однако система коми числительных испытывает огромное влияние русского языка. Процесс утраты исконной системы коми числительных и ее замены системой русских числительных, находящийся в стадии завершения в коми-пермяцких диалектах, затрагивает и зырянские диалекты. Наблюдения над коми-зырянской диалектной речью, анализ диалектных текстов и материалов свидетельствуют, что наиболее сохранившейся система коми числительных является в северных, вымском и ижемском диалектах. В остальных диалектах наряду с коми числительными в настоящее время широко употребляются заимствованные. Особенно часто русские числительные функционируют при обозначении даты, времени, возраста, стоимости предмета, количества денег, веса, площади, температуры, оценок учащихся и др. Примечательно то, что из русского языка заимствуются не только отдельные числительные, но и их сочетания с изменяемым словом (*год, час, минута, килограмм* и др.). Примеры: уд. *Пэйс'ат шестом году йукурчылм* (Чупр.) 'В пятьдесят шестом году поженились'; *Пять рытöдз пукалим* 'До пяти (часов) вечера сидели' (АМ); сс. *Сэни мэ вэлöтчи кык тöлыс', дватсатое йул'аöдз* 'Там я учился два месяца, до двадцатого июля' (СТ III: 84); скр. *пйатсот килограмм картупел'* 'пятьсот килограмм картофеля' (ЗТ: 90); *Москваö воим, чэччим вос'ем часов асылын вокзал вылö* 'Приехали в Москву, в восемь часов утра прибыли на вокзал' (ОКЗР: 47).

Числительные, заимствованные из русского языка, могут субстантивироваться и при этом принимать исконные числовые и падежные показатели: *магазинныс триын вос'с'ö* 'магазин открывается в три часа'; *пйат'öдз пукалим* 'сидели до пяти часов', *пэтнацатойнас вэтла гортö* 'пятнадцатого числа съезжу домой' (АМ).

В ижемском и вымском диалектах в вышеуказанных случаях употребляются исконные числительные. Причина сохранения и широкого употребления в данных диалектах коми числительных, вероятно, заключается в их благоприятном территориальном расположении и менее интенсивном влиянии русского языка. Линия

проникновения русских числительных проходит по западным, южным и восточным окраинам ареала зырянских диалектов, направлена к центру и в первую очередь затрагивает периферийные диалекты. Вымский и ижемский диалекты находятся в более «выгодном» расположении и в настоящее время представляют собой зону консервации в употреблении исконных числительных.

2.4. Местоимение

В основе объединения местоимений в самостоятельную часть речи лежит критерий их функционального назначения. В системе традиционных частей речи местоимения выделяются по признакам указательной и заместительной семантики. Традиционно коми местоимения трактуются как слова, замещающие существительные, прилагательные и числительные, т.е. именные части речи (СКЯ: 191). Слова, замещающие наречия типа *сідзи* ‘так’, *тати* ‘здесь’, *сэти* ‘там’ и др., не были включены в состав местоимений. В работах Г.В. Федюновой местоимения трактуются как группа специфических слов, имеющая «собственное категориальное значение, в основе которого лежит понятие отношения, и собственные функции – классификационную, указательную, отчасти заместительную» (Федюнова 1990: 32). Местоимения находятся в системных связях с основными частями речи, но не совпадают с ними грамматически: имеют различия в использовании грамматических категорий падежа, числа, притяжательности (Федюнова 1990: 32). Традиционно местоимения по своему значению делятся на личные, усилительно-личные, счетно-личные, послеложно-личные, взаимно-личные, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, неопределенные, отрицательные, обобщенно-определятельные. Данные разряды местоимений по функциональным особенностям и формальным признакам объединяются в три группы: 1) обобщенно-предметные (субстантивные); 2) обобщенно-качественные (адъективные); 3) обобщенно-количественные местоимения (СКЯ: 192-193). В современной грамматике коми языка выделены следующие разряды местоимений:

1) *субстантивные* (местоимения-существительные); 2) *адъективные* (местоимения-прилагательные); 3) *квантитативные* (местоимения-числительные) и 4) *адвербиальные* (наречные местоимения) (ÖKK: 156). Природа коми местоимений, их морфологическая структура и формальная вариативность подробно рассмотрены в ряде работ Г.В. Федюновой (1990; 1999; 2000; 2000а; 2001, 2008). В настоящем разделе нами будут рассмотрены те разряды местоимений, которые имеют диалектные варианты и функциональные особенности.

2.4.1. Субстантивные местоимения

К лексико-грамматическому разряду субстантивных местоимений относятся местоимения, указывающие на грамматический предмет. Субстантивным местоимениям, подобно существительным, присущи категории числа, притяжательности и падежа. По значению рассматриваемые местоимения делятся на следующие группы: 1) собственно-личные: *ме* ‘я’, *тэ* ‘ты’, *сийö* ‘он’, *ми* ‘мы’, *ти* ‘вы’, *найö* ‘они’; 2) усилительно-личные: *ачым* ‘я сам’, *ачыд* ‘ты сам’, *ачыс* ‘он сам’, *асьным* ‘мы сами’, *асьныд* ‘вы сами’, *асьныс* ‘они сами’; 3) обобщенно-определяющие: *ставным* ‘мы все’, *ставныд* ‘вы все’, *ставныс* ‘они все’, *ставön* ‘все’, *ставыс* ‘все’, *быдön* ‘каждый’, *став* ‘весь’; 4) счетно-личные: *ötнам* ‘я один’, *ötнад* ‘ты один’, *ötнас* ‘он один’, *ötнаным* ‘мы одни’, *ötнаныд* ‘вы одни’, *ötнаныс* ‘они одни’; 5) отрицательные: *некод* ‘никто’, *немтор* ‘ничто’, *нинöмтор* ‘ничего’; 6) неопределенные: *кодкö* ‘кто-то’, *кодсюрö* ‘кое-кто’, *мыйкö* ‘что-то’, *мыйсюрö* ‘кое-что’; 7) указательные: *тайö* ‘это’, *сийö* ‘это’, *этайö* ‘это’, *эсийö* ‘то’; 8) вопросительные: *кодi* ‘кто’, *мый* ‘что’ (Федюнова 1990: 11-12).

2.4.1.1. Личные местоимения

Основная особенность личных местоимений – наличие большого количества вариативных диалектных форм (см. таблицы 8-13).

Местоимения 1 и 2 лица единственного числа

Номинативные формы местоимений 1 и 2 лица ед. числа в диалектах представлены единообразно: повсеместно функционируют местоимения *мэ* ‘я’, *тэ* ‘ты’. Диалектные различия проявляются при их парадигматическом изменении.

Генитив рассматриваемых местоимений выступает в трех формах: *мэнам* – *мэйам* – *мэам* ‘мой’, *тэнад* – *тэйад* – *тэад* ‘твой’. Параллельное употребление форм *мэнам* – *мэйам*, *тэнад* – *тэйад* наблюдается во всех диалектах; в вымском и удорском диалектах дополнительно функционируют формы *мэам*, *тэад*.

Личные местоимения первых двух лиц ед. числа в дативе, кроме полных форм, имеющих различия по диалектам в фонетической огласовке, представлены усеченными формами *мэн*, *мэм*, *мэйм* ‘мне’; *тэн*, *тэд*, *тэйд* ‘тебе’. Местоименные формы *мэн*, *тэн* употребляются в нижневычегодском, вымском, удорском, ижемском, верхневычегодском и печорском диалектах; варианты *мэм*, *тэд* зафиксированы в верхнесыольском, среднесыольском, присыктывкарском и удорском диалектах. В удорском диалекте функционируют также формы *мэйм*, *тэйд*. Параллельное употребление полной и усеченной формы датива наблюдается во всех диалектах, кроме лузско-летского.

По образованию падежных форм инструменталю, комитатива, абессива, конзекутива, инессива, элатива, аппроксиматива и эгрессива рассматриваемых местоимений зырянские диалекты образуют три группы. В лузско-летском диалекте данные формы образованы от генитивной основы с присоединением падежного суффикса: *мэнамён* ‘мною’, *тэнадла* ‘за тобой’, *мэнамтөг* ‘без меня’, *тэнадмыд* ‘с тобой’. В остальных диалектах, исключая удорский и ижемский, падежный формант в рассматриваемых формах присоединяется к номинативной основе: *мэён* (вв. нв. скр. *мээн*) ‘мною’, *тэла* ‘за тобой’, *мэтөг* (вв. нв. скр. *мэтэг*) ‘без меня’, *тэкөд* (вв. нв. скр. *тэкэд*) ‘с тобой’. Переходную зону между отмеченными диалектными группами образуют южные среднесыольские говоры, в которых функционируют оба варианта: *мэнамла* – *мэла* ‘за мною’, *мэнамкөд* – *мэкөд* ‘со мною’. В удорском и ижемском диалектах рассматриваемые падежные формы образованы посредством падежного суффикса притяжательного склонения: *мэнам* ‘мною’, уд. *мэлан’ө* / иж. *мэлан’э*

‘по направлению ко мне’, уд. *тэкѳтыѳд* / иж. *тэкэдыѳд* ‘с тобой’. Предполагаем, что данные формы развились вследствие широкого употребления в этих диалектах лично-притяжательных суффиксов; в лузско-летском диалекте, возможно, произошло выравнивание местоименных форм 1 и 2 лица ед. числа с формами мн. числа, которые в большинстве диалектов образованы от генитивной основы.

Из специфических форм следует отметить бытующие в ряде диалектов формы, образованные по аналогии с субстантивным склонением: нв. *мэнлы* ‘мне’, лл. *мэнѳлѳ*, *мэнѳс* / вым. *мэнѳлы* ‘меня’.

Местоимения 1 и 2 лица множественного числа

Различие номинативных форм местоимений первых двух лиц мн. числа обусловлено наличием / отсутствием сегмента *-йѳ* (*-ѳ*, *-о*) в основе: полные формы представлены в южных, верхнесысольском и среднесысольском диалектах (*миѳ*, *миѳѳ*, *мио* (Кб.); *тиѳ*, *тиѳѳ*, *тио* (Кб.)); в остальных территориальных разновидностях функционируют краткие формы *ми* ‘мы’, *ти* ‘вы’.

По образованию аблативных форм диалекты образуют две зоны: в южных и центральных диалектах (лл. вс. сс. скр. вв. печ.) – от генитивной основы посредством аблативного форманта основного склонения; в северной (вым. иж. уд.) – от генитивной (уд. также от номинативной) основы с помощью маркера аблатива притяжательного склонения: лл. вс. сс. скр. печ. *миѳанлыс'* / вв. *миѳанлыс'* – вым. *миѳанс'ыным* / уд. *миѳанс'ыным*, *мысс'ыным* / иж. *миѳан'чунум* ‘у нас’. В нижневыхегодском диалекте употребление аблативных форм распределено следующим образом: в говорах сс. Часово и Палевицы функционируют аблативные формы, характерные для смежных присыктывкарских говоров: *миѳанлыс'* ‘у нас’; в остальных говорах – формы, аналогичные аблативным формам северных диалектов: *миѳанс'ымыс'*, *миѳанс'ин* ‘у нас’. Местоименные формы датива образуются следующим образом: в южных и центральных диалектах – посредством субстантивного показателя датива *-лы* (лл. вс. *-лѳ*; вв. *-ли*): вс. сс. скр. печ. *миѳанлы* / *миѳанлѳ* / *миѳанли* ‘нам’; в северных диалектах совпадают с генитивной формой: вым. уд. иж. *миѳан* ‘нам’. Нижневыхегодский диалект в этом случае примыкает к северной группе диалектов.

При образовании остальных падежных форм (инстр. ком. аб. конз. ин. эл. апр. эгр. терм.) наблюдается следующая закономерность: в южных и центральных (лл. вс. сс. скр. вв. печ.) диалектах они образованы от генитивной основы посредством падежных суффиксов основного склонения: лл. вс. сс. скр. печ. *тийанён* / вв. *тийанэн* ‘вами’ и др.; в северных (иж. уд.) – от краткой номинативной основы посредством падежного форманта притяжательного склонения: *тинаныд* ‘вами’ и др. Особняком стоит вымский диалект, в котором падежные формы образованы от краткой номинативной основы с помощью падежного суффикса основного склонения: *тиён* ‘вами’ и др. Нижневычегодский диалект в данном случае занимает промежуточное положение между южными, центральными и вымским диалектом: в нем местоименные формы, образованные от генитивной и номинативной основ, функционируют в качестве вариантов.

К специфическим особенностям в склонении рассматриваемых местоимений следует отнести функционирование в удорском, ижемском и нижневычегодском диалектах *т* (*д*)-овых аккузативных форм: иж. *мийантэ* ‘нас’, *тийантэ* ‘вас’; уд. *мийандё*, *мийантё*, *мийантёнё* ‘нас’, *тийандё*, *тийантё* ‘вас’; нв. *мийантё*, *мийантёнё* ‘нас’, *тийандэ*, *тийантё*, *тийантёнё* ‘вас’. Данные формы обнаруживают сходство с удмуртскими аккузативными формами личных местоимений 1 и 2 лица мн. числа *мил'эмды* ‘нас’, *тил'эдды* ‘вас’, бытующими в северной диалектной зоне удмуртского языка (Кельмаков 1998: 134). В удорском диалекте встречается плеонастическое сочетание аккузативных суффиксов *-ёс* и *-тё* (*-дё*), при этом их расположение может быть двояким: *мийан-ёс-тё*, *мийан-дё-ёс*, *мийан-дёс* ‘нас’; *тийан-дё-ёс*, *тийандёс* ‘вас’. Аналогичное явление наблюдается и в отдельных говорах северного наречия удмуртского языка, например *мил'эм-ъс-ть*, *мил'эм-дыс* ‘нас’, *тил'эд-ъс-ть*, *тил'эд-дыс* ‘вас’ (Кельмаков 1998: 134).

В среднесысольском диалекте косвенные падежные формы местоимений 1 и 2 лица мн. числа могут быть образованы от основ *мийанйас-* / *тийанйас-*, которые представляют собой контаминацию генитивной основы *мийан* ‘наш’ / *тийан* ‘ваш’ и суффикса мн. числа существительных *-йас* *мийанйаслён* ‘у нас у многих’, *тийанйаслён* ‘у

вас у многих’, *ми́яни́аскõд* ‘с нами со многими’, *ти́яни́аскõд* ‘с вами со многими’. По замечанию авторов диалектной монографии, в рассматриваемых формах суффикс *-йас* выступает в собирательной функции (ССД: 45).

В нижневычегодском и среднесыольском диалектах встречаются генитивные формы, образованные по аналогии с субстантивными: сс. *ми́янлõн*, нв. *млõн*.

Местоимения 3 лица

Соотносительный ряд личного местоимения 3 лица ед. числа в коми-зырянских диалектах представлен формами *сийа*, *сийõ*, *сийэ*, *сыа* ‘он, она, оно’. В большинстве зырянских диалектов функционирует местоимение *сийа*. Местоименная форма *сыа* употребляется в ижемском диалекте. По мнению Б.А. Серебренникова, в данной форме сохранилась древняя огласовка основы и отсутствует буферный согласный *й*, что дает основания говорить о более архаичном характере местоименной формы *сыа*, бытующей в ижемском диалекте (Серебренников 1963: 192). В среднесыольском и присыктывкарском диалектах функционируют формы *сийõ* и *сийэ*.

Специфическая местоименная основа 3 лица ед. числа *йэвõ* (*йõвõ*) функционирует в косвенных падежах в верхнесыольском диалекте: *йэ(õ)вõла* ‘за ним’, *йэ(õ)вõыс* ‘из него’ и др. Данная основа является заимствованной из русского языка.

Большим количеством междиалектных соответствий представлено местоимение 3 лица мн. числа. Вариативные формы с основой *ни-* (*н’и-*) встречаются в верхнесыольском, среднесыольском и печорском диалектах: вс. *н’ийа*; сс. *нийа*, *н’ийа*, *нийэ*; печ. *нийа*. Местоименная форма *найõ*, закрепившаяся в литературном языке, представлена в присыктывкарском и среднесыольском диалектах. В нижневычегодском, вымском, удорском, верхневычегодском и печорском диалектах употребляется фонетический вариант *найа*. Особенно многочислен ряд вариативных форм местоимения 3 лица мн. числа в удорском диалекте (см. таблицу 13).

Известно, что в литературном языке и большинстве диалектов личные местоимения выражают значение грамматического числа супплетивно: *мэ* – *ми* ‘я – мы’, *тэ* – *ти* ‘ты – вы’, *сийõ* – *найõ* ‘он –

они'. В удорском и отчасти среднесысольском диалектах местоименная форма 3 лица мн. числа может быть образована и морфологическим способом от основы ед. числа посредством субстантивного показателя множественности: сс. *сийӧ-йас* 'они', уд. *си-йэс*, *си-йэс-та*, *си-йэз-да*, *си-йӧс-та*, *си-эс* 'они'. Отметим, что подобным образом сконструировано местоимение 3 лица мн. числа в удмуртском языке: *со* 'он, она, оно' – *со-ос* 'они' (Основы 1974: 284).

В ряде диалектов зафиксировано образование местоимения 3 лица мн. числа от *н*-овой основы, уже содержащей значение множественности, посредством субстантивного показателя множественности *-йас*, *-йан*. Подобные формы функционируют в среднесысольском, присыктивкарском, нижневычегодском, верхневычегодском, печорском и довольно широко в удорском диалектах: сс. вв. *наййас*; скр. нв. *найан*; печ. *найас*; нв. *найайан* (Айк., Шеж.), *найайанийас* (Айк.); уд. *найэс*, *наэзда*, *ниэзда*, *найэста*, *найэзда*, *нийэзда*, *нийэста*.

В лузско-летском и удорском диалектах употребляются специфические формы местоимений 3 лица мн. числа, образованные от *н*-овой основы посредством суффикса *-да*: уд. *ныда*; лл. *н'ида* 'они'; кя. *нида*.

Известно, что личные местоимения 3 лица образовались сравнительно поздно, обособившись от указательных местоимений (Основы 1976: 162). «Будучи недостаточно личными, пермские местоимения 3 лица в значительной степени изменяются как указательные: образуют формы множественного числа с помощью стандартного суффикса имен, склоняются как имена...» (Федюнева 2004: 152). В силу этого диалектные различия при парадигматическом изменении местоимений 3 лица незначительны, они обусловлены: 1) отличиями в фонетической огласовке падежных суффиксов; 2) отличиями в фонетической огласовке краткой основы (вс. сс. скр. нв. вым. иж. уд. печ. вв. *сы-*, лл. вв. *си-*, вс. сэ-; сс. скр. нв. вым. вв. печ. *на-*; иж. *ны-*); 3) выбором основы (краткой либо полной) при образовании падежных форм. В южных лузско-летском и верхнесысольском диалектах падежные формы местоимений 3 лица мн. числа образованы от полной основы, формы ед. числа – как от краткой, так и от полной основы. В вымском, ижемском и верхневычегодском

диалектах все формы сконструированы присоединением падежного суффикса к краткой основе; в среднесыольском, присыктивкарском, нижневычегодском, печорском и удорском диалектах наблюдается смешанное употребление форм, образованных от полной и краткой основ.

2.4.1.2. Усилительно-личные местоимения

Номинативные формы усилительно-личных местоимений (см. таблицы 14-19) в диалектах с точки зрения способа образования представлены единообразно; имеют место различия фонетического характера: 1 sg. лл. вс. сс. скр. вым. уд. печ. *ачым* // скр. вв. нв. *ачим* // иж. *ачум* ‘я сам’; 2 sg. лл. вс. сс. скр. вым. уд. иж. печ. *ачыд* // скр. нв. вв. *ачид* ‘ты сам’; 3 sg. лл. вс. сс. скр. вым. уд. иж. печ. *ачыс* // скр. нв. вв. *ачис* ‘он сам’; 1 pl. лл. вс. сс. скр. нв. вым. печ. *ас'ным* // вв. *ас'ним* // иж. *ас'нум* // уд. *ачным* // уд. *ат'ным* ‘мы сами’; 2 pl. лл. вс. сс. скр. нв. вым. печ. *ас'ныд* // вв. *ас'нид* // уд. *ачныд* // уд. *ат'ныд* ‘вы сами’; 3 pl. лл. вс. сс. скр. нв. вым. печ. *ас'ныс* // вв. *ас'нис* // уд. *ачныс* // уд. *ат'ныс* ‘они сами’. В верхневычегодском и нижневычегодском диалектах *и*-овая огласовка форм (в формах ед. числа) обусловлена фонетической особенностью этих говоров – употреблением в первом слого *и* вместо *ы* других диалектов: *ачим* ‘я сам’, *ачид* ‘ты сам’, *ачис* ‘он сам’, *ас'ним* ‘мы сами’ и т.д. В ижемском диалекте усилительно-личные местоимения 1 sg. и 2 sg. в первом слого имеют гласный *у*: *ачум* ‘я сам’, *ас'нум* ‘мы сами’, развившийся в результате ассимиляции последующим губным согласным *м* (ИД: 35). В удорском, в отличие от других диалектов, плюральные формы образованы от основ *ач-* / *ат'* (< ч): *ачным* / *ат'ным* ‘мы сами’, *ачныд* / *ат'ныд* ‘вы сами’, *ачныс* / *ат'ныс* ‘они сами’. Основа *ат'*-образована в результате потери аффрикатой *ч* фрикативного элемента под влиянием последующего зубно-дорсального согласного *н*.

Формы *косвенных* падежей рассматриваемых местоимений (см. таблицы 14-19) обнаруживают как фонетические различия, так и отличия по способу образования. Особняком в диалектной парадигме склонения усилительно-личных местоимений стоит лузско-летский диалект, в котором косвенные падежные формы единственного и

множественного числа усилительно-личных местоимений, кроме аблатива, датива и аккузатива, образованы от генитивных основ; в остальных диалектах – от номинативной полной либо краткой основы. Примеры: *асламлөн* ‘у меня у самого’; *асладлыс’* ‘у тебя у самого’; *асластөг* ‘без него самого’; *асланымлан’* ‘по направлению к нам самим’; *асланыдэдз* ‘до вас самих’; *асланысс’эн’* ‘от них самих’ и др. В лузских говорах также и формы аблатива и датива местоимений всех трех лиц множественного числа образуются от генитивных основ: *асланымлө* ‘нам самим’; *асланыдлө* ‘вам самим’; *асланыдлыс’* ‘у вас самих’; *асланыслыс’* ‘у них самих’ (ЛЛД: 69).

Падежное словоизменение усилительно-личных местоимений единственного числа

Формы принадлежностных падежей (кроме генитива, единообразно представленного во всех диалектах) и аккузатива в диалектах обнаруживают различия лишь на фонетическом уровне. Они обусловлены, как и в случае с номинативом, особенностями вокализма непервого слога ряда коми диалектов. В группе принадлежностных падежей в формах 1 sg. имеет место корреспонденция гласных *ы // и // у*: лл. вс. скр. вым. уд. печ. *ы // скр. нв. уд. вв. и // иж. у*; в формах 2 sg. – корреспонденция *ы // и*: лл. вс. скр. вым. уд. иж. печ. *ы // скр. нв. уд. вв. и.*; в формах 3 sg. – корреспонденция *ы // и*: лл. вс. скр. вым. уд. иж. печ. *ы // скр. нв. вв. и.* В аккузативных сингулярных формах представлена корреспонденция гласных *ө // э*: лл. вс. сс. скр. нв. вым. уд. печ. *ө // иж. вв. э.*

В летском говоре лузско-летского диалекта бытует специфическая аккузативная форма местоимения 1 sg. *ас’лө* ‘самого себя’. Примеры: *ас’лө вида* ‘я самого себя ругаю’; *ас’лө өдва вайи* ‘я сам еле притащился’ (ЛЛД: 68). Данная форма образована от краткой основы *ас’-* и территориально ограниченного аккузативного форманта *-лө*, бытующего в лузско-летском диалекте. В остальных зырянских диалектах аккузатив 1 sg. образован от полной основы посредством суффикса *-өс // -эс*: вс. сс. скр. вым. уд. печ. *ачымөс*, нв. *ачимөс*; вв. *ачимэс*; иж. *ачумэс* ‘самого себя’.

Различия по способу образования наблюдаются в серии объектных (кроме аккузатива) и местных падежей. В диалектах (исключая

лузско-летский диалект, в котором косвенные падежи образованы от генитивной основы) рассматриваемые формы могут быть образованы следующими способами: 1) полная номинативная основа + падежный суффикс основного склонения; 2) краткая основа *ac / ac'* (уд. также *ач / ам'*) + падежный суффикс лично-притяжательного склонения. Верхнесыольский диалект ориентирован на образование данных косвенных падежных форм от полных номинативных основ: *ачымёс* 'самого себя'; *ачыдкөд* 'с тобой самим'; *ачыстөгйа* 'без него самого' и др. Наряду с ними спорадически используются формы, образованные от краткой основы: *аслэн'* 'в свою сторону'; *аслаыд* 'за тобой самим' и др. (ВСД: 107). В вымском, ижемском, удорском, верхневычегодском и печорском диалектах рассматриваемые формы образуются от кратких основ *ac-* / *ac'-*, уд. также *ач-* / *ам'-*. Смешанный способ образования как от полных, так и кратких основ наблюдается в среднесыольском, присыктывкарском и нижневычегодском диалектах.

В вымском диалекте комитатив усилительно-личных местоимений и единственного, и множественного чисел имеет специфическую особенность, заключающуюся в редупликации падежного показателя, перед лично-притяжательным суффиксом и после него. Примеры: *аскөт'иёкөд* 'со мною самим'; *аскөт'иыдкөд* 'с тобою самим'; *аскөт'иыскөд* 'с ним самим'; *аскөт'инымкөд* 'с нами самими'; *аскөт'иныдкөд* 'с вами самими'; *аскөт'иныскөд* 'с ними самими' (ВД: 103). В первом случае употребляется более архаичный вариант комитативного суффикса с глухим согласным в ауслауте. Плеонастическое сочетание морфем для усиления одного и того же значения является своеобразной чертой языков агглютинативного строя. Подобные явления наблюдаются и в удмуртских диалектах (Кельмаков 1998: 115).

В ижемском диалекте усилительно-личные местоимения единственного числа в комитативе могут осложняться формантом *-йа*: *аскэдяа* (< *аскэдяэ*) 'с собой самим'; *аскэдяыд* 'с тобой самим'; *аскэдяыс* 'с ним самим'. Осложнение формантом *-йа* наблюдаем в формах абессива существительных, личных и усилительно-личных местоимений в ижемском, удорском и верхнесыольском диалектах. В формах комитатива формант *-йа* появляется лишь в ижемском

диалекте, что происходит, вероятно, по аналогии с осложненными формами абессива.

Вариантными формами, образованными вследствие различной комбинации падежного и лично-притяжательного суффиксов, представлен консекутив 2 sg. и 3 sg. в среднесысольском диалекте: *аслаыс / асысла, асыдла / аслаыд*.

Относительно дистрибуции косвенных падежных форм усилительно-личных местоимений можно отметить следующее: 1) консекутив не представлен в вымском, удорском, верхневычегодском, печорском диалектах; 2) инессив зафиксирован лишь в нижневычегодском диалекте; 3) в диалектах не зафиксирован транзитив; 4) формы внутриместных падежей (инессив, элатив, иллатив) не представлены в среднесысольском, удорском, верхневычегодском, печорском диалектах; 5) из местных падежей повсеместно представлены лишь эгрессив и аппроксиматив; 6) преклюзив представлен лишь в южных диалектах вследствие отсутствия его в парадигме склонения в других коми-зырянских диалектах.

Падежное словоизменение усилительно-личных местоимений множественного числа

Формы принадлежностных падежей в диалектах образованы единообразно, различия имеются в фонетическом облике форм, обусловленные, как и в случае с сингулярными формами, особенностями вокализма диалектов. Аблатив и датив в среднесысольском и присыктывкарском диалектах наряду с общими для всех коми-зырянских диалектов формами дополнительно представлены вариантными формами, образованными под влиянием субстантивного склонения: 1 pl. сс. *асланым-лыс'*, скр. *ас'с'ыным-лыс'* 'у нас самих'; 2 pl.

Среди диалектных форм аккузатива усилительно-личных местоимений 1 pl. и 2 pl. особое внимание привлекают нижневычегодские и вымские формы, образованные посредством суффикса *-ö*: *ас'нымö* 'нас самих'; *ас'ныдö* 'вас самих'. Во всех остальных зырянских диалектах аккузатив местоимений образуется посредством стандартных суффиксов 1 pl. *-öс* // иж. вв. *-эс*, 2 pl. *-тö* // иж. вв. *-тэ*. Примеры: *ас'нымöс*, вв. *ас'нимэс*, иж. *ас'нумэс* 'нас

самих'; лл. нв. *ас'ныдтö*, вс. *ас'ныттö*, вс. сс. скр. печ. *ас'нытö*, уд. *ат'ныттö*, иж. *ас'ныттэ*, вв. *ас'нитэ* 'вас самих'. Особенностью лужско-летского диалекта является образование аккузатива усиленно-личных местоимений всех плюралных форм посредством суффикса *-öc*. Примеры: *ас'нымöc* 'нас самих'; *ас'ныдöc* 'вас самих'; *ас'нысöc* 'их самих' (ЛЛД: 69).

Объектные (исключая аккузатив) и местные падежные формы плюралных усиленно-личных местоимений обнаруживают в диалектах различия по способу образования. В лужско-летском диалекте косвенные падежные формы рассматриваемых местоимений образуются от генитивных основ *асланым* 'наш свой'; *асланыд* 'ваш свой'; *асланыс* 'их свой'. Примеры: *асланымöн* 'нами самими', *асланыдлыс'* 'у вас самих', *асланысэдз* 'до вас самих' и др. (ЛЛД: 66-67). Спорадически формы, образованные от генитивных основ, появляются в пограничных верхнесысольском и среднесысольском диалектах: вс. *асланысс'эн'* 'от них самих'; *асланымла* 'за нашим своим' и др.; сс. *асланымлан'* 'в нашу (свою) сторону' и др. В верхнесысольском диалекте рассматриваемые формы чаще всего образованы от полных основ *ас'ным* 'мы сами'; *ас'ныд* 'вы сами'; *ас'ныс* 'они сами' посредством падежного суффикса основного склонения. Примеры: *ас'нымкöд* 'с нами самими', *ас'ныдлэн'* 'по направлению к вам самим', *ас'ныстöг* 'без них самих' и др. (ВСД: 108–109). В ареале вымского, удорского, ижемского, верхневычегодского и печорского диалектов, как правило, данные формы образованы присоединением к краткой основе *ас-*, *ас'-* падежного показателя лично-притяжательного склонения. Примеры: вл. уд. печ. *аслан'ным*, иж. *аслан'нум*, вв. *аслан'ним* 'по направлению к нам самим'; вым. уд. печ. *аскöдныд*, иж. *аскэдныд*, вв. *аскэднид* 'с вами самими'; вым. уд. печ. *астöгныс*, иж. *астэгныс*, вв. *астэгнис* 'без них самих' и др. В среднесысольском, присыктывкарском и нижневычегодском диалектах (сс. скр. нв.) наблюдаем смешанный тип образования рассматриваемых форм: одни формы образованы от полных основ, другие – от кратких; в некоторых падежах формы, образованные от полных и кратких основ, сосуществуют в качестве вариантов.

Относительно дистрибуции падежных форм усиленно-личных местоимений множественного числа важно отметить ограниченное

употребление в диалектах местных падежей (кроме повсеместно функционирующих аппроксиматива и эгрессива), а также консекутива и преклюзива, отсутствие транзитива, Наиболее полно парадигма словоизменения усилительно-личных местоимений множественного числа представлена в нижневыхегодском диалекте.

Таким образом, различия в парадигме словоизменения усилительно-личных местоимений в коми-зырянских диалектах обусловлены 1) фонетическими особенностями диалектов; 2) выбором основы (генитивной, краткой либо полной) при образовании падежных форм; 3) влиянием субстантивного склонения на ряд падежных форм; 4) различной комбинацией суффиксов; 5) различной дистрибуцией падежных форм.

2.4.1.3. Указательные местоимения

Субстантивными указательными местоимениями в зырянских диалектах являются местоимения *тайӧ* (вв. вс. вым. иж. л. нв. сс. уд. *тайа*; вв. (Крч.) *тайэ*; лет. *эсӧ*) ‘этот’, *этайӧ* (вв. вс. вым. л. нв. печ. уд. *этайа*; вв. вым. иж. печ. лет. уд. *этийа*; нв. *этя*; уд. (Георг.) *этэя*; уд. (Ваш.) *итийа*, *иттийа*) ‘вот этот’, *сийӧ* (*сийа*) ‘тот’, *эсийӧ* (вв. вс. вым. нв. уд. *эсийа*; лл. *эса*; иж. *эсыа*; уд. *исийа*; нв. уд. *эся*) ‘вон тот’. В среднесыольском и присыктывкарском (кроме зеленецкого говора) диалектах в ауслaute указательных местоимений употребляется гласный *ӧ*, в остальных диалектах – гласный *а*. Кроме того, указательные местоимения повсеместно имеют краткие формы *та*, *эта* ‘этот’; *сы*, *эсы* (лл. *си*, *эса*; вс. *сы*, *си*, *сэ*) ‘тот’, употребляющиеся преимущественно в послеложных конструкциях.

Указательные местоимения подразделяются на местоимения ближнего плана, когда предмет находится в непосредственной близости либо является близким, и дальнего плана, когда предмет находится в отдалении или является отдаленным. Оппозиция указательных местоимений по дальнему и ближнему расположению была свойственна уже уральскому праязыку (Майтинская 1979: 198).

В коми-зырянских, как и в других пермских, диалектах разграничение указательных местоимений происходит посредством основ на *т*- и *с*-: основа с *т* служит для обозначения ближнего

локального плана (*тайа, тайö, та* ‘этот’), *с*-овая основа обозначает более дальний локальный план (*сийа, сийö* ‘тот’). Исключение составляют ижемский, удорский и нижневычегодский диалекты, в которых от *т*-овой основы образуются местоимения дальнего плана. В этих диалектах разграничение указательных местоимений происходит посредством гласных основы: гласный *а* содержат в основе местоимения ближнего плана (*тайа, этайа, эта* ‘этот, вот этот’); гласные *и, ы* – местоимения дальнего плана: иж. *этийа, этийи, эты* ‘вон тот’ (ИД: 75); нв. *тыйа* ‘тот (более отдаленный)’, *этийа, этйа* ‘вот тот (отдаленный)’ (НВД: 43-44); уд. *тийа кык нылыд* ‘те две девушки’, *этийа* ‘вон тот’ (УД: 60). Необходимо отметить, что местоимения *тийа, этийа* бытуют и в других зырянских диалектах (печ. скр. сс. лл. вым.), но относятся к местоимениям ближнего плана.

В ижемском и вымском диалектах наблюдается функционирование указательных местоимений с *н*-овой основой. В ижемском диалекте от данной основы образуются местоимения как ближнего (в основе гласный *а*), так и дальнего плана (в основе гласный *и*): *энайа, эна* ‘вот эти’; *энийа, энийи, эны* ‘вон те’; в вымском диалекте – только указательные местоимения ближнего плана: *энайа, эна* ‘эти’. Примеры: вым. *Энайа кутшиöм тоон кодöс'* (Онеж.) ‘Эти сегодня такие пьяные’, *эна дырийи* ‘при этих’ (ВД: 106); иж. *Энийа с'ис'эс' н'ин* ‘Те уже гнилые’, *Энайэ колэ пил'итны* ‘Эти надо спилить’ (ИД: 77). Указательные местоимения с *н*-овой основой бытуют также в коми-язьвинском наречии и коми-пермяцких диалектах: *эна* ‘эти’, *нийа* ‘те’ (Лыткин 1961: 63); куд.-иньв. *да и н'э öд'д'өн мэ вэрита эна каскиэзвö* ‘не очень-то я верю этим сказкам’ (КПГ: 20), *эна луннэзö* ‘в эти дни’ (КПРС: 585).

Очень часто субстантивные указательные местоимения выступают в функции препозитивного определения. В этом случае они примыкают к определяемому существительному и не изменяются. Примеры: лл. *Мэ нö самöй сийа нэл'öсын сулали* ‘Я, говорит, как раз стояла на том углу’ (ЛЛД: 71); вс. *сийа мортсö* ‘того человека’ (ВСД: 112); скр. *тайа вэжауныс* ‘эта неделя’ (ПСД: 123); вв. *тайа мöскис Йэпимлэн* ‘Эта корова у Ефима’ (ВВД: 96); уд. *тайа мортыслы* ‘этому человеку’ (УД: 60). Исключение составляет вымский диалект, в котором субстантивные указательные местоимения способны

согласовываться с определяемыми словами в субъектно-объектных падежах: *Талён карандашыслён рёмыс гёрд* (Онеж.) ‘Цвет этого карандаша красный’; *Сийён гэн'ганас год мыта кон'өр олис* (К.) ‘Теми деньгами жил бедняга около года’; *Мэ тала пилаысла и воли* (Онеж.) ‘Я за этой пилой и приходил’ (ВД: 107). В лузско-летском диалекте случаи согласования указательного местоимения с определяемым словом наблюдаются в аккузативе: *Эсё час'-пан'сё став колё мыс'калны* ‘Эту посуду всю надо вымыть’, *Эсё кадсё волы* ‘Приходи в это время’ (ЛЛД: 71).

В роли препозитивного определения указательные местоимения употребляются, как правило, в полной форме. В ижемском и вымском диалектах в функции определения могут выступать как полные, так и краткие формы рассматриваемых местоимений: иж. *тайа мортыслэн* – *та мортыслэн* ‘у этого человека’, *энайа кн'игайасла* – *эна кн'игайасла* ‘вот за этими книгами’ и др. (ИД: 75); вым. *Сийа стёрёналан' и мунис* (К.) ‘В ту сторону он пошел’, *Сы паракод вылө ин ка* (К.) ‘На тот пароход не садись’, *Дёнз'и н'ин та рёбөтаён* (В.) ‘Мне уже надоела эта работа’ (ВД: 107). В удорском и лузско-летском диалектах в роли определения могут выступать краткие формы местоимений *сийө, эсийө* ‘тот, вон тот’: уд. *сы лунө* ‘в тот день’ (УД: 60); лл. *Эса көс'акөд видзал* (Гур.) ‘Смотри в это окно’ (ЛЛД: 71).

Употребляясь в роли существительных, указательные местоимения изменяются по падежам, подобно существительным, могут принимать суффиксы множественного числа (нв. *-йан, -йанийас*; уд. *-йэс, -йөс, -эз*; др. кз. *-йас*). Примеры: лл. *Эсайасө н'экод оз пыраллы* (З.) ‘К этим никто не заходит’, (ЛЛД: 72); вс. *Тайайас тай воомаөс' нин* ‘Эти, оказывается, уже приехали’ (ВСД: 113); скр. *Аттө, олөм да вылөм тайөйаскөд* (В.) ‘Ну и жизнь с этими’; нв. *тайайан, тайанийас* ‘эти’ (НВД: 175), *сийан, сийэйас* ‘те’ (НВД: 165); вым. *Тайайасыс' лоойа йурнад он мын* (К.) ‘От этих, пока жив, не избавишься’ (ВД: 108); уд. *Тайөслы н'экычө вөдзө пышыйыныс* (Копт.) ‘Этим некуда больше бежать’ (УД: 61), *этаэзда, итиэзда* ‘эти’ (ССКЗД: 448); печ. *Таййаскөд мун* ‘С этими иди’ (ПД: 35).

В ижемском диалекте указательные местоимения не имеют формы множественного числа на *-йас*. Указательным местоимениям единственного числа *этайа, эта* ‘вот этот’ и *этийа, эты* ‘вон тот’

противопоставлены местоимения со значением множественности *энайа, эна* ‘вот эти’, *энийа, эны* ‘вон те’. Таким образом, в ижемском диалекте субстантивные указательные местоимения выражают значение числа супплетивно: *этайа – энайа, эта – эна* ‘этот – эти’; *этийа – энийа, эты – эны* ‘тот – те’ (ИД: 77).

В верхнесысольском диалекте указательные местоимения изредка могут принимать указательные суффиксы *-ыд, -ыс*. Примеры: *Сэыс'ыд сийа оз ворчит* (Кб.) ‘Из-за этого-то он не ворчит’ (ВСД: 113).

В среднесысольском диалекте указательные местоимения *тайö* ‘этот’, *сийö* (*сийэ*) ‘тот’ могут присоединять частицу *-та*, усиливающую указательное значение слова: *Эсийэс-та мыччы* (Б.) ‘Поддай вот тот предмет’; *Зэл вöли öпаснö сийön-та вуджныс* ‘Было очень опасно переезжать на этой лодке’ (ССД: 47).

2.4.1.4. Обобщенно-определятельные местоимения

В целом система обобщительно-определятельных местоимений в коми-зырянских диалектах тождественна.

Общепотребительны в коми-зырянских диалектах местоимения *став, ставön, ставыс* ‘все, все’ и личные формы местоимения *став* (*ставным* ‘мы все’, *ставныд* ‘вы все’, *ставныс* ‘они все’). С диахронической точки зрения местоимение *став* является заимствованием из русского языка (< рус устар. *ставь*) (КЭСК: 265).

Лексемы *став, ставыс* склоняются по падежам, подобно существительным. Личные формы местоимения *став* имеют лишь парадигму лично-притяжательного склонения мн. числа.

В лузско-летском диалекте личные формы *ставным, ставныд, ставныс* являются малоупотребительными; чаще всего в речи функционируют местоимения *став, ставön, ставыс*: *Став н'ин уз'исны* ‘Уже все спали’; *Ставыс бур кыл л'убитönö* ‘Всем нравится хорошее обращение’. Кроме того, в диалекте употребляется форма *ставыд* ‘все’, нехарактерная для литературного языка: *Ставыд пö лактö* ‘Все-де приходите’ (ЛЛД: 75).

В присыктывкарском и верхневычегодском диалектах рассматриваемые местоимения могут употребляться без начального *с*: скр. *тав, тавыс, тавным, тавныд, тавныс* (ПСД: 128); вв. *тав, тавэн* (ВВД:

99). В говоре с. Ыб среднесыольского диалекта рассматриваемое местоимение функционирует в форме *стал* (ССКЗД: 346).

Широко употребляется в зырянских диалектах местоимение *быдён* 'все'. Местоимения с основой *быд-* представлены также в коми-пермяцких и удмуртских диалектах. По предположению ученых, местоимение *быд* является заимствованием из древнечувашского языка (Wichmann 1903: 45; Майтинская 1979: 235; Серебренников 1963: 212).

В ижемском и верхневычегодском диалектах данное местоимение представлено формой *быдэн*. В ареале южных, а также верхневычегодского и присыктывкарского диалектов функционирует вариант рассматриваемого местоимения *бытсён* (ср. *бытсё*, вв. *быдсэн*): скр. *Кэт' катишалён, кэт' ракалён, бытсёнлён аслад мича* 'И сороке, и вороне, всем свой птенец кажется лучше всех' (ПСД: 128); лл. *Бытсёнлө с'урлис уджыд* 'Работа всем доставалась' (ЛЛД: 75) и др.

В ареале лузско-летского, верхнесыольского, присыктывкарского, нижневычегодского, вымского и удорского диалектов употребляются обобщительные местоимения *вэс', вэс'ён, вэс'ыс* 'все, все'. По происхождению данные местоимения являются заимствованием из русских говоров (< *весь*). Примеры: лл. *Вэс'ыслө мэ ог вэрмы с'этавны* (Чит.) 'Всем раздавать я не могу' (ЛЛД: 75); вс. *Вэс' йёзыслө пэссө вайис* 'Он всем дрова привез' (ВСД: 115); скр. *Вэс' Вильгортсө вэтлөдли* 'Я весь Вильгорт обошел' (ПСД: 128); вым. *Вэс'ён пукс'алисны* 'Все расселись' (ВД: 113); уд. *Вэс'лөн н'им виым* 'У всех есть имя' (УД: 64). В удорском диалекте местоимение *вэс'* имеет вариативную форму *вос'а*: *Вос'асө виис* (Георг.) 'Всех перебил'; *Вос'аыс пыж нырас* (Пучк.) 'Все в носовой части лодки' (УД: 64).

В удорском и вымском диалектах местоимение *вэс'* имеет личные формы *вэс'ным* 'мы все', *вэс'ныд* 'вы все', *вэс'ныс* 'они все' (УД: 64; ВД: 113)

Кроме вышерассмотренных обобщительно-личных местоимений, в ряде зырянских диалектов функционируют специфические местоимения. В лузско-летском диалекте в функции обобщительно-определятельных местоимений употребляются слова *йойк, йойкөн* (Сл.), *йок*

(Пр.), *йок* (Лет.) ‘все, все’: *Нөжө йойкөн с’ылө* (Сл.) ‘Ну-ка все спойте’; *Пипöлыс йок уджалыс’өс’* (Пр.) ‘(Чьи-л.) дети все работающие’; *Öни том йöзыд йок öчкиа* (Лет) ‘Теперь молодые все в очках’ (ЛЛД: 75). В говоре с. Кобра употребляется схожее местоимение *н’ок* ‘все, все’: *Н’ок аслыс бос’то* ‘Все себе забирает’ (ВСД: 115). Лузско-летские местоименные формы обнаруживают сходство с прибалтийско-финскими обобщительно-определительными местоимениями: фин. *joka*, кар. *joga*, вод. *jeка*, саам. *juoke* ‘каждый’. Можно предположить, что в лузско-летский диалект местоименные формы *йойк* (*йойкөн*, *йок*, *йок*) проникли в результате контактов с прибалтийско-финскими племенами. Факт участия в формировании культуры Лузской Пермцы представителей волжских и прибалтийских финнов общеизвестен (...).

В удорском диалекте в функции обобщительно-определительных местоимений употребляются слова *скөн’*, *көн’* ‘все, все’: *Скөн’ йуöны*, *скөн’* (Важг.) ‘Все пьют, все’; *Көн’ öткойöm* (Пучк.) ‘Все одинаковые’ (УД: 64). В верхневычегодском, нижневычегодском и верхнесысольском диалектах данные слова употребляются в значении ‘совсем, совершенно’ (ССКЗД: 340).

2.4.1.5. *Вопросительно-относительные местоимения*

Субстантивные вопросительно-относительные местоимения не имеют особых формальных различий. Повсеместно в диалектах употребляются местоимения *коди*, *код* ‘кто’ и *мый* ‘что’.

Местоимение *коди* ‘кто’ представлено вариативными формами *код*, *кöдэ*, *кой*. В ижемском диалекте функционирует лишь местоимение *код*, вариативная форма *коди* не встречается: *Код локтэ?* ‘Кто идет?’ (ИД: 78). В удорском диалекте зафиксирована вариативная форма *кой* ‘кто’: *кой тöдас* (Пучк.) ‘кто знает’ (УД: 175). Вариативная форма *кöдэ* употребляется в верхнесысольском диалекте: *Кöдэ нö тийан старшöйыс?* (Уж.) ‘Кто из вас старший’ (ОКЗР: 132).

В лузско-летском и верхнесысольском диалектах функционирует местоимение *кин* (лл. *кিনি*) ‘кто’, употребление которого является характерной чертой коми-пермяцких и удмуртских диалектов: лл.

Йӱзыдыс' тӱпӱлтӱ кини настӱритас (Н.) 'Кто станет ухаживать за чужими детьми' (ЛЛД: 72); вс. *Кин тас, мӱй сӱтшиӱм ӱбиднӱ* (Гр.) 'Кто знает, почему так обидно' (ВСД: 113). В среднесыольском и присыктывкарском диалектах местоимение *кин* встречается лишь в устойчивом выражении *кин тӱдӱ* 'кто (его) знает' (ССД: 47; ПСД: 125).

Местоимение *мӱй* 'что' представлено фонетическими вариантами *мӱй, муй, май*. Вариант *мӱй* функционирует в лужских говорах, верхнесыольском, среднесыольском, верхневычегодском и нижневычегодском диалектах: вс. *Кажиччӱ, мӱй тӱнад д'ӱрӱвн'ас'а гажажыкыс н'ӱкӱн абы* 'Кажется, что лучше твоей деревни нигде нет' (ОКЗР: 145); сс. нв. *мӱй колӱ, сийӱ и кар* 'что необходимо, то и сделай' (СТ III: 246). В летских говорах и удорском диалекте употребляется вариант *муй*: уд. *Муӱ косанад каран?* 'Что косо́й будешь делать' (УД: 62); лет. *муӱ выныс'* 'что есть сил, изо всех сил' (ССКЗД: 230). В удорском диалекте данная форма может осложняться формантом *-а*: *Муӱа шуас ропкӱдигӱныс, сийа и лоӱ* 'Что скажет (он), то и будет' (КФ: 27). Вариант *май* встречается в удорском диалекте: уд. *Май нӱ оз шуны?* (Косл.) 'Что же не говорят'; *Май нӱ тат'чӱ вожас'ан?* (Косл.) 'Что сюда наваливаешься?' (УД: 62).

Местоимения *коди* (*код*) 'кто' и *мӱй* 'что', подобно существительным, склоняются по падежам, однако имеют лишь парадигму основного склонения. Во всех диалектах данные местоимения могут образовывать форму множественного числа (*мӱййас*, уд. *мӱййӱс, мӱййӱс* 'что'; *кодйас*, вс. лл. *кинйас*, уд. *кодйӱс, кодйӱс* 'кто') и личные формы посредством притяжательных суффиксов коллективного обладания (*кодным*, иж. *коднум*, вв. *кодним* 'кто из нас двоих'; *кодныд*, вв. *коднид* 'кто из вас двоих'; *кодныс*, вв. *коднис* 'кто из них двоих').

В лужско-летском, вымском и удорском диалектах местоимение *коди* (лл. *кин*) 'кто' в форме аккузатива может употребляться в значении местоимения *мӱй* 'что': лл. *Кинӱс и вӱтлӱдлӱ* (Н.) 'Что он ходит' (ЛЛД: 73); вым. *Кодӱс сы дыра мӱдӱччан?* (К.) 'Что так долго собираешься' (ВД: 110); уд. *Кодӱс вӱк мӱ вылӱ с'ӱралан* (Гл.) 'Что все надо мной смеешься' (ССКЗД: 159).

2.4.1.6. Отрицательные местоимения

Повсеместно употребительными отрицательными субстантивными местоимениями являются формы *н'экод* (иж. *н'икод*) 'никто', *н'инём* (иж. вв. *н'инэм*) 'ничего'. От местоимения *н'экод* (иж. *н'икод*) посредством лично-притяжательных суффиксов коллективного обладания *-ным*, *-ныд*, *-ныс* образуются употребляемые во всех диалектах личные формы *н'экодным* 'никто из нас', *н'экодныд* 'никто из вас', *н'экодныс* 'никто из них', а также формы с суффиксом *-нан-*: *н'экоднаным* 'никто из нас', *н'экоднаныд* 'никто из вас', *н'экоднаныс* 'никто из них двоих'. Отличия данных местоименных форм в зырянских диалектах касаются лишь фонетической огласовки лично-притяжательных формантов.

Кроме вышеуказанных местоимений, в диалектах широко употребляются местоимения *н'эмтор*, *н'инёмтор* 'ничего'. В ареале южных диалектов наряду с вышеуказанными местоимениями функционирует вариативная местоименная форма *н'эм* 'ничего', характерная для коми-пермяцких диалектов: лл. *Көтс'ынытö н'эмön*, *йöлыс абы* (З.) 'Ставить тесто не на чем, молока-то нет' (ЛЛД: 78); вс. *Н'эм оз быдымы* 'Ничего не растёт' (ВСД: 114). В присыктывкарском диалекте местоимение *н'эм* встречается лишь в составе некоторых сочетаний, типа *н'эм жалиттöг* 'безжалостно', *н'эм повтöг* 'смело' и др. (ПСД: 127).

В среднесысольском диалекте фигурируют вариативные формы *н'эмс'а*, *н'имс'а*, *н'эмыс'* 'ничего': *Н'эмс'а оз кыл* (Ч.) 'Ничего не слышу'; *Н'эмс'а магазинас абу* 'Ничего в магазине нет' (АМ).

В вымском, ижемском и верхневыхегодском диалектах местоимение *н'инём* (иж. вв. *н'инэм*) имеет вариативную форму *н'имён* (иж. вв. *н'имэн*), возникшую в результате метатезы: иж. *Н'имэн из ло* 'Ничего не случилось' (ИД: 79); вым. *С'из'имыс н'имён оз кужны карны* 'Семеро ничего не умеют делать' (ВД: 111). В удорском диалекте местоимение *н'инём* представлено вариативными формами *н'иём*, *н'ийём* (УД: 62).

В лузско-летском и верхнесысольском диалектах бытует отрицательное местоимение, образованное от вопросительно-относительного местоимения *кин* 'кто': лл. *Н'экинлö оз мешайт* (Лет.) 'Никому не мешаю'; *Кайныс н'экин динö* (Пор.) 'Идти не к кому' (ЛЛД: 73);

вс. *Н'экин талун эз волы* (Кг.) 'Никто сегодня не приходил' (ВСД: 114). Местоимение *н'экин* 'никто' – черта коми-пермяцких и некоторых удмуртских диалектов.

В среднесысольском, верхневычегодском и удорском диалектах наблюдаются случаи образования отрицательных местоимений (как субстантивных, так и адъективных) посредством префиксов сс. *н'инӧ-*, уд. *н'ийӧ-*, вв. *н'инэ-*. Примеры: сс. *н'инӧкод* (ССД: 47); уд. *н'ийӧкоди*, *н'инӧкоди* (УД: 62); вв. *н'инэкод* 'никто' (ВВД: 98).

Усиление значения отрицания в зырянских диалектах передается посредством редупликации основ отрицательных местоимений: печ. *н'инӧмыс'-н'инӧм* 'абсолютно ничего' (ПД: 35); скр. *н'инӧмыс'-н'инӧмтор* 'абсолютно ничего' (ПСД: 127); вв. *н'инэмис'-н'эмтор*, *н'инэмис'-н'инэм* 'совершенно ничего' (ВВД: 98); сс. *н'эмс'аыс'-н'эмтор* 'совершенно ничего' (ССД: 47); вс. *н'эмыс'-н'эмтор* 'абсолютно ничего' (ВСД: 114); лл. *н'эмыс'-н'эм*, *н'эмушки-н'эм* 'абсолютно ничего' (ЛЛД: 73).

2.4.1.7. Неопределенные местоимения

Во всех диалектах неопределенно-личные местоимения образованы от соответствующих вопросительно-относительных местоимений (см. раздел 2.4.1.4.) посредством присоединения к основе частиц *кӧ* (иж. вв. *кэ*) или *с'урӧ* (иж. вв. *с'урэ*): *мыйкӧ* (вв. иж. *мыйкэ*) 'что-то', *кодкӧ* (иж. вв. *кодкэ*) 'кто-то', *мыйс'урӧ* (иж. вв. *мыйс'урэ*) 'что-либо', *кодс'урӧ* (иж. вв. *кодс'урэ*) 'кто-либо'

В южных зырянских диалектах данная группа местоимений образуется также посредством заимствованной русской частицы *н'эбуд'* (*н'энабуд'*) < рус. *нибудь*: *мӧй-н'энабуд'*, *мӧйкӧ-н'эбуд'* 'что-нибудь' (ВСД: 114); лл. *Эсӧ муйӧн-н'эбуд' сайӧдӧнты* (Сл.) 'Это чем-нибудь прикрой', *Мӧй-н'энабуд' кышал дай* (З.) 'Одень что-нибудь' (ЛЛД: 74).

В лузско-летском и среднесысольском диалектах для образования неопределенных местоимений употребляются также частицы *-йа* (*-йа-йа*) и *-са*: лл. *Кин-йа шарӧтчӧ* 'Кто-то шуршит', *Мӧй-са вӧчс'ӧ, ог тӧд н'эм* 'Не поймешь, что и делается' (ЛЛД: 74); сс. *мый-йа*, *мый-йа-йа* 'неизвестно что'; *код-йа* 'неизвестно кто' (ССД: 48).

2.4.2. Адъективные местоимения

В разряд местоимений-прилагательных входят следующие местоимения: 1) притяжательные: *мена́м* ‘мой’, *тэна́д* ‘твой’, *сылён* ‘его’, *мия́н* ‘наш’, *тия́н* ‘ваш’, *налён* ‘их’; 2) усилительно-притяжательные: *ас* ‘свой’, *асла́м* ‘мой, свой’, *асла́д* ‘твой, свой’, *асла́с* ‘его собственный’; 3) неопределенные местоимения: *кутишо́мсюрё* ‘какой-то’, *кутишо́мкө* ‘какой-то’, *кымыно́дкө* ‘который-то’; 4) вопросительно-относительные: *кутишо́м* ‘какой’, *коднан* ‘который из’, *мыйся́ма* ‘какой’; 5) обобщенно-определятельные: *мукө́д* ‘другой, иной’, *бы́д* ‘каждый’, *бы́дся́ма* ‘всякий’; 6) отрицательные: *некутишо́м* ‘никакой’, *нетатишо́м* ‘не такой’, *некоднан* ‘ни который из’; 7) указательные: *татишо́м* ‘такой’, *эатишо́м* ‘этакий’, *эстишо́м* ‘такой’ (Федюнева 1990: 24; ÖKK: 195). Адъективные местоимения, подобно прилагательным, используют для своего грамматического оформления категории числа, степеней сравнения и изредка степеней качества. В функции адъективных притяжательных местоимений в зырянских диалектах выступают генитивные, аблативные, а также краткие номинативные формы личных местоимений, формальные особенности которых рассмотрены в разделе 2.4.1.1. Данные местоимения являются падежными формами субстантивных местоимений, но отличаются синтаксически: притяжательные местоимения примыкают к определяемому слову и выполняют функцию определения.

2.4.2.1. Усилительно-притяжательные местоимения

В роли усилительно-притяжательных местоимений в коми языке употребляются генитивные и аблативные формы усилительно-личных местоимений и местоимение *ас* ‘свой’.

Формальное варьирование генитивных и аблативных форм усилительно-притяжательных местоимений рассмотрено нами в разделе 2.4.1.2. Из особенностей в функционировании данных форм следует отметить следующее:

1. В верхнесысольском диалекте и ряде говоров среднесысольского диалекта генитивная форма усилительно-притяжательного местои-

меня 1 лица мн. числа выступает в форме *асламын* ‘свой’ вм. *асланым* других диалектов (ССКЗД: 13; ССД: 46). Рассматриваемая форма возникла в результате метатезы, имевшей место в данных территориально-языковых разновидностях (ср. *кыным* < *кымын* ‘сколько’, *сыным* < *сымын* ‘столько’).

2. В говоре с. Читаево лузско-летского диалекта, кроме генитивных и аблативных форм усилительно-притяжательных местоимений, в функции притяжательных местоимений употребляются дативные формы: *Мэ Лубаёс л'убита, аслым мон'ёс* ‘Я люблю свою Любу, свою невесту’; *Мэ с'ойа соб, аслым бэкарыс'* ‘Я ем отдельно, из своей миски’; *Аслыд д'ит'а кыдзи кол'ан* ‘Как бросишь своего ребенка’ (ЛЛД: 70).

В функции усилительно-притяжательного местоимения во всех диалектах активно употребляется местоимение *ас* ‘свой’: вым. *Ас понйыд йонджык на пурё* (К.) ‘Своя собака еще больше кусает’ (ВД: 104); иж. *Ас нылыслы н'ёбис плат'т'э* (Мохча) ‘Своей дочери купил платье’ (ИД: 74); вс. *ас морт* ‘свой человек’, *ас н'эн'* ‘свой хлеб’ (ВСД: 110). Особенно широко оно функционирует в северных зырянских диалектах; довольно редко – в лузско-летском.

2.4.2.2. *Вопросительно-относительные местоимения*

Состав адъективных вопросительно-относительных местоимений тождествен во всех зырянских диалектах. Некоторые расхождения наблюдаются в фонетическом облике рассматриваемых местоимений. Местоимение *кутшюм* ‘какой’ представлено фонетическими вариантами *кутшюм*, *кутшэм*, *кытшюм*, *кутшюми*, *кутшю*, *кутшюмик*, *кутшэй*, *кутшэйа*.

Литературная форма *кутшюм* представлена в большинстве зырянских диалектов, за исключением ижемского и верхневычегодского, в которых функционирует вариант *кутшэм*.

В южных верхнесыольском и среднесыольском диалектах употребляется вариант *кытшюм* (ВСД: 113; ССД: 47). Данный вариант распространен во всех пермяцких диалектах и является нормой коми-пермяцкого литературного языка (КПЯ: 239). Аналогич-

ную *ы*-овую огласовку имеет удмуртское местоимение *кыцэ* ‘какой’ (Кельмаков 1998: 138).

В удорском диалекте и говоре с. Занулье лузско-летского диалекта функционирует вариативная форма с опущенным конечным согласным: *кутишö* (УД: 61; ЛЛД: 72).

В ряде зырянских диалектов часто употребляются вариативные формы вопросительно-относительных местоимений с наращениями *-и*, *-ин*, *-ик*, *-эй*, *эйа*: лл. вс. сс. *кутишöми*, вым. *кутишöмин*, лл. скр. *кутишöмик*, уд. *кутишэй*, *кутишэйа* ‘какой’.

В ареале южных, а также присыктывкарского, верхневычегодского и печорского диалектов употребляется адъективное вопросительно-относительное местоимение *мыйс'ам'а* ‘какой, что за’. Данное местоимение представлено вариантами *мыйс'ама* (сс. скр.), *мыс'ама* (скр. вв. печ), *мыс'эма* (вв.), *мус'эма* (скр.), *муйс'ама* (лет.), *мös'а* (вс.). В северных диалектах данное местоимение не встречается.

В функции адъективного вопросительного местоимения *кутишöм* ‘какой’ в коми-зырянских диалектах могут употребляться субстантивные вопросительные местоимения *код* ‘кто’ и *мый* ‘что’: лл. **Код Марья?** (Лет.) ‘Какая Марья?’, **Муй удж вэд эг уджаллы** (Лет.) ‘Какую только работу не выполнял’ (ЛЛД: 73); вс. **Кöд лун уджала**, **кöд лун ог** (Мырп.) ‘В какой день работаю, в какой день нет’ (ВСД: 113); вв. **Тайа мый мэста?** ‘Это какое место?’ (ВВД: 97); скр. **Мый удж вылын бабаыс уджалö?** (В.) ‘На какой работе его жена работает?’ (ПСД: 126); нв. **Мый турун?** ‘Какая трава?’ (НВД: 44); вым. **Мый вис'öм сылөн?** (К.) ‘Какая у него болезнь?’ (ВД: 110); печ. **Мый груз вайöны, ог тöд** ‘Какой груз везут, не знаю’ (ПД: 35); иж. **Вэдраас мый ва?** ‘В ведре какая вода?’ (ССКЗД: 230).

2.4.2.3. Неопределенные местоимения

Адъективные неопределенные местоимения, бытующие в зырянских диалектах, образованы от соответствующих вопросительных местоимений посредством неопределенных частиц лл. вс. сс. скр. нв. вым. уд. печ. *-кö*, *-с'урö*; вв. иж. нв. *-кэ*, *-с'урэ*. Формальное варьирование вопросительных местоимений рассмотрено в разделе

2.4.2.2. Отметим лишь некоторые единичные особенности в употреблении неопределенных местоимений.

В верхнесысольском диалекте неопределенная частица *-с'урö* может употребляться в форме *-с'урас*: *Кутшöмс'урас төвар вайöмаöс'* (Гр.) 'Оказывается, привезли кое-какой товар'; *Мöс'ас'урас йöз волиныс* (Уж.) 'Приходили какие-то разные люди' (ВСД: 115).

В лузско-летском и среднесысольском диалектах рассматриваемые местоимения образуются также при помощи неопределенных частиц *-йа* и *-са*: лл. *Картокыс кутшöм-са быдмас-а* (Сл.) 'Неизвестно, какой вырастет картофель' (ЛЛД: 74); сс. *кутшöм-йа*, *кытшöм-йа* 'кто знает, какой' (ССД: 48). На наш взгляд, местоимения с частицами *-кö* / *-с'урö* и местоимения с частицами *-са* / *-йа* имеют различные оттенки значения. Первые имеют семантику неопределенности, а вторые – неизвестности.

2.4.2.4. Отрицательные местоимения

Адъективные отрицательные местоимения в зырянских диалектах, за исключением ижемского, образуются от соответствующих вопросительных местоимений посредством приставки *н'э-*: *н'экутшöм* 'никакой', *н'экоднан* 'никоторый'. В ижемском диалекте они образуются с помощью приставки *н'и-*: *Н'икоднаныс оз лöс'ооны* 'Никоторый (из двух) не подходит' (ИД: 79).

В верхневычегодском диалекте, ряде говоров среднесысольского диалекта (Б., П.) и мезенских говорах отрицательные адъективные местоимения могут образовываться также с помощью приставок сс. *н'инö-*, вв. *н'инэ-*, уд. *н'иö-*: сс. *н'инöкутшöм*, вв. *н'инэкутшэм*, уд. *н'инöкутшöм*, *н'иöкутшöм* 'никакой' (ССКЗД: 237).

В верхнесысольском диалекте в роли отрицательного адъективного местоимения употребляется местоимение *н'эмс'а* 'никакой': *Н'эмс'а уджыс' эг пöлз'ыл н'экодыр* (Кг.) 'Никогда никакой работы не пугался' (ВСД: 114). Данное местоимение функционирует и в среднесысольском диалекте, но в качестве субстантивного отрицательного местоимения.

2.4.2.5. *Обобщительно-определительные местоимения*

В зырянских диалектах повсеместно распространены адъективные обобщительно-определительные местоимения *быд*, *быдс'ама* (вв. *быдчэма*; вым. лл. нв. скр. *бытс'ама*; луз. сс. уд. *бытчама*; нв. *быччама*; иж. *быччэма*) 'каждый, всякий' (ССКЗД: 33) и *мукөд* (вв. иж. *мукэд*) 'иной, другой'. В настоящее время в диалектах широко употребляется заимствованное из русского языка местоимение *каждой* (сс. лет. нв. скр. *кажнөй*, вв. вым *кажнэй*) 'каждый' (ССКЗД: 145).

В удорском диалекте бытуют специфические местоимения *быткутишө* и *быткойа* 'всякий': *Быткутишө с'эрсө с'эрөди* (Важ.) 'Всякие узоры делала', *Быткойа бобулыс выим* (Разг.) 'Всякие бабочки есть' (УД: 64). Удорское местоимение *быткойа* по своей природе одинаково с местоимениями *быдкод'* и *быдкойд'д'а* 'всякий', бытующими соответственно в среднесысольском и нижневычегодском диалектах (ССКЗД: 33). В среднесысольском диалекте встречается также специфическая форма обобщительно-определительного местоимения *быдс'а* (ССКЗД: 33).

В верхнесысольском и среднесысольском диалектах употребляется заимствованное местоимение *с'акөй* (< рус. *всякий*), широко представленное также в коми-пермяцких диалектах.

Из специфических обобщительно-определительных местоимений следует отметить также местоимения *бэрс'а*, *бэрс'ама* 'всякий', бытующие в лузско-летском диалекте (ССКЗД: 33) и в говоре с. Куратово среднесысольского диалекта (ССД: 48). Аналогичное местоимение функционирует в коми-пермяцком языке, но является субстантивным обобщительным местоимением: *берся* 'всякое, всякая всячина'; *сия кужө пуись керны берсясө* 'он умеет делать из дерева всякую всячину' (КПРС 1985: 31). Местоимение *бэрс'а* не зафиксировано в других зырянских диалектах, однако в удорском и вымском диалектах бытуют наречия *бэр* 'много, довольно много' и *бэрыс'* (уд. *бэрыс'*) 'довольно часто, много раз': вым. *Войдөр вөли бэр тышкас'асны* (К.) 'Раньше бывало часто дрались' (ВД: 150); уд. *Бэр чэри кыйлим тыэс'с'ис* (Крив.) 'Довольно много рыбы ловили в этих озерах'; *Бэрыс'* *сувтлан ойнас т'ат'эйыд динө* (Крив.) 'Столько раз

ночью подойдешь к ребенку’ (УД: 85). На наш взгляд, данные наречия и обобщительно-определяющее местоимение *бэрс’а* ‘всякий, каждый’ имеют схожую семантику и являются общими по происхождению.

2.4.2.6. Указательные местоимения

В зырянских диалектах функционируют те же адъективные указательные местоимения, что и в литературном языке; незначительные расхождения наблюдаются в их фонетическом оформлении. По своему значению данные местоимения можно разделить на ближнеуказательные и дальнеуказательные.

К ближнеуказательным местоимениям относятся местоимения *татишөм* ‘такой’ и *эатишөм* ‘вот такой’, указывающие на признак предмета, находящегося поблизости с говорящим. Рассматриваемые местоимения в зырянских диалектах представлены следующими формальными вариантами: 1) *татишөм* (вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд.) / *татишэм* (иж. вв.) / *татишөмин* (вым.) / *татишөми* (сс. скр.) / *татишөмта* (сс.) / *татишөмик* (скр. лл.) / *татишэй* (уд.) / *татишө* (уд. (ваш.) л.) / *таитишэм* (вв.); 2) *эатишөм* (сс. нв. вым. уд. печ. скр. лл. вс.) / *эатишэм* (иж. вв.) / *эатишөмин* (вым.) / *эатишөми* (сс. скр.).

К местоимениям, указывающим на признак предмета, находящегося в отдалении от говорящего, относятся местоимения *сэтишөм* ‘такой’ и *эстишөм* ‘вот такой’. Местоимение *сэтишөм* в диалектах представлено вариантами *сэтишөм* (вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд.) / *сэтишэм* (иж. вв.) / *сэтишөмин* (вым.) / *сэтишөми* (сс.) / *сэтишөмта* (сс.) / *сэтишө* (уд. (ваш.) л.) / *сэитишэм* (вв.). В летском говоре зафиксировано употребление местоимения *такöй* ‘такой’, заимствованного из русского языка (ССКЗД: 359). Большим количеством формальных вариантов представлено местоимение *эстишөм* ‘вот такой’: *эстишөм* (вс. печ.) / *эсэтишөм* (уд.) / *эсытишөм* (печ.) / *эситишэм* (вв.) / *эитишөм* (вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд.) / *эитишө* (уд.) / *эитишөми* (сс. скр.) / *эитишэм* (вв. иж.) / *этитишөм* (вс.) / *эишишөм* (вс.) / *этишөм* (лл. вс. сс.) / *этишө* (лл.) / *этишөмик* (лл.) / *этишөмин* (вым.).

Как правило, в диалектах и литературном языке *т*-овые местоименные основы относятся к ближнеуказательным местоиме-

ниям, *с*-овые – к дальнеуказательным. Однако в лузско-летском и среднесысольском диалектах *т*-овые адъективные указательные местоимения могут обозначать признак отдаленного предмета: сс. *этытшюм* ‘вот такой’ (ССД: 47); лл. *Оз потлы тытшюм пуыд* ‘Такое дерево невозможно расколоть’ (Гур.) (ЛЛД: 71). Разграничение *т*-овых адъективных местоимений происходит посредством гласного основы: гласный *а* присутствует в основе ближнеуказательных местоимений, гласный *ы* – в основе дальнеуказательных (*татшюм* ‘такой’ – *тытшюм* ‘вон такой’). Подобные явления мы наблюдаем в нижневыхегодском, удорском и ижемском диалектах в сфере субстантивных указательных местоимений (см. раздел 2.4.1.3.).

В ижемском диалекте в значении ‘вот такой’ может выступать префиксальная форма вопросительного местоимения *кутшэм* ‘какой’ – *экутшэм* (ИД: 104).

2.4.3. Квантитативные местоимения

Местоимения-числительные указывают на количественные характеристики предметов и объединяют следующие семантические группы: 1) вопросительные: *мыйта*, *мый мында*, *кымын* ‘сколько’; 2) указательные: *сы мында*, *сымда*, *та мында* ‘столько’; 3) неопределенные: *кымынкö* ‘сколько-то’, *некымын* ‘несколько’, *öткымын* ‘сколько-то’ (Федюнева 1990: 26).

2.4.3.1. Вопросительные местоимения

Местоимение *кымын* ‘сколько’ в зырянских диалектах представлено вариативными формами *кымын*, *кымин*, *кыным*, *кынымйа*, *кымынйа*. В большинстве диалектов употребляется вариант *кымын*, в верхневыхегодском и ижемском диалектах – вариант *кымин*. В верхнесысольском, лузско-летском и удорском диалектах функционирует вариант *кыным*, образованный в результате метатезы.

В лузском говоре и говоре с. Глотова удорского диалекта функционируют формы, осложненные формантом *-йа*: уд. *кымынйа*, лл. *кынымйа* ‘сколько’ (ССКЗД: 186).

Местоимение *мыйта* ‘сколько’ в коми-зырянских диалектах представлено большим количеством фонетических вариантов: скр. сс. *мыйта*; вс. сс. лл. нв. *мөйтөм, мөйта*; сс. скр. *мыйтөм (-и)*; вс. л. сс. скр. вв. *мында*; сс. печ. уд. *мыта*; сс. скр. *мыйда*; лет. уд. *муйтөм*; уд. *муйытта, муйыттөм*; печ. уд. *мыда*; нв. уд. *мыт'та*; скр. *мынта, мыйдөм*; вым. *мыта, мыйттөм, мыттөм*; вым. вв. *мыйтта*; вв. *мыта*; иж. *мыт'тэм, мыттэм*; печ. *мыдда*; уд. *мыттөг, муйтөг*.

Местоимение *мый мында* ‘сколько’, образованное посредством сочетания субстантивного вопросительного местоимения *мый* ‘что’ и количественного вопросительного местоимения *мында* ‘сколько’, имеет множество вариативных форм в результате широкого варьирования его компонентов: иж. вв. нв. вым. *мый мында*; иж. скр. сс. *мый мында*; сс. вс. *мөй мында*; лл. *мөй мыда*; лет. уд. *муй мыда*; уд. *муй мыт'та, муй мыта*; вым. *мый мыта*; иж. *мый мида* (ССКЗД: 230)

В лузско-летском, верхнесысольском и среднесысольском диалектах употребляются специфические количественные местоимения *мөйэти* (лет. *муйэти, муйөти*). Примеры: вс. *Мөйэти ваин пэстө?* (Уж.) ‘Сколько ты привез дров?’ (ВСД: 114); лл. *Мөйэти ыджыд тушаа?* (Об.) ‘Большого ли роста’ (ЛЛД: 73); сс. *мыйэти* ‘сколько’ (ССД: 134).

2.4.3.2. Указательные местоимения

К этому разряду относятся местоимения *та мында, тамда, сы мында, сымда* ‘столько’, имеющие большое количество вариативных форм. Местоимение *сымда* ‘столько’ распространено в южных и присыктывкарском диалектах и представлено вариантами *сымда* (скр. вс. лл. сс), *симда* (лл.) и *сэмда* (вс.): вс. *Кыччө тэ сэмда д'эн'гасө кöйан?* (Уж.) ‘Куда ты столько денег транжиришь?’ (ВСД: 112).

Местоимения *сы мында* и *та мында* имеют большое количество вариативных форм в результате широкого варьирования второго компонента *мында*. Формальные варианты местоимения *мында* ‘сколько’ приведены в разделе, посвященном описанию количественных вопросительных местоимений (см. раздел 2.4.3.1.).

При указании на незначительное количество в среднесысольском диалекте употребляются местоименные формы *тамдышта /*

тамындыш, сымындыш ‘столечко’ (ССД: 57), в лузско-летском – форма *тамдöчки* ‘столечко’ (ЛЛД: 96).

В ижемском диалекте в роли указательного местоимения функционируют специфические формы *сы мый* ‘столько’ и *экымын* ‘вот сколько’: *Эни сы мый ном он ад'дзыл* ‘Теперь столько комаров не бывает’ (ИД: 77); *Экымын во, д'ит'аз, старик мэкэдэ олис ...* ‘Вот сколько лет старик прожил со мной’ (ИД: 104).

В вымском диалекте в значении ‘столько’ может быть употреблено субстантивное вопросительное местоимение *мый* ‘что’: *Уткаыс мый лэбö* (С.) ‘Столечко уток летит’; *Лöптыс бэрэгас мый воöма* (К.) ‘Столечко хламу нанесло на берег’; *Йöзыс тан мый* (В.) ‘Народу здесь столько’ (ВД: 110). В этом же диалекте бытует специфическое местоимение *сыкымын* ‘столько’, не зафиксированное в других диалектах: *Кöн сийа сыкымын лунсö вэтлöдлöма?* (К.) ‘Где он ходил столько дней?’; *Сыкымын морт сэн вöли, с'о морт, гашикö* (К.) ‘Столечко людей там было, может, сто человек’ (ВД: 109).

2.4.3.3. Неопределенные местоимения

Квантитативные неопределенные местоимения образуются от соответственных вопросительных местоимений, диалектно варьирующиеся формы которых приведены в разделе 2.4.3.1., посредством частицы *-кö* (вв. иж. *-кэ*): сс. скр. нв. вым. печ. уд. (Гл.) *кымынкö*, иж. *кымынкэ*, вв. *кыминкэ*, вс. лл. уд. *кынымкö* ‘сколько-то, сколько-нибудь’; вым. *мыттакö*, *мыттöмкö*, лл. *муйтöмкö*, *мöйэтишкö*, *муйэтишкö*, сс. *мыйэтишкö*, сс. лл. *мöйтакö*, скр. *мыйтакö* и др. В лузско-летском диалекте неопределенная частица *-кö* может находиться не только в ауслауте, но и в инлаутной позиции: *муйкötöм* ‘сколько-то’ (ЛЛД: 74). Подобные случаи наблюдаем в присыктывкарском и ижемском диалектах при образовании неопределенных местоимений от форм *мый мында* (иж. *мый мыда*): скр. *мыйкö мында* ‘сколько-то’ (ССКЗД: 230); иж. *мыйкэ мыда вай ди* ‘сколько-то принеси’ (ИД: 79).

В говоре с. Куратово среднесысольского диалекта в значении местоимения *мыйтакö* ‘сколько-то’ употребляется местоимение *кымынтöкö* ‘сколько-то’ (ССД: 48).

В лузско-летском и среднесысольском диалектах рассматриваемые местоимения могут образовываться посредством неопределенных частиц *-йа* и *-са*: лл. **Кымын-са** *во и вис'ис* (Лет.) 'Неизвестно, сколько лет болел', *Кöбрэг гуад с'уйланы кыным-йа и лок* (Пор.) 'В погреб ставят много (неизвестно сколько) кадок' (ЛЛД: 74); сс. *кымынйа* 'кто знает, сколько' (ССД: 48).

В удорском и вымском диалектах неопределенное местоимение *кынымкö* (вым. *кымынкö*) 'сколько-то' может употребляться в значении указательного местоимения 'столько': **Кынымкö** *кöдзыд ва мэ толун йуи* (Венд.) 'Столько холодной воды я выпил сегодня', **Кынымкö** *с'мэк карлис* (Венд.) 'Столько раз он смешил' (УД: 64); вым. **Кымынкö** *мойд и мойдис* (К.) 'Рассказал столько сказок' (ВД: 112).

Кроме вышерассмотренных форм, в зырянских диалектах широко употребляются неопределенные местоимения *н'экымын* (вым. нв. скр. сс. уд. (Гл.) *н'экымын*, вв. *н'экимин*, вс. лл. уд. *н'экыным*) 'несколько' и *öткымын* (печ. скр. сс. *öткымын*, вв. *öткимин*, вс. лл. *öткыным*) 'несколько'.

2.4.3.4. Отрицательные местоимения

Спектр употребляемых в зырянских диалектах квантитативных отрицательных местоимений довольно узок. Повсеместно распространенным является местоимение *н'öти* 'нисколько', представленное в диалектах большим количеством вариативных форм: *н'öt'u* (вв. скр. сс.) – *н'иöt'u* (вым. иж. уд.) – *н'иöt'ик* (иж. уд.) – *н'иöt't'u* (уд.) – *н'эöt'u* (вв.) – *н'эöt'ик* (вс. вым.) – *н'эöt'иг* (лл.) – *н'öt't'u* (нв.) – *н'иöt't'ös'* (уд.) – *н'инöт't'ös'* (уд.) – *н'инöт'ик* (уд.) (ССКЗД: 250).

В лузско-летском диалекте в значении 'нисколько' может употребляться числительное *öt'иг* 'один' (ССКЗД: 250) и местоимение *н'эммыда* 'нисколько'.

2.4.4. Адвербиальные местоимения

Традиционно лексемы, заменяющие слова с обстоятельственным значением типа *сэти* 'там', *тани* 'здесь' и др., включаются в состав наречий. В современной грамматике коми языка группа слов,

заменяющих наречия, выделена в разряд наречных местоимений (ÖKK: 199). Адвербиальные местоимения включают следующие семантические группы местоимений: 1) вопросительные: *мыйла* ‘почему’, *кõни* ‘где’, *кытчõ* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *кор* ‘когда’, *кодыр* ‘когда’, *кыдзи* ‘как’ и др. 2) указательные: *сэни* ‘там’, *тани* ‘тут’, *сэтчõ* ‘туда’, *татчõ* ‘сюда’, *татысь* ‘отсюда’, *сэтысь* ‘оттуда’, *тадзи* ‘так’ и др.; 3) отрицательные: *некõн* ‘нигде’, *некыдз* ‘никак’, *некор* ‘никогда’, *некытчõ* ‘никуда’ и др.; 4) неопределенные: *коркõ* ‘когда-то’, *корсюрõ* ‘когда-то, иногда’, *кõнкõ* ‘где-то’, *кõнсюрõ* ‘где-либо, где попало’, *кысянькõ* ‘откуда-то’, *кытикõ* ‘где-то’ и др.; 5) обобщенные: *быдлаын* ‘езде’, *быдласянь* ‘отовсюду’, *некымынлаын* ‘в нескольких местах’ (Федюнева 1990: 26-27; Федюнева 2000: 79-80; ÖKK: 200-201).

Адвербиальные местоимения, бытующие в коми-зырянских диалектах, не обнаруживают значительных отличий от соответствующих литературных форм. В силу этого в настоящем разделе укажем лишь на их некоторые особенности.

Большинство адвербиальных местоимений в коми языке представляют собой застывшие формы локальных падежей (иллатива, элатива, аппроксиматива, эгрессива, терминатива, транзитива), поэтому диалектные различия в первую очередь касаются формального варьирования застывших падежных показателей: *тас'ан'* (сс. скр. вым. уд. лет. вв.) – *тас'эн'* (вс. луз. нв.) – *татис'õдз* (уд.) ‘отсюда’; *сэтч* (*сэчч-*, *сэс'-*)õ (вс. скр. сс. уд. печ. вым.) – *сэчч*(*сэт'ч-*, *сэч-*)э (иж. нв. вв.); *быдлаын* (лл. вс. сс. скр. нв. вым. печ.) – *быдлаан* (вв.) ‘езде’; *кытчõдз* (*кыччõдз*) (вс. сс. скр. вым. уд.) – *кытчэдз* (*кычэдз*, *кытчиэдз*) (вв. иж. уд. лл.) ‘докуда, до какого места’. Формальные варианты падежных показателей были рассмотрены нами в разделе, посвященном описанию основного склонения имен существительных (см. раздел 2.1.3.1.).

Многие адвербиальные местоимения в диалектах представлены несколькими вариативными формами, различающимися наличием / отсутствием тех или иных структурных сегментов, не несущих семантико-грамматических значений: *сэн* – *сэни* ‘там’; *тат* – *тати* – *татик* (скр.) ‘здесь, по этому месту’; *эат* – *эати* – *эатта* (сс.) ‘здесь, по этому месту’; *кыдз* – *кыдзи* ‘как’; *сидз* – *сидзи* ‘так’; *тадз* –

тадзи ‘вот так’; *сэс’ – сэтыс’* ‘оттуда’; *тас’ – татыс’* ‘отсюда’; *кыс’ – кытыс’* ‘откуда’; *кор – кодыр* (печ. сс. скр.) – *кори* (л.) ‘когда’; *сэтчö – сэтчан’* ‘туда’; *сидзи – сидзик* (вым. скр. сс.) – *сидзин* (вв.) – *сидзиэн* (вв.) – *сидзöн* (уд.) – *сидзикöн* (сс. скр.) – *сидзикэн* (иж.) – *сидзикöнöс’* (скр.) ‘так’ и др.

2.4.4.1. *Вопросительные местоимения*

Среди адвербиальных вопросительных местоимений особый интерес вызывает формальное варьирование местоимения *мыйла* ‘почему, зачем’. Данное местоимение представляет собой застывшую падежную форму конзекутива вопросительного местоимения *мый* ‘что’. Следовательно, широкое формальное варьирование местоимения *мыйла* в первую очередь вызвано диалектным варьированием его основы *мый*: *мыйла* (вв. вым. нв. скр.) – *мöйла* (сс. нв.) – *муyla* (уд.). Примеры: скр. *Мыйла он пов?* ‘Почему ты не боишься?’ (ПСД: 171); уд. *Муyla сэтчö кывлыс’ин?* (Черн.) ‘Зачем вмешался?’ (УД: 86).

В нижневычегодском, удорском и южных диалектах застывший формант конзекутива рассматриваемого местоимения выступает в виде *-лö*: *мöйлö* (лл. вс. сс. нв.) – *мыйлö* (сс.) – *муylö* (уд.).

Кроме вышеприведенных местоименных форм, в диалектах широко употребляются варианты, образованные в результате звукоперехода сочетания *йл* в *л’*: *мыл’а* (вв. вым. иж. печ. сс.) – *мöл’а* (лл. вс. сс. нв. (Гам) – *мул’а* (лл. уд.). Примеры: вым. *Мыл’а тэ татшиöм завал’нö олан?* ‘Почему ты живешь так нерасчетливо?’ (ВД: 148); уд. *Мул’а нö ин витышты?* (Важ.) ‘Почему же не подождал немножко?’ (УД: 86); вс. *Мöл’а эн во тöрыт?* (Кб.) ‘Почему ты не пришел вчера вечером?’ (ВСД: 139); нв. *А мöл’а нö сийа оз лок?* ‘А почему он не придет’ (ОКЗР: 15).

В лузско-летском, верхнесысольском, верхневычегодском, вымском и удорском диалектах в значении ‘почему, отчего’ может выступать также элативная форма субстантивного вопросительного местоимения *мый* ‘что’: *мыйыс’* (вым.) – *мöйыс’* (вс. лл.) – *муyыс’* (лл. уд.) – *муyис’* (уд.) – *мыйис’* (вв.). Именно в этих диалектах существительное в форме элатива широко употребляется в значении причины

совершения действия. Примеры: уд. *Муйыс' пин'ас'ө вэксö, код төдас?* (Крив.) 'Отчего все время ругается, кто знает?' (УД: 85); вым. *Мыйыс' видзöдлис, ог төд* (Онеж.) 'Не знаю, почему посмотрел' (ВД: 148). В удорском диалекте местоименная форма *муйис'* может осложняться сегментом *-с'а* (< *-йа*): *муйис'с'а* 'почему, отчего' (ССКЗД: 230).

В среднесысольском, присыктивкарском и удорском диалектах бытуют вариативные формы, образованные посредством суффикса *-а*: *мыйа* (сс. скр.) – *мöйа* (сс.) – *муйа* (уд.) (ССКЗД: 230).

В ряде зырянских диалектов в значении 'почему, отчего' употребляются специфические местоименные формы, не получившие широкого распространения. В удорском диалекте зафиксированы вариативные формы *муйö, муйсы, майнö*. В верхневыхегодском диалекте в рассматриваемом значении широко функционирует аккузативная форма местоимения *мый* 'что' – *мыйэс* 'почему' (ВВД: 118). В лузско-летском диалекте зафиксировано употребление заимствованного местоимения *наштö* 'почему, зачем': *Наштö лактид?* (Пр.) 'Зачем пришли' (ЛЛД: 192). Местоименная форма *начто* (*нашто, начово*) широко употребляется в русских говорах и относится к простонародной лексике (Даль 1989: 497).

В южных, а также в вымском и удорском диалектах в значении 'почему, зачем' функционирует вопросительное местоимение *мый* 'что' с послелогом *вылö* 'на': *мöй вылö* (вс. сс. л.) – *мый вылö* (вым. сс.) – *муй вылö* (уд.). Примеры: вс. *Кагасö мöй вылö гöрзöдан?* (Уж.) 'Почему заставляешь ребенка плакать?' (ВСД: 139); сс. *Мöй вылö мэнö корин?* (Ч.) 'Почему (ты) позвал меня?' (АМ).

2.4.4.2. Указательные местоимения

В коми-зырянских диалектах некоторые особенности обнаруживают указательные местоимения со значением места, образованные от *т*-овых и *с*-овых основ. Как правило, в большинстве диалектов *т*-овые основы указывают на ближний план, *с*-овые основы – на дальний план. Примеры: *тан / тани* 'здесь' – *сэн / сэни* 'там'; *татчö* 'сюда' – *сэтчö* 'туда'; *татыс' / тас'* 'отсюда' – *сэтыс / сэс'* 'оттуда'. Отклонения от данного правила наблюдаются в северных диалектах

(см. также раздел 2.4.1.3.). В ижемском, удорском и вымском диалектах местоимения с основой *ты-* / *тыт-* указывают на отдаленную локализацию: иж. *тытэн* ‘там’, *тытыс’* ‘оттуда’, *тыт’чэ* ‘туда’ (ИД: 104); уд. *Сэс’с’а тын олышти* (Лат.) ‘Затем там пожила’, *Муна йагас тытчө* (Крив.) ‘Иду туда в лес’ (УД: 84); вым. *Сийа татиджык каис, мэ тытөнджык вöли* (Онеж.) ‘Он поднялся по этому месту, я был поодаль’ (ВД: 149). На ближний план в удорском и вымском диалектах, как и в других зырянских диалектах, указывают местоимения с основой *та-* (*татөн* ‘здесь’, *татыс’* ‘отсюда’ и др.). Таким образом, в вымском и удорском диалектах дифференциальным признаком *т-*овых местоимений является гласный основы. В ижемском диалекте на ближнюю локализацию предмета указывают местоимения *эстэн* ‘здесь’, *эс’чэ* ‘сюда’, *эстыс’* ‘отсюда’ и др. (ИД: 104). Во всех остальных коми-зырянских диалектах подобные местоимения являются дальнеуказательными. Примеры: вс. сс. скр. нв. вым. уд. печ. *эстөн* ‘там’, *эстыс’* ‘оттуда’ (ССКЗД: 448).

Из специфических указательных местоимений со значением места следует привести лексемы с основой *ност-* (*нуст-*), функционирующие в удорском диалекте: *ности видзөд* ‘там смотри’; *нустөн, ностөн, нустэтөн* ‘там, на том мест’; *ностыс’, нустыс’* ‘с того места’ и т.д. (УД: 85, 210-211). Вероятно, префиксы *но-*, *ну-* являются вариантами повсеместно распространенного префикса *э-* с усилительным указательным значением: *эстөн* ‘вон там’, *этатөн* ‘вот здесь’.

В ижемском диалекте в роли указательного местоимения со значением образа действия может выступать вопросительное местоимение *кудз* ‘как’ с приставкой *э-*: *Экымын во, д’ит’аэ, старик мэкэдэ олис да экудз чун’н’ас из тшукэдлы...* ‘Сколько лет старик прожил со мной и пальцем меня не тронул’ (ИД: 104).

В лузско-летском диалекте употребляется вариативная форма указательных местоимений со значением образа действия *тадз* / *тадзи* ‘вот так’, *сидз* / *сидзи* ‘так’ – *эдзи* ‘так’ (ЛЛД: 96). Лузско-летская форма *эдзи* не представлена в других зырянских диалектах, однако в удорском диалекте функционирует формально схожая местоименная форма *эйдзөн* ‘этак’ (ССКЗД: 448). На наш взгляд, форма *эдзи* может являться стяженным вариантом местоимения *этадзи* ‘вот так’.

2.5. Глагол

Глагол в коми языке характеризуется как часть речи, обозначающая действие и выражающая это значение в категориях наклонения, лица-числа, времени, залога, способа глагольного действия и степеней действия (ÖKK 2000: 207; Цыпанов 2005: 27). Глаголу характерны финитные и инфинитные формы. Инфинитными формами являются инфинитив, причастие и деепричастие. К финитным относятся глаголы, которым свойственны изменяемые формы лица, числа, наклонения, способа глагольного действия.

2.5.1. Категория наклонения

2.5.1.1. Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение не имеет специального морфологического показателя и выделяется в особое наклонение благодаря сопоставлению с формами императива.

Изъявительное наклонение выражает действие или состояние, как реально происходящее, происходившее в прошлом или имеющее место в будущем: лл. *Оштö вöрс'ыд вайим и йукимö вит пэл'ö* 'Медведя из лесу вывезли и поделили на пятерых' (ЛЛД: 77); вс. *Сэс'с'а и шоналышитим да бара мөддöччимö* 'Затем мы отогрелись и снова отправились (в путь)' (ВСД: 120); сс. *Аскинад чэччим, öбэдайтим, с'а карö бара мунимö* 'Назавтра утром встали, пообедали, затем обратно пошли в город (ССД: 50); скр. *Тиэмила пэсаныд, буссö лэптаныд* 'Возитесь, пыль поднимаете' (ПСД: 133); вым. *Кöчыд сийа бад' уус'ыд и войöдис дас суутис, мэ вылö видзöдö* 'Заяц выбежал из-под куста, остановился, смотрит на меня' (ВД: 121); иж. *Кан'эв Макс'им вис'талис, мый мэ сэн рöбитлэма* 'Канев Максим сказал, что я там работал' (ИД: 84).

2.5.1.2. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражает приказ или просьбу говорящего, а также побуждение к действию. Основными формами повелительного наклонения в диалектах коми языка являются формы 2 лица ед. и мн. числа, а также 1 лица мн. числа.

Форма императива 2 лица ед. числа, считающаяся основной и наиболее древней, представляет собой чистую основу (консонантную) или форму с конечной гласной (вокалическую), образующуюся путем отсечения суффикса инфинитива **-ны**. В диалектах коми языка положительная форма императива 2 лица ед. числа имеет отличия лишь в вокалической основе (**-ы** ~ **-и**), являющейся результатом междиалектной корреспонденции гласных: вс. *мун* ‘иди’, *пукты* ‘положи’ (ВСД: 119); лл. *мун*, *пукты* (ЛЛД: 79); сс. *йуыиш*, *йуыишты* ‘попей’ (ССД: 52); скр. *мун* ‘иди’, *пукты* ‘положи’ (ПСД: 132); нв. *с’ив* ‘пой’, *вэжс’и* ‘переоденься’, *дугды* ‘перестань’ (НВД: 49); вв. *мун* ‘иди’, *пукс’и* ‘садись’ (ВВД: 101); вым. *мун* ‘иди’, *пукты* ‘положи’ (ВД: 119); печ. *пэт* ‘выходи’, *мыс’с’ы* ‘умойся’ (ПД: 38); иж. *мун* ‘иди’ (ИД: 87); уд. *с’ив* ‘пой’, *кар* ‘делай’, *корс’ы* ‘ищи’, *вос’ты* ‘открой’ (УД: 73).

Отрицательная форма императива 2 лица ед. числа в диалектах коми языка образуется при помощи отрицательного глагола **эн** и основы смыслового глагола. В нижневычегодском, вымском и ижемском диалектах отрицательный глагол имеет вариант **ин**. Данная форма совпадает с отрицательным глаголом 2 лица ед. числа I прошедшего времени, но имеет отличие в интонации: вв. *эн мун* ‘не ходи’ (ВВД: 102); скр. *эн пукты* ‘не клади’ (ПСД: 132); сс. *эн пыр* ‘не заходи’ (ССД: 49); лл. *эн мун* ‘не ходи’, *эн пукты* ‘не клади’ (ЛЛД: 79); вс. *эн мун* ‘не ходи’ (ВСД: 119); нв. *ин мун* ‘не ходи’ (НВД: 48); вым. *ин лыс’ты вөрз’одны* ‘не смей трогать’ (ВД: 122); иж. *ин мун* ‘не ходи’ (ИД: 87).

Показателями формы повелительного наклонения 2 лица мн. числа являются суффиксы **-ой**, **-ө** в лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском, присыктывкарском, печорском, вымском и удорском диалектах; суффиксы **-э**, **-эй** в верхневычегодском и ижемском диалектах. В говорах нижневычегодского диалекта встречаются суффиксы **-ө**, **-э**: лл. *мунө* ‘идите’, *пуктө* ‘положите’

(ЛЛД: 79); вс. *кэрö* ‘сделайте’, *вайö* ‘принесите’ (ВСД: 122); сс. *мэнö дай бос’тö* ‘меня тоже возьмите’; *шан’лöй, дугдылöй шумитныйд* ‘успокойтесь, перестаньте шуметь’ (ССД: 52); скр. *уджалöй* ‘работайте’, *тэрмас’öй* ‘спешите’ (ПСД: 134); печ. *мунöй* ‘идите’, *мыс’с’öй* ‘умойтесь’ (ПД: 38); вым. *вуджöдö* ‘перевезите’, *йуö* ‘пейте’ (ВД: 122); вв. *пэтэ* ‘выйдите’, *вос’тэй* ‘откройте’, *дугдэй* ‘перестаньте’ (ВВД: 101); иж. *мунэ* ‘идите’, *рöбитэ* ‘работайте’ (ИД: 87); нв. *мунö* ‘идите’, *с’илö* ‘пойте’, *вэжс’э* ‘переоденьтесь’ (НВД: 49).

Функционирование разных алломорфов показателя императива 2 лица мн. числа объясняется междиалектной корреспонденцией гласных [ö] ~ [э] непервого слога. Исторически суффикс **-öй (-эй)** восходит к possessивному суффиксу 1 лица ед. числа **-öй** ‘мой’, перетянутому в сферу глагола, поскольку эта форма также употребляется при обращении (Серебрянников 1963: 292). Алломорф **-ö** (-э) является вторичным, образованным от **-öй (-эй)** ввиду постепенной утраты звуком [й] смысловозначительной функции в составе вышеназванного суффикса и его выпадением.

Отрицательная форма императива 2 лица мн. числа образуется при помощи отрицательного глагола, имеющего разные варианты в диалектах. В верхнесысольском, среднесысольском, печорском, отдельных говорах лузско-летского и присыктивкарского диалектов функционирует в форме **-эн (-энö, -энöй)**: сс. *энöй шыалöй* ‘не говорите’; *эн, энö пырöй* ‘не заходите’ (ССД: 49); вс. *эн мунö* ‘не ходите’, *эн пуктö* ‘не кладите’ (ВСД: 119); печ. *эн, энö пэтö(й)* ‘не выходите’ (ПД: 38); лл. л. *эн(ö) мунö* ‘не ходите’, *эн(ö) пуктö* ‘не кладите’ (ЛЛД: 79); скр. *эн мунöй* ‘не ходите’, *йöз вылö эн ыстыс’öй* ‘на людей не ссылайтесь’ (ПСД: 134).

В летском говоре лузско-летского диалекта и сыктивкарском говоре присыктивкарского диалекта отрицательный глагол выступает в форме **-эд, эдö**: скр. *Пыдиас эдö пырöй* ‘В комнату не заходите’; *Пукс’öй, эдö ордалöй* ‘Сядьте, не носите (в избе)’ (ПСД: 134); лет. *эд(ö) мунö* ‘не ходите’, *эд(ö) пуктö* ‘не кладите’ (ЛЛД: 79). Вышеназванная форма характерна для диалектов коми-пермяцкого языка (Баталова 1982: 144; Дмитриева 1998: 113).

В нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах имеет форму **ин (инö)**: нв. *ин(ö) мунö* ‘не ходите’ (НВД: 48); уд. *ин*

вос'тö 'не открывайте', *ин карö* 'не делайте' (УД: 73); вым. *Ин уна бос'тö* 'Много не берите', *ин вэс'итö* 'не взвешивайте' (ВД: 122); иж. *ин карэ* 'не делайте', *ин мунэ* 'не ходите' (ИД: 87).

В верхневычегодском диалекте функционирует вариант энэ: *энэ мунэ* 'не ходите', *энэ локтэ* 'не приходите' (ВВД: 100).

Для диалектов коми языка характерна форма императива 1 лица мн. числа, имеющая значение приглашения к совместному действию. Данная форма образуется при помощи суффиксов *-ам*, *-амö*, *-амöй* (*-амэй*), *-имöй*: скр. *мунамöй*, *мунимöй* 'идемте, пошли' (ПСД: 135); сс. *локтö с'овам* 'идите, поедим', *дугдыламöй уджалныс* 'перестанем на время работать' (ССД: 52); вс. *мунам турунсö пуктам* 'пойдем траву заготовим' (ВСД: 122); лл. *йувамö* 'выпьём', *дугдамö* 'прекратим' (ЛЛД: 84); вым. *Локтö ми ордын пукас'амö* 'Пойдемте у нас посидим', *Вайö öтлаын гул'айтамö* 'Давайте вместе погуляем' (ВД: 123); иж. *вайэ пукс'ылам* 'давайте посидим' (ИД: 87); печ. *мунамö*, *мунамöй* 'пойдемте', *чэтс'амö*, *чэтс'амöй* 'встанемте' (ПД: 38); уд. *С'ойам*, *с'ойамö* 'поедим' (УД: 73); вв. *мунамэй* 'идемте', *пукс'амэй* 'сядемте' (ВВД: 102).

В лузско-летском, верхнесысольском и ижемском диалектах к пригласительным формам императива 1 лица мн. числа и к формам императива 2 лица мн. числа может присоединяться заимствованный из русского языка суффикс императива *-те* (в верхнесысольском *-тö*, *-т'о*, *-т'э*): иж. *вайэ пукс'амт'э* 'давайте посидим', *вошйамт'э с'ыыны* 'начнемте петь', *дод'сэ кокн'эдыштамт'э* 'сани облегчим' (ИД: 87); лл. *пукс'өт'э*, *шыд чöлта* 'садитесь, налью суп', *разöдчамт'э пö домам* 'разойдемся по домам', *йувамöт'э чайсö* 'давайте пить чай' (ЛЛД: 84); вс. видз вылад *мунамт'ö* 'идемте на пожню' (ВСД: 123).

Данный суффикс может присоединяться и к отрицательному глаголу: лл. *энöт'э дойдö* 'не ушибите' (ЛЛД: 84). По мнению Р.М. Баталовой, элемент *т'э* имеет смысловую нагрузку – призыв к совместному действию, в котором участвует и сам говорящий (Баталова 1995: 13).

2.5.2. Категория лица-числа

Категория лица-числа является одной из основных грамматических категорий глагола и выражается лично-числовыми суффиксами.

2.5.2.1. Показатели 1 лица единственного числа

Лично-числовые суффиксы 1 лица ед. числа не имеют вариативных форм в диалектах коми языка.

Суффиксом 1 лица ед. числа настоящего и I будущего времени в положительном спряжении является суффикс **-а**: лл. *мун-а* ‘иду’ (ЛЛД: 79); сс. *пыр-а* ‘зайду’ (ССД: 49); вс. *ол-а* ‘живу’ (ВСД: 119); скр. *пукт-а* ‘положу’ (ПСД: 132); нв. *мун-а* ‘иду’ (НВД: 49); вым. *мун-а* ‘иду’ (ВД: 119); иж. *марайт-а* ‘испачкаю’ (ИД: 83); уд. *вэтл-а* ‘схожу’ (УД: 68); печ. *Бос'т-а* ‘возьму’ (ПД: 38); вв. *вод-а* ‘лягу’ (ВВД: 101).

Показателем 1 лица I прошедшего времени является суффикс **-и**: лл. *мун-и* ‘ушел’ (ЛЛД: 79); сс. *пыр-и* ‘зашел’ (ССД: 49); вс. *мун-и* ‘ушел’ (ВСД: 119); скр. *пукт-и* ‘положил’ (ПСД: 132); нв. *мун-и* ‘ушел’ (НВД: 49); вым. *матыс'с'-и* ‘приблизился’ (ВД: 121); иж. *унмолс'-и* ‘уснул’ (ИД: 83); уд. *кол-и* ‘оставила’ (УД, 66); печ. *мун-и* ‘ушел’ (ПД: 36); вв. *вунэд-и* ‘забыл’ (ВВД: 101).

Показателем 1 лица II прошедшего времени в большинстве диалектов является **-ӧма**. В нижневычегодском, верхневычегодском и ижемском диалектах выступает алломорф **-эма**. Следует сказать, что не во всех диалектах бытует форма 1 лица II прошедшего времени. Примеры: лл. *мун-ӧма* ‘я ушел’, *пукт-ӧма* ‘я, оказывается, положил’ (ЛЛД: 49); вым. *Н'ан'ӧс кӧтны вунӧччӧма* ‘Я, оказывается, забыла поставить тесто’, *Мэ сэччӧ мунӧма, да ог и помн'ит* ‘Я, оказывается, пошел туда, а я и не помню’ (ВД: 121); уд. *Мэ вэжӧдӧма и йэддӧма* ‘Я пожелтела и побледнела, оказывается’, *Мэ вӧрз'ӧмӧ* ‘Я надорвалась’ (УД: 71); иж. *Мамс'ум мэ кол'эма вит арэн* ‘Я осталась без матери с 5 лет’, *Тон мэ сийэ ад'дзылэма* ‘Точно я его видел’ (ИД: 82).

Отрицательная форма образуется при помощи отрицательного глагола и основы лексического глагола в настоящем, I будущем и I прошедшем времени.

Показателем 1 лица ед. числа настоящего и I будущего времени является отрицательный глагол **ог**: лл. *ог мун* ‘не пойду’, *ог пукты* ‘не положу’ (ЛЛД: 79); сс. *ог пыр* ‘не зайду’ (ССД: 49); вс. *ог мун*, *ог пукты* (ВСД: 119); скр. *ог мун*, *ог пукты* (ПСД: 131); уд. *ог кар* ‘не делаю’, *ог кынмы* ‘не мерзну’ (УД: 68); нв. *ог мун* ‘не иду’, *ог видз* ‘не держу’ (НВД: 49); вв. *ог мун* (ВВД: 100); печ. *ог мун* (ПД: 37); вым. *ог пукты* (ВД: 119); иж. *ог мун* (ИД: 81).

Показателем 1 лица I прошедшего времени является отрицательный глагол **эг** в лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском, присыктивкарском, верхневычегодском и печорском диалектах; **иг** в нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах: лл. *эг мун* ‘я не пошел’, *эг пукты* ‘не положил’ (ЛЛД: 79); сс. *эг пыр* ‘я не зашел’ (ССД: 49); вс. *эг мун*, *эг пукты* (ВСД: 119); скр. *эг мун*, *эг пукты* (ПСД: 131); вв. *эг с’эт* ‘я не отдал’ (ВВД: 101); печ. *эг мун* (ПД: 37); уд. *иг кар* ‘я не делал’ (УД: 68); нв. *иг мун* ‘я не пошел’ (НВД: 48); вым. *иг мун*, *иг пукты* (ВД: 119); иж. *иг мун* (ИД: 81).

Показателем 1 лица II прошедшего времени является **абу**, имеющий варианты **абы** (лл.) и **аб, ап** (уд.). Лексический глагол оформляется суффиксами **-öm (-ёма), -эм (-эма)**: уд. *Унмовс’öm да ап тöдлöm сэс’с’а* ‘Заснула и потом ничего не заметила’ (УД: 71); нв. *Абу мунёма* ‘Я не пошел’ (НВД: 48); вым. *абу мунёма* ‘я не пошел’ (ВД: 119); иж. *абу мунэма* (ИД: 81); лл. *абы мунёма, абы пуктёма* (ЛЛД: 79).

2.5.2.2. Показатели 1 лица множественного числа

В диалектах коми языка показателями 1 лица мн. числа выступают разные вариативные формы.

Показателями 1 лица мн. числа в настоящем и будущем времени являются суффиксы **-ам, -амö**. В шошкинском говоре присыктивкарского диалекта, ибском и чухломском говорах среднесысольского диалекта функционирует суффикс **-амöй**: скр. (Шош.) *Пэрвöй чукöртам*

капустасö, сэс'с'а тавөн öтлаын чал'л'амöй 'Сначала собираем капусту в одну кучу, затем все вместе обрубаем верхние зеленые листья' (ПСД: 134); сс. (Чух.) *Уз'амöй да аскинас кайамöй* 'Переночуем, а завтра поедем' (ССД: 50); вс. *Пач лóнтам кóзöвöй пэскöн* 'Печку топим еловыми дровами' (ВСД: 117); лл. *Мйата турунсö чай пыд'д'ö заваритамö* 'Мяту завариваем вместо чая' (ЛЛД: 77); нв. *мунам* 'пойдем' (НВД: 48); вым. *Ми мöдам воччыны калыны* 'Мы собираемся сходить за ягодами' (ВД: 118); уд. *мунам* 'пойдем' (УД: 67); иж. *Ми н'ин вис'ам* 'Мы уже болеем' (ИД: 85).

Показателями 1 лица мн. числа первого прошедшего времени являются **-им, -имö**. В ибском и чухломском говорах среднесольского диалекта, шошкинском говоре присыктивкарского диалекта **-имöй**: скр. (Шош.) *Коди изöднысö уд'итисны, мöдамöдлыс'* водзэсавлимöй 'Кто успел смолоть (зерно), друг у друга брали взаймы' (ПСД: 134-135); сс. *Уна мойму вотимö тшаксö* 'Много грибов собрали в прошлом году', *Öтлаын Пэтракöд бол'н'ичаын куйлимöй* 'С Петром вместе лежали в больнице' (ССД: 50); вс. *Бж бос'тим йэй вылö* 'Мы купили овцу на мясо' (ВСД: 120); лл. *Оштö вöрс'ид вайим и йукимö вит пэл'ö* 'Медведя из лесу вывезли и поделили на пятерых' (ЛЛД: 77); вым. *Кыытим, кыытим, Ёова вомыс'* бара чэри с'урали, *Вэсл'ана катыдыс'* 'Плыли,плыли и в устье реки Ёлвы, выше Весляны, опять наловили рыбы' (ОКЗР: 206); уд. *Кун'ича вылö пэтим йагö йукын кыкöн* 'Мы вдвоем отправились в лес на куницу' (ОКЗР: 259); печ. *Ми думайтим сийö гортыс', избушкаас абу важöн н'ин* 'Мы думали, что он дома, в избешке его давно уже нет' (ОКЗР: 307); иж. *Ми н'ин нийэ мöдэдим вöсн'ид лы куз'ананыс* 'Мы ведь отправили их, когда еще кости не окрепли' (ОКЗР: 278).

Показатель 1 лица мн. числа II прошедшего времени в большинстве диалектов отсутствует. Данные формы имеют место в нижневыхегодском, удорском, вымском и ижемском диалектах. В вымском диалекте функционирует суффикс **-öмаöс'**: *Ми сэс'с'а на ордö мунöмаöс'* 'Мы, оказывается, потом пошли к ним'; *Ми куччöмаöс'с'ыыны* 'Мы, оказывается, стали петь' (ВД: 122).

В удорском диалекте выступает суффикс **-öмным**: *Мöдöрö мунöмным* 'Мы, оказывается, пошли в другую сторону'; *Кудз*

уджаломным, тио́ктасны гол'ны 'Как мы работали, просят рассказать' (УД: 71).

В ижемском диалекте имеет место суффикс *-эмаэс' (-эмаас')*: *Ми доза дыр кэжэ унмос'лэмаас'* 'Мы, оказывается, довольно долго спали', *Сыа тай вис'талис, мый бус'тэ ми гижэмаас' пис'мэсэ* 'Он сказал, что, якобы, мы написали письмо' (ИД: 84).

В нижневычегодском функционирует *-о́ма (-эма)*: *Ми муно́ма* 'Мы ушли' (НВД: 48).

Показатели отрицательной формы 1 лица мн. числа настоящего и I будущего времени следующие: отрицательный глагол *ог, огö* в большинстве диалектов; в среднесыольском и присыктывкарском, кроме вышеназванных глаголов, встречается *огöй*; в верхневычегодском выступает в форме *огэ*, в мыелдинском говоре *огэй*. Лексический глагол при отрицательном глаголе оформляется суффиксом *-ö (-öй), -э* (иж. вв.), *-о́м* (лл.). Возможно, в лузском говоре лузско-летского диалекта наблюдается сохранение древней формы 1 лица, зафиксированного в древнепермских надписях (Лыткин 1952: 112). Б.А. Серебренников формы на *-о́м (ог муно́м)* возводит к *м-*овому причастию (Серебренников 1963: 290). Примеры: иж. *ог мунэ* 'не пойдём' (ИД: 81); вв. *огэ мунэ* 'не пойдём', *огэй ус'эй* 'мы не упадём', *огэй аддзэй* 'мы не видим' (ВВД: 101); лл. *Огö корö н'экодöс, мунам öтнаным* 'Ни кого не возьмём, пойдём одни', *Шыд пиö пан'ог тул'гöм* 'Суп совсем не едим', *Öни ог н'ин кылöм дэратö* 'Теперь холст не ткём', *Пожöмтö ог вöчöм нэс вылад* 'Сосну на дрова не рубим' (ЛЛД: 83); скр. *Ми ог тэрмас'öй* 'Мы не спешим', *Огöй н'ин ми уджалöй, огöй* 'Не работаем уже мы, нет' (ПСД: 134); вс. *Мийö пöнсö ог видзлö* 'Собаку мы никогда не держим' (ВСД: 122); уд. *Лины ог лис'тö: пиитшал'л'эс л'окöс'* 'Стрелять не смеем, ружья плохие' (ОКЗР: 258); иж. *ог мунэ* 'не пойдём' (ИД: 81).

Показатели глаголов 1 лица мн. числа в первом прошедшем времени *эг, эгö, эгэ* (вв.); в нижневычегодском, вымском, удорском, ижемском диалектах *иг, иг(ö)*. В среднесыольском и присыктывкарском диалектах отрицательные глаголы факультативно могут оформляться суффиксом *-öй (эгöй)*: скр. *Школаö эгöй пыралöй, а ас'с'ыным йурнымöс вэштам* 'В школе не учились, а за себя постоим' (ПСД: 134); сс. *Сидз эгöй и мунö* 'Так и не поехали', *Ми н'эм эгö*

шыалӧй, дай пэтимӧ ‘Мы ничего не сказали и вышли’ (ССД: 51); вс. *эг мунӧ* ‘не пошли’, *эг пуктӧ* ‘не положили’ (ВСД: 119); лл. *Ми сэн эг потис’ӧм* ‘Мы там изгородь не ставили’, *Н’экодӧс эг и корлӧм* ‘Мы никого не приглашали’ (ЛЛД: 83); печ. *эг мунӧ* ‘не пошли’ (ПД: 37); уд. *иг карӧ* ‘не сделали мы’ (УД: 68); вым. *Ми иг вӧлӧ гортын* ‘Нас не было дома’ (ВД: 122); иж. *ми иг мунэ* ‘мы не пошли’ (ИД: 81); нв. *иг(ӧ) мун(ӧ)* ‘не пошли’ (НВД: 48).

Глагольные показатели 1 лица мн. числа во II прошедшем времени встречаются в лузско-летском диалекте в форме **абы**, вымском и ижемском **абу**, удорском **аб(у)**: иж. *абу мунэмаас* ‘мы, оказывается, не пошли’ (ИД: 81); вым. *абу мунӧмаӧс* ‘мы, оказывается, не пошли’ (ВД: 119); уд. *аб(у) карӧмным* ‘мы не сделали’ (УД: 68).

2.5.2.3. Показатели 2 лица единственного числа

Лично-числовые показатели 2 лица ед. числа в диалектах коми языка не отличаются вариативностью.

Суффиксом 2 лица ед. числа настоящего и I будущего времени положительного спряжения во всех диалектах является **-ан**: лл. *Кытчы тэ, мэс’а, мэнӧ и с’этан* ‘Куда, мол, ты меня выдаешь’ (ОКЗР: 158); вс. *Тэ вэж ырзан йэвӧ вылӧ* ‘Ты всё время орешь на него’ (ОКЗР: 137); сс. *мунан* ‘пойдешь’ (ССД: 49); вв. *Тэ вэд сыли вомтыр йай да пан’тыр вир нуван* ‘Ты ему кусок мяса и ложку крови несешь’ (ОКЗР: 83); скр. *мунан* ‘пойдешь’, *пуктан* ‘положишь’ (ПСД: 131); вым. *Тэ эд пызан сайад пукс’ӧдан мэддона гӧс’т’айд туйӧ* ‘За стол посадишь как самую желанную гостью’ (ВД: 118); иж. *тэ гижан* ‘ты напишешь’ (ИД: 83); уд. *Асувтӧ тэ водз каан вартныстӧ* ‘Утром ты рано идешь молотить’ (УД: 67).

Показателем 2 лица ед. числа I прошедшего времени является суффикс **-ин**: лл. *мунин* ‘ты ушел’, *пуктин* ‘ты положил’ (ЛЛД: 79); вс. *мунин, пуктин* (ВСД: 119); скр. *мунин, пуктин* (ПСД: 132); нв. *мунин* (НВД: 48); сс. *пырин* ‘зашел’ (ССД: 49); вв. *чужин* ‘ты родился’ (ВВД: 100); иж. *мунин* (ИД: 80); вым. *мунин, пуктин* (ВД: 119); печ. *мунин* (ПД: 36); уд. *карин* ‘сделал’ (УД: 67).

В суффиксе 2 лица ед. числа II прошедшего времени наблюдается междиалектная корреспонденция гласных **ӧ ~ э**: **-ӧмыд** (лл., вс., сс.,

скр., печ., вым., уд.), *-эмид* (вв.), *-эма* (иж.). В удорском диалекте наряду с суффиксом *-öмыд* функционирует суффикс с глухим конечным согласным *-öмыт*, как в большинстве коми-пермяцких диалектов: лл. *мунöмыд* ‘ты, оказывается, ушел’, *пуктöмыд* ‘ты, оказывается, положил’ (ЛЛД: 79); вс. *мунöмыд*, *пуктöмыд* (ВСД, 119); скр. *мунöмыд*, *пуктöмыд* (ПСД: 131); вым. *мунöмыд*, *пуктöмыд* (ВД: 119); вв. *мунэмид* (ВВД: 99); иж. *Тэ бураа потшэма* ‘Ты хорошо загородил’, *Тэ мэ мэстаа пукс’эма* ‘Ты сел на мое место’ (ИД: 83); уд. *Гэжасны*, *кор тиужöмыд*, *кор кулöмыд* ‘Напишут, когда родился, когда умер’, *Водöмыт сик*, *куйлы* ‘Коли легла – лежи’ (УД: 71).

Показателем отрицательной формы 2 лица ед. числа настоящего и I будущего времени является глагол *он* во всех диалектах: лл. *он мун* ‘не пойдешь’ (ЛЛД: 79); вс. *он мун* (ВСД: 119); сс. *он мун* (ССД: 49); вв. *он мун* (ВВД: 100); вым. *он мун* (ВД: 119); уд. *он кар* ‘не сделаешь’ (УД: 68); иж. *он мун* (ИД: 81).

Отрицательной лично-числовой формой 2 лица ед. числа I прошедшего времени является *эн* (лл., вс., сс., скр., печ., вв.) и *ин* (нв., вым., уд., иж.): лл. *эн мун* ‘не пошел’ (ЛЛД: 79); сс. *эн пыр* ‘не зашел’ (ССД: 49); скр. *эн мун* (ПСД: 131); печ. *эн мун* (ПД: 36); нв. *ин мун* (НВД: 48); вым. *ин мун* (ВД: 119); уд. *ин кар* ‘не сделал’ (УД: 68); иж. *ин мун* (ИД: 80).

Показателем отрицательной формы глаголов 2 лица ед. числа II прошедшего времени является *абу*, *абы* (лл., вс., сс.). Лексический глагол при отрицательном глаголе оформляется суффиксом *-öмыд*, *-эмид* (вв.), *-эма* (иж.): лл. *абы мунöмыд* ‘а я пошел, оказывается’ (ЛЛД: 79); вс. *абы мунöмыд* (ВСД: 119); сс. *абы*, *абу пырöмыд* ‘не зашел, оказывается’ (ССД: 49); скр. *абу мунöмыд* (ПСД: 131); уд. *абу карöмыд* ‘не сделал, оказывается’ (УД: 68); вв. *абу мунэмид* (ВВД: 100); иж. *абу мунэма* (ИД: 81).

2.5.2.4. Показатели 2 лица множественного числа

В отличие от показателей 2 л. ед. числа показатели 2 лица мн. числа в диалектах коми языка отличаются большой вариативностью. Так, показателем 2 лица мн. числа настоящего и I будущего времени в печорском, вымском, ижемском диалектах и в некоторых говорах

присыктивкарского и среднесысольского диалектов является суффикс **-анныд**. В верхнесысольском, нижневыхегодском, удорском диалектах, в лузском говоре лузско-летского диалекта и отдельных говорах среднесысольского диалекта функционирует суффикс **-аныд**. В летском говоре лузско-летского диалекта, в куратовском, пыелдинском, пажгинском, палаузском говорах среднесысольского диалекта, в отдельных говорах присыктивкарского диалекта, в аныбском, деревянском, ручском говорах верхневыхегодского диалекта выступает суффикс **-ад(ө)**. В ибском, межадорском, чухломском, палаузском говорах среднесысольского диалекта бытуют суффиксы **-аны, -анны**. Примеры: скр. *Эн уйалöй, турунсö л'акад* 'Не бродите, траву помнете', *Мый нö би н'и ва олад?* 'Почему без огня сидите', *Мыйла пырид сэччö, вöйанныд* 'Почему туда забрались, увязнете' (ПСД: 133); сс. *Быдлаö жö нын тийö шашаритчаны* 'Ну и лазаете же вы повсюду', *Мый горзанны?* 'Что вы кричите', *Торйаланныд да дугданныд скöралныд* 'Расстанетесь и перестанете злиться друг на друга', *Пропат'таныд мэтöг* 'Пропадете без меня' (ССД: 50); лл. луз. *Густö пукс'öданыд* 'Вы часто сажаете (о рассаде)', *Порс'тö видзаныд на* 'Свинью еще держите'; лет. *Кыдз нö сэтчан оладö* 'Как, говорит, там живете', *Муй йылыс' баитадö* 'О чем вы говорите?' (ЛЛД: 79-80); вс. *Мэным л'убö, тийö волланыд да* 'Мне радостно, потому что вы захаживаете'; *Пыжсö пöрöданыд* 'Лодку опрокинете' (ВСД: 120); печ. *С'этанныд кө нö, муна, он кө – ог мун* 'Если выдадите – пойду, если же нет – не пойду' (ОКЗР: 298); вым. *Ти йэшитиэ и с'эраланныд* 'Вы еще и смеетесь' (ВД: 120); иж. *Ти сэк н'ин ставныд вис'анныд* 'Вы тогда уже все болеете' (ИД: 85); уд. *Кужаныд бöрдныс* 'Умеете плакать' (УД: 66); вв. *ти мунад* 'вы идете', *ти мунаннид* (ВВД: 100).

Показателями 2 лица мн. числа I прошедшего времени являются суффиксы **-инныд** (скр., сс., печ., вым., иж.), **-иныд** (луз., вс., сс., нв., уд.), **-идö, -ид** (лет., сс., скр., вв.), **-иннид** (вв.), **-инны (ины)** (сс.): скр. *Гус'а с'орн'и эрд вылö пэткöдинныд* 'Вы разгласили тайный разговор', *Мыйла пырид сэччö* 'Зачем вы зашли туда' (ПСД: 133); сс. *Тийö йона мудзиныд* 'Вы сильно устали', *Тийö водз на воинныд* 'Вы еще рано пришли', *Удзöдины, эг уд'ит локныс* 'Обделили едой, не поспел вовремя' (ССД: 50); вс. *Пел' сад'öс бырöдиныд* 'Все уши

прожужжали’, *Турипул вотиньд?* ‘Вы клюкву собирали?’ (ВСД: 120); печ. *Сидз и мунинньд* ‘Так и ушли’ (ПД: 37); вым. *Кытйасөд ти вэтлөдлинньд?* ‘По каким местам вы ходили?’ (ВД: 120); иж. *Ти фотосэ видзэдинньд* ‘Вы фото посмотрели’ (ИД: 83); уд. *Мийандө йоныс’ вэрдиньд* ‘Нас вы хорошо кормили’ (УД: 70); лл. *Кытчиэдз вэтлинньд?* ‘До куда ходили?’, *Мул’а мусө эжс’өдидө?* ‘Почему пашню запустили?’, *Наштө этчө пыридө* ‘Почему сюда зашли’, *Кыс’ ти өктид мырпосө?* ‘Где вы собрали морошку?’ (ЛЛД: 80); вв. *ти мунид* ‘вы ушли’, *ти муниннид* ‘вы ушли’ (ВВД: 100).

Суффиксами 2 лица мн. числа II прошедшего времени являются *-өмньд* (лл., сс., скр., печ., нв., вым., уд.), *-өмньдөс’*, *-өмыдөс’* (лл., сс., скр.), *-эмаас’* (иж.): скр. *Ти тай зэв н’ин бура мутө потшиөмньд* ‘Вы, оказывается, очень хорошо загородили поле’, *Пэтөмыдөс’ да вангад* ‘Вышли на улицу и болтаете’, *Ставсө йашииктө пузымтөмыдөс’* ‘В ящике вы всё перевернули вверх дном’ (ПСД: 133); сс. *Тийө тай мунөмыдөс’ н’ин* ‘Вы, оказывается, уже ушли’, *Ми волим, да ти водөмньд н’ин вөли* ‘Мы приходили, но вы, оказывается, легли спать’ (ССД: 51); вс. *Тию тай выл’ самөвар н’ин бос’төмаөс’* ‘Вы, оказывается, уже новый самовар купили’, *Өткөд’өс’ инмөмаөс’ тийө кыкнаныд* ‘Вы сошлись оба одинаковые’ (ВСД: 122); печ. *Ти мунөмньд* ‘Вы, оказывается, ушли’ (ПД: 36); вым. *Ти тай кэрканыдө вузалөмньд* ‘Вы, оказывается, свой дом продали’, *Ти мунөмньд* ‘Вы ушли’ (ВД: 122); уд. *Кэсниттө кол’өмньд* ‘Вы оставили, оказывается, клещи’, *Гол’төг мунөмньд ти* ‘Вы ушли не сказавшись’ (УД: 71); иж. *Ти тай окас’эмаас’* ‘Вы, оказывается, целовались’, *Ти тай мунэмаас’ клубэ* ‘Вы, оказывается, ушли в клуб’ (ИД: 83); лл. *Воча пукс’өмньдөс’* ‘Вы сели друг против друга’, *Кытчө лотөмыдөс’?* ‘Куда подевали?’, *Огородас абу воыллөмньд* ‘Вы, оказывается, на огород не приходили’ (ЛЛД: 82); вв. *Мыдзэмнид йона* ‘Вы сильно, оказывается, устали’. (ВВД: 100).

Отрицательная форма глаголов 2 лица мн. числа настоящего и I будущего времени образуется с помощью отрицательного глагола *од(ө)* в летском говоре лузско-летского диалекта и в сыктывкарском, тентюковском, кочпонском говорах присыктывкарского диалекта, *он* (*-ө, -э*) в остальных коми диалектах. В среднесыольском и присыктывкарском диалекте отрицательный глагол может выступать

в форме **онӱй**: скр. *Талун одӱ мӱй пӱслас'ӱ* 'Разве вы сегодня не стираете', *Онӱй пыралӱй?* 'Разве не зайдете?' (ПСД: 134); сс. *Он эрмӱй* 'Не можете' (ССД: 52); уд. *он карӱ* 'не делаете' (УД: 68); нв. *онӱ мунӱ* 'не идете' (НВД: 48); вв. *онэ мунэ* 'не идете' (ВВД: 100); иж. *он мунэ* (ИД: 81); печ. *онӱ мунӱй* (ПД: 37); вым. *он пуктӱ* 'не положите' (ВД: 119); вс. *он мунӱ, он пуктӱ* (ВСД: 119); лл. лет. *Одӱ кӱт' постуйтӱ?* 'Не соблюдаете ли вы пост?', луз. *Онӱ мӱдӱ карад лӱччыны?* 'Ехать в город не собираетесь?' (ЛЛД: 85).

Показателями отрицательной формы 2 лица мн. числа I прошедшего времени являются отрицательные глаголы **эд(ӱ)** в летском говоре лузско-летского диалекта и некоторых говорах присыктывкарского диалекта; **эн(-ӱ, -ӱй, -э)** в среднесысольском, верхнесысольском, присыктывкарском, печорском, верхневычегодском диалектах и лузском говоре лузско-летского диалекта; **ин(-ӱ, -э)** в нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах: иж. *ин мунэ* 'вы не пошли' (ИД: 81); вым. *ин пуктӱ* 'вы не положили' (ВД: 119); нв. *инӱ мунӱ* (НВД: 48); уд. *ин карӱ* 'вы не сделали' (УД: 68); вв. *эн мунэ* 'вы не ушли' (ВВД: 100); сс. *энӱй пырӱй* 'вы не зашли' (ССД: 49); вс. *эн пуктӱ* 'вы не положили' (ВСД: 119); лл. лет. *Чут' эдӱ ӱтлаӱ пукс'ӱ* 'Вы чуть вместе не сели', луз. *эн пуктӱ* 'не положили' (ЛЛД: 83); скр. *Ти эд на адздзылӱй сийӱс?* 'Вы его еще не видели?', *Эдӱ пырӱй* 'Вы не зашли', *Эн ыстыс'ӱй* 'Вы не ссылались' (ПСД: 134).

Отрицательная форма 2 лица мн. числа II прошедшего времени образуется с помощью отрицательного глагола **абу, абы**. Лексический глагол при этом оформляется суффиксами: **-ӱмныйд** (лл., сс., скр., печ., вым., уд., нв.), **-ӱмаӱс'** (вс.), **-ӱмыдӱс'** (сс., скр.), **-эмнид** (вв.), **-эмаас'** (иж.): лл. *абы мунӱмныйд* 'вы, оказывается, не ушли' (ЛЛД: 79); сс. *абу, абы пырӱмныйд* 'вы, оказывается, не зашли' (ССД: 49); скр. *абу мунӱмныйд* (ПСД: 131); уд. *абу карӱмныйд* 'вы, оказывается, не сделали' (УД: 68); вым. *абу мунӱмныйд* (ВД: 119); вв. *абу мунэмнид* (ВВД: 99); вс. *абы мунӱмаӱс'* (ВСД: 119); иж. *абу мунэмаас'* (ИД: 81); скр. *абу мунӱмыдӱс'* (ПСД: 131); сс. *абу пырӱмыдӱс'* (ССД: 48).

2.5.2.5. Показатели 3 лица единственного числа

Показателями 3 лица ед. числа настоящего времени в диалектах коми языка выступают следующие вариативные суффиксы: *-ö* (лл., вс., сс., скр., печ., вым., нв., уд.), *-э* (вв., иж., отдельные говоры присыктывкарского диалекта). В удорском диалекте наряду с суффиксом *-ö* употребляется синонимичный суффикс *-ас*: уд. *Ваыс пакталö, от'час, чинас* 'Вода выкипает, льется через край, уменьшается'; *Увгас, шумитö йол'л'эсыс* 'Журчит, шумит ручей', *Йонтас-вис'ö* 'Ноет-болит'. По мнению В.И. Лыткина, форманты на *-ас* и *-ö* отражают старые формы языка-основы на *-а (-ä)* и *е* (Лыткин 1961:49-54). Примеры на употребление форм 3 лица ед. числа настоящего времени в других диалектах: сс. *пырö* 'заходит' (ССД: 49); скр. *мунö* 'идет', *пуктö* 'кладет' (ПСД: 131); вым. *мунö, пуктö* (ВД: 119); лл. *мунö, пуктö* (ЛЛД: 79); печ. *мунö* (ПД: 36); вв. *мунэ* (ВВД: 99); иж. *мунэ* (ИД: 80); нв. *мунö, мунэ* (НВД: 48).

Суффиксом 3 лица ед. числа I будущего времени в диалектах выступает *-ас*: сс. *пырас* 'зайдет' (ССД: 49); скр. *мунас, пуктас* (ПСД: 131); вым. *мунас, пуктас* (ВД: 119); лл. *мунас, пуктас* (ЛЛД: 79); печ. *мунас* (ПД: 36); вв. *мунас* (ВВД: 99); иж. *мунас* (ИД: 80); уд. *карас* 'сделает' (УД: 67); вс. *мунас* (ВСД: 118); нв. *мунас* (НВД: 48).

Лично-числовыми суффиксами глаголов 3 лица ед. числа в I прошедшем времени выступают *-и, -ис*: лл. *Кок эбöс бырис* 'Ноги устали', *Чэр пуыс жугали* 'Топорище поломалось', *Пэрвöй бригада мунн ытшкыны* 'Первая бригада пошла косить' (ЛЛД: 80); сс. *Тöлнырыс пэти кут'эрба код* 'Поднялся сильный ветер, как вихрь', *Ставсö вузайис да С'ибырö мунн* 'Он всё распродал и в Сибирь уехал' (ССД: 50); вс. *Мöй корс'ис, сийа и с'урис* 'Что он искал, то и нашел', *Уна и чэри шэдис* 'Много же рыбы попало' (ВСД: 120); скр. *Чой друг горöдис да мыр бокö ус'и* 'Вдруг сестра вскрикнула и повалилась у пня' (ОКЗР: 45); вв. *мамис кули* 'мать умерла', *Сийэ уджйöз улэ вöйи* 'Он завяз в долгах' (ВВД: 100); нв. *Пу вылад лэт'чис да мöдöдис. Сойтыд чэги* 'Спустился на лавы и потащил. Лавы проломились' (ОКЗР: 29); уд. *Бакси мöскыс* 'Корова мычала', *Пу-байд пырз'ис, озырмис, нарöд гöл'мис* 'Деревья-кусты обросли листвой, заросли, а люди обеднели' (УД: 70); вым. *Пыжным лыа бöжас с'ибди* 'Наша лодка у песчаной косы села на мель'; *Руч шэдли,*

да лэдзи бөр ‘Попалась лиса, но я обратно выпустил’, *Д’эд йона унмоос’ис* ‘Дед крепко заснул’ (ВД: 120); иж. *Шондиыс пэти* ‘Солнце вышло’, *Сыа лафкаыс’ воис* ‘Он пришел из магазина’ (ИД: 82).

Функционирование двух суффиксов *-и*, *-ис* в диалектах коми языка отражает его историческое развитие. Суффикс *-и* является древним показателем прафинно-угорского прошедшего времени, претерита, являвшегося также первичным для выражения значения действия глагола 3 лица ед. числа. Элемент *-с* считается поздним отместоименным формантом (Серебрянников 1963: 254; Лыткин 1977: 280). По мнению Е.А. Цыпанова, решающей причиной расширения употребления суффикса с формантом *-с* явилось явление омонимического отталкивания, стремление языка к преодолению грамматической омонимии показателей 1 и 3 лица ед. числа в I прошедшем времени за счет местоименного элемента *-с*, так как после исчезновения элемента *-м*, показателя 1 лица ед. числа, глагольные формы 1 лица ед. числа стали совпадать с формами 3 лица ед. числа (Цыпанов 2005: 86).

Суффиксами 3 лица II прошедшего времени в диалектах выступают *-ӧм*, *-ӧма* (лл., вс., скр., сс., печ., вым., уд., нв.), *-эма* (нв., вв., иж.): вс. *Сийа куллӧма н’ин* ‘Он, оказывается, уже умер’, *Каччаыс вийалны пондӧм* ‘Кадка стала протекать’ (ВСД: 121); лл. *Ваыс йамӧм* ‘Вода спала’, *Кол’ӧм во армияӧ мунӧма* ‘В прошлом году в армию ушел’ (ЛЛД: 82); сс. *Ваыс бос’лӧм видздзассӧ* ‘Вода затопляла луга’ (ССД: 50); скр. *мунӧма* ‘ушел’, *пуктӧма* ‘положил’ (ПСД: 131); вым. *Сийӧ сэччӧ мунӧма* ‘Он, оказывается, туда ушел’ (ВД: 121); уд. *Ошлагӧн соссӧ вурӧм муйкӧ* ‘Почему-то рукава сшила с обшлагами’ (УД: 71); вв. *Юр водзас пэ-й вон зэтэма кок улас пэ-й шисэ сатшкэма* ‘Над головой его раскинут был шатер, у ног его копье воткнуто’ (ОКЗР: 98); нв. *мунэма* ‘ушел’, *кос’мэма* ‘высох’ (НВД: 48); иж. *Сыа сэк вӧлэма мунэма машина бӧрт’иыс* ‘Он тогда, оказывается, шел за машиной’ (ИД: 86).

Показателем отрицательной формы 3 лица ед. числа настоящего и I будущего времени является отрицательный глагол *оз*: лл. *оз мун* ‘он не идет’, *оз пукты* ‘не кладет’ (ЛЛД: 79); вс. *оз мун*, *оз пукты* (ВСД: 119); скр. *оз ло* ‘не будет’, *оз пукты* (ПСД: 131); вым. *оз мун*, *оз*

пукты (ВД: 119); уд. *оз кар* ‘не сделает’ (УД: 68); иж. *оз мун, оз лок* ‘не придет’ (ИД: 81).

Отрицательная форма I прошедшего времени состоит из отрицательного глагола *эз* в лузско-летском, верхнесысокольском, среднесысокольском, присыктывкарском, печорском, верхневычегодском диалектах; *из* в нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах: лл. *эз мун* (ЛЛД: 79); вс. *эз мун* (ВСД: 119); сс. *эз пыр* (ССД: 49); скр. *эз мун* (ПСД: 131); печ. *эз мун* (ПД: 37); вв. *эз мун* (ВВД: 100); нв. *из мун* (НВД: 48); уд. *из кар* (УД: 68); вым. *из мун* (ВД: 119); иж. *из мун* (ИД: 81).

Показателем отрицательной формы 3 лица ед. числа II прошедшего времени является отрицательный глагол *абу* (скр., сс., печ., вв., нв., вым., уд., иж.); *абы* (лл., вс., сс.). Лексический глагол оформляется суффиксом *-өм (-ёма), -эм (-эма)*: лл. *абы мунёма* (ЛЛД: 79); вс. *абы мунөм(-ёма)* (ВСД: 119); сс. *абы, абу пырөм(-ёма)* (ССД: 49); скр. *абу мунёма* (ПСД: 131); печ. *абу мунөм* (ПД: 37); вв. *абу мунэма* (ВВД: 100); нв. *абу мунёма* (НВД: 48); уд. *абу карёма* (УД: 68); вым. *абу мунёма* (ВД: 119); иж. *абу мунэма* (ИД: 81).

2.5.2.6. Показатели 3 лица множественного числа

В диалектах коми языка функционируют следующие суффиксы глаголов 3 лица мн. числа настоящего времени: *-өны* в среднесысокольском, присыктывкарском, печорском, в отдельных говорах нижневычегодского, вымском диалектах; *-өныс (-оныс)* в верхнесысокольском и удорском; *-өнө (-энө)* в лузско-летском и жешартскогамском говоре нижневычегодского диалекта; *-эни* в верхневычегодском, *-эныс* в ижемском; *-асныс* (синонимичный суффиксу *-өныс*) в удорском. Суффиксы *-өныс (-оныс), -эныс, -асныс* имеют в своем составе более древний конечный элемент *-с*, сохранившийся лишь в отдельных диалектах: скр. *Өни мэно чойлөн и воклөн чэл’ад’ыс шуөны Марья чойөн* ‘Теперь меня дети сестры и брата называют сестрой Марией’ (ПСД: 129); *Мужикйаыд мийан быттор вөчөны* ‘Мужчины наши всё делают’ (ССД: 30); вым. *Чел’ад’ каралөны чомйас ворсныаныс* ‘Дети сооружают домики играть’ (ВД: 116); нв. *Сэс’с’а и найэ өни олөны-вылөны* ‘Вот они и сейчас живут-поживают’

(ОКЗР: 54); вс. *Карйустö мийан йона кыйöныс* ‘Хариуса у нас много ловят’ (ВС:, 121); уд. *Мунöныс, мунöныс, вартасны, вартасны дай тэсö и л’агэй* ‘Едут-едут, скачут-скачут, а навстречу лягушка’; *Водзö мöдасныс* ‘Отправляются дальше’ (УД: 68-69); лл. *Л’öмсö кос’тöнö, изöнö* ‘Черемуху сушат, мелют’ (ЛЛД: 80); вв. *Н’ол’ чой öт’и вэт’т’эс улин бöрдэни* ‘Четыре сестры под одной крышей плачут’ (ОКЗР: 79); иж. *Ныа вис’эныс* ‘Они болеют’ (ИД: 85).

Лично-числовыми показателями глаголов в I будущем времени являются: **-асны** в присыктивкарском, летском говоре лузско-летского диалекта, среднесыольском, печорском, нижневычегодском, вымском, удорском диалектах; **-аснö** в нижневычегодском, **-аныс** в верхнесыольском, **-асныс** в удорском и ижемском; **-öныс** в удорском; **-асни** в верхневычегодском диалекте: скр. *Вöтласны кокыс оз инмыв, ни кыис оз инмыв* ‘Выгонят, не успеешь опомниться’ (ОКЗР: 51); сс. *Пукс’асны гозъя пызан сайö, а Марпида бокын* ‘Сядут муж с женой за стол, а Марфуша в стороне’ (ОКЗР: 118); печ. *Сэс’с’а н’эвэстасö пэткöдасны сват’т’айасыс кумö кышöдны* ‘Свахи затем уводят невесту в клеть одевать’ (ОКЗР: 3030); нв. *Öтпыр найö көлыс’ пондаснö карны. Дурэн’эс ыстаснö чуж изöднö мэл’н’ичаö* ‘Однажды они решили справить свадьбу. Послали дурачка на мельницу солод смолотить’ (ОКЗР: 19); вым. *Мöслы домаласны и бос’тасны мöслы нуöдны йэнлы* ‘Корову привяжут и поведут для бога’ (ОКЗР: 199); уд. *Стрöйт’чыны кө колö, пэрвöй лэс’ пöрöдасны йагыс’, водзö вайöдасныс, сийö вол’асныс* ‘Если надо строить дом, то сперва повалят лес в бору, затем его привозят, окорчевают’ (ОКЗР: 241); иж. *Локтасныс клубэ да ворсасныс* ‘Приходят в клуб и играют’ (ИД: 85); вв. *Салдатйас бэргэдчасни дай мунасни* ‘Солдаты повернут и уйдут назад’ (ОКЗР: 89).

Суффиксами глаголов 3 лица мн. числа в I прошедшем времени являются следующие: **-исны, -ины** в присыктивкарском, лузско-летском, среднесыольском, печорском, нижневычегодском, вымском диалектах и отдельных говорах удорского диалекта; **-инис** в верхнесыольском, в отдельных говорах удорского и ижемского диалектов; **-исни, -ини** в верхневычегодском диалекте; **-исныс** в ижемском и удорском диалектах, **-иснö** в жешартско-гамском говоре нижневычегодского диалекта: скр. *Н’имсö пуктисны Лутон’ушка.*

Лутон'ушкао̄с зэй йона рад'эйтисны 'Назвали его Лутонюшкой. Лутонюшку очень любили' (ОКЗР: 53); лл. *Йаччана воллины тӧргуйтны* 'Вятчане приезжали торговать', *Кокйасыс пыктисны* 'Ноги опухли' (ЛЛД: 81); сс. *С'ойны пукс'исны пызан сайӧ н'ол'эн'аныла* 'Сели за стол обедать мать с тремя дочками' (ОКЗР: 119); вым. *Коркӧ дыр мыс'ти найӧ корисны суд вылӧ* 'Как-то после продолжительного времени их вызвали в суд', *Кудз тийан д'элайас вӧлины?* 'Как у вас было дело?' (ОКЗР: 200); печ. *Сэс'с'а сийӧ мортсӧ корс'исны зэл дыр* 'Потом этого человека очень долго искали' (ОКЗР: 307); вс. *Олиныс-вылиныс старик да старуха* 'Жили-были старик со старухой' (ВСД: 121); уд. *Нужнӧас олиныс* 'Бедно жили' (УД: 70); нв. (Ж.-Гам.) *Олиснӧ-вӧлиснӧ гозйа* 'Жили-были муж с женой' (ОКЗР: 24); вв. *Кол'уни кыкӧн* 'Остались вдвоем', *вӧрэ вошину* 'потерялись в лесу' (ВВД: 100); уд. *Бӧрти куйим ош мэным вӧйт'ча зырӧдисныс* 'Тут на меня напали три медведя' (ОКЗР: 254); иж. *Кычэ нуисныс, ми сидз эг и тӧдэ* 'Куда их увезли, мы так и не узнали' (ОКЗР: 282).

Показателями глаголов 3 лица мн. числа II прошедшего времени выступают следующие суффиксы: **-ӧмны** в лузско-летском, среднесысольском, печорском, удорском; **-ӧмаӧс'** (**-ӧмас'**, **-ӧмаас'**) в верхнесысольском, лузско-летском, присыктивкарском, среднесысольском, печорском, нижневычегодском, удорском, вымском; **-эмас'** (**-эмаас'**) в верхневычегодском, **-эмаэс'** (**-эмаас'**) в ижемском: лл. *мунӧмны* 'оказывается, ушли', *пуктӧмны* 'оказывается, положили' (ЛЛД: 79); сс. *пырӧмны* 'оказывается, зашли' (ССД: 49); печ. *мунӧмны* (ПД: 37); уд. *карӧмны* 'оказывается, сделали' (УД: 67); скр. *мунӧмаӧс'*, *пуктӧмаӧс'* (ПСД: 131); вс. *пуктӧмаӧс'* (ВСД: 119); вым. *мунӧмаӧс'*, *пуктӧмаӧс'* (ВД: 119); сс. *вӧчӧмаас'* 'сделали', *чатыртчӧмас'* 'запрокинули головы' (ССД: 51); нв. *мунӧмаӧс'* (НВД: 48); вв. *мунэмас'*, *мунэмаас'*, *лоомас'*, *лоомаас'* 'стали' (ВВД: 100); иж. *гижэмаэс'*, *гижэмаас'* 'оказывается, написали' (ИД: 85).

Отрицательные глаголы 3 лица мн. числа в настоящем и будущем времени образуются с помощью отрицательного глагола **оз** и лексического глагола, присоединяющего к своей основе суффикс **-ны** в большинстве диалектов; **-ныс** (с сохранением древнего форманта **с**) в верхнесысольском, удорском, ижемском диалектах; **-э** (**-эй**), **-ни** в

верхневычегодском: лл. *оз мунны* (ЛЛД: 78); сс. *оз пырны* (ССД: 49); скр. *оз мунны* (ПСД: 131); печ. *оз мунны* (ПД: 37); нв. *оз мунны* (НВД: 48); вым. *оз мунны* (ВД: 119); вс. *оз мунныс* (ВСД: 118); уд. *оз карныс* (УД: 68); иж. *оз мунныс* (ИД: 81); вв. *оз мунэ, оз мунэй, оз мунни* (ВВД: 101).

Отрицательная форма 3 лица мн. числа в I прошедшем времени образуется из отрицательного глагола *эз* в лузско-летском, среднесысольском, верхнесысольском, присыктывкарском, печорском, верхневычегодском диалектах, *из* в нижневычегодском, вымском, удорском и ижемском диалектах: лл., сс., скр. *эз мунны, эз пырны* (ЛЛД: 79; ССД: 49; ПСД: 131); вс. *эз мунныс* (ВСД: 119); вв. *эз мунэ, эз мунэй* (ВВД: 101); печ. *эз мунё, эз мунёй* (ПД: 37); нв., вым. *из мунны* (НВД: 48; ВД: 119); уд., иж. *из мунныс, из карныс* (УД: 69; ИД: 81).

Показателем глаголов 3 лица мн. числа во II прошедшем времени является отрицательный глагол *абу* (*абы* лл., вс., сс.): лл. *абы мунёмны, абы мунёмаёс'* (ЛЛД: 79); вс. *абы мунёмаёс'* (ВСД: 119); сс. *абы пырёмны, абу пырёммаёс'* (ССД: 49); скр. *абу мунёмаёс'* (ПСД: 131); печ. *абу мунёмаёс'* (ПД: 37); вв. *абу мунэмас'* (ВВД: 99); нв. *абу мунёмаёс'* (НВД: 48); вым. *абу мунёмаёс'* (ВД: 119); *аб(у) карёмны(с), абу карёмаэс'* (УД: 68); иж. *абу мунэмаас'* (ИД: 81).

2.5.3. Категория времени

В современном коми языке выделяется 11 временных форм (Цыпанов 2005: 122). Функционирование большого количества временных форм связано с наличием в коми языке аналитических форм прошедшего времени.

2.5.3.1. Настоящее время

В диалектах коми языка показателем настоящего времени является суффикс *-а* в 1 и 2 лице ед. и мн. числа; *-ө* (*-э* нв., вв., иж.) в 3 лице. В удорском диалекте наряду с суффиксом 3 лица ед. числа *-ө* может употребляться суффикс *-ас*: уд. *Увгас, шумитё йёл'л'эсыс* 'Журчат, шумят ручьи' (УД: 68); иж. *Бөкэвэй вөлэс'с'а вэтлалэ* 'Ходит человек

с другой волости’ (ИД: 89); вв. *Мөд-мөднисэ рад’эйтэни* ‘Уважают друг друга’ (ВВД: 98); лл. *мун-а, мун-ө* (ЛЛД: 79); вс. *пукт-а, пукт-ө, пукт-о* (ВСД: 119); скр. *мун-а, мун-ө* (ПСД: 131); сс. *пыр-а, пыр-ө* (ССД: 49); печ. *мун-ам, мун-оны* (ПД: 36); вым. *пукт-а, пукт-ө* (ВД: 119); уд. *кар-а, кар-ө, кар-ас* (УД: 67); вв. *мун-а, мун-э* (ВВД: 99); нв. *мун-а, мун-ө, мун-э* (НВД: 48); иж. *мун-а, мун-э* (ИД: 80).

Отрицательные формы настоящего времени выражает корневая гласная **о** отрицательного глагола: *ог мун* ‘я не иду’, *он мун* ‘ты не идешь’, *оз мун* ‘он (она) не идет’, *ог(-өй) мун(-э)* ‘мы не идем’, *он(-өй) мун(-э)* ‘вы не идете’, *оз мунны(-ныс)* ‘они не идут’.

2.5.3.2. Будущее время

Первое будущее время

В диалектах коми языка формы 1 и 2 лица ед. и мн. числа в первом будущем и настоящем времени совпадают. Показателем 3 лица будущего времени является суффикс **-ас**: лл. *мун-ас, мун-асны(-аны)* (ЛЛД: 78); вс. *мун-ас, мун-аныс* (ВСД: 147); сс. *пыр-ас, пыр-асны, пыр-аны* (ССД: 49); скр. *мун-ас, мун-асны* (ПСД: 131); нв. *мун-ас, мун-асны* (НВД: 48); вв. *мун-ас, мун-асни* (ВВД: 99); вым. *пыр-ас, пыр-асны* (ВД: 119); печ. *мун-ас, мун-асны* (ПД: 36); уд. *кар-ас, кар-асны(с), кар-оны(с)* (УД: 67); иж. *мун-ас, мун-асныс* (ИД: 80).

Отрицательные формы первого будущего времени полностью совпадают с формами настоящего времени.

Аналитическое будущее время

Аналитическое будущее время образуется при помощи вспомогательных глаголов *кутны, пондыны, мөдны* в формах I будущего времени и инфинитивной формы глагола: нв. *Руч пыралас, бос’тас пэтуко́с и пэту́к мө́дас горзыны: Кан’ил’эй-чойилöй ручид вöд нуöдö пэмыд вöраинö да джуджыд гöра сайö* ‘Лиса входит и берет петуха, а петух начинает выкрикивать: Котик, братик, лиса ведь уводит в темный лесок да за высокую гору’ (ОКЗР: 8); скр. *Н’эдыр мыс’ти лэчас сы динö мамыс дай кутас шуны: Лутон’ушка пö лок мамыс дорö* ‘Вскоре к нему пришла мать и начала говорить:

Лутонюшка, мол, подъезжай к матери' (ОКЗР: 53); вв. *Варфоломэй гозйа чэчасны, слуга тшай пуз'эдаc и кутас вис'толлини...* 'Варфоломей с женой встанут, служанка вскипятит чай и станет рассказывать' (ОКЗР: 84); вс. *Кутасны локталны дуб дорас чортйас: вёрсайасыс да васайасыс* 'Станут собираться у дуба черти: лешие и водяные' (ОКЗР: 139); лл. *Сэс'с'а шоччыштам, бара мёдам ытшыкыны* 'Потом отдохнем и опять начнем косить' (ОКЗР: 156); уд. *Сэс'с'а и кэркатё пондасны вёчны* 'А затем и дом начнут отделывать' (ОКЗР: 242).

Отрицательные формы аналитического будущего времени состоят из отрицательного глагола, основы вспомогательного глагола и инфинитива: вым. *Сэс'с'а и бура куччас ооны, нужда оз куччы тёдны* 'Потом станет жить хорошо, нужды не будет знать' (ВД: 118).

2.5.3.3. Прошедшее время

Первое прошедшее время

Показателем первого прошедшего времени в диалектах является суффикс **-и**: лл. *мун-и, мун-ин, мун-ис* (ЛЛД: 79); вс. *пукт-и, пукт-ин, пукт-ис* (ВСД: 119); сс. *пыр-и, пыр-им, пыр-исны* (ССД: 49); вв. *мун-и, мун-ин, мун-ис* (ВВД: 99); скр. *пукт-и, пукт-им, пукт-инныд* (ПСД: 131) вым. *мун-им, мун-инныд, мун-исны* (ВД: 119); иж. *гиж-и, гиж-ин, гиж-ис* (ИД: 80); уд. *кар-и, кар-ин, кар-ис* (УД: 67).

Отрицательную форму первого прошедшего времени образует корневая гласная отрицательного глагола **э-** (**и-** нв., вым., уд., иж.): лл. *эг мун, эг пукты* (ЛЛД: 79); вс. *эг мун, эг пукты* (ВСД: 119); сс. *эг пыр, эн пыр* (ССД: 49); скр. *эг мун, эг пукты* (ПСД: 131); вв. *эн, энэ мунэ* (ВВД: 100); нв. *иг мун, ин мун, из мун* (НВД: 48); вым. *иг мунё, иг пуктё* (ВД: 119); уд. *иг кар, иг эры* (УД: 68); иж. *иг мунэ, ин мунэ* (ИД: 81).

Второе прошедшее время

В диалектах коми языка показателем второго прошедшего времени является в большинстве диалектов суффикс **-ём**, в верхневычегодском, ижемском и нижневычегодском **-эм**: лл. *Джэк вылё кайём лёпёт' ошлыны, ус'ём и сойыс доймём* 'Она, оказывается, поднялась

на стул развешивать белье, упала, и рука повредилась' (ЛЛД: 82); вс. *Тио тай выл' самôвар нин бос'тôмаôс'* 'Вы, оказывается, уже новый самовар купили' (ВСД: 122); скр. *Пэтôмыдôс'* да вангад 'Вышли (на улицу) и болтаете' (ПСД: 133); уд. *Гэжасны, кор тиужôмыд, кор кулôмыд* 'Напишут, когда родился, когда умер' (УД: 71); вым. *Н'ан'ôс кôтны вунôччôма* 'Я, оказывается, забыла поставить тесто' (ВД: 121); вв. *Коркэ нэ татэн овлэма ôт'и рôзбойн'ик, знакэр Тунныр Йак* 'Когда-то здесь жил один разбойник, знахарь Тунныр Як' (ОКЗР: 70); иж. *Тон мэ сий ад'дзылэма* 'Точно я его видел', *Тэ абу мунэма, тэ гортын олэма* 'Ты, оказывается, не ушел, дома был' (ИД: 83); нв. *Кусô кул'эмаôс'* да потшысô ôшôдôмаôс' 'Кожу содрали и повесили на изгородь' (ОКЗР: 204).

Отрицательная форма II прошедшего времени образуется аналитически, при помощи отрицательной частицы *абу* (*абы* лл., вс., сс.; *аб / ап* уд.) и спрягаемой формы глагола: лл. *Бариныд абы адззыллôма* 'Барин так, оказывается, и не заметил' (ОКЗР: 167); вс. *абы мунôмаôс'* 'не ушли, оказывается', *абы пуктôмаôс'* 'не положили, оказывается' (ВСД: 119); сс. *Марпайс абы мунлôм вэрôс сâйас* 'Марфа-то не была замужем' (ССД: 50); уд. *Кут' тэ аб кулôм* 'Как ты не умер', *Унмовс'ôм да ап тôдлôм сэс'с'а* 'Заснула и потом ничего не заметила' (УД: 71); скр. *абу мунôмныд* 'вы, оказывается, не пошли', *абу пуктôмныд (пуктôмыдôс')* 'вы, оказывается, не положили' (ПСД: 131); иж. *Мэ абу мунэма гортô* 'Я, оказывается, не ушел домой' (ИД: 84); вым. *Мэнô нуôдлôмаôс'*, да мэ абу мунôма 'Меня приглашали, да я не пошел' (ВД: 121).

Аналитические формы прошедшего времени

Прошедшее длительное незавершенное

Прошедшее длительное незавершенное образуется аналитически, при помощи сочетания вспомогательного глагола *вôвны* 'быть' в форме 3 лица ед. числа I прошедшего времени и спрягаемого глагола в настоящем времени (Цыпанов 2005:166).

В диалектах коми языка также функционируют формы третьего прошедшего времени: вым. *Быд чэри йона вôли шэдô* 'Хорошо

лови́лась всякая рыба’ (ВД: 118); *Айыс вöли узьö, вой вöли да* ‘Отец спал, была ночь’ (ОКЗР: 196); иж. *Мэ сэк вöли вис’а* ‘Я тогда был болен’, *Мэ вöли пач вылэ вода да мойда* ‘Я, бывало, подымусь на печку и рассказываю сказки’ (ИД: 85); печ. *Сэки Микола дьрйиыс Аранечыс сулалö на вöли, йиа на вöли* ‘В тот год к Николиному дню Аранец еще стоял, был подо льдом’ (ОКЗР: 306); вв. *Олис-вылис Варполомей. Найа вöли олэни гозъя* ‘Жил-был Варфоломий. Он жил с женой’ (ОКЗР: 82); скр. *Бат’öйас вöли кыйс’öны подол’н’икöн да самоловöн* ‘Отцы наши ловили рыбу подольником и самоловом’ (ПСД: 263); вс. *Вэк с’ылö вöли* ‘Всё бывало поет’ (ВСД: 122); лл. *А көжук динас вöли лысöй старик куйлö* ‘А у козуха лежал лысый старик’ (ОКЗР: 163).

Отрицательная форма III прошедшего времени образуется при помощи отрицательного спряжения основного глагола. Вспомогательный глагол остается неизменным: *вöли ог мун, вöли он мун* и т.д.

Плюсквамперфект

Плюсквамперфект образуется аналитически из сочетания спрягаемых глаголов в формах II прошедшего времени и вспомогательного глагола *вöли*, употребляющегося в препозиции и постпозиции (Цыпанов 2005: 169). Например: вс. *Öйдор ö лэччылöма вöли карас* ‘В позапрошлом году ездил в город’, *Гöс’т’ин’эчсö öд’д’өн уна вöли вайöма* ‘Гостинцев много привез’ (ВСД: 122); иж. *Мэ вöли вунэдчэма н’ин д’эн’га с’этэмсэ* ‘Я было уже забыл, что давал деньги’ (ИД: 86); вым. *Вэжайöлön вöли понйыс шэдöма* ‘Собака крестного было попалась (в ловушку)’, *Мэнам вöли корöс дорö капкан пуктöма* ‘К стогу у меня был поставлен капкан’ (ВД: 118); уд. *Кор мэ локти, сийа мунöма ни вöли* ‘Когда я пришел, его уже не было’, *Вот’ти вöли пуктöма лола вылö лэч* ‘Раньше была поставлена ловушка на лося’ (УД: 72); вв. *А н’эн’ мэнам вöли дзэбöма* ‘Хлеб был у меня спрятан’ (ОКЗР: 132).

Прошедшее завершённое неочевидное

Прошедшее завершённое неочевидное образуется сочетанием неизменяемого вспомогательного глагола *вöлöm* со спрягаемыми

глаголами в формах II прошедшего времени (Цыпанов 2005, 173). Примеры, встречающиеся в диалектах: иж. *Сыа вӧлэма воома н'ин армийаыс* 'Он, оказывается, уже прибыл из армии', *Мэ сэк вӧлэм мунэма машина бӧртиыс* 'Я тогда, оказывается, шел за машиной' (ИД: 86); уд. *Войим лэд' дорӧ, вӧлӧма пырӧма лола* 'Подошли к ловушке и видим: попался лось', *Бӧрти лола джагӧдӧмаэс' вӧлӧм, сэн йайсӧ с'ойӧмаэс* 'Оказывается, задрали (медведи) лося, там пожирали его' (УД: 72); вым. *Вэс'л'анса морт, С'пиридон н'има вӧлӧм окот'н'ичайтӧм* 'Человек из Весляны, по имени Спиридон, оказывается, охотился (ВД: 118).

Прошедшее незавершенное неочевидное

Прошедшее незавершенное неочевидное образуется сочетанием спрягаемых глаголов в настоящем времени и вспомогательного глагола **вӧлӧм**. Вспомогательный глагол может быть как в препозиции, так и в постпозиции к основному глаголу (Цыпанов 2005: 171). Например: нв. *Вӧрын вӧлӧма йирс'э с'изим арӧса кодзэм ӧш* 'В лесу пасся семигодовалый вол' (ОКЗР: 29); иж. *Мэ сэк н'ин вӧлэма вис'а* 'Я уже тогда, оказывается, был болен', *Ти сэк н'ин вӧлэма вис'анныд* 'Вы, оказывается, уже тогда были больны' (ИД: 85); вв. *Ачис Тунныр Йакис зэв вӧлэма с'ус': пывс'ан вӧд'итигкости бӧр и водз Вис'эр вичко дорэдз вӧлэм лэччивлэ, а карэдз вӧлэм вати уйлас да кык часэн вӧлэм вовас гортас бӧр* 'Сам Тунныр Як был человек исключительный: пока топится баня, он успевал побывать в Богородске, а за два часа проплывал до города и обратно' (ОКЗР: 70).

2.5.4. Инфинитные формы глаголов

2.5.4.1. Инфинитив

Инфинитивная форма глагола в большинстве диалектов коми языка имеет показатель **-ны**: скр. *мунны* 'идти', *шогс'ыны* 'горевать' (ПСД: 129); лл. *сылдны* 'растопить'; *кынтыны* 'заморозить' (ЛЛД: 76); вс. *пэтны* 'выйти', *кучкыны* 'ударить' (ВСД: 116); вым.

мустӧмтыны ‘недолюбливать’, *йубыртны* ‘поклониться’ (ВД: 115); иж. *пийдны* ‘заволакиваться’, *бӧрдны* ‘плакать’ (ИД: 87); печ. *курдны* ‘юркнуть’, *вэрмыны* ‘мочь’ (ПД: 38).

В верхневычегодском диалекте, имеющем ограничения в употреблении гласного [ы] в первом слоге слова, инфинитивным суффиксом выступает **-ни**: вв. *вэттэдлини* ‘ходить’, *дзурйини* ‘путать’, *тӧждини* ‘беспокоиться’ (ВВД: 102). В жешартско-гамском говоре нижневычегодского диалекта функционирует суффикс **-нӧ**, в коквицком говоре суффикс **-нэ**. Суффикс инфинитива **-нӧ** также встречается в говоре с. Вотча среднесысольского диалекта. Данные суффиксы образовались в результате ассимиляции суффиксального гласного [ы] предшествующими гласными: нв. (Жеш., Гам.) *мынтӧднӧ* ‘освободить, избавить’, *солавнӧ* ‘посолить’; (Кок.) *мынтэднэ*, *солавнэ* (НВД: 49); сс. (Вотч.) *Изнӧ вэтли* ‘Молоть ездилась’; *Корог нӧйтнӧ вэтли* ‘Ходила размельчать комья’ (ССД: 48).

В вашкинских говорах удорского диалекта инфинитив имеет вариант **-ныс**: уд. *Сийӧ мэ ог эры вис’тавныс* ‘Этого я не могу сказать’, *Чӧтшкыныс он ӧры* ‘Жевать невозможно’ (УД: 66).

В диалектах коми языка инфинитив сохраняет отдельные черты, свойственные существительному, а именно:

1. Может присоединять притяжательные суффиксы.

Наличие определенно-притяжательных форм инфинитива в диалектах может быть представлено в следующей таблице.

диал. лицо число	ЛЛД	ВСД	ССД	ПСД	ПД	ВВД	НВД	УД	ВД	ИД
ед. ч 1	-м	—	—	-öй	-ым	-им	-ым(-ö)	-м, -мöс□, -сöс	-ам	—
2	-д, -дö, -тö	-д, -тö, -дö, -	-тö, -д	-ыд, -д, -	-ыд	-ид	-ыд	-ттö, -стö	-ад	—
3	-с, -сö	ттö -с, -сö, -стö, -	-с, -сö	тö -ыс, -с, -	-ыс	-ис	-ыс	-ссö	-ас	—
мн. ч. 1	-мö, -ным	ссö	—	сö	-ным	-ним	-ным	-сным, -снымöс	-аным	—
2	-ныд	—	—	—	-ныд	-нид	-ныд	-сныд(т), -	-аныд	—
3	-ныс	—	—	-ным	-ныс	-нис	-ныс	сныстö -сныс, -сныссö	-аныс	—
		—		-ныд						
		—		-ныс						

Следует подчеркнуть, что не во всех диалектах и не все определенно-притяжательные формы могут присоединяться к инфинитиву. Однако в большинстве диалектов они активно употребляются: лл. *Тылöсас тэчным н'эм* 'Мне нечего положить в сундук', *Н'экөн ловö видзнымö ыжсö* 'Держать овец нам будет негде', *Йукс'ыныныд н'эйöмкö* 'Разводиться вам неудобно', *С'ойныныс колдзис жö* 'Им тоже пришлось поесть', *Тырмас н'ин тэд шукл'алныдö* 'Хватит тебе свистеть' (ЛЛД: 76-77); вс. *Тати опаснö вэтлыныттö* 'Здесь опасно ходить', *Лысваыс талун зэл ыджыд да лöс'ыд ытикыныдö* 'Роса сегодня большая и косить очень легко', *Ог куж шуныссö* 'Сказать-то не умею', *Ог вэрмы вурс'ыныстö* 'Я шить не могу' (ВСД: 117); сс. *Йакс'эртö кузол тырыд көт' вот, да кыскыныд он эрмы* 'Волнушек хоть полный кузов набери, да тащить-то не сможешь', *Н'экытчö и шогсö пал'öднысö мунны* 'И некуда ведь идти со своим горем' (ССД: 48); скр. *Ог кө лыд'д'ыс', ог вэрмы уз'нойй* 'Если не почитаю, не могу спать', *Н'инöм он куж кэрныд* 'Ты ничего не умеешь делать', *Мунныыс с'öлöмыс оз с'эт* 'Он не может ходить из-за больного сердца', *Дыш вөрöшиччыныныс* 'Им лень шевельнуться' (ПСД: 130); печ. *Мунным н'экодарö ог куж* 'Куда идти, не знаю', *Пукс'ыныныс эз вэрмойй* 'Сесть не смогли', *Волö мийанö пукалныныд* 'Приходите к нам посидеть' (ПД: 39); вс. *Вунэма кэрн'иим* 'Забыла сделать', *Сийа уджоон'иид рэз'эб* 'Он работать проворен', *Мынтас'эй гожэмэдз, öни мынтас'нинид кокн'идджик* 'Уплатите (налог) до лета, теперь уплатить легче' (ВВД: 103); нв. *Йуныö кос'мö* 'Мне хочется пить', *пукавныдö с'öкыд* 'сидеть-то тяжело', *бос'нысö он көсйы* 'купить-то не хочешь' (НВД: 49; Туркин 1998: 91); вым. *Жар да, уз'ныам ог вэрмы* 'Я спать не могу, потому что жарко', *Тэн йöмкыд сэн пукооныад* 'Там тебе удобно сидеть', *Кагаыс оз на куж вэтлöдлыныас* 'Ребенок еще не умеет ходить', *Тоон шоныд да, мунныаным лöс'ыд* 'Сегодня тепло, и идти нам хорошо', *Ин уна бос'тö, нуныаныд он вэрмö* 'Много не берите, нести не сможете' (ВД: 116); уд. *Уз'нымöс мэд шоныдджык* 'Чтоб спать мне было теплее', *Овнысöс кол'и аслым* 'Жить оставила себе', *Туй вылö локныснымöс вокö бос'тис кык подöвойй н'ан'* 'Нам на дорогу брат взял две ковриги подового хлеба', *Мöднысныт колö* 'Надо (вам) ехать' (УД: 67).

2. В отдельных диалектах может присоединять суффикс множественного числа **-йас**.

В нижневычегодском диалекте к инфинитивной форме может присоединяться суффикс **-йас**: *пожйас'ныйас* 'полоскать', *йуныйас* 'пить', *гöс'т'итныйас* 'гостить, погостить'.

К инфинитиву с суффиксом множественного числа **-йас** могут присоединяться указательные суффиксы **-тö**, **-сö**: *Пуктыс'ышитныйастэ отсышитэ* 'Он помогает на посадке картофеля', *Мыс'кыныйастэ чоййасыс мыс'кэны* 'Что касается мытья, то моют (ему) сестры' (НВД: 50).

2.5.4.2. Причастие

Причастие – инфинитная форма глагола, представляющая действие как атрибутивный признак субстанции.

Причастия в большинстве диалектов коми языка образуются от глагольных основ посредством суффиксов **-ыс'**, **-ан (-ана)**, **-öм**, **-öма**, **-тöм**. В верхневычегодском, нижневычегодском, удорском, ижемском диалектах наличествуют фонетические варианты названных суффиксов: **-ис'** (вв., уд., нв.), **-эм**, **-эма**, **-тэм** (вв., иж.). Отдельные отличия наблюдаются в семантике вышеназванных суффиксов.

Причастия с суффиксом **-ыс'** (**-ис'**) обозначают признак лица или предмета по его действию или состоянию безотносительно к моменту речи: скр. *Чотыс' морт* 'хромающий человек', *бöрдыс' кага* 'плачущий ребенок' (ПСД: 42); печ. *Дурыс' чэл'ад'* 'шаловливые дети', *пöрйас'ыс' морт* 'лживый человек' (ПД: 43); вс. *Гöрзыс' кага* 'плачущий ребенок', *чил'кöдыс' мöс* 'дойная корова' (ВСД: 134); лл. *ошкалыс' пон* 'собака, берущая медведя', *вол'алыс' сун'ис* 'блестящая нитка' (ЛЛД: 89); сс. *Уджалыс' нылбаба* 'работающая женщина', *кылзыс'ыс' чэл'ад'* 'послушные дети' (ССД: 55); вв. *тöждис'ис' мам* 'заботливая мать', *л'укас'ис' мöс* 'бодливая корова' (ВВД: 114); вым. *Вэлöччыс' морт* 'учащийся человек', *муныс' мортсö ин дзуг* 'не путай идущего человека' (ВД: 136); уд. *Гол'ис' д'эт'ина* 'разговорчивый мальчик', *курчас'ис' вöв* 'кусающаяся лошадь' (УД: 79); иж. *Йандыс' ныы* 'застенчивая девушка', *рöбитыс' морт* 'работающий человек' (ИД: 100).

Причастия на **-ан (-ана)** выражают предназначение предмета для того или иного действия, а так же признак предмета по его действию. Причастия на **-ан (-ана)** могут выражать признак как пассивно, так и активно действующего предмета: скр. *визуван ва* ‘текучая вода’, *вөралан көлуй* ‘охотничьи принадлежности’, *йуана морт* ‘пьющий человек’, *төдана йөз* ‘люди, знающие что-либо’ (ПСД:155); печ. *бөжалан пэлыс* ‘кормовое весло’, *потлас’ан пэс* ‘колкие дрова’, *с’ибалан ки* ‘умелые руки’ (ПД: 43); вс. *Путикэс’ан чөрс* ‘веретено для сучения’, *төлийан кэрка* ‘зимняя изба’, *вуджан вис’ан* ‘заразная (переходящая) болезнь’, *йугдан кад* ‘время рассвета’ (ВСД: 134); лл. *чушкас’ан йөн* ‘колючий осот’, *вөралан лөпөт* ‘охотничья одежда’, *вос’лас’ана завор* ‘разборное прясло’ (ЛЛД: 90); сс. *мөс вот’кан джэк* ‘скамейка для доярки при доении’, *пурс’ан пон* ‘злая собака’, *туйана морт* ‘дельный, годный человек’ (ССД: 55); вв. *дуран йылэм* ‘шаловливые дети’, *ырийан вөл* ‘норовистая лошадь’, *чушкан табак* ‘нюхательный табак’ (ВВД: 114); вым. *ытикан турун* ‘сено, пригодное для кошения’, *ыслалан чэл’ад* ‘катающиеся дети’, *пач чышкан лыс* ‘печное помело’ (ВД: 137); уд. *төдана пөч* ‘знающая старуха’, *олана морт* ‘живущий человек’, *моздана ныв* ‘симпатичная девушка’ (УД: 79); иж. *йуан ва* ‘питьевая вода’, *уз’ан морт* ‘спящий человек’, *пыр ноолан пас’кэм* ‘будничная (повседневно носимая) одежда’, *рад’эйтана морт* ‘уважаемый человек’ (ИД: 100); нв. *пөжас’ан пач* ‘пекарная печь’, *вурс’ан машина* ‘швейная машина’ (Туркин 1998: 91).

Причастия на **-өм, -өма (-эм, -эма)** выражают признак предмета по совершенному им или перешедшему на него действию (состоянию). Данные причастия обозначают признак по происшедшему до момента речи действию. Причастия на **-өм, -өма (-эм, -эма)** могут выражать признак как пассивно, так и активно действовавшего предмета: скр. *дзормөм старик* ‘поседевший старик’, *н’орөм пу* ‘наклонившееся дерево’, *шөрыштөм шөрөм* ‘отрезанный ломоть’ (ПСД: 155); печ. *көрөма сарапан* ‘сарафан со сборчатым лифом’, *вөчөма чэри* ‘выпотрошенная рыба’, *эжмөм му* ‘заросшее травой поле’ (ПД: 43); сс. *Кис’с’өма чышйан* ‘рванный платок’, *шырөма йур* ‘остриженные волосы’, *төпитөм вый* ‘топленое масло’ (ССД: 55); вс. *мунөма ныл* ‘замужняя дочь’, *эндөдөма му* ‘заброшенное поле’, *воөма йөз*

‘приезжие люди’, *чөжөм йөл* ‘кислый творог’ (ВСД: 135); лл. *чижмөм с’укос* ‘перекисший квас’, *дзирөдөм көрт* ‘раскаленное железо’, *кулөма пон* ‘мертвая собака’ (ЛЛД: 90); вым. *воччөм йөз* ‘принарядившиеся люди’, *көйдөм ва* ‘остывшая вода’, *бэргөдөм мыр* ‘вывороченный пень’ (ВД: 138); уд. *Л’умкаас’с’өм самөвар* ‘побитый самовар’, *бынс’өм дөрөм* ‘запачканная рубашка’, *тиимөм вомөн пукалө* ‘сидит с сжатым ртом’ (УД: 80); вв. *пырэм морт* ‘человек, вошедший в хозяйство тестя’, *тиынэдэм чэри* ‘копченая рыба’, *кылэдэма пур* ‘уплывший плот’ (ВВД: 115); иж. *ыыдэм кан* ‘заблудившийся кот’, *дол’мэм йөө* ‘полупрокисшее молоко’, *комдэм ва* ‘отлитая вода’ (ИД: 100).

Причастия с суффиксом **-төм (-төма)** обозначают признак, выражающий отрицание производимого предметом или переходящего на него действия: скр. *төждыс’төм морт* ‘беззаботный человек’, *лыс’тытөм мөс* ‘сухостойная корова, неподоенная корова’, *вөрз’эдлытөм вөр* ‘нетронутый лес’ (ПСД: 156); печ. *шогмытөм с’орн’и* ‘неподходящий разговор’, *олтөм кэрка* ‘нежилая изба’ (ПД: 44); сс. *С’оромө тэчтөм кол’тайас* ‘Снопы, не сложенные в скирды’, *ойдлытөм видзйас* ‘незаливные луга’ (ССД: 56); вс. *Лөвз’ытөм н’ан* ‘Неподнявшийся хлеб’, *кортөм гөс* ‘непрощенный гость’, *мыс’кытөм дөзмөк* ‘немытая посуда’ (ВСД: 135); лл. *төчиттөм пурт* ‘неотточенный нож’, *мунтөм ныв* ‘незамужняя девушка’, *олтөм т’эрка* ‘нежилой дом’ (ЛЛД: 90); вым. *уз’төм морт* ‘не спавший человек’, *лойлытөм плат’т’э* ‘нестиранное белье’, *вэтытөм туй* ‘непроезжая дорога’ (ВД: 139); уд. *лунтыр с’ойлытөм йөз* ‘не евшие целый день люди’, *кыйтөм с’өла* ‘неподстреленный рябчик’, *ытишкытөм видз* ‘нескошенный луг’ (УД: 80); вв. *шэттэм вөл* ‘неимчивая лошадь’, *сыыдтэм вый* ‘нетопленое масло’, *шогмытэм ан* ‘бестолковая женщина’ (ВВД: 115); нв. *вэлөччитөм морт* ‘неучившийся человек’, *овтөм т’эрка* ‘нежилой дом’ (Туркин 1998: 91); иж. *ытишкытэм видз* ‘нескошенный луг’, *вундытэм көдза* ‘несжатые посеы’, *ортэм видз* ‘незаконченный косьбой луг’ (ИД: 101).

2.5.4.3. Деепричастие

Деепричастие определяется как инфинитная форма глагола, выражающая добавочное действие. В коми диалектах деепричастия могут присоединять определенно-притяжательные суффиксы и суффикс множественного числа **-йас**, объединяя в себе признаки глагола, наречия и существительного. Отдельные деепричастия помимо лично-притяжательных суффиксов и суффикса множественного числа могут присоединять послеложные суффиксы, образуя разветвленную систему деепричастных форм.

Деепричастия на **-иг** (иж., вым. **-ыг**) обозначают действие, протекающее одновременно с другим действием. Деепричастие на **-иг** (**-ыг**) может упортебляться с суффиксом множественного числа и лично-притяжательными суффиксами: лл. *Пэс вайиг доймис* ‘Ушибся, когда вез дрова’, *Уз’игам баитчыс’с’ө* ‘Во время сна я разговариваю’, *Турналигйасын колаын уз’лисны* ‘Во время сенокосов спали в шалаше’ (ЛЛД: 91-92); вс. *Мэ йöзын уджалиг быдми* ‘Я росла, работая у чужих’ (ВСД: 135); скр. *Быд воччиг воша* ‘Каждый раз, собирая ягоды (грибы), плутаю’ (ПСД: 156); печ. *Вöралиг доймöма* ‘Он ушибся во время охоты’ (ПД: 44); вв. *Шувис школ’никэс кориг* ‘Говорила, что позвала школьника’ (ВВД: 115); вым. *Локтыгам иг кынмы* ‘Когда я шел, не замерз’, *Зэригйасад туйыс зэй н’айт* ‘В дождливую погоду дорога очень грязная’, *Муныганыд мэнö тшиöтти чукöстö* ‘Уходя, вы меня тоже позовите’ (ВД: 140); уд. *Асув сувтан, шон’гэй пэтиг* ‘Утром встаем с восходом солнца’, *Тишэтыр часа мöдасны гöрны кöн’угалигам* ‘В четыре часа отправлялись пахать, когда я была конюхом’ (УД: 83); иж. *муныгам* ‘когда я шел’, *муныгыс* ‘когда он шел’, *муныганум* ‘когда мы шли’ (ИД: 102).

Деепричастие на **-иг** (**-ыг**) может принимать застывшую форму творительного падежа **-öн** (иж., вв. **-эн**), образуя суффикс **-игöн** (иж. **-ыгэн**, вв. **-игэн**): иж. *бöр муныгэн пырооны* ‘зайти на обратном пути’ (ИД: 101); вв. *локтигэн* ‘возвращаясь’, *вöралигэн* ‘охотясь’ (ВВД: 115); вым. *Лозсö вöралыгöн пас’талöны, чэри кыйыгöн* ‘Лузан одевают, когда охотятся, когда рыбу ловят’ (ВД: 139); уд. *С’ойигöн н’экод оз гол* ‘Во время еды никто не разговаривает’, *Пин’ас’игöн с’öлöмöс вэс’ рэкти* ‘При перебранке выговорила, и отлегло от сердца’ (УД: 81); вс. *Уз’игöн аслым байта* ‘Во сне я разговариваю’

(ВСД: 135); лл. *Мыр йөрны пашн'а вөчигөн* 'Корчевать пни при расчистке пашни' (ЛЛД: 90); нв. *С'илигөн вос'лавны* 'шагать припевая' (Туркин 1998: 92).

Деепричастия на *-иг (-ыг)* могут употребляться с послеложными суффиксами *-тыр (-тырйа, -тырйи)*, *-моз, -кости (-коста)*, *-чөж (-тишөж)*, *-дыра (-дырйи)*, *-вылө, -кэжө (-кэжэ, -кэжлө)*, *-гөгөр*: вс. *йөктигтырйө мунөныс* 'идут приплясывая', *страдауйтигкэжлө колө куран-көсатө лөс'өдны* 'к страде нужно приготовить грабли, косу' (ВСД: 136); лл. *уз'игмозым кыла* 'слышу сквозь сон', *вэтлигтишөжыс бура олимө* 'во время его отсутствия мы хорошо жили' (ЛЛД: 92); скр. *Н'инөм полигтырйис овны* 'нечего бояться', *ворсигмоз вөчышитис* 'сделал играючи' (ПСД: 157); сс. *көдзиггөгөр волис* 'приезжал во время сева', *с'эраигмоз шуйис* 'сказал смеясь' (ССД: 56); печ. *Вис'иктырйа* 'болея', *мунигкости султис* 'в пути остановился' (ПД: 44); вв. *йугдигкэжэ* 'к рассвету', *вис'игчөж* 'в продолжении болезни', *с'эралигмоз* 'смеясь' (ВВД: 115); вым. *мунө ур лыйигтыр* 'идет, стреляя белок', *пукалим виччигмоз* 'сидели ожидая', *вэтлигкости* 'когда ходил' (ВД: 140); иж. *муныгкэжэ лөс'эдны* 'приготовить к отъезду', *муныгтишөж с'орн'итны* 'разговаривать всю дорогу' (ИД: 101); нв. *ворсигтырйа с'орн'итны* 'разговаривать играя', *мунигмоз т'эжавны* 'по пути заехать' (Туркин 1998: 92).

Деепричастия с суффиксом *-өмөн* (иж, вв. *-эмэн*) семантически близки к деепричастиям на *-иг, -игөн*, обозначают добавочное действие, протекающее одновременно с главным: иж. *мэ пукс'эмэн с'ойа* 'я, сидя, кушаю', *с'урэсас'эмэн мунэныс* 'гуськом идут' (ИД: 101); вым. *зэччөмөн кэр кыскыны* 'напрягшись, тащить бревно', *лыд'д'өмөн бөрдны* 'плакать причитая' (ВД: 141); уд. *водөмөн тишөтти унмовс'ис* 'уснул сразу, как лег', *с'увс'өмөн с'увс'ис лавкаас* 'силой протиснулся в магазин' (УД: 81); вв. *одэптэмэн чэтчишитис* 'с разбегу перескочил', *т'ургэмэн с'инвад пэтэ* 'слезы льются струей' (ВВД: 116); скр. *вом нас'көдөмөн кывзө* 'слушает, разинув рот' (ПСД: 157); вс. *Л'ул'кйөдлөмөн мунө* 'идет покачиваясь' (ВСД: 135); сс. *горзөмөн корны* 'просить со слезами', *султөмөн воимө* 'стоя приехали' (ССД: 56); лл. *бэд'д'ас'өмөн мунө* 'идет, опираясь на палку', *пөрлалөмөн вэтлө* 'ходит покачиваясь' (ЛЛД: 91).

Деепричастие на **-төдз** (иж., вв., уд., лл. **-тэдз**, вв. **-тээдз**, иж. **-тэдзйа**) указывает, что главное действие протекает до дополнительного действия и пределом для главного действия является другое действие: вс. *туй ус'төдзис колө мунны* 'надо ехать, пока дорога не испортилась' (ВСД: 136); лл. *култэдз уджыс тырмас* 'работы до смерти хватит' (ЛЛД: 91); сс. *гати ус'төдз пөрийалны* 'обмануть так, что упадешь с ног' (ССД: 57); уд. *курттэдз пэрвэй ытшикис'ам* 'до сгребания сена сначала косим' (УД: 81); вым. *тыгыюотөдз вөрын вэтлөдди* 'ходил в лесу до того, что проголодался', *лоовирө воштөдз пооз'и* 'так испугался, дух замер' (ВД: 141); иж. *шонды пукс'ытэдз ытшикыс'ны* 'косить до заката солнца', *ныратшук ус'тэдзйа рөбитны* 'работать до упаду' (ИД: 101); вв. *дзол'асэ вайтээдзис уджалис* 'работала, пока не родила младшего', *важйитэдз тани ола* 'до старости здесь проживу' (ВВД: 116).

Деепричастия на **-төдз** (**-тэдз**) могут присоединять лично-притяжательные суффиксы: вым. *Тайа дойыд гөтрас'төдзид бурдас* 'Эта рана до твоей свадьбы заживет', *Свожк воттөдзис квастаччөны* 'Хвастаются, пока не пришел свояк' (ВД: 141); лл. *гөтрас'тэдзид бурдан* 'до женитьбы поправишься' (ЛЛД: 92); вс. *Ватө вай дас' кул'с'ытөдзид* 'Пока ты не разделся, пинеси воды' (ВСД: 136).

Деепричастия с суффиксом **-төг** (вв. **-тэг**, иж. **-тэг**, **-тэгйа**) обозначают отсутствие дополнительного действия к главному действию: лл. *Вылыс' кул'лытөг новла* 'Носила (что-то) не снимая' (ЛЛД: 91); вс. *Уджйаыд кэртөгыс рэпиныс* 'Работа осталась несделанной' (ВВД: 136); скр. *Кос вэс'көдлытөг уджали* 'Я работал, не разогнув спины' (ПСД: 157); вв. *С'ойтэг мунис* 'Не поевши, ушел', *йувалтэг бос'тис* 'не спросив, взял' (ВВД: 116); вым. *Мэ вэд тэ динын оли поотөг да йандытөг* 'Я ведь жила у тебя не боясь и не стесняясь' (ВВД: 142); уд. *Чанавтөг эд оз мын дөрайэсыс* 'Без битья ведь холсты не очистятся', *Бөрдтөг лун оз кол* 'Без слез день не проходит' (УД: 81); иж. *Уз'тэгйа ооны* 'жить без сна', *мэ төдтэгйа кар ди* 'сделай, чтоб я не знал' (ИД: 101); нв. *дугдывтөг видзэдны* 'не переставая смотреть' (Туркин 1998:93); печ. *Йуас'төгйа бисө өзтис* 'без спросу зажег огонь', *мунтөгйа оз поз* 'не уехать нельзя' (ПД: 44); сс. *С'ин вылыс' вошлытөг видзны* 'Охранять, не спуская с глаз', *с'ойтөггид оз ус'с'ы* 'не поев, не спится' (ССД: 56).

Деепричастия на *-төг* (*-тэг*) могут присоединять лично-притяжательные суффиксы, чаще 2 и 3 лица ед. числа: вым. *рöбиттөгүд он пöт* ‘не работая, сыт не будешь’ (ВД: 142); вс. *Пэс’с’ытөгүд олөмтö он кэр* ‘не трудясь, жизнь не устроишь’ (ВСД: 136); сс. *тиöктытөгүс н’инөм эн вөрöдö* ‘без разрешения не трогайте ничего’ (ССД: 56).

Деепричастия на *-мөн*, *-мөнһа* (вв. *-мэн*) обозначают меру и степень действия. В ижемском диалекте данные формы отсутствуют: вс. *эндымөн с’öйи* ‘наелся до отвала’, *лымыс кэлмөнүд ус’öма* ‘столько снега выпало, что приходится брести’ (ВСД: 136); лл. *Картовыс вузалмөн лои* ‘Картофеля уродилось много, даже для продажи’ (ЛЛД: 91); сс. *С’öлөм доймымөн жал* ‘жалко до боли в сердце’ (ССД: 57); скр. *С’инмыс’ би пэтмөн уджавны* ‘работать до искр в глазах’ (ПСД: 157); печ. *кочкалмөн с’эраллим* ‘смеялись до коликов’, *с’инва пэтмөн жал* ‘до слез жалко’ (ПД: 44); вв. *с’өлэм потмэн шог* ‘горе, что сердце разрывается’, *дул’ пэтмэн колэ* ‘так хочется, что слюни текут’ (ВВД: 115); вым. *пумөн чэри кыйны* ‘наловить рыбу на варку’, *картöпэл’ö таво вузоомөн лои* ‘картофеля много в этом году, можно продать’ (ВД: 142); уд. *ötпыр пумөн рыжик вайим* ‘принесли рыжиков один раз варить’, *ваймөн ытшким турынсö* ‘накосили сена, чтоб принести один раз’ (УД: 82).

В удорском и верхневычегодском диалектах бытуют деепричастия с суффиксом *-тис’* в сочетании с послелогоми уд. *вöт’ти*, *вöйтэти*, вв. *войдор*: вв. *карэ мунтис’ид войдор* ‘до отъезда в город’, *видтис’ войдор* ‘не дожидаясь ругани’, *куутис’ войдор* ‘прежде чем умереть’ (ВВД: 116); уд. *школаö мунтис’ вöт’т’и* ‘до поступления в школу’, *шон’гэй пэттис’ вöт’ти* ‘до восхода солнца’ (УД: 84).

Употребляясь с личными местоимениями, такие формы могут иметь притяжательные суффиксы: уд. *мэ кувтис’ö вöт’ти* ‘до моей смерти’, *мудзтис’ныд вöйт’ти* ‘до вашей усталости’ (УД: 84); вв. *татчи локтис’ним войдор* ‘до нашего прихода сюда’ (ВВД: 116).

В верхневычегодском диалекте, нижневычегодском и верхневымских говорах вымского диалекта широко употребляется своеобразная деепричастная форма, образуемая посредством послеложного суффикса вым., нв. *-мыс’ти* (*-мыс’*, *-мыс’т’и*), вв. *-мис’т* (*-мис’т’и*, *-мис’тэн*).

Данные деепричастия выражают действие, предшествующее другому действию: вым. *Пыыс'ымыс'ти вола ти ордö* 'Приду к вам после того, как попарюсь в бане', *с'оймыс'ти вэтла* 'схожу после еды', *эштымыс'тиыс н'ин мунан* 'пойдем, когда закончим (что-либо) делать' (ВД: 143); вв. *Кага чужмис'т йона вис'и* 'После родов долго болела', *тийан локмис'т'и муна* 'пойду после вашего приезда', *шонди пэтмис'ти локта* 'приду после восхода солнца' (ВВД: 116); нв. *Уз'мыс'ти оз ков с'ойнытö* 'После сна не хочется кушать' (НВД: 51).

Названные деепричастия могут принимать лично-притяжательные суффиксы: вв. *с'этмис'тид эн кор* 'не проси после того, как отдал' (ВВД: 117); вым. *Пэтмыс'т'иö тай воöма* 'он, оказывается, пришел после моего ухода' (ВД: 143); нв. *пöра кол'мыс'т'иид кыс' бос'тан* 'по истечении времени не возьмешь' (НВД: 51).

2.6. Наречие

Наречия в диалектах коми языка не обладают обширными грамматическими категориями. Некоторые наречия могут иметь степени сравнения и степени качеств.

2.6.1. Степени сравнения наречий

Наречия в диалектах коми языка могут иметь сравнительную и превосходную степени.

Сравнительная степень образуется посредством присоединения к наречию суффикса *-джык* (лл. *-джыг*, *-жык*, вс. *-жык*, вв. *-джик*): вым. *Мэ тытöнджык вöли* 'Я был поодаль', *Мöдйöджык вола* 'Приду когда-нибудь после' (ВД: 146), уд. *Вöйисаасджык ов йöзас* 'Смелее будь среди чужих', *Лöвкöджык öни лойи* 'Сейчас легче стало' (УД: 86), иж. *н'эжджык мунны* 'тише идти', *унджык бос'ны* 'брать больше', *с'ибджыкаа кутны* 'крепче держать' (ИД: 104), вс. *этиаджык* 'меньше', *дыржык* 'дольше', *регыджджык* 'быстрее, скорее' (ВСД: 140), лл. *Унджыг тöд*, *да этиаджыг баит* 'Больше

знай, да меньше болтай’, *Нылс’а шан’джыга оли* ‘Жила лучше девушки’ (ЛЛД: 97), вв. *өдйэджик* ‘побыстрее’, *этиаджик* ‘поменьше’, *лөс’идаджик* ‘получше’ (ВВД: 119).

Превосходная степень образуется путем присоединения к наречию приставки *мед-* и частицы *мэдс,а* (вым. *мэчча, мэччэн*; уд. *мэтча, мэчча, мэтчён*; иж. *мэт’ча*; вс. *мэтс’а*): вс. *Ичил’ик кукан’ыс мэтс’а мэдбодз пырис Сыктылас* ‘Маленький теленок самым первым забрел в Сысолу’ (ВСД: 140), вым. *Мэдводз, мэччэн водз* ‘раньше всех’, уд. *Мэтчён ылө лэббодис* ‘Дальше всех бросил’, *Сийа вэк мэдбурас вэлэтчис* ‘Она всегда лучше всех училась’ (УД: 86), иж. *мэдбод’д’э воны* ‘быстрее всех прийти’, *Мэ пукали мэт’ча бёрын* ‘Я сидел в самом последнем ряду’ (ИД: 105), вв. *мэдча өдйэ* ‘быстрее всех’, *мэдс’а с’ус’а* ‘ловчее всех’ (ВВД: 118).

2.6.2. Степени качества наречий

В диалектах встречаются формы, указывающие на высокую степень выражаемого наречием качества или меры и степень неполноты признака действия.

Высокая степень признака, способа действия и меры может выражаться следующими способами:

а) удвоением согласного звука или удлинением ударного гласного. Чаще подобные формы встречаются в лузско-летском и удорском диалектах: лл. *йонна төлка* ‘очень толковый’, *унна йёзыс* ‘много народу’, *чожжжа мунёно* ‘быстро идут’ (ЛЛД: 97); уд. *пыырр и л’окётчас* ‘тут же и рассердится’, *ныммён кутчис’ли* ‘чуть-чуть касался’, *йооннис’ горэтчис* ‘очень сильно крикнул’, *өдд’д’ө локти* ‘быстро-быстро пришел’ (УД: 86);

б) наречиями степени и меры: иж. *Зэй л’окаа с’орнитэ* ‘Очень плохо говорит’, *Йона өд’д’э мунэ* ‘Очень быстро идет’, *Доза уна с’оис* ‘Довольно много съел’, *Бураа дыр вэтлалис* ‘Довольно долго ходил’ (ИД: 105); вв. *Вывти бура олэ* ‘Слишком хорошо живет’, *Усэбэ уна ваис* ‘Слишком много принес’, *Өкримет’ өдйэ кэрам* ‘Чересчур быстро делаем’ (ВВД: 119);

в) усилительными частицами: вв. *ой-ой уна* ‘очень много’, *ой-ой йона* ‘очень крепко’ (ВВД:119).

Степень неполноты признака действия может быть выражена посредством суффиксов *-пырыс'*, (вым. *-пырйас'*, *-пырйаыс'*, уд. *-пырис'*); *-койд (-код')*, лл. *-гём*: вым. *Поп, кён'эшнө, шоганырыс' мунн, а старик л'убөпырыс'* ‘Поп, конечно, ушел печальный, а старик был доволен’, *лөгпырйас* ‘со злобой’, *Йонакойд мыдзи* ‘Я порядком устал’, *унакойд* ‘многовато’ (ВД: 147); уд. *шогпырис'* *пукалө* ‘скучновато сидит’, *с'өктапырис'* *бос'тис* ‘довольно неохотно взял’, *дышпырис'* *мөдис* ‘весьма лениво собрался’ (УД: 86); вв. *рэгидкойд* ‘недолго’, *өдйэкод'* ‘довольно быстро’, *с'орэнкод'* ‘поздновато’ (ВВД: 119).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительное исследование фонетико-морфологических особенностей коми-зырянских диалектов позволило сделать следующие выводы:

I. В области фонетики

Вокалическая система коми диалектов характеризуется не только разнообразными фонетическими процессами, но составом и особенностью качества гласных фонем. Диалекты коми языка отличаются наличием специфических гласных, как [ô] (закрытое) и долгие гласные. Комбинаторная и позиционная обусловленность гласных в ряде диалектов реализуется в специфических вариантах, таких как [û>], [û<], [ÿ<], [э̂>], [ε], [э̂<]. Диалекты коми языка характеризуются наличием междиалектных корреспонденций гласных [э] // [ö]; [ы] // [u]; [a] // [э]; [ô] // [ö] // [o] // [y]. Фонетические процессы, происходящие внутри одного диалекта, и междиалектные корреспонденции дают возможность проследить за общими и частными явлениями в диалектной системе коми языка.

Консонантная система коми диалектов характеризуется наличием разнообразных фонетических явлений. Наиболее существенным фонетическим явлением можно назвать употребление согласных [л] и [в], позволяющее классифицировать диалекты коми языка на *эловые*, *вэ-эловые*, *нуль-эловые* и смешанные. Фонетические явления, такие как ассимиляция согласных, вставка, варьирование согласных в начале и конце слова, функционирование аффрикат, дают возможность проследить за теми или иными явлениями и условиями их появления в каждом конкретном диалекте и в диалектной системе в целом.

II. В области морфологии

Диалектная морфология коми языка характеризуется относительным единством, различия большей частью касаются организации плана выражения одних и тех же грамматических форм или целых парадигм, а также самой системы противопоставления друг другу грамматических форм слова (различия в составе парадигм). Многообразии различительных признаков коми диалектов в области морфологии может быть сведено к нескольким типам.

1. *Выражение определенного грамматического значения в разных диалектах посредством идентичных по происхождению морфологических средств, незначительные расхождения которых объясняются действующими в коми диалектах фонетическими законами.*

Это наиболее многочисленная группа диалектных морфологических различий. Различия в плане выражения одних и тех же грамматических форм тесно связаны с фонетическими особенностями коми диалектов. К данной группе следует отнести серии именных и глагольных морфем, различия которых в диалектах обусловлены корреспонденцией конечнослоговых гласных [ы] // [и], [ö] // [э], [а] // [э], согласных [л] // [в] // [ø].

К примеру, корреспонденция гласных [э] // [ö] в первом слове обуславливает существование вариативных форм генитива (-лön // -лэн), аккузатива (-öс // -эс), инструменталю (-ön // -эн), комитатива (-кöд // -кэд), абессива (-тöг // -тэг), иллатива (-ö // -э), транзитива (-öd // -эд), терминатива (-ödз // -эдз), суффикса множественного числа прилагательных (-öс' // -эс'), показателя порядковых числительных (-öd // -эд), лично-числовых показателей глагола 3 лица единственного и множественного числа, показателя модального перфекта (-öm // -эм), суффиксов деепричастия последующего (-тödз // -тэдз) и одновременного (-ömön // -эмэн) действия, суффикса каритивного деепричастия (-тöг // -тэг), суффикса деепричастия с семантикой меры и степени (-мön // -мэн), суффикса причастий прошедшего времени (-öm // -эм), суффикса каритивного причастия (-тöm // -тэм) и др. Э-овые варианты бытуют в ижемском и верхневычегодском диалектах, а также в говоре с. Коквицы нижневычегодского диалекта. Позиционно они возникают в нижневычегодских и присыктывкарских говорах.

Корреспонденцией [ы] // [и] в первом слове в диалектах вызвано образование вариативных форм датива (-лы // -ли), аблатива (-лыс' // -лис'), инессива (-ын // -ин), элатива (-ыс' // -ис'), компаратива прилагательных (-джык // -джик), суффикса уменьшительного способа глагольного действия (-ышт // -ишт), маркера причастий настоящего времени (-ыс' // -ис') и др. И-овые алломорфы регулярно выступают в верхневычегодском диалекте, позиционно они появляются в нижневычегодских и присыктывкарских говорах. В удорском диалекте (кроме нижневашкинских говоров) и-овую огласовку имеют падежные формы аблатива и элатива, причастия настоящего времени.

Корреспонденцией гласных [а] // [э] обусловлено образование вариантов аппроксиматива (-лан' // -лэн') и эгрессива (-с'ан' // -с'эн').

Корреспонденция согласных [л] // [в] // [ø] порождает диалектные варианты суффиксов неполноты качества прилагательных (-ов // -ол // -оо // -о; -гов // -гол // -гоо), некоторых показателей способов глагольного действия (однократного / кратковременного действия: -овт // -олт // -оот, -ав // -ал, -ыв // -ыл; регулярного действия: -лывл // -лылл, -ывл // -ылл и др.).

2. Выражение определенного грамматического значения в разных диалектах посредством морфологических средств разных по происхождению и фонетическому составу.

К таковым можно отнести следующие диалектные различия: 1) выражение аккузатива посредством показателей -Ø, -ös // -эс, -сö и суффиксов -дö, -тö (уд.); 2) выражение комитатива суффиксами -кöд // -кэд и -мыд (лл.).

3. Различия в количестве членов, составляющих ту или иную грамматическую категорию.

К данному типу различий можно отнести варьирование в диалектах количества членов, составляющих грамматические категории притяжательности и падежа, систему лично-числовых форм II прошедшего времени глаголов.

4. Различия в составе или дистрибуции морфем, служащих для выражения одного и того же грамматического значения и находящихся в отношениях синонимии. К данному типу диалектных различий можно отнести: 1) выражение значения принадлежности

1 лицу в единственном числе суффиксами *-öй // -эй*, *-ö // -э* и в некоторых косвенных падежных формах м-овым посессивным суффиксом (инстр. *керка-нам* 'моим домом', элат. *керка-сьым* 'из моего дома', инес. / иллат. *керка-ам* 'в моем доме / в мой дом' *керкалань-ым* 'по направлению к моему дому', *керкаöдз-ым* 'до моего дома' и др.); 2) функционирование показателя общей множественности *-йас* (и его вариантов) и суффикса *-йан (-ан)* для обозначения коллективной (групповой) множественности.

В диалектах можно наблюдать также различия в семантике различных грамматических форм. Детальное изучение семантики различных грамматических категорий и форм позволит более четко дифференцировать различия коми-зырянских диалектов в этой области.

Библиографический список

Айбабина, Безноси́кова 2011 – Айбабина Е.А., Безноси́кова Л.М. Коми сёрнисикасьясын рөдвуж нимъяслөн кывчукөр. Сыктывкар, 2011. 56 л. б.

Безноси́кова, Айбабина, Забоева, Коснырева 2012 – Безноси́кова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукөр. Словарь диалектов коми языка : в 2 т. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. Т. I. 1096 с.

Бараксанов 1964 – Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964.

Баталова 1982 – Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 167 с.

Безноси́кова 1985 – Безноси́кова Л.М. Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка. М.: Наука, 1985. 112 с.

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. Вып. 10. 254 с.

ВД – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Пролог, 1998. 440 с.

ВСД – Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980. 431 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Гуляев 1960 – Гуляев Е.С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. С. 131-163.

Гуляев 1961 – Гуляев Е.С. С'-овые падежные суффиксы в коми языке (в сравнительно-историческом освещении): дисс. ... канд. филол наук. Сыктывкар, 1961. 276 с.

Даль 1989 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. 779 с.

Ефремов 2002 – Ефремов Д.А. Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 21 с.

Жилина 1965 – Жилина Т.И. Присыктывкарский диалект коми языка (материалы диалектологических экспедиций 1964–65 гг. с. Шошка). Сыктывкар, 1965. Т.2. 247 л. (Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 254).

Жилина 1971 – Жилина Т.И. Южные коми-зырянские диалекты и коми-пермяцкий язык // Ленинская национальная политика в действии : тезисы докладов и сообщений на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР. Сыктывкар, 1971. С. 204-206.

Жилина 1979 – Жилина Т.И. Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979. С. 30-33 (Тр. Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 22).

Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. 1971 – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.

Жилина, Колегова 1960 – Жилина Т.И., Колегова Н.А. Некоторые особенности говора обских коми (сс. Мужи и Шурышкары) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. VI. С. 152-170.

Зайцева 1981 – Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка: Фонетика и морфология. Л.: Наука, 1981. 359 с.

Игушев 1972 – Игушев Е.А. Экспериментальные данные по долготе гласных ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1972. №1. С. 55-57.

Игушев 1973 – Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка : дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 211 с.

Игушев 1987 – Игушев Е.А. О некоторых особенностях коми говоров Зауралья // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 157-160.

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.

Кельмаков 1993 – Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993. 60 с.

Кельмаков 1998 – Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удм. ун-т, 1998. 386 с.

Коведяева 1987 – Коведяева Е.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык. М.: Наука, 1987. 160 с.

Коведяева 1987а – Коведяева Е.И. Выражение коллективной (групповой) множественности в марийском языке // Сущность, функции и развитие языка. М.: Наука, 1987. С. 137-141.

КПГ – Кривощечкова-Гантман А.С., Ратегова Л.П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1980. 69 с.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1962. 340 с.

Кузнецова 1968 – Кузнецова З.И. Язык письменных коми памятников XVIII в. : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1968. 24 с.

КФ – Коми фольклор. Календарные обряды и поэзия. Сыктывкар, 2000. Ч. 1. 98 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

КЯ – Коми язык: Энциклопедия. М.: ДИК, 1998. 608 с.

ЛД – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.

Лоскутова 1964 – Лоскутова Н.И. Верхневьчегодский диалект коми языка : материалы диалектологических исследований. 1962-64. (с. Сторожевск). Сыктывкар, 1964. 457 л. (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 232).

Лудыкова 1999 – Лудыкова В.М. Коми кывйын кывберд качестволысь вывті ыджыд тшупӧд петкӧдлӧм // Пермистика – 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999. С. 115-121.

Лудыкова 2001 – Лудыкова В.М. Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми

языка // Пермистика – 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 159-170.

Лыткин 1930 – Лыткин В.И. Диалект Кобры // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар: Коми госиздат, 1930. Вып. 1. С. 27-47.

Лыткин 1931 – Лыткин В.И. О говоре древнекоми письмен // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / под ред. В.И.Лыткина. М.: Центриздат, 1931. Вып. II. С. 33-51.

Лыткин 1949 – Лыткин В.И. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. С. 128-201.

Лыткин 1952 – Лыткин В.И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 175 с.

Лыткин 1955 – Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.

Лыткин 1956 – Лыткин В.И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику В.В.Виноградову к его шестидесятилетию : сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 179-189.

Лыткин 1957 – Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 135 с.

Лыткин 1961 – Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Лыткин 1964 – Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Изд-во «Наука», 1964. 270 с.

Лыткин 1968 – Лыткин В.И. К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1968. №1. С. 19-25.

Лыткин 1972 – Лыткин В.И. Лабиализация гласных в пермских и марийских языках // Советское финно-угроведение.Таллинн, 1972. №2. С. 101-113.

Лыткин 1970 – Лыткин В.И. Несколько слов о вокализме ижемского диалекта // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1970. №4. С. 259-261.

Лыткин 1995 – Лыткин В.И. Коми кывлӧн историческӧй морфология. Сыктывкар, 1995. 101 л. б.

Ляшев 1975 – Ляшев В.А. Фонетические особенности вымского диалекта коми языка // Коми филология. Сыктывкар, 1975. Вып. 18. С. 40-49

Ляшев 1975 – Ляшев В.А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка : дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1975. 267 с.

Ляшев 1987 – Ляшев В.А. К вопросу о диалектном районировании коми языков // Пермистика: Вопросы диалектов и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 51-54.

Ляшев 1987a – Ляшев В.А. Межъязыковая лингвогеография и вопросы истории коми языков. Сыктывкар, 1987. 19 с. (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 434).

Ляшев, Бараксанов 1985 – Ляшев В.А., Бараксанов Г.Г. Лингвистический атлас Европы. Первый вопросник – этимологии, грамматические комментарии. Второй вопросник – синтаксис коми-зырянского языка. Сыктывкар, 1985. 315 л. (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 336).

Майтинская 1979 – Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 264 с.

НВ – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 228 с.

Некрасова 1987 – Некрасова Г.А. К проблеме семантики пермских падежных коаффиксов // СФУ. 1987. № 1. С. 28-33.

Некрасова 1987a – Некрасова Г.А. Л-овые падежи в коми языке : дисс ... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 243 с.

Некрасова 2000 – Некрасова Г.А. Функционирование прапермских аффрикат в современных коми диалектах // Пермистика – 6 : сб. статей. Ижевск, 2000. С. 135-139.

Некрасова 2000 – Некрасова Г.А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика. Сыктывкар, 2000. 168 с.

Некрасова 2001 – Некрасова Г.А. К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталя в диалектах коми языка // Пермистика – 8 : Диалекты и история пермских языков во

взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. ун-та, 2001. С. 197-203.

Некрасова 2002 – Некрасова Г.А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. 168 с.

Некрасова 2004 – Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног : велӧдчан небӧг. Сыктывкар, 2004. 118 л. б.

Образцы 1971 – Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971. 312 с.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

ӦКК – Ӧня коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми небӧг лӧдзанін, 2000. 544 л. б.

ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 152 с.

Программа 1952 – Программа по собиранию сведений о диалектах коми языка. Сыктывкар, 1952. 40 с.

Савельева 1972 – Савельева Э.А. Лузская Пермца. Сыктывкар, 1972. 25 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 2).

Сажина 2004 – Сажина С.А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (именные части речи). Ареальный аспект исследования : дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004. 282 с.

Сахарова 1953 – Сахарова М.А. Имя прилагательное в коми языке : дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1953. 188 с.

Сахарова, Сельков 1960 – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. С. 130-151.

Сборник 1930 – Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар: Коми госиздат, 1930. Вып. 1. 72 с.

Сборник 1931 – Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / под ред. В.И. Лыткина. М.: Центриздат, 1931. Вып. II. 103 с.

СГСП – Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973. 706 с.

Серебренников 1963 – Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Серебренников 1964 – Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964. 184 с. *Серебренников 1974* – Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Изд-во АН СССР, 1974. 395 с.

СКЯ – Современный коми язык. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

Сорвачева 1950 – Сорвачева В.А. Морфологические особенности верхневашского говора коми языка: дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1950. 189 с.

Сорвачева 1964 – Сорвачева В.А. Верхневычегодский диалект коми языка: материалы диалектологических исследований (Нившера). Сыктывкар, 1964. Т. 4. 294 с. (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 243.).

Сорвачева 1966 – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка (диалектологические материалы, собранные в д. Коквицы Кожмудорского сельсовета Усть-Вымского района). Сыктывкар, 1966. 241 л. (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 287.).

СРГС – Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999. Т. 1. Ч. 1. А–Г. 304 с.

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980. 228 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

Терентьев 1970 – Терентьев В.А. О долготях гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1970. №4. С. 255-257.

Туркин 1998 – Туркин А.И. Нижневычегодский диалект коми-зырянского языка. Таллинн; Гамбург, 1998. 161 с.

УД – Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 282 с.

Федюнева 1990 – Федюнева Г.В. Местоимения и числительные. Сыктывкар, 1990. 60 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО АН СССР; Вып. 241).

Федюнева 1998 – Федюнева Г.В. Агглютинативность коми языка // Коми язык : энциклопедия / отв. ред. Г.В. Федюнева. М.: ДиК, 1998. С. 12-14.

Федюнева 1999 – Федюнева Г.В. Морта нимвежтасъяс коми кывйын: вариативность да норма // Пермистика – 7 : Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. статей. Сыктывкар, 1999. С. 173-180.

Федюнева 2000 – Федюнева Г.В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в коми языке. Сыктывкар, 2000. 76 с.

Федюнева 2000a – Федюнева Г.В. О статусе так называемых «местоименных наречий» в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 73-82. (Тр. Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; Вып. 62).

Федюнева 2001 – Федюнева Г.В. Морфологическая семантика коми местоимений // Пермистика – 8 : Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. статей. Сыктывкар, 2001. С. 274-280.

Федюнева 2004 – Федюнева Г.В. Местоимения 3-го лица в пермских языках: историко-диалектные соответствия // Вопросы коми диалектологии. Сыктывкар, 2004. С. 152-160. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 65).

Федюнева 2008 – Федюнева Г.В. Первичные местоимения в коми языках. Екатеринбург, 2008. 428 с.

Фролова 1951 – Фролова Т.И. Именные категории верхневимских говоров северного диалекта коми языка : дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1951. 302 с.

Цыпанов 1990 – Цыпанов Е.А. Система суффиксального отрицания в пермских языках. Сыктывкар, 1990. 20 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО АН СССР; Вып. 246).

Цыпанов 1996 – Цыпанов Е.А. Степени действия глагола в коми языке // *Linguistica Uralica*. 1996. №2 (XXXII). С. 105-115.

Цыпанов 2005 – Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с.

Baker 1985 – Baker R. The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 266 p.

Castrén 1844 – Castrén M.A. Elementa grammatices Syrjaenae. Helsingforsiae, 1844. 166 p.

Fokos-Fuchs 1951 – Fokos-Fuchs D.R. Volksdichtung der Komi (Syrjänen). Budapest, 1951. 472 S.

Fokos-Fuchs 1959 – Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch. I, II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. 1564 S.

Fokos-Fuchs 1966 – Fokos-Fuchs D.R. Das syrjänische Komitativsuffix // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XVI. F. 1–2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966. S. 63-79.

Itkonen 1970 Itkonen E. Zur Yeschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. IV. Der permischen Vokalismus // FUF. 1954. Bd 31. H.3. S.149-345.

Itkonen 1971 - Itkonen E. Spuren der Quantitätskorrelatijn der Vokale im Syrjänischen / E. Itkonen // YSFOu. – 1971. S.1-30.

Sjögren 1832 – Sjögren A.J. Ueber den grammatischen Bau der sūrjänischen Sprache mit Rücksicht auf das Finnische // Memoires de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 6. Série. Sciences politiques, Histore et philologie. Tome 1. St.-Pétersbourg, 1832. S. 149-169.

Uotila 1933 – Uotila T.E. Zun Yeschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933. 446 s.

ST I – Uotila T. Syrjänische Texte. Komi-permjakisch. Band I. / Gesammelt von T. E.Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P.Kokkonen. Helsinki, 1985. 297 S.

ST II – Uotila T. Syrjänische Texte. Band II. / Gesammelt von T.E.Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P.Kokkonen. Helsinki, 1986. 242 S.

ST III – Uotila T. Syrjänische Texte. Band III. / Gesammelt von T.E.Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P.Kokkonen. Helsinki, 1989. 402 S.

ST IV – Uotila T. Syrjänische Texte. Band IV. / Gesammelt von T.E.Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P.Kokkonen. Helsinki, 1995. 297 S.

ST V – Uotila T. Syrjänische Texte. Band IV. / Gesammelt von T.E.Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P.Kokkonen. Helsinki, 2006. 513 S.

Wichmann 1903 – Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. 171 S.

Wichmann 1916 – Wichmann Y. Syrjänische Volksdichtung. Helsingfors, 1916.

Wichmann 1942 – Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Helsinki, 1942. 486 S.

ZT – Rédei K. Zyrjan Texts // *Studia Uralica*. Bd. 8. Wiesbaden: Harrasowitz, 1996. 144 S.

Сокращения

Языки, диалекты и говоры:

- ваш. – вашкинский говор удорского диалекта коми языка
вв. – верхневычегодский диалект коми языка
вваш. – верхневашские говоры удорского диалекта коми языка
вс. – верхнесысольский диалект коми языка
вым. – вымский диалект коми языка
иж. – ижемский диалект коми языка
кп. – коми-пермяцкий язык
кя. – коми-язьвинское наречие
л. – лузские говоры лузско-летского диалекта коми языка
лет. – летские говоры лузско-летского диалекта коми языка
лл. – лузско-летский диалект коми языка
мез. – мезенский говор удорского диалекта коми языка
нв. – нижневычегодский диалект коми языка
нваш. – нижневашские говоры удорского диалекта коми языка
печ. – печорский диалект коми языка
скр. – присыктивкарский диалект коми языка
сс. – среднесысольский диалект коми языка
уд. – удорский диалект коми языка

Населенные пункты, распространенные на территории:

лузско-летского диалекта: Гур. – с. Гурьевка; З. – с. Занулье; Лет. – с. Летка; Н. – с. Ношуль; Об. – с. Обьячево; Пор. – с. Поруб; Пр. – с. Прокопьевка; Сл. – с. Слудка; Чит. – с. Читаево;

верхнесысольского диалекта: Гр. – с. Грива; Кб. – с. Кобра; Кг. – с. Койгородок; Крв. – д. Карвуджем; Мырп. – д. Мырпонайб; Уж. – с. Ужга;

среднесысольского диалекта: Виз. – с. Визинга; Вт. – с. Вотча; Ы. – с. Ыб; Кур. – с. Куратово; П. – с. Палауз; Пд. – с. Пыелдино; Пж. – с. Пажга; Ч. – с. Чухлом;

присыктивкарского диалекта: В. – с. Вильгорт; Зел. – с. Зеленец; Слоб. – с. Слобода; Тент. – д. Тентюково; Ш. – д. Шошка;

нижневычегодского диалекта: Гам – с. Гам; Жеш. – с. Жешарт; Кожм. – д. Кожмудор; Кокв. – д. Коквицы; Межог. – с. Межог; С. – с. Слудка; Т.-К. – д. Туискерос; Час. – с. Часово; Шеж. – д. Шежам;

вымского диалекта: В. – с. Весляна; К. – д. Кони; Кош. – д. Кошки; Онеж. – с. Онежье; Синд. – с. Синдор; Шош. – с. Шошка;

удорского диалекта: Венд. – д. Вендинга; Важг. – с. Важгорт; Георг. – д. Георгиево; Гл. – с. Глотова; Катша – д. Катша; Копт. – д. Коптюга; Косл. – с. Кослан; Крив. – д. Кривое; Лат. – д. Латьюга; Остр. – д. Острово; Пучк. – с. Большая Пучкома; Пыс. – с. Большая Пысса; Разг. – д. Разгорт; Сел. – д. Селиб; Чупр. – д. Чупрово;

ижемского диалекта: Брык. – с. Брыкаланск; Кип. – с. Кипиево; Мутн. – с. Мутный Материк; Сиз. – с. Сизябск; Мохча – с. Мохча; Мош. – с. Мошьюга; Кож. – с. Кожва;

верхневычегодского диалекта: Ан. – с. Аныб; Вольд. – с. Вольдино; Вочь – с. Вочь; Дер. – с. Деревянск; Крч. – с. Керчемья; М. – с. Мыелдино; Н. – с. Нившера; П. – с. Пожег; Руч – с. Руч; Ст. – с. Сторожевск; Укл. – с. Усть-Кулом; Устьн. – с. Усть-Нем;

печорского диалекта: Аб. – д. Абар; Пч. – с. Покча.

Прочие условные сокращения:

АМ – авторский материал

букв. – буквально

вм. – вместо

д. – деревня

дд. – деревни

ед. число – единственное число

мн. число – множественное число

р. – река

рр. – реки

с. – село

см. – смотрите

ср. – сравните

сс. – села

Приложения

Таблица 1

Парадигма основного склонения существительных

Падежи	ДИАЛЕКТЫ									
	лл.	вс.	сс.	скр.	вв.	печ.	нв.	вым.	уд.	иж.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Генитив	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лэн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лэн
Аблатив	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-лис'	-лыс'	-лыс'	-лыс'	-лыс' лис'	-лыс'
Датив	-лө	-лы -лө -ло	-лы	-лы	-ли	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы
Аккуза- тив	-өс -лө	—	-өс	—	-эс -ас -ос -с	-өс	-эс -өс	-лы -өс	-сө -өс -дө -тө	-эс -лы
Инстру- менталь	-өн	-өн	-өн -ан	-өн -эн	-эн -ан -он -н	-өн	-өн -эн	-өн	-өн -ныни -нымйи	-эн
Комита- тив	-мыд -кыд	-көд	-көд	-көд	-кэд	-көд	-көд	-көд	-көт	-кэд
Абессив	-төг	-төг -төгйи -төгйа	-төг	-төг	-тэг	-төг	-төг	-төг	-төг -төм	-тэг -тэгйа
Конзеку- тив	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла	-ла
Инессив	-ын	-ын	-ын	-ын -ин	-ин -ан -он -ун -н	-ын	-ын -ин	-ын	-ын	-ын
Элатив	-ыс'	-ыс'	-ыс' -ис'	-ыс' -ис'	-ис' - ас' -ос' -ус' -с'	-ыс'	-ыс' -ис'	-ыс'	-ис'	-ыс'
Иллотив	-ө	-ө -ө -о	-ө -э	-ө -э	-э -а -ө	-ө	-ө -э	-ө	-ө	-э
Аппрокс и-матив	-лан'	-лэн'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан'	-лан' -лэн'	-лан'	-лан'	-лан'

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Эгрессив	-с'ан' -с'эн' -ыс'эдз	-с'эн'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан'	-с'ан'	-с'эн' -с'ан' -ыс'эн' -ис'эн' -ыс'ан' -ис'ан'	-с'ан' -ыс'өдз	-с'ан' -ис'эдз -ыс'эдз -ыс'өдз	-с'ан' ыс'эдз
Транзитив	-өд	-ти -өд	-өд -эд -ти	-өд -эд -ти	-эд -ад -д -ти	-өд -ти	-өд -эд -ти	-өд -ти	-өд -ти	-ти
Терминатив	-эдз	-өдз	-өдз -эдз	-өдз -эдз	-эдз -адз -одз -дз -ээдз	-өдз	-өдз -эдз	-өдз	-өдз -эдз	-эдз
Преключив	-с'а	-с'а	-с'а							

Научное издание

Римма Павловна Попова, Светлана Александровна Сажина

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОМИ ДИАЛЕКТОВ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Монография

Редактор Е.М. Насирова

Корректор Л.В. Гудырева

Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой

Подписано в печать 14.07. 2014. Печать ризографическая.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Формат 60x84/16.

Усл. п. л. 15,8.

Заказ № 36. Тираж 500 экз.

ИПО СыктГУ

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25